

ISSN: 2074-1944

ВОЕННОЕ ПРАВО

Электронное научное издание

<http://www.voennoepravo.ru/>

№ 4 (44) 2017

Редакционный совет

1. Бут Надежда Дмитриевна, доктор юридических наук, заведующая отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

2. Воронов Александр Федорович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса юридического факультета Московского государственного университета

3. Зателепин Олег Кимович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Военного университета

4. Корякин Виктор Михайлович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета, заместитель директора Юридического института Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II

5. Маликов Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, председатель диссертационного совета по специальности 20.02.03 Военное право, военные проблемы международного права Военного университета, профессор кафедры криминалистики Военного университета

6. Старцун Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Военного университета

7. Субанова Наталья Викторовна, доктор юридических наук, доцент, заместитель директора НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

8. Толкаченко Анатолий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия (РГУП)

9. Туганов Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник отдела проблем организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия (РГУП)

Издается с 2001 г.

Научное направление периодического издания: — 12.00.00 Юридические науки; — 20.02.00 Военно-специальные науки (20.02.03 Военное право, военные проблемы международного права)

Издатель — коллектив редакции
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Эл 77-4305 от 16.01.2001 г.
Номер ISSN: 2074-1944

Издание включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Решением президиума Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России от 30 сентября 2016 г. издание включено в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертационных исследований** (№ 1949 Перечня с 18 октября 2016 г.)

Главный редактор —

КОРЯКИН

Виктор Михайлович,
доктор юридических наук (20.02.03),
доцент
e-mail: Korjakinmiit@rambler.ru

Заместитель главного редактора —

ХАРИТОНОВ

Станислав Станиславович,
кандидат юридических наук (20.02.03),
профессор

Ведущий редактор —

ГУСЕЙНОВА

Альбина Джабаровна

Адрес в интернете
<http://www.voennoepravo.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

Правовое обеспечение национальной безопасности

Красинский В. В.

О новых особенностях тактики современной террористической деятельности (на примере «Исламского государства») 5

Лифанцева О. В.

Некоторые аспекты современного состояния правового обеспечения пограничной деятельности на путях международного сообщения 12

Овчаров О. А., Солонина С. Н.

Психолого-правовая работа военного духовенства в военное время (военно-правовое и научно-богословское исследование) 17

Свиязов Д. А., Курда В. В.

Пограничные органы как субъекты противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации 26

Суденко В. Е.

Правовое обеспечение антитеррористической защищенности мореплавания 33

Якубов М. И.

Правовые основы использования средств и методов кинологического обеспечения в оперативно-боевой деятельности органов федеральной службы безопасности 37

Военные аспекты административного права

Ананьева Е. Е.

Историко-правовые аспекты возложения на ФСБ России функции по организации пенсионного обеспечения некоторых категорий граждан, уволенных с военной службы 44

Глухов Е. А.

Вторжение в компетенцию воинских должностных лиц в иерархической системе управления 49

Землин А. И., Назарчук И. А.

Финансовый контроль как фактор противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации 54

Гражданско-правовые аспекты военного права

Гаращук О. А.

Особенности государственных контрактов, заключаемых при организации воинских и специальных перевозок железнодорожным транспортом по результатам торгов 64

Сергеенко Д. Ю., Костюченков А. А.

Особенности осуществления государственных закупок товаров, работ, услуг воинскими частями Российской Федерации, дислоцирующимися на территории иностранных государств 70

Стражевич Ю. Н., Слепко Г. Е.

Вопросы законного представительства интересов несовершеннолетнего потерпевшего, в том числе воспитанников воинских частей 76

Трофимов М. В.

Концептуальные подходы к определению правосубъектности военных организаций 91

Прокурорская деятельность

Коряченцова С. И.

Особенности обеспечения законности прокурором в сфере градостроительства 102

Махьянова Р. М.

Место тактики в деятельности прокурора по предупреждению правонарушений в Вооруженных Силах 110

Экологические проблемы воинской деятельности**Шеншин В. М.**

Источники загрязнения окружающей среды в воинской части 122

Уголовное право. Криминология**Бунин О. Ю.**

Специальные виды уголовных наказаний военнослужащих должны быть более справедливыми 128

Калинин А. А.

Особенности применения военно-уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны 133

Петров И. В.

Криминологическая характеристика и противодействие преступлениям, связанным с осуществлением экстремистской деятельности 139

Уголовный процесс. Судебная деятельность**Коршунова О. Н., Кулик Н. В.**

Особенности деятельности государственного обвинителя при формировании коллегии присяжных заседателей в военном суде 146

Корякин В. М.

Некоторые вопросы разграничения подсудности между военными судами и иным федеральными судами общей юрисдикции 154

Папков С. В.

Понятие, сущность и значение дифференциации досудебного производства в расследовании преступлений, подследственных дознавателю пограничного органа 161

Серова Е. Б., Широков А. М.

Некоторые проблемы поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей 172

Зарубежное военное законодательство. Международные проблемы военного права**Воробьев А. Г.**

Клуб Эд или исправительное учреждение Вооруженных сил Канады 181

Кулык С. Ф.

Уровни правового регулирования международного сотрудничества органов федеральной службы безопасности в сфере подготовки кадров 193

Кыдыралиев К. Э.

Сравнительно-правовой анализ условий материальной ответственности военнослужащих Российской Федерации и Кыргызской Республики 201

Холиков И. В., Сазонова К. Л.

Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов 217

Рецензии на военно-правовые издания**Шурыгина Ю. А.**

Новая книга о жилищном обеспечении военнослужащих 227

Судебная практика

Судебная практика Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации 231

Правовое обеспечение национальной безопасности

О новых особенностях тактики современной террористической деятельности (на примере «Исламского государства»)

© Красинский В. В.,

профессор Голицынского пограничного института,
доктор юридических наук, полковник

Аннотация. В статье раскрывается сущность тактики современной террористической деятельности и показаны факторы, влияющие на ее развитие. На примере международной террористической организации «Исламское государство» дана характеристика боевой, террористической, вербовочной и информационно-пропагандистской деятельности ИГИЛ.

Ключевые слова: террористическая организация, террористические структуры, международный терроризм, ИГИЛ, «Исламское государство», террористическая тактика, анализ террористической деятельности, типовые модели террористической деятельности.

Рецензент — О. В. Дамаскин, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Террористическая деятельность не стоит на месте: с каждым годом она усложняется, становится системнее и разнообразнее (для 1990-х — начала 2000-х гг. были характерны единичные акции с использованием террористов-смертников, во второй половине 2000-х гг. стали осуществляться «каскадные» теракты, на современном этапе терроризма используются скоординированные действия небольших боевых групп и комбинированные схемы действий террористов-одиночек). Учитывая динамику обстановки, правоохранные органы также перестраивают свою работу, меняют формы и методы деятельности, повышают квалификацию руководящего и оперативного состава.

В чем же заключается тактика современной террористической деятельности и какова ее роль?

Тактика террористической деятельности представляет собой образ действий террористических структур (террористов-одиночек) при решении своих задач в конкретных условиях и обстановке.

Правильно выбранная тактика позволяет террористическим структурам на системной основе вовлекать уязвимые категории граждан в террористическую деятельность,

совершать резонансные теракты, финансово и ресурсно обеспечивать свой оперативный потенциал, поддерживать воспроизводство пособнических сетей, боеготовность и необходимый запас конспирации боевых структурных звеньев. В свою очередь, знание и использование в своих интересах тактических особенностей деятельности международных террористических организаций помогает спецслужбам и правоохранительным органам организовывать противодействие противнику путем:

- выявления проблемных участков в системе антитеррористической защищенности и на критически важных объектах;

- профилирования уязвимых в вербовочном плане граждан и сочувствующих террористическим структурам лиц;

- проведения адресных мероприятий по линии информационного противодействия терроризму и экстремизму;

- прогнозирования и предупреждения готовящихся террористических акций.

В настоящее время на тактику террористической деятельности международных террористических структур оказывают влияние следующие основные факторы:

- 1) совершенствование организации и методическое сопровождение лидерами ме-

ждународных террористических организаций всего террористического процесса. Современная тактика террористов включает анализ и оценку обстановки, планирование террористической деятельности, подбор, подготовку, психологическую обработку и оснащение исполнителей, постановку им задач и заканчивается информационно-пропагандистским сопровождением совершенных террористических актов;

2) высокая техническая оснащенность и диверсификация источников финансирования и ресурсного обеспечения международных террористических организаций;

3) миграция боевиков, обладающих опытом совершения террористических акций.

4) развитие межрегиональных и международных связей международных террористических организаций;

5) агрессивная пропаганда терроризма и попытки легитимации террористических лидеров и идеологов¹.

Каждая международная террористическая организация обладает некоторой спецификой, которая связана с ее управлением, структурным построением, подготовкой боевиков и технических специалистов, ресурсным обеспечением, способами совершения террористических преступлений, применением приемов конспирации и средств маскировки террористической деятельности².

Какие же особенности отличают террористический «почерк» одной из наиболее боеспособных, многочисленных и финансо-

во обеспеченных террористических структур — ИГИЛ³?

Исходя из основных направлений противоправных устремлений международной террористической организации «Исламское государство» (далее — «ИГ»), тактику ее деятельности представляется целесообразным анализировать в рамках следующих структурных блоков:

- боевая деятельность;
- террористическая деятельность;
- вербовочная работа;
- информационно-пропагандистская деятельность.

Боевая деятельность. Наибольший интерес вызывает наступательная тактика боевиков «Исламского государства», которая, как правило, реализуется поэтапно.

В ходе первого этапа боевики «ИГ» скрытно проникают в населенный пункт, находящийся под контролем противника, совершают диверсии и террористические акты в отношении его вооруженных сил, запугивают местное население, а также активно пропагандируют свои взгляды среди сочувствующих им жителей, прежде всего молодежи.

На втором этапе происходит захват ключевых позиций на границах с населенным пунктом и частичное или полное его окружение.

В ходе третьего этапа происходит полномасштабное военное наступление боевиков на деморализованный населенный пункт.

Подобным образом была захвачена Ракка в Сирии, был взят Мосул и другие иракские города.

Однако с осени 2014 г. такая тактика ведения боевых действий начала давать сбои. Военные поражения и регулярные авиаудары ВКС России, а также сил между-

¹ В настоящее время США и их союзниками предпринимаются активные попытки провести подмену понятия «противодействие терроризму» словосочетанием «противодействие насильственному экстремизму». В качестве основного источника террористических угроз предлагается рассматривать «тираническое правление авторитарных режимов», что позволяет оправдывать деятельность незаконных вооруженных формирований (т.н. «умеренной вооруженной оппозиции») и инициировать различные сценарии «цветных революций» для дестабилизации «неудобных» политических режимов.

² Подробнее см.: Красинский В. В., Машко В. В. Международная террористическая организация «Исламское государство»: история, современность, будущее. М.: Инфра-М, 2017.

³ Решением Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С международная организация «Исламское государство» (другие названия: «Исламское государство Ирака и Сирии», «Исламское государство Ирака и Леванта», «Исламское государство Ирака и Шама») была признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

народной коалиции привели к изменениям в тактике боевой деятельности «ИГ»:

1) боевики стали рассредоточивать свои силы и средства, отказавшись от их концентрации на открытых коммуникациях. Они передислоцировали свои подразделения с открытых участков местности в населенные пункты, рассредоточили тяжелые вооружения и склады с вооружением;

2) передвижение отрядов и техники стало осуществляться преимущественно в темное время суток, при этом в дневное время боевики предпочитают передвигаться в пустынных районах вне автомобильных дорог. Они отказались от крупных конвоев, стали больше использовать для перемещения мотоциклы и велосипеды. При этом основным боевым и транспортным средством боевиков «ИГ» остается пикап с установленным на нем пулеметом или зенитной установкой, преимуществом которого наряду с высокой проходимостью является сложность его идентификации авиационной и космической разведкой как военного транспортного средства¹;

3) боевики стали активнее применять меры маскировки, что серьезно затрудняет ведение разведки мест дислокации боевиков. В целях дезинформирования члены «ИГ» целенаправленно выдают за свои позиции дома мирных жителей, вывешивают свои флаги над брошенными строениями и т.п.;

4) несмотря на наличие у боевиков бронетехники они стараются лишь при крайней необходимости использовать тяжелое вооружение, отдавая предпочтение мобильности, благодаря чему «джихадистам» удается максимально быстро и скрытно концентрировать свои силы в местах планируемых нападений;

5) потеря «ИГ» в результате военных поражений контролируемых ранее территорий обуславливает все большее применение боевиками методов партизанской войны, использование смертников и засад для нападения на своих противников. Отбитые у

боевиков «ИГ» районы еще долго остаются опасными для перемещения ввиду наличия на ней специально оставленных снайперов и диверсантов.

В системе управления войсками «Халифата» прослеживаются следующие тенденции:

— несмотря на то, что система управления в «ИГ» характеризуется централизованным планированием и принятием решений, в последнее время руководство организации стало предоставлять инициативу командирам на местах. Лидеры террористической группировки ставят общие задачи, а способы их достижения определяют уже сами командиры отрядов;

— сокращены до минимума совещания полевых командиров, главари «ИГ» стараются постоянно перемещаться.

В области оборонительной тактики «ИГ» можно выделить следующие тенденции:

а) в последнее время боевики «ИГ» стали чаще прибегать к принудительной мобилизации населения;

б) чтобы предотвратить возникновение партизанских формирований противника боевики «Исламского государства» в ряде районов стали намеренно изгонять с прифронтовых территорий несуннитское население. Там, где население остается, его запугивают и принуждают сотрудничать с лояльными «ИГ» властями.

Отличительными чертами «ИГ» по-прежнему остаются хорошо организованная разведка и гибкость в выборе тактики боя. Сильные концентрированные удары боевики совмещают с множественными небольшими, но эффективными налетами и диверсионно-террористическими актами, изматывающими противника.

Следует отметить, что командирами подразделений боевиков тщательно прорабатываются планы военных операций, при составлении которых используются разведданные, полученные с помощью визуального наблюдения, квадрокоптеров, а также GPS-навигаторов и электронных карт местности.

На неконтролируемых или оставленных территориях «Исламское государство» при-

¹ Слинкин М. Особенности ведения боевых действий сирийской вооруженной оппозицией // Россия и мусульманский мир. 2016. № 12 (294). С. 66.

меняет тактику партизанской войны, пытается сковывать силы правительственных войск Ирака и Сирии.

Террористическая деятельность. С целью запугивания и деморализации своих противников «ИГ» регулярно проводит террористические акции, а также массовые казни захваченных в плен солдат, заложников и мирных жителей.

Арсенал методов, применяемых «ИГ» для совершения террористических актов, неограничен, однако в большинстве случаев ею используются террористы-смертники (как правило, водители транспортных средств, начиненных взрывчаткой).

Новой тенденцией стало привлечение к совершению террористических актов, а также к казням заложников детей (в возрасте от 12 лет). При этом они участвуют в казнях и как исполнители, и как зрители.

Получает распространение концепция «автономного» (индивидуального) «джихада», которая не требует традиционных средств террора (Ницца, Париж, Мюнхен)).

Наряду с боевиками-одиночками основной акцент в новой тактике террористической деятельности ИГИЛ делается на массовом формировании «спящих» террористических ячеек, укомплектованных подготовленными террористами, имеющими опыт ведения боевых действий и совершения преступлений в зонах вооруженных конфликтов.

В ходе обучения в лагерях подготовки боевиков (т.н. «муаскары») рекрутам ставятся конкретные задачи по непосредственному участию в подготовке и совершении терактов после возвращения в регионы исхода. В этих целях их активно обучают минно-взрывному делу, отрабатывают каналы конспиративной связи. При этом осведомленность данных лиц о проведении в отношении них оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий приводит к тому, что их возвращение на родину осуществляется с соблюдением особых мер конспирации.

Важной составляющей тактики «ИГ» является активная **вербовочная деятельность**, которая лежит в основе поддержания высокого оперативного потенциала, высо-

кой численности структурных звеньев и пособнических сетей «ИГ»¹.

Вербовочная деятельность «ИГ» сопровождается популяризацией экстремистской идеологии и совершения преступлений террористической направленности². Она связана с пропагандой религиозного радикализма, героизацией образа его сторонников, идеализацией «справедливых» общественных отношений, к установлению которых стремятся террористы, обещаниями материальных благ³.

Активная агитация за выезд в «халифат» проводится лицами, уже принимающими участие в деятельности «ИГ». Основным объектом внимания вербовщиков выступает молодежь.

При вовлечении в террористическую структуру вербовщики используют психологические особенности вербуемых лиц, обусловленные их несформировавшимся мировоззрением, поверхностным знанием религиозных канонov, а также недовольством действующей властью. Во время общения основной акцент вербовщиками делается на героизации воинов «джихада», превознесении их военных успехов, необходимости восстановления справедливости и защите «истинных» последователей ислама от притеснения. Зачастую вербовщики стремятся упрекнуть мусульман-мужчин в бездействии и пассивности, из-за которой «защищать ислам» вынуждены женщины⁴.

Вербовочная деятельность «ИГ» имеет свою специфику и ориентирована на определенные социальные группы в зависимости от регионов и стран мира. В

¹ Красинский В. В. Противодействие использованию террористическими организациями каналов миграции и вовлечению граждан России в террористическую деятельность за рубежом // Современное право. 2017. № 2. С. 88—93.

² Комиссаров В., Агапов А. Ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности // Уголовное право. 2016. № 5. С. 37.

³ Капинус О. С. Научные подходы к противодействию вербовочной деятельности международных террористических организаций // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. 2016. № 1. С. 5.

⁴ Махди А. Исповедь вербовщика ИГИЛ. М. : Издательские решения, 2016.

частности, в странах Юго-Восточной Азии пропаганда «ИГ» во многом ориентирована на вербовку молодых одиноких студентов, малолетних правонарушителей и молодежи из семей, связанных с деятельностью радикальных религиозных организаций. Присоединение к «ИГ» дает данным категориям граждан ощущение причастности к «большому благородному делу».

Вербовщиками «ИГ», как правило, являются молодые люди в возрасте до 35 лет, обладающие высокой коммуникативностью, способностью к убеждению, внешне строго соблюдающие нормы ислама.

В настоящее время «ИГ» использует как активные способы вовлечения граждан в свою деятельность, при котором ее эмиссары сами определяют потенциальных кандидатов, осуществляют их проверку и последующую психологическую обработку (адресное воздействие), так и способы пассивного вовлечения, когда сочувствующие террористам граждане пытаются установить контакты с МТО «ИГ» по собственной инициативе в результате ее масштабной информационно-пропагандистской деятельности.

Глобальная сеть рассматривается лидерами «ИГ» в качестве одного из основных каналов распространения информации управляющего воздействия, пропаганды идей «джихада».

Яркий, регулярно обновляемый контент сторонников «ИГ» в сети Интернет является основным мотивирующим фактором проявления интереса к деятельности террористической организации со стороны радикально настроенных мусульман. Часть из них стремится инициативно выйти на связь с эмиссарами международных террористических организаций или самостоятельно выезжает в Сирию, где вступает в ряды террористических организаций.

Использование современных средств телекоммуникации позволяет вербовщикам и кураторам «ИГ» подбирать и изучать новых участников, дистанционно управлять действиями завербованных, формировать «спящие» ячейки по Интернету.

Информационно-пропагандистская работа. Как известно, «ИГ» выделяется

среди других террористических группировок высоким уровнем владения передовыми информационно-коммуникационными технологиями.

Организация имеет собственные медийные центры, занимающиеся созданием и распространением пропагандистского контента. К их числу относятся: медиа-агентство «Аль-Фуркан» (Al-Furqan Institute for Media Production), медиа-агентство «Итисаам» (Itisaam Media Foundation), медиа-центр «Аль-Хайят» (Alhayat Media Cente) и медиа-фонд «Айнад» (Ajnad Media Foundation).

Информационно-пропагандистской деятельностью «ИГ» на русском языке руководит Ислам Атабиев (Абу Джихад). В июне 2015 г. он основал медиа-агентство «Furat Media», объединяющее все русскоязычные ресурсы организации в сети Интернет и занимающееся производством видеопродукции на русском языке.

Информационно-пропагандистская деятельность МТО «ИГ» ориентирована на разные целевые аудитории, одной из которых являются осужденные — «братья, страдающие в тагутском плену».

К числу современных тенденций в криминальной среде, обусловленных агрессивной информационно-пропагандистской деятельностью «ИГ», относятся активизация религиозно-экстремистской пропаганды международных террористических организаций в исправительных учреждениях и связанный с ней рост количества осужденных, одобряющих их деятельность.

В местах лишения свободы формируются законспирированные ячейки — «тюремные джамааты», осуществляющие активную религиозно-экстремистскую обработку осужденных и воздействие на администрацию исправительных учреждений для укрепления своего статуса в тюремной иерархии и облегчения условий содержания.

Пропагандисты из числа членов радикальных религиозных структур призывают к формированию вооруженных групп во главе с амиром, к «муджахедству», «шахидству», к пожертвованию своей жизнью на пути ислама, к полному подчинению человека воле Аллаха, выполнению любых его «приказов»,

формируя установки на совершение насильственных действий, в том числе террористического характера.

Основными модераторами религиозно-экстремистских идей являются осужденные, проходившие диверсионную и военную подготовку в лагерях боевиков на Ближнем Востоке, а также лица, принимавшие участие в боевых действиях на стороне «ИГ» в зоне вооруженных конфликтов в Сирии и Ираке.

Как правило, пропагандистские мероприятия осуществляются в «мягкой форме». К примеру, при ежедневном просмотре заключенными новостных передач идеологами радикального ислама выражается активная поддержка действий лидеров и функционеров «ИГ». «ИГ» представляется как образец структуры, действующей в интересах всех «истинных» мусульман. Последующая идеологическая обработка поступающих на пропаганду осужденных проводится в ходе индивидуальных бесед.

Перспективные направления противодействия новым элементам тактики «ИГ» связаны с моделированием террористической деятельности, регулярным анализом ее признаков и тактических особенностей.

В основе адекватного реагирования правоохранительных органов на изменения в тактике преступной деятельности международных террористических организаций лежит построение, своевременная корректировка основных террористических моделей и организация контртеррористических мероприятий с их учетом.

Можно выделить несколько типовых моделей террористической деятельности:

- модель руководителя террористической структуры (лидера бандгруппы, ячейки);
- модель активного члена террористической организации;
- модель вербовщика международной террористической организации;
- модель террориста-смертника (индивидуального джихадиста);
- модель участника транзитного канала переправки в зону террористической активности;
- модель связника (курьера) международной террористической организации;

— модель пособника террористов.

Каждая модель базируется на поведенческих признаках и материальных следах подготовки и совершения составов преступлений, характерных для той или иной категории участников террористической деятельности. Применение моделирования в ходе планирования, организации и контроля оперативно-розыскной деятельности способствует упорядочению комплекса оперативно-розыскных и технических мероприятий, грамотной расстановке сил и средств, сосредоточению усилий на важнейших направлениях террористических устремлений.

Анализ террористической деятельности может включать как признаки террористической деятельности конкретной международной террористической организации, так и характерные для ее проведения ситуации (предстоящие важные общественно-политические мероприятия, визиты государственных деятелей, обострения обстановки и др.).

Важное значение имеют комплексная оценка и сравнение тактики противоправной деятельности международной террористической организации в различные периоды (определенные тактические элементы могут «уходить» из арсенала террористической деятельности, модернизироваться или вновь использоваться), у различных террористических структур (у конкурентов, союзников или иных аффилированных структур может присутствовать многообразие форм реализации одних и тех же тактических приемов), в различных регионах.

Проведенный анализ современной террористической деятельности т.н. «ИГ» показал, что тактика международных террористических организаций не является изолированным и статичным явлением, она зависит от ряда факторов. Современные изменения в тактике террористов «ИГ» (сочетание групповой организации террористической деятельности и индивидуального «джихада», рост числа и расширение географии деятельности «спящих» ячеек и др.) нуждаются в своевременном гибком реагировании со стороны спецслужб и правоохранительных органов. Учет руководящим и оперативным составом тактических особенностей

деятельности террористических структур, моделирование, анализ и сравнение элементов тактики противоправной деятельности международных террористических организаций способствуют оптимизации расстановки и использования сил и средств, концентрации усилий на приоритетных направлениях розыска, разработки, привлечения к уголовной ответственности лидеров, активных членов и пособников террористов «ИГ» и аффилированных с ним террористических структур.

Библиография

1. Капинус, О. С. Научные подходы к противодействию вербовочной деятельности международных террористических организаций / О. С. Капинус // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. — 2016. — № 1.
2. Комиссаров, В. Ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности / В. Комиссаров, А. Агапов // Уголовное право. — 2016. — № 5.
3. Красинский, В. В. Международная террористическая организация «Исламское государство»: история, современность, будущее : монография / В. В. Красинский, В. В. Машко. — М. : Инфра-М, 2017. — 108 с.
4. Красинский, В. В. Противодействие использованию террористическими организациями каналов миграции и вовлечению граждан России в террористическую деятельность за рубежом / В. В. Красинский // Современное право. — 2017. — № 2.
5. Слинкин, М. Особенности ведения боевых действий сирийской вооруженной оппозицией // Россия и мусульманский мир. — 2016. — № 12 (294).
6. Махди, А. Исповедь вербовщика ИГИЛ / А. Махди. — М. : Издательские решения, 2016. — 33 с.

New features of the tactics of modern terrorism (on example of the «Islamic State»)

© Krasinsky V. V.,
Professor of Golitsyno Military Institute,
doctor of law, colonel

Abstract: the article examines issues of the tactics of international terrorism and shows the factors influencing its development. On example of the international terrorist organization "Islamic State" the characteristic of fighting activity, terrorist recruiting and propaganda of ISIS is given.

Keywords: terrorist organization, terrorist structures, international terrorism, ISIS, "Islamic State", terrorist tactics, analysis of terrorist activity, typical models of terrorist activity.

Bibliography

1. Kapinus, O. S. Scientific approaches to counter the recruitment activities of international terrorist organizations / O. S. Kapinus // Counter-terrorism. Problems of the XXI century. — 2016. — № 1.
 2. The commissioners, Responsibility for the training in order to carry out terrorist activities / V. Komissarov, A. Agapov // Criminal law. — 2016. — № 5.
 3. Krasinski, V. V. international terrorist organization "Islamic state": the history, present, future : a monograph / V. V. Krasinsky, V. V. Mashko. — M. : Infra-M, 2017. — 108 p.
 4. Krasinski, V. V. combating the use of terrorist organizations channels of migration and the involvement of citizens in terrorist activities abroad / Krasinskiy V. V. // Modern law. — 2017. — № 2.
 5. Slinkin, M. Peculiarities of combat operations of the Syrian armed opposition // Russia and Muslim world. — 2016. — № 12 (294).
 6. Mahdi, A. Confessions of an ISIS recruiter / A. Mahdi. — M. : Publishing solutions, 2016. — 33 S.
-

Некоторые аспекты современного состояния правового обеспечения пограничной деятельности на путях международного сообщения

© Лифанцева О. В.

юрист, сотрудник Центра исследования проблем
российского права «Эквитас»

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние правового обеспечения пограничной деятельности на путях международного сообщения. Рассматривается правовая основа пограничной деятельности. Выделены проблемные вопросы современного состояния правового обеспечения пограничной деятельности и предложены пути их решения.

Ключевые слова: пограничная деятельность, правовое обеспечение, правовая основа, пути международного сообщения.

Рецензент — Ю. Н. Туганов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Динамично меняющаяся геополитическая обстановка оказывает соответствующее влияние на правовое обеспечение пограничной деятельности на путях международного сообщения (далее — ПМС), что, в свою очередь, требует внесения в нее ряда корректив. Но прежде всего, необходимо рассмотреть современное состояние правового обеспечения на ПМС, что и обуславливает актуальность данной статьи.

Под категорией «правовое обеспечение пограничной деятельности на ПМС» автор предлагает понимать целенаправленную деятельность органов федеральной службы безопасности, органов государственной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а также органов местного самоуправления в пределах их полномочий по созданию, изменению или отмене нормативных правовых актов, регламентирующих пограничную деятельность на путях международного сообщения, формированию механизма реализации правовых предписаний нормативно-правовых актов и осуществлению контроля за их исполнением в рамках всестороннего контроля за правилами пересечения Государственной границы, пропуску через Государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных, обеспечению соблюдения физическими и юридическими лицами режима в пунктах пропуска через Госу-

дарственную границу Российской Федерации¹.

В данной статье автор предлагает остановиться на анализе современного состояния одного из элементов правового обеспечения — источников права, являющихся основой для разработки и принятия нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок осуществления пограничной деятельности, устанавливающих систему норм, ее составляющих, и направленных на всестороннее обеспечение конституционных прав и свобод граждан, суверенитета, территориальной целостности и устойчивого развития Российской Федерации, обороны страны и безопасности государства (законотворческой деятельности).

Теория права традиционно всю совокупность источников права подразделяет на три большие группы: 1) нормативные правовые акты; 2) правовые (судебные) прецеденты; 3) правовые обычаи². В статье более детально будут рассмотрены именно нормативные правовые акты. Что касается российской правовой системы, то необходимо отметить, что ст. 4 Конституции Российской Федерации закрепляет общепризнанные

¹ Лифанцева О. В. Некоторые теоретико-правовые аспекты правового обеспечения пограничной деятельности // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 4. С. 116.

² Корякин В. М. Введение в теорию военного права : монография. М. : За права военнослужащих, 2007.

принципы и нормы международного права и международные договоры России как составную часть российской национальной правовой системы. Так, в Законе Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации» отмечается, что пограничное законодательство «основывается на Конституции Российской Федерации, а также на международных договорах Российской Федерации».

Согласно п. 2 ст. 3 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» международные договоры Российской Федерации заключаются с иностранными государствами, а также с международными организациями и иными образованиями от имени Российской Федерации (межгосударственные договоры), от имени Правительства Российской Федерации (межправительственные договоры), от имени федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций (договоры межведомственного характера).

На сегодняшний день подразделения пограничного контроля при осуществлении пропуска через Государственную границу лиц и транспортных средств руководствуются двух- и многосторонними международными договорами, заключенными на различном уровне. Как правило, общие нормы пропуска через Государственную границу лиц и транспортных средств устанавливаются многосторонними международными договорами, а более конкретные — двусторонними соглашениями.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 15 июля 1995 № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» под международным договором Российской Федерации надлежит понимать международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких, связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования (например, конвенция, пакт, соглашение и т.п.).

В свою очередь к видам международных правовых актов, регулирующих пропуск через Государственную границу можно отнести следующие виды:

— договор — форма соглашения между двумя или несколькими государствами либо иными субъектами международного права относительно установления, изменения или прекращения их взаимных прав и обязанностей в политических, экономических и иных отношениях. Международные договоры, устанавливающие прохождение Государственной границы Российской Федерации и основы взаимоотношений пограничных ведомств — это, как правило, межгосударственные договоры, а также конвенции содержащие единообразные нормы, регулирующие вопросы, связанные с осуществлением пропуска через Государственную границу;

— соглашение — форма договоренности между сторонами относительно установления, изменения или прекращения взаимоотношений, прав и обязанностей, отнесенных законодательством к компетенции сторон;

— коммюнике (меморандум) — форма отражения позиций сторон по конкретным вопросам и принятым решениям, констатация их намерений;

— обмен нотами (письмами) — форма заключения международных договоров, при которой соглашение оформляется путем обмена между сторонами документами, в которых воспроизводится текст соглашения и выражается согласие с его содержанием;

— протокол (форма заключения международных договоров межведомственного характера. Нередко применяется как приложение к основному договору, дополняющее, изменяющее или ограничивающее его действие).

На основе рассмотренных правовых актов разрабатываются российские законы, а также различные ведомственные и межведомственные нормативные акты, определяющие порядок пропуска через Государственную границу.

Статья 2 Закона Российской Федерации «О Государственной границе» устанавливает, что «Российская Федерация при ... регу-

лировании правоотношений ...на путях международных сообщений, пролегающих на российской территории, руководствуется принципами: обеспечения безопасности Российской Федерации и международной безопасности; взаимовыгодного всестороннего сотрудничества с иностранными государствами; взаимного уважения суверенитета, территориальной целостности государств и нерушимости государственных границ; мирного разрешения пограничных вопросов».

Таким образом, в российскую правовую систему включено не международное право в целом, а два вида предписаний — общепризнанные мировым сообществом принципы и нормы взаимоотношения государств, а также международные договоры.

Однако не всегда международные стандарты реализуются в национальном законодательстве. В качестве примера автор предлагает рассмотреть Международный кодекс по охране судов и портовых средств (Кодекс ОСПС) 2002 г. Анализ содержания Кодекса показывает, что его правовые нормы в основном направлены на предотвращение такой угрозы как террористические акты на морских судах и в морских портах. Так, в Кодексе ОСПС установлены следующие обязательные правовые нормы: проведение комплекса мероприятий по недопущению проникновения на борт судна и прилегающую к нему портовую территорию посторонних лиц; порядок прохода на морские суда должностных лиц, пассажиров и членов экипажа; меры по контролю за территорией порта и портовыми средствами. Кроме того, п. 14 вышеуказанного документа определяет виды деятельности, проводимые на всех портовых средствах ответственными за охрану судна должностными лицами, которые включают: обеспечение исполнения всех обязанностей портового средства по охране; контроль доступа на портовое средство; наблюдение за территорией портового средства, включая районы швартовки и якорной стоянки; наблюдение за участками ограниченного доступа, чтобы убедиться, что доступ имеют только уполномоченные на то лица; надзор за грузовыми операциями; надзор за операциями с судовыми запа-

сами; обеспечение доступности и готовности охраной связи.

Однако эти нормы не учтены в российском нормативном акте, устанавливающем режим в морских пунктах пропуска, что является правовым пробелом.

Автор считает необходимым отметить, что принципы международного права, а также нормы, содержащиеся в Конституции Российской Федерации, нашли своё отражение в большом массиве национального законодательства, составляющего систему правового обеспечения пограничной деятельности на путях международного сообщения. Анализ ряда нормативно-правовых актов показывает, что правовые коллизии присутствуют и в национальном законодательстве. Например, имеет место противоречие норм Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (оперативно-служебная деятельность органов федеральной службы безопасности включает: контрразведывательную деятельность; борьбу с терроризмом и преступностью (оперативно-розыскные мероприятия); разведывательную деятельность; пограничную деятельность и деятельность по обеспечению информационной безопасности) и Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» (пограничные органы охраняют Государственную границу на суше, море, реках, озерах и иных водных объектах, в пунктах пропуска через Государственную границу, а также осуществляют пропуск через Государственную границу. В этих целях они проводят войсковую, разведывательную, контрразведывательную, оперативно-розыскную, режимно-пропускную и военно-техническую деятельность; осуществляют производство по делам об административных правонарушениях, отнесенным к их ведению законодательством Российской Федерации, в пределах своей компетенции рассматривают эти дела и исполняют постановления по ним; ведут дознание по делам, отнесенным законодательством Российской Федерации к их ведению), закрепляющих содержание пограничной деятельности. Внесение изменений в ряд нормативно-правовых актов, рег-

ламентирующих пограничную деятельность на путях международного сообщения, решит возникающие правовые коллизии.

Таким образом, источниками права, регламентирующими пограничную деятельность в Российской Федерации, являются: общепризнанные принципы и нормы международного права; международные договоры; нормативно-правовые акты. Еще в 2005 г. руководство ФСБ России отмечало наличие проблемы, выраженной в отсутствии системности в пограничном законодательстве. Доктор юридических наук В. Е. Проничев отмечал, что «проводимая работа по формированию нового облика государственной границы, повышению эффективности функционирования пунктов пропуска через государственную границу, строительству и развитию современной пограничной службы обуславливает необходимость совершенствования законодательства в пограничной сфере»¹.

Наличие правовых коллизий диктует необходимость совершенствования нормативно-правовой базы, регламентирующей пограничную деятельность. По мнению автора, к основными этапами данного процесса будут являться устранение правовых пробелов и коллизий в существующей законодательной базе, регулирующей пограничную деятельность на ПМС; внесение изменений в действующие ведомственные нормативно-правовые акты и приведение их в соответствие федеральному законодательству, а также принятие новых ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы пограничной деятельности на ПМС; совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей обеспечение военной безопасности Российской Федерации.

Библиография

1. Корякин, В. М. Введение в теорию военного права : монография / В. М. Корякин. — М. : За права военнослужащих, 2007. — 119 с.
2. Лифанцева, О. В. Некоторые теоретико-правовые аспекты правового обеспечения пограничной деятельности / О. В. Лифанцева // Вестник Екатеринбургского института. — 2016. — № 4.
3. Проничев, В. Е. О мерах по совершенствованию нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы защиты и охраны государственной границы Российской Федерации / В. Е. Проничев // Право и безопасность. — 2005. — № 2.

¹ Проничев В. Е. О мерах по совершенствованию нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы защиты и охраны государственной границы Российской Федерации // Право и безопасность. 2005. № 2. С. 36.

Some aspects of the current state of legal support of border management on roots of international communication

© Lifantseva O. V.,

lawyer, employee of the center of research of problems
Russian Law «Equitas»

Annotation. The article deals with modern condition of theoretical aspects of borderguard activity law provision. Law basement of the borderguard activity is considered/Problem aspects of law provision of the borderguard activity system are found out and ways of solution are proposed.

Keywords: border management, legal support, law basement, roots of international communication.

Bibliography

1. Koryakin, V. M. Introduction to the theory of military law : monograph / V. M. Koryakin. — M. : For the rights of militarymen, 2007. — 119 p.
 2. Lifantseva, O. V. Some theoretical and legal aspects of security border management / O. V. Lifantseva // Bulletin of Catherine The Great National Institute. — 2016. — № 4.
 3. Pronichev, V. E. About measures on improvement of regulatory legal acts regulating questions of protection and protection of the state border of the Russian Federation / V. E. Pronichev // Law and Security. — 2005. — № 2.
-

Психолого-правовая работа военного духовенства в военное время (военно-правовое и научно-богословское исследование)

© Овчаров О. А.,

кандидат юридических наук, преподаватель Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

© Солонина С. Н.,

преподаватель Военного университета Министерства обороны Российской Федерации

Аннотация. В статье кратко рассмотрены и проанализированы вопросы совершенствования психологической и правовой работы в области обороны с участием военного духовенства и предложены пути дальнейшего совершенствования психолого-правовой работы.

Ключевые слова: оборона, военное духовенство, правовая работа, психологические факторы.

Рецензент — В. М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

Служение военного духовенства в боевых условиях занимает одно из важных мест в психологическом сопровождении деятельности войск. В вооружённом конфликте морально-психологическое состояние и личностные качества военнослужащих, их боевой дух зачастую оказывают решающее влияние на исход боя, в значительной мере содействуя достижению победы. На это обстоятельство издавна было обращено внимание, в связи с чем роль военного духовенства в укреплении боевого духа армии, в повышении морально-психологического состояния личного состава была достаточно велика как в России, так и в большинстве зарубежных стран.

Как справедливо отмечал М. Драгомиров, «в критические минуты войны, когда именно и решается "победа" или "поражение", значение нравственной энергии рельефно выдвигается на первое место. Таким образом, важнейшим военным элементом является человек, важнейшим свойством человека — его нравственная энергия». Интересны и дальнейшие рассуждения М. Драгомирова относительно этого важного вывода: «Успех на войне и в бою зависит главнейше от хорошего нравственного состояния войск... Наилучший стрелок или фехтовальщик, если он не проникнут сознанием долга или убежден, что не может одолеть неприятеля, ничего не сделает... Потому-то

Наполеон, Суворов и другие гениальные полководцы прежде всего стремились к развитию нравственной стороны в своих армиях; Наполеон даже положительно высказывал, что во всяком боевом деле $\frac{3}{4}$ успеха зависит от нравственной стороны и только $\frac{1}{4}$ от материальной. В военное время это чувствуется всяким весьма сильно, ибо военная обстановка каждую минуту указывает на значение находчивости и энергии солдата; но в мирное время, когда такой обстановки нет, большинство забывает значение нравственной стороны и часто совершенно пренебрегает условиями, которые благоприятствуют ее развитию»¹.

В этой связи воспитанию нравственных качеств воинов, морально-психологической работе с личным составом всегда уделялось повышенное внимание. Как свидетельствует история и зарубежный опыт, эффективно с этой деятельностью справляется, в том числе, и духовенство, на протяжении многих веков сопровождая войска, вдохновляя воинов на ратные подвиги (нередко личным примером) для победы над врагом с помощью Божией, духовно поддерживая их в критические моменты боя, тем самым ока-

¹ Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А. В. Суворова и М. И. Драгомирова. М. : Русский путь, 2000. С. 37—38.

зывая влияние на эмоциональное состояние воинов и снижая их психотравматизацию.

Так, например, Великим князем Святым Владимиром Мономахом в феврале 1111 г. был предпринят большой поход на половцев, а 24 марта того же года русские полки, во главе которых по его приказанию были поставлены священники, одержали первую победу над врагом¹. Вот как древняя летопись изображает эту битву: «24 марта собрались половцы, построили полки свои и пошли в бой. Князья же наши возложили надежду свою на Бога и сказали: "Здесь нам смерть, да станем твердо". И прощались друг с другом и, обратив очи к небу, призывали Бога вышнего. И когда сошлись обе стороны, и была битва жестокая. Бог вышний обратил взор свой на иноплеменников с гневом, и стали они падать перед христианами. И так побеждены были иноплеменники, и пало множество врагов, наших супостатов, перед русскими князьями и воинами на потоке Дегея. И помог Бог русским князьям. И воздали они хвалу Богу в тот день. И наутро, в субботу, праздновали Лазарево воскресенье, Благовещенья день, и, воздав хвалу Богу, проводили субботу, и воскресенья дождались. В понедельник же страстной недели вновь иноплеменники собрали многое множество полков своих и выступили, точно великий лес, тысячами тысяч. И обложили полки русские. И послал Господь Бог ангела в помощь русским князьям. И двинулись половецкие полки и полки русские, и сразились полк с полком, и, точно гром, раздался треск сразившихся рядов. И битва лютая завязалась между ними, и падали люди с обеих сторон. И стали наступать Владимир с полками своими и Давыд, и, видя это, обратились половцы в бегство. И падали половцы перед полком Владимировым, невидимо убиваемые ангелом, что видели многие люди, и головы летели на землю, невидимо отрубаемые. И побили их в понедельник страстной месяца марта 27. Избито было иноплеменников

многое множество на реке Салнице. И спас Бог людей своих, Святополк же, и Владимир, и Давыд прославили Бога, давшего им победу такую над язычниками, и взяли полна много, и скота, и коней, и овец, и пленников много захватили руками. И спросили пленников, говоря: "Как это вас такая сила и такое множество не могли сопротивляться и так быстро обратились в бегство?". Они же отвечали, говоря: "Как можем мы биться с вами, когда какие-то другие ездили над вами в воздухе с блестящим и страшным оружием и помогали вам?". Это только и могут быть ангелы, посланные от Бога помогать христианам»².

Таким образом, можно увидеть, что одной из главнейших задач военного духовенства на поле боя является призывание помощи Божией в сражении для победы над врагом при помощи молитвы. И такая помощь действительно Богом посылается, о чём красноречиво свидетельствуют и летописи, и очевидцы.

Нечто подобное можно встретить и в описании Куликовской битвы, где также многие очевидцы явно видели помощь Божию войскам Дмитрия Донского. Как повествует Новгородская Карамзинская Летопись в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя рускаго» о событиях Куликовской битвы: «Помолился Богу, и помощника имущее святого Петра, новаго чюдотворца и заступника Руския земля, и поиде противу поганого, аки древни Ярославъ, на злочестиваго Мама, втораго Святоплъка. И сplete его в татарском поле, на реце на Дону. И сступишася плъци, аки тучи силнии, и блеснушася оружия, аки молния в день дождя. Ратнии же сечахуся за руки емлюще, по удолюем же кровь течаше, и Донъ реа потече с кровию смесившееся, и главы татарьскы аки камене валяшеся, и трупиа поганыхъ акы дубрава посечена. Мнози же довернии видяху ангелы Божия, помогающа христианомъ. И поможе Бог князю Дмитрию, и сродници его, святаа

¹ Тони О. В. Церковь и армия // Вера и Верность : Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. М. : Кучково поле, 2005. С. 6—7.

² Повесть временных лет [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/HISTORY/RUSSIA/povest.txt> (дата обращения: 22 марта 2017 г.).

мученика Борис и Глебъ, и окаанныи Мамаи от лица его побеже»¹.

Священное Писание словами Христа говорит: «по вере вашей да будет вам» (Мф 9; 29), «всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф 21; 22). И словами св. апостола Павла даёт понимание веры, её роли в военном деле: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом... Недостанет мне времени, чтобы повествовать о Гедоне, о Вараке, о Самсоне и Иеффае, о Давиде, Самуиле и (других) пророках, которые верою побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча, укреплялись от немощи, были крепки на войне, прогоняли полки чужих» (Евр 11; 1, 32—34). Как видно, такой психологический фактор, как религиозная вера, в деле обороны страны играл и продолжает играть огромную роль, а потому должен учитываться, исследоваться и активно использоваться в военном деле, при современном военном строительстве.

Примечательно, что даже в советское богоборческое время Бог не оставлял без помощи защитников Отечества. Случаев помощи Божией история знает великое множество, особенно в Великую Отечественную войну зафиксировано и дошло до нас огромное их количество². Укажем лишь на явную помощь Божию при взятии неприступной крепости Кенигсберга. Вот что об этом поведала очевидец тех событий София: «... Помню Кенигсберг. Мы относились ко Второму Белорусскому фронту, которым командовал маршал Константин Константинович Рокоссовский. Но наше подразделение — 13-й РАБ (район авиационного базирования) — находилось вместе с войсками Прибалтийского фронта недалеко от места боев за Кенигсберг. Очень трудно он

давался. Мощные укрепления, связанные подземкой, большие силы немцев, каждый дом — крепость. Сколько наших солдат погибло! ... Взяли Кенигсберг с Божией помощью. Я сама сидела, хотя наблюдала с некоторого отдаления. Собрались монахи, батюшки, человек сто или больше. Встали в облачениях с хоругвями и иконами. Вынесли Казанскую икону Божией Матери. ... А вокруг бой идет, солдаты посмеиваются: «Ну, батюшки пошли, теперь дело будет!» И только монахи запели — стихло все. Стрельбу как отрезало. Наши опомнились, за какие-то четверть часа прорвались. ... Когда у пленного немца спросили, почему они бросили стрелять, он ответил: «Оружие отказало». Один знакомый офицер сказал мне тогда, что до молебна перед войсками священники молились и постились неделю». А вот как видел всё это другой очевидец — участник штурма Кенигсберга Николай Бугаенко. «7 апреля, на Благовещение, мы ждали боя. Вдруг видим: вдоль линии фронта движется крестный ход — впереди православные священники. За ними — вереница людей с иконами, крестами и хоругвями в руках. Это было так неожиданно! Как будто и нет войны — никто не стреляет, ясно различимы слова молитв, песнопений. ... А дальше произошло нечто совсем невероятное. Фашисты вдруг ... побросали оружие (орудия их тоже замолкли) и с криком «Мадонна!» побежали прочь. С громовым «Ура!» мы бросились за ними. Без единого выстрела взяли тот участок фронта...». По свидетельству офицера, ещё одного свидетеля тех событий, пленные немцы рассказывали: «Перед самым русским штурмом в небе появилась Мадонна (так они называют Богородицу). Во время этого явления немцы падали на колени и многие поняли, в чем здесь дело и Кто помогает русским!». Вадим Васильев, ещё один участник, рассказывал: «На передовую я попал в 1941 году в Подмоскowie. Всю войну был истребителем танков. Дослужился до звания капитана. Под Кенигсбергом плотность нашего огня была высочайшая. Снаряды летали над нами, а мы сидели в окопе. Я поднял голову и вдруг увидел, как облака раскрылись, и на небе появился образ Пресвятой Богородицы.

¹ Полное собрание русских летописей. Т. 42. Новгородская Карамзинская Летопись. СПб. : Дмитрий Буланин, 2002. С. 152—153.

² См., например: Чудеса на дорогах войны. 60-летию Победы в Великой Отечественной посвящается. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005; Спаси и сохрани. Свидетельства очевидцев о милости и помощи Божией России в Великую Отечественную войну / авт.-сост. А. И. Фарберов. 2-е изд., доп. М. : Ковчег, 2006.

Сразу подумал, — наверное, мама за меня молится. Она была верующая, а я — комсомолец. Стал оглядываться по сторонам на своих бойцов. И понял, что видел Ее только я. Видение длилось около получаса. Потом к нашим позициям вышли немецкие парламентарии с белым флагом. Говорят: «Примите нас в плен». Видим за ними много немцев — полк или даже больше. А нас всего пятеро, и мы растерялись поначалу, но велели им бросить оружие»¹.

Таким образом, на протяжении многих веков военное духовенство оказывало позитивное психологическое влияние на воинский дух, на морально-психологическое состояние личного состава, на достижение победы в бою.

Среди множества психологических средств влияния на души и сердца воинов, используемых военным духовенством и показывающих высокий результат, можно указать, прежде всего, на следующие:

1. Молитва, как живое общение человека с Всемогушим Богом, делает человека религиозным. Молитва как уединённая (келейная), так и общая (литургия, молебен, панихида и др.), влияя на духовную структуру личности и ее развитие, создает установку на преодоление негативной ситуации через осознание того, что Бог всегда со мной. С одной стороны, в молитве человек беседует с Богом, а с другой — молитвою он и одушевляется. Еще афонские старцы говорили о молитве как об источнике силы, с помощью которого даются и вера, и терпение и храбрость.

2. Покаяние, как средство совладания со стрессом, играет большую роль в снятии негативных эмоций, сопутствующих страданию военнослужащих, таких как страх, гнев, импульсивность, чувство вины и стыда, в предотвращении девиантного поведения и является сдерживающим фактором для роста разного рода извращений. Покаяние выражается в очищении души от грехов через исповедь с целью достижения умиро-

творения. Задача военного священника — помочь военнослужащему освободиться от патологического чувства вины, осознать причину отрицательных переживаний, связанных с угрызениями совести, способствуя более полному раскаянию, так как лишь победив зло в своей душе, обретая свободу и получив исцеление, человеческая личность возрождается и приобретает способность к справедливому применению силы.

3. Проповедь, как возбуждение надежды в помощь Бога, через внушающую силу слова священника, поднимает боевой дух воинов, нацеливая их на преодоление трудностей, посредством влияния на их мыслительные процессы и нравственные чувства. При этом труд проповедника в боевых условиях имеет свои особенности. Строя проповедь на основании христианского учения, священник должен приспособить ее к экстремальным условиям и потребностям военнослужащих, находящихся под воздействием стресс-факторов боевой обстановки. Следовательно, качество проповеди повлияет на формирование мотивов боевой деятельности воинов и будет укреплять в них стойкость в вере, силу духа и направленность на альтруизм, в то же время, выполняя роль утешения в перенесении тягот военного времени.

4. Укрепление в вере. Жертвенная любовь к Богу и ближним, включая патриотизм, лежит в основе непобедимого воинского духа, готовности в любой момент отдать свою жизнь за веру, за ближних, за свой народ, за своё Отечество. Говоря о таком феномене, как сила духа, мы вспоминаем множество подвигов наших соотечественников. Как известно, главная задача противника — это, прежде всего, слом духовной защиты воина. Крепкий в вере воин способен не только мужественно претерпевать ситуацию, но и искать пути к ее активному изменению, к духовному и физическому сопротивлению противнику. Это происходит благодаря религиозному осмыслению своего долга. Стоит вспомнить подвиг Евгения Родионова, который не предал свою веру в жесточайших условиях плена и при этом одержал духовную победу над своими врагами, не был сломлен мо-

¹ См. подробнее: Фарберов А. Молебен у стен Кенигсберга // Русь Державная. 2006. Май // URL: http://rusderjavnaya.ru/news/moleben_u_sten_kenigsberga/ 2016-04-05-2185 (дата обращения: 2 марта 2017 г.).

рально, не снял с себя креста. Но прежде он победил самого себя, победил свой страх перед страшным испытанием и помог своим товарищам устоять в этой духовной брани. Здесь речь идет уже о высшем проявлении духовного подвига — мученичестве. Воин принимает ответственность за свою деятельность и за конечный итог своей жизни, реализуя ее смысл. Это достигается через механизм принятия решений с учетом всего предыдущего жизненного опыта, воздействия всех латентных факторов в процессе смыслообразования, в числе которых можно отметить влияние священника, наставляющего и укрепляющего в вере военнотружачего.

5. Вера в бессмертие и спасение человеческой души. Как известно, на войне страх смерти проявляется сильнее всего. Воина страшит, прежде всего, неизвестность и под воздействием стресс-факторов он может потерять способность к осмыслению происходящего. И здесь огромное значение приобретает религиозная вера, которая поддерживает дух в минуту смертельной опасности и дает силы выполнить боевую задачу или мужественно умереть. Именно вера в бессмертие и спасение своей души способна победить страх, открыть дорогу мужеству, героизму воинов, обеспечить победу в бою. Как справедливо указывает А. А. Смирнов, священник любой церкви, а корабельной в особенности, уже сам по себе — постоянное напоминание о бессмертии души и возможности её спасения¹.

В целях обеспечения использования военным духовенством указанных психологических средств достижения победы в бою как государством, так и священноначалием принимались соответствующие правовые документы, использовались правовые средства, велась соответствующая правовая работа. Результатом этой работы явились Устав воинский 1716 г., Морской устав 1720 г., утверждённое в 1812 г. Александром I Учреждение для управления большой дейст-

вующей армии², Высочайше утверждённое 12 июня 1890 г. Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств и другие акты, где предусматривались должности военного духовенства в войсках как в мирное, так и в военное время, их основные задачи и обязанности. В этой правовой работе принимало активное участие и священноначалие. Так, например, круг обязанностей священника на войне изложен Протопресвитером Военного и Морского духовенства в указании духовенству действующей армии от 21 июля 1914 г. № 1, в котором предписывалось, что все священнослужители всегда должны помнить: 1) что война решает участь народа; 2) что исход войны зависит от воли Божией и от напряжения сил народных. Отсюда долг военного священника: а) непрестанно молиться, чтобы Господь не оставил Своею милостью нашу Родину и Армию, и б) всячески и словом, и делом содействовать подъёму духовных сил воинской части, при которой он состоит³.

Роль религиозного фактора и значение военного духовенства настолько велики в военном деле, что командование и правительственные структуры часто просили об увеличении числа военных священнослужителей в войсках. В 1756 г. Сенат обращался в Св. Синод с просьбой о назначении в каждый полк к положенному числу ещё по одному священнику, так как «одним попом исправиться не можно»⁴. Подобная ситуация с нехваткой военных священников была отмечена Русским Заграничным Церковным Собранием, которое на своём очередном заседании 2 декабря 1921 г. постановило: «Во всех воинских частях, военных лагерях, учебных заведениях и больницах, численно-

¹ Смирнов А. А. Послушники Андреевского флага: корабельные священники Российского императорского флота. СПб.: Морское наследие, 2016. С. 9.

² Учреждение для управления большой действующей армии. СПб.: Медицинская типография, 1812.

³ Руководственные указания духовенству действующей армии. М.: Типография Штаба Московского Военного Округа, 1916. С. 3—5.

⁴ Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб.: Типография Ф. Г. Елеонского и А. И. Поновицкого, 1875. С. 5—6.

стью не менее 400 человек должны быть свои штатные священники»¹.

Вместе с тем, чтобы воспитывать в воинах такие высокие воинские качества, готовить героев и подвижников, чтобы укреплять боевой дух войск, военное духовенство само должно обладать подобными качествами в ещё большей степени, чем воины. Ведь учить личный состав необходимо, прежде всего, личным примером, личным бесстрашием, личным мужественным перенесением тягот и лишений военной службы, суровых боевых условий, личным героизмом, личными подвигами и силой веры, которая «без дел мертва есть» (Иак 2; 26).

Одним словом, доказывая свою веру личными подвигами на поле боя, военному священнику необходимо постоянно повышать свои личные волевые и моральные качества, с особенной тщательностью исполняя заповедь Христа: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5; 48). Вместе с тем, критические минуты или целые часы боя — как раз и показывают уровень этого совершенства не только у воинов, но и у военных священников. Поэтому морально-психологическое состояние военного духовенства должно быть гораздо выше, чем у окормляемого им личного состава. Ведь ему необходимо в боевых условиях не только вдохновлять воинов на подвиг, настраивать на победу, укреплять веру в Бога, но и исполнять свой пастырский долг прямо на поле боя, нередко под пулями и разрывами снарядов.

В противном случае, при отсутствии у военного священнослужителя необходимых качеств, он может подать плохой пример — страха, деморализации, паники, оставления места службы и т.п. и негативно повлиять на личный состав, на результаты боя, на исход сражения. Может произойти и ситуация, показанная Христом в притче о добром пастыре и наёмнике, из которой видно, что «пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит проходящего волка, и ос-

тавляет овец, и бежит; и волк расхищает овец, и разгоняет их. А наемник бежит, потому что наемник, и нерадит об овцах» (Ин 10; 11—13). Поэтому перед военным духовенством, священноначалием и командованием во всей своей остроте встаёт проблема качественного отбора священников в войска.

Кроме того, очень востребованной в настоящее время является разработка программы психологической подготовки помощников командиров частей по работе с верующими военнослужащими для повышения эффективности их деятельности в районе боевых действий. Требуется своего рода решения так же и проблема выработки, внедрения правовых средств, помогающих обеспечить наличие в войсках штатных военных священников, способных по своим личным качествам решать свои задачи в боевых условиях с риском для жизни.

Так, например, осенью 2009 г. по инициативе Патриарха Кирилла штаб Северо-Кавказского военного округа организовал для священников сборы по подготовке к работе в армии. На архиереев Южного федерального округа была возложена обязанность выдвинуть 30 кандидатур военных священников. «К сожалению, — отмечает Патриарх Кирилл, — по прибытии на сборы оказалось, что большинство священников не представляют себе, куда и зачем они приехали. В итоге большинство из них попросту уехали со сборов, пояснив, что не могут понести такой службы»².

А вот другой пример времён Первой мировой войны — из боевых будней военного священника 439-го пехотного Илецкого полка Михаила Дудицкого. В бою у стыка Ронских дорог 10 января 1917 г., под сильным артиллерийским огнём противника Илецкий полк понёс большие потери, как в нижних чинах, так и в офицерском составе. Тогда отец Михаил взял всю инициативу управления полком на себя. Вначале он обошёл все позиции, ободряя и воодушев-

¹ Законодательство Русской Православной Церкви Заграницей (1921—2007) / сост. Д. П. Анашкин. М.: Изд. ПСТГУ, 2013. С. 130.

² Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании 02.02.2010 // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1061651.html> (дата обращения: 12 марта 2017 г.).

ляя солдат. Когда же 6-я рота, высланная из резерва на поддержку, потеряла при своём движении всех офицеров и рассеялась по лесу, отец Михаил под сильнейшим огнём противника собрал всю роту и лично отвёл её в передовые окопы. Это было очень своевременно, поскольку рота смогла оказать помощь полку в самый критический момент боя. Когда же 12 января выяснилось, что необходимо выслать последний резерв, священник сам повёл полуроту 438-го пехотного Охтенского полка. Под сильнейшим огнём противника отец Михаил довёл полуроту до передовых цепей. Влив эту подмогу в поредевшие цепи полка, священник повёл солдат в контратаку на противника, во много раз превосходившего их численностью. Во время атаки сам отец Михаил был ранен осколком артиллерийского снаряда, но немцы были отброшены. К этому времени прибыл офицер, и отец Михаил передал ему командование полком. За свой подвиг иерей Михаил Дудицкий был награждён орденом святого Георгия 4-й степени¹.

Воспитание высоких качеств, способных обеспечить подобную работу военного духовенства в боевых условиях, требует огромного труда, систематической и планомерной подготовки соответствующих кадров, качественного отбора военных священников для выполнения своих пастырских обязанностей в боевых условиях. Чтобы воспитывать в воинах непобедимый воинский дух, вести их к победам на поле брани военное духовенство должно обладать соответствующими качествами, само являть подobaющий пример для воинов. Это хорошо понимало командование, которое предъявляло к военному духовенству достаточно высокие требования и закрепляло их в соответствующих правовых документах.

Как отмечал в XIX в. Н. Невзоров, военное начальство внимательно следило за исправностью полкового духовенства: оно не только не терпело священников, предающихся какой-либо страсти, но желало видеть в них людей умственно развитых,

так что не получивших школьного образования совершенно запрещалось принимать в полки на церковно-служительские должности. Воинский устав требовал от полковых священников «непорочной, трезвой и умеренной жизни». Св. Синод предписывал епархиальным преосвященным, чтобы последние назначали в полки священников «искусных» и известных им по своему благонравному поведению, которое должно служить примером. За неотправление богослужения, «без знатной причины», священник подвергался рублёвому штрафу в пользу госпиталя, в случае же нетрезвого поведения, во время отправления богослужения, после вторичного замечания, «виновный отсылался к духовному суду и лишался своего чина и достоинства». При этом, как указывает Н. Невзоров, правительство, как само высоко смотрело на пастыря, так старалось и войску внушить к нему такое же уважение, почему за оскорбление духовного лица виновный подвергался, по уставу, двойному наказанию².

Таким образом, с помощью правовых средств в царской России предпринимались меры по отбору лучших представителей в состав военного духовенства, по повышению к ним требовательности и личной их ответственности, а также по возвышению авторитета военного священнослужителя в войсках.

Такое повышенное внимание и забота государства возникала не на пустом месте, а были обусловлены той огромной ролью, которую играют личные качества военного священника, его морально-психологическое состояние в военном деле, особенно на поле боя. Представляется важным данный опыт психологической и правовой работы тщательно исследовать и плодотворно использовать применительно к современным потребностям войск и обороны страны, а также выработать действенные правовые средства помогающие командованию и военному духовенству на высоком уровне поддер-

¹ Протоиерей Николай Агафонов. Ратные подвиги православного духовенства. М. : Благовест, 2013. С. 188—189.

² Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. СПб. : Типография Ф. Г. Елеонского и А. И. Поновицкого, 1875. С. 6—8.

живать во время боя высокое морально-психологическое состояние воинов, боевой дух войск.

Выводы:

1. Религиозный фактор, как свидетельствует история, играет важную роль в вооружённом конфликте, воздействуя на морально-психологическое состояние воинов, их волю и поведение, в связи с чем не может игнорироваться государством, но подлежит научному исследованию и правильному использованию в деле военного строительства, в боевой обстановке, в т.ч. и с помощью правовых средств.

2. Военное духовенство является мощным, выработанным временем на полях сражений, организационно-правовым средством достижения победы путём призвания помощи Божией и повышения тем самым психологических возможностей войск, скрытого духовного потенциала личного состава — с помощью специфических религиозных способов воздействия на сознание и волю воинов, на их поведение.

3. На протяжении многих веков в результате кропотливой правовой работы вслед за складывающейся практикой совершенствовались организационные формы и виды деятельности военного духовенства, закрепляясь в государственно-правовых и церковных документах, источниках права, что в свою очередь свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правовой работы в этой сфере с учётом меняющихся политических и правовых режимов, форм и способов вооружённой борьбы, условий деятельности военного духовенства.

4. Служба войсковых священников занимает особое место в системе психологического сопровождения деятельности войск, поддерживая психологическую устойчивость и своевременное восстановление духовных сил личного состава, что входит в основные задачи морально-психологического обеспечения Вооружённых сил Российской Федерации.

5. Возможность решения указанных в статье проблем видится в использовании военным священником православного опыта для преодоления негативных и деструктивных переживаний личного состава и

создания психологических условий для формирования механизмов совладания военнослужащих со стресс-факторами боевой обстановки.

6. Для повышения эффективности выполнения пастырских обязанностей в боевых условиях требуется описание психологических особенностей деятельности военных священников частей и создание программы психологической подготовки помощников командиров по работе с верующими военнослужащими.

Библиография

1. Законодательство Русской Православной Церкви Заграницей (1921—2007) / сост. Д. П. Анашкин. — М. : Изд. ПСТГУ, 2013.
2. Невзоров, Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России / Н. Невзоров. — СПб., 1875.
3. Повесть временных лет // URL: <http://lib.ru/HISTORY/RUSSIA/povest.txt> (дата обращения: 22 марта 2017 г.).
4. Полное собрание русских летописей. Т. 42. Новгородская Карамзинская Летопись. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2002.
5. Протоиерей Николай Агафонов. Ратные подвиги православного духовенства / Н. Агафонов. М. : Благовест, 2013.
6. Руководственные указания духовенству действующей армии. — М. : Типография Штаба Московского Военного Округа, 1916.
7. Смирнов, А. А. Послушники Андреевского флага: корабельные священники Российского императорского флота / А. А. Смирнов. — СПб. : Морское наследие, 2016.
8. Спаси и сохрани. Свидетельства очевидцев о милости и помощи Божией России в Великую Отечественную войну / авт.-сост. А. И. Фарберов. — 2-е изд., доп. — М. : Ковчег, 2006.
9. Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А. В. Суворова и М. И. Драгомирова. — М. : Русский путь, 2000.
10. Тони, О. В. Церковь и армия / Вера и Верность: Очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии / О. В. Тони. — М. : Кучково поле, 2005.
11. Учреждение для управления большой действующей армии. — СПб. : Медицинская типография, 1812.
12. Фарберов А. Молебен у стен Кенигсберга // Русь Державная. 2006. Май // URL: http://rusderjavnaya.ru/news/moleben_u_sten_kenigsberga/2016-04-05-2185 (дата обращения: 2 марта 2017 г.).
13. Чудеса на дорогах войны. 60-летию Победы в Великой Отечественной посвящается. 2-е изд., испр. и доп. — М., 2005.

Psycho-legal work of chaplains in wartime (military-legal and theological study)

© Ovcharov O. A.,

PhD, lecturer, Military University of the Ministry of defence of the Russian Federation

© Solonina S. N.,

the teacher of Military University of the Ministry of defence of the Russian Federation

Abstract. The article briefly describes and analyzes the issues of improving psychological and legal work in the field of defense with the participation of chaplains and ways of further improvement of psycho-legal work

Keywords: defense, military, the clergy, legal work, psychological factors.

Bibliography

1. The Legislation Of The Russian Orthodox Church Outside Of Russia (1921—2007) / Compiled by D. P. Anashkin. — M. : Publishing House. Pstgu, 2013.
2. Nevzorov, N. Historical sketch of the management of the clergy of the military Department in Russia / N. Nevzorov. — Saint-Petersburg, 1875.
3. Chronicle [Electronic resource]. URL: <http://lib.ru/HISTORY/RUSSIA/povest.txt> (accessed 22 March 2017).
4. Full collection of Russian Chronicles. Vol. 42. The Novgorod Karamzin Chronicle. — SPb. : Dmitry Bulanin, 2002.
5. Archpriest Nikolay Agafonov. Feats of arms of the Orthodox clergy / N. Agafonov. M. : Blagovest, 2013.
6. Rukovoditelya instructions to the clergy of the army. — M. : Printing House Of The Moscow Military District Headquarters, 1916.
7. Smirnov, A. A. Novices of St. Andrew's flag: ship the priests of the Russian Imperial Navy / A. A. Smirnov. — SPb. : Maritime heritage, 2016.
8. Save and protect. Witness of the mercy and help of God, Russia in the Great Patriotic war / Author-compiler of Farber, A. I., 2nd ed., DOP. — M. : Ark, 2006.
9. Strategy of the spirit: foundations of education troops on the views of A. V. Suvorov and M. I. Dragomirov. — M. : Russian way, 2000.
10. Tony, O. V. the Church and the army / Faith and Faithfulness: Essays on the history of relations between the Russian Orthodox Church and the Russian army / ov Tony. — M. : Kuchkovo pole, 2005.
11. Institution for management of a large army. — SPb. : Medical printing office, 1812.
12. Of A. Farber a Prayer service at the walls of Konigsberg // Rus Derzhavnaya. 2006. May. [Electronic resource] URL: http://rusderjavnaya.ru/news/moleben_u_sten_kenigsberga/2016-04-05-2185 (accessed 2 March 2017).
13. Miracles on the roads of war. The 60th anniversary of the Victory in the great Patriotic war dedicated / 2-e ed. — M., 2005.

Пограничные органы как субъекты противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации

© Свиязов Д. А.,

специалист ООО «Центр экспертизы и правовой защиты»

© Курда В. В.,

специалист ООО «Центр экспертизы и правовой защиты»

Аннотация. В статье на основании научно-теоретического анализа нормативных правовых источников в сфере противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации обоснован вывод о том, что пограничные органы являются одним из ключевых субъектов противодействия терроризму и экстремизму с указанием правовых, организационных, технических особенностей. Кроме того, рассмотрены актуальные проблемы взаимодействия субъектов общегосударственной системы противодействия терроризму и экстремизму с учетом особенностей террористических и экстремистских угроз, предложены пути повышения эффективности их взаимодействия.

Ключевые слова: взаимодействие, военная безопасность, государственная граница, пограничная безопасность, пограничные органы, полномочия, система противодействия терроризму, терроризм, угрозы, экстремизм.

Рецензент — Е. Н. Холопова, доктор юридических наук, профессор.

На современном этапе терроризм и экстремизм представляют собой сложившиеся негативные социально-политические явления, несущие угрозу национальным интересам Российской Федерации. Следует согласиться с результатами исследований многих авторов, которые считают, что терроризм является крайней формой проявления экстремизма¹. При этом авторами обоснованно отмечается, что количество, территориальные границы проведения и сами масштабы террористических акций, осуществляемых различными радикальными группами и террористами-одиночками, демонстрируют динамику роста.

Преступления террористической и экстремистской направленности приобретают трансграничный и транснациональный характер, представляя, таким образом, угрозу пограничной и военной безопасности Российской Федерации как составным компонентам национальной безопасности государства, о чем свидетельствуют и исследования в данной области².

¹ См. напр.: Назиров Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления : дис. ... д-ра философ. наук. Душанбе, 2009; Писаренко О. Н. Терроризм как крайняя форма выражения экстремизма // Научные проблемы гуманитарных исследований. Изд.: Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. 2010. № 10. С. 241—248; Похилько А. А. Терроризм как разновидность экстремизма // Молодой ученый. 2014. № 3. С. 743—747; Римский А. В., Артюх А. В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2009. Вып. № 16 (71).

² См. напр.: Бараненков В. В. Комментарий к ст. 2 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» // ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации : науч.-практ. комментарий / под ред. В. Н. Ушакова, И. Л. Трунова. М. : Эксмо, 2006; Горбунов Ю. С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему : монография. М. : Молодая гвардия, 2008; Долгова А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2011; Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 2010; Сундиев И. Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты проблемы : монография. М., 2008; Устинов В. В. Россия: 10 лет борьбы с международным терроризмом. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008 и др.

В современных условиях изменяются классические формы войны, развязываемой в целях очередного мирового переустройства. В пограничном пространстве Российской Федерации отмечены случаи вооруженного вторжения нерегулярных сил с участием граждан (подданных) иностранных государств. Попытки создания новых государственно-территориальных образований — от «Великого исламского халифата» до «Имарат Кавказ» — были направлены на изменение конституционного строя и территориальной целостности Российской Федерации. В соответствии с классификацией международных преступлений можно определить такие попытки как проявления транснациональной организованной преступности в пограничной сфере¹.

Через транснациональную организованную преступную деятельность осуществляется разведывательная и иная особо опасная деятельность, посягающая на различные объекты уголовно-правовой охраны Российской Федерации. В условиях глобализации происходит трансформация транснациональной организованной преступности, расширяющей сферы влияния путем проникновения во властные структуры, финансовые и экономические институты, установления связей с террористическими организациями². Таким образом, рассматриваемые сложные общественно опасные явления охватывают деятельность, направленную на решение политических, экономических и других вопросов террористическими методами и способами.

Особое значение в рамках рассматриваемого вопроса имеют Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». В указанных нормативных правовых актах за-

конодатель определил правовые и организационные основы противодействия экстремизму и терроризму, установил ответственность за осуществление экстремистской и террористической деятельности. В них также закреплён механизм государственного противодействия экстремизму и терроризму.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» в перечне основных используемых понятий и в тексте самого закона не содержит определения противодействия экстремистской деятельности. Но, учитывая то обстоятельство, что терроризм как особо опасное преступное явление является крайним проявлением экстремизма и Федеральный закон «О противодействии терроризму» по времени принятия относится к более позднему периоду, то по аналогии права и аналогии закона можно обоснованно утверждать, что понятие «противодействие терроризму» в полной мере охватывает и раскрывает термин «противодействие экстремизму».

В соответствии с действующим законодательством, противодействие экстремизму и его крайнему проявлению — терроризму, это одна из основных задач федеральной службы безопасности³. О масштабах работы можно судить по итоговым цифрам: в прошлом году удалось предотвратить 16 терактов и еще 45 преступлений террористической направленности, которые готовились в нашей стране⁴.

Действительно, как пишет О. В. Дамаскин: «силовые структуры России ежегодно предотвращают десятки террористических акций и подавляют выявляемые организации вооруженных террористов. Однако, необходимо конкретное представление о тех социально-мировоззренческих истоках, ко-

¹ Транснациональная организованная преступность в пограничной сфере Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография / под общ. ред. И. В. Щерблюкиной. Голицыно : ГПИ ФСБ России, 2015. С. 5.

² Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640.

³ Федеральные законы «О федеральной службе безопасности»; «О противодействии экстремистской деятельности»; «О противодействии терроризму».

⁴ Президент выступил на коллегии ведомства, где отчитались о предотвращенных в прошлом году терактах, пойманных иностранных агентах и новых компьютерных угрозах // URL: <https://www.1tv.ru/news/2017-02-16/320047-vladimir-putin-postavil-pered-fsb-zadachu-zhestko-presekat-proyavleniya-ekstremizma>. Дата публикации 17.02.2017 (дата обращения: 2 марта 2017 г.).

которые питают современные формы мусульманского экстремизма, фундаментализма и терроризма. Незнание их или игнорирование ведет к существенным просчетам в теории и практике противодействия экстремизму и терроризму»¹. При этом необходимо подчеркнуть, что Федеральная служба безопасности Российской Федерации не действует изолированно от других министерств и ведомств, а является частью общегосударственной системы противодействия терроризму.

В связи с изложенным, в рамках общегосударственной системы противодействия терроризму представляется важной разработка стратегических основ преодоления идеологии терроризма. В связи с этим необходимо разработать и внедрить на общегосударственном уровне Стратегию противодействия терроризму и экстремизму, четко разграничивающую полномочия и пределы компетенции субъектов ее реализации, определяющую порядок взаимодействия между субъектами, международными организациями, общественными объединениями и гражданами.

Федеральный закон «О противодействии терроризму» определил круг субъектов из числа государственных органов исполнительной власти, в компетенцию и непосредственные обязанности которых входит реализация комплекса мер по противодействию терроризму с учетом их ведомственной принадлежности, специфики деятельности и круга полномочий, определенного государством.

С учетом того, что именно на пограничные органы возложены функции по охране Государственной границы Российской Федерации и границ государств-участников СНГ на основе двусторонних договоров, организация пропуска лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных через Государственную границу Российской Федерации, проведение разведывательной, контрразведывательной и оперативно-разыскной деятельности, можно обоснован-

но утверждать, что именно на пограничные органы возложены основные функции по обеспечению пограничной безопасности, являющейся составной частью национальной безопасности Российской Федерации. Большой объем и напряженность работы в отношении задач по созданию современной системы охраны государственных рубежей способствовали определению приоритетов в работе пограничных органов федеральной службы безопасности. Именно пограничные органы выполняют первоочередные задачи по противодействию преступлениям террористической и экстремистской направленности и в силу закона наделены приоритетными полномочиями в данной сфере.

Данную позицию подтверждает и Н. Ю. Царенкова, которая рассматривает функции пограничных органов в системе обеспечения национальных интересов Российской Федерации в пограничной сфере и отмечает, что «наиболее главными из них являются такие, как: борьба с разведкой и подрывной деятельностью иностранных спецслужб, организаций, государств, незаконной деятельностью преступных организаций, группировок и отдельных граждан на государственной границе; создание масштабной укомплектованной армии пограничных войск и централизованной системы управления войсками; усовершенствование форм и способов по охране границ России и экономической зоны; работа по повышению качества пограничного контроля и деятельность по его соответствию международным нормам и стандартам; деятельность по развитию в сфере сотрудничества с пограничными войсками государств и координация деятельности, касающаяся охраны внешних границ и экономических зон государств СНГ; создание с помощью сил и средств министерств и ведомств Российской Федерации усовершенствованных систем по освещению обстановки в территориальных, внутренних водах и исключительной экономической зоне»².

¹ Дамаскин О. В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности: монография. М.: ПА ФСБ России, 2016. С. 52.

² Царенкова Н. Ю. Пограничные органы ФСБ России в системе обеспечения национальных интересов Российской Федерации в пограничной сфере // Государство и право в XXI веке. 2016. Вып. № 1. С. 52—53.

В соответствии с выполнением возложенных на них задач, пограничные органы участвуют в деятельности по разработке и реализации государственной пограничной политики, пограничных основ России, составлению законодательных актов и других правовых документов, касающихся вопросов охраны государственной границы и разработки мер по предупреждению и пресечению незаконного пересечения государственной границы в соответствии с установленным пограничным режимом в пунктах пропуска через государственную границу России. Именно по этим причинам заслуживают внимания и обсуждения некоторые вопросы и проблемы, которые поднимает автор проекта Стратегии противодействия транснациональной криминальной деятельности в Российской Федерации¹.

В связи с тем, что основными формами проявления терроризма и экстремизма на государственной границе и приграничной территории являются: деятельность незаконных вооруженных формирований в различных видах ее проявления; деятельность трансграничных организованных преступных группировок; деятельность по недопущению проникновения на территорию Российской Федерации незаконных мигрантов, соответственно, объектами борьбы с терроризмом и экстремизмом будут являться незаконные вооруженные формирования, трансграничные организованные преступные группировки и незаконные мигранты, осуществляющие свою деятельность террористической и экстремистской направленности на государственной границе и приграничной территории. Следовательно, вышеизложенное подтверждает, что в системе субъектов противодействия терроризму и экстремизму, как видам транснациональной криминальной деятельности, пограничные органы занимают особое место².

Кроме того, следует согласиться с мнением И. В. Петрова, который указывает, что деятельность по охране государственной границы в обычных, т.е. мирных условиях — это по своему содержанию и направленности, прежде всего, правоохранительная деятельность, осуществляемая пограничными органами федеральной службы безопасности как органом исполнительной власти, имеющим в своем распоряжении собственный аппарат для применения государственного принуждения³.

Таким образом, в общегосударственной системе противодействия терроризму и экстремизму пограничные органы ввиду специфики возложенных на них задач занимают особое место и являются одним из ключевых субъектов противодействия терроризму и экстремизму, что подтверждается следующим:

— пограничные органы входят в состав органов федеральной службы безопасности, на которые возложены основные задачи по борьбе с терроризмом и экстремизмом;

— осуществляют руководящие функции в деятельности оперативных штабов в морских районах (бассейнах), в случаях предусмотренных законодательством Российской Федерации;

— приоритетное направление деятельности пограничных органов — охрана Государственной границы Российской Федерации, блокирование возможного въезда и (или) выезда лиц, имеющих террористические и экстремистские устремления в ходе процедур пограничного контроля;

— наличие у пограничных органов непосредственных задач по разработке и внедрению наиболее эффективных инженерно-технических средств охраны Государственной границы Российской Федерации;

— именно на пограничные органы законодательно возложены функции по осуществлению международного и внутригосударственного информационного взаимодействия, обмену данными о лицах, пересе-

¹ Холопова Е. Н., Свиязов Д. А., Курда В. В. О возможности совершенствования проекта «Стратегии противодействия транснациональной криминальной деятельности в Российской Федерации» // Библиотека криминалиста. Научный журнал. М. : Юрлитинформ, 2017. № 2 (31). С. 14—23.

² Там же. С. 16.

³ Петров И. В. Правовая природа оперативно-розыскной деятельности пограничных органов федеральной службы безопасности // Военное право. 2010. № 4.

кающих Государственную границу Российской Федерации с террористическими и экстремистскими намерениями;

— пограничные органы участвуют в деятельности по разработке и реализации государственной пограничной политики, пограничных основ России, составлению законодательных актов и других правовых документов, касающихся вопросов охраны государственной границы и разработки мер по предупреждению и незаконному пересечению в соответствии с установленным пограничным режимом;

— одним из важнейших направлений деятельности пограничных органов является недопущение выезда граждан Российской Федерации за пределы страны и въезда в Российскую Федерацию лиц с целью участия в преступлениях террористической и экстремистской направленности;

— пограничные органы наделены специальными полномочиями в сфере противодействия экстремизму и терроризму в процессе осуществления оперативно-служебной, оперативно-разыскной, разведывательной, контрразведывательной деятельности на приграничной территории.

Необходимость эффективного взаимодействия пограничных органов федеральной службы безопасности и иных органов исполнительной власти продиктована наличием у терроризма и экстремизма ряда специфических особенностей, проявлениям которых может противостоять только совместная деятельность министерств и ведомств. К указанным характерным особенностям относятся:

— повышенная степень общественной опасности терроризма и экстремизма даже при условии нахождения их источников за пределами Российской Федерации; угрозы основам конституционного строя, территориальной целостности и национальной безопасности Российской Федерации;

— использование религиозно-экстремистскими и террористическими организациями методов насилия для достижения своих политических целей;

— существенное влияние зарубежных террористических и экстремистских структур, выступающих в качестве субъектов

экстремизма, на деятельность российских религиозных экстремистских организаций, как в плане идеологической подготовки, так и в сфере материально-технического обеспечения последних с целью посягательств на конституционный строй государства и основы государственного управления;

— глобализация терроризма и экстремизма, транснационализация данных преступных явлений, попытки зарубежных религиозных экстремистов распространить свое влияние по всей территории Российской Федерации;

— конспиративное использование террористическими и экстремистскими организациями опасных для личности, общества и государства форм и методов преступной деятельности, вербовка, обучение и переправка в зарубежные государства граждан Российской Федерации с целью последующего их вовлечения в террористическую деятельность.

На основании вышеизложенного, основываясь на результатах изучения общетеоретических источников и аналитических материалов, можно сделать обоснованный вывод о том, что в системе субъектов противодействия терроризму и экстремизму пограничные органы федеральной службы безопасности занимают особо важное место и в соответствии с действующим федеральным законодательством, в приоритетном порядке решают задачи по защите национальных интересов Российской Федерации в целом и обеспечению пограничной безопасности государства, в частности, от основных форм проявления терроризма и экстремизма на государственной границе и приграничной территории.

При этом следует отметить, что правовое регулирование взаимодействия российских правоохранительных субъектов противодействия экстремизму и терроризму в ряде случаев пока еще строится без учета общности выполняемых задач. Требуют качественного улучшения, как нормативные правовые акты ФСБ России, так и нормативные правовые акты иных субъектов противодействия терроризму.

Библиография

1. Бараненков, В. В. Комментарий к ст. 2 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» / В. В. Бараненков // ФСБ России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации : науч.-практ. комментарий / под ред. В. Н. Ушакова, И. Л. Трунова. — М. : Эксмо, 2006.
2. Горбунов, Ю. С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему : монография / Ю. С. Горбунов. — М. : Молодая гвардия, 2008.
3. Дамаскин, О. В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности : монография / О. В. Дамаскин. — М. : ПА ФСБ России, 2016.
4. Долгова, А. И. Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность / А. И. Долгова. — М. : Российская криминологическая ассоциация, 2011.
5. Дьяков С. В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность / С. В. Дьяков. — М., 2010.
6. Назиров, Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления : дис. ... д-ра философ. наук : 09.00.11. — Душанбе : Академия наук республики Таджикистан, 2009.
7. Петров И. В. Правовая природа оперативно-розыскной деятельности пограничных органов федеральной службы безопасности // Военное право. — 2010. — № 4.
8. Писаренко, О. Н. Терроризм как крайняя форма выражения экстремизма / О. Н. Писаренко // Научные проблемы гуманитарных исследований.

Издательство: Институт региональных проблем российской государственности на Северном Кавказе. — 2010. — № 10.

9. Похилько, А. А. Терроризм как разновидность экстремизма / А. А. Похилько // Молодой ученый. — 2014. — № 3.

10. Римский, А. В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления / А. В. Римский, А. В. Артюх // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2009. — Вып. № 16 (71). — Т. 10.

11. Сундиев, И. Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты проблемы : монография / И. Ю. Связов. — М., 2008.

12. Транснациональная организованная преступность в пограничной сфере Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография / под общ. ред. И. В. Щеблыкиной. — Голицыно : ГПИ ФСБ России, 2015.

13. Устинов, В. В. Россия: 10 лет борьбы с международным терроризмом. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008.

14. Холопова, Е. Н. О возможности совершенствования проекта «Стратегии противодействия транснациональной криминальной деятельности в Российской Федерации» / Е. Н. Холопова, Д. А. Связов, В. В. Курда // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — М. : Юрлитинформ, 2017. — № 2 (31).

15. Царенкова, Н. Ю. Пограничные органы ФСБ России в системе обеспечения национальных интересов Российской Федерации в пограничной сфере / Н. Ю. Царенкова // Государство и право в XXI веке. — 2016. — Вып. № 1.

Border authorities as subjects of counteraction to terrorism and extremism in the Russian Federation

© Sviyazov D. A.,

specialist, ООО «Center of expertise and legal protection»

© Kurda V. V.,

specialist, ООО «Center of expertise and legal protection»

Abstract. In article on the basis of scientific and theoretical analysis of normative legal sources in the field of combating terrorism and extremism in the Russian Federation the conclusion that the border authorities are one of the key subjects of counteraction to terrorism and extremism, with the legal, organizational, technical features. In addition, they discussed topical issues of interaction of subjects of national system of counteraction to terrorism and extremism, taking into account characteristics of terrorist and extremist threats, the ways of increase of efficiency of their interaction.

Keywords: cooperation, military security, state border, border security, border authorities, powers, the system of counter-terrorism, terrorism, threats, and extremism.

Bibliography

1. Baranenko, V. V. Commentary to the article 2 of the Federal law «About Federal security service» / V. V. Baranenko // FSB. Legal regulation of the activities of the Federal security service on national security of the Russian Federation : scientific.-pract. the comment / under the editorship of V. N. Ushakov, I. L. Trunov. — M. : Eksmo, 2006.
2. Gorbunov, Y. S. Terrorism and the legal regulation of counteraction to it : monograph / Y. P. Gorbunov. — M. : Molodaya Gvardiya, 2008.
3. Damaskin O. V. Russia in the modern world: problems of international and national security : monograph / O. V. Damaskin. — M. : PA, FSB, 2016.
4. Dolgova, A. I. Criminological assessment of organized crime and corruption, legal battles and national security / A. I. Dolgova. — M. : Russian criminological Association, 2011.
5. Dyakov S. V. crimes against the State (against the constitutional order and security of the state) and the state crime / S. V. Dyakov. — M., 2010.
6. Nazirov, D. Problems of terrorism, religious extremism and ways to overcome them : dis. ... d-RA philosopher. Sciences : 09.00.11. — Dushanbe : Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, 2009.
7. Petrov I. V. the Legal nature of the investigative activities of border authorities of the Federal security service // Military law. — 2010. — № 4.
8. Pisarenko, O. N. Terrorism as an extreme form of expression of extremism / O. N. Pisarenko // Scientific problems of humanitarian studies. Publisher: the Institute for regional problems of Russian statehood on the North Caucasus. — 2010. — № 10.
9. Pokhil'ko, A. A. Terrorism as a form of extremism / A. A. Pokhil'ko // Young scientist. — 2014. — № 3.
10. Roman, A. V. Extremism and terrorism: the concept and the main forms of / A. V. Roman, A. Artyukh, V. // Bulletin of Belgorod state University. Series: Philosophy. Sociology. Right. — 2009. — Vol. № 16 (71). — T. 10.
11. Sundiev, I. Y. Terrorist invasion: criminological and socio-political aspects of the problem : monograph / I. Y. Sviyazov. — M., 2008.
12. Transnational organized crime in the border area in the Russian Federation: criminal law and criminological aspects : monograph / under the General editorship of I. V. Zaikonnikova Shablykino. — Golitsyno : GPI FSB, 2015.
13. Ustinov, V. V. Russia: 10 years of combating international terrorism. — M. : OLMA Media Grupp, 2008.
14. Kholopova, E. N. On the possibility of improvement of the draft «Strategy for combating transnational criminal activities in the Russian Federation» / E. N. Kholopov, D. A. Svyatov, V. V. Kurd // Library CSL. The scientific journal. — M. : Yurlitinform, 2017. — № 2 (31).
15. Zarenkov, N. Yu Boundary bodies of FSB of Russia in the system of ensuring the national interests of the Russian Federation in the border sphere / N. Yu Zarenkova // State and law in the XXI century. — 2016. — Vol. 1.

Правовое обеспечение антитеррористической защищенности мореплавания

© Суденко В. Е.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы уголовно-правового характера, относящиеся к правовому обеспечению мореплавания. Раскрывается содержание террористического акта, совершаемого на море, участие вооружённых сил в контртеррористических и иных антитеррористических операциях.

Рецензент — В. М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» в п. 1 ст. 3 определяет терроризм как идеологию насилия и практику влияния на органы государственной власти и местного самоуправления либо на международные организации в целях принятия ими решений в интересах террористов, когда это связано с устрашением населения и с иными формами насильственных действий. В нашей стране важнейшим нормативным документом, предусматривающим ответственность за совершение террористических актов, является УК РФ, ст. 205 которого предусматривает ответственность и уголовное наказание за совершение актов терроризма. Фактически любое противоправное действие, содержащееся в Конвенции 1988 г. и Протоколе к ней¹, может подпадать под её действие при условии, что оно посягает на общественную безопасность, устрашает население или оказывает воздействие на органы власти.

В то же время, хотя терроризм представляет собой идеологию насилия, но уголовной ответственности подлежит только лицо, совершившее предусмотренные ст. 205 УК РФ определенные действия, а именно взрыв, поджог, другие действия, которые устрашают население, создают опасность гибели человека или способны причинить значительный имущественный ущерб либо

вызвать наступление других тяжких последствий. Аналогичная трактовка террористического акта приведена и в ст. 3 Конвенции 1988 г.

Квалифицированными составами террористического акта, предусмотренными в ч. 2 ст. 205 УК РФ, является совершение тех же, что и указанных в ч. 1 ст. 205 УК РФ действий, отягощённых следующими признаками:

— если они совершены группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

— если повлекли за собой смерть человека по неосторожности. Относительно данного квалифицирующего состава террористического акта имеются некоторые возражения. Если в части первой данной статьи прямо сказано, что террористические действия создают опасность гибели человека, то, совершая их, виновный (виновные) вполне отдают себе отчёт о таких последствиях. Разве совершая взрыв при подходе к станции Эссентуки электрички Кисловодск — Минеральные Воды виновные не знали, что это не только может, но и обязательно приведёт к гибели людей? (Тогда погибло больше четырёх десятков человек — В. С.). Ответ может быть только один — конечно знали и желали этого, поскольку в утренние часы все электрички переполнены. Разве может совершённый террористический акт относиться к преступлениям, которые могут повлечь смерть человека «по неосторожности»? Вряд ли это возможно, поскольку те-

¹ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г. Ратифицирована Федеральным законом от 6 марта 2001 г. № 22-ФЗ.

ракты всегда совершаются только с прямым умыслом и являются заранее спланированным преступлением;

— если повлекли причинение значительного материального (имущественного, как сказано в законе) ущерба или если в результате их совершения наступили иные тяжкие последствия. И здесь возникает вполне законный вопрос: а какой ущерб при совершении террористического акта считается значительным? Из чего должен исходить следователь и суд при определении вида такого ущерба? Если из примечаний к ст. 158 УК РФ — Кража, то это сумма равная и выше 5 тыс. руб. Но это же смешно. Если применять крупный ущерб, то это сумма свыше 250 тыс. руб. Но вряд ли совершённый террористический акт приводит к такому имущественному ущербу. Не как правило, а всегда при совершении указанных террористических действий ущерб многократно, если не сказать тысячекратно, превышает приведённые суммы. Данный оценочный критерий ущерба нуждается в безотлагательном законодательном определении.

В ч. 3 ст. 205 УК РФ предусмотрены особо квалифицированные составы, которыми являются:

— террористический акт, сопряжённый с посягательством на объекты использования атомной энергии, к которым относятся атомные электростанции, иные предприятия, которые используют атомную энергию;

— теракт, совершённый с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ, источников радиоактивного излучения;

— теракт с использованием токсичных, отравляющих, ядовитых веществ либо опасных биологических или химических веществ;

— террористический акт с умышленным причинением смерти человеку.

В последнем случае, по нашему мнению, речь может идти о совершении убийства в процессе осуществления террористического акта. Помимо этого, законодатель предусмотрел в данном составе преступления использование при его совершении таких орудий и средств (факультативных при-

знаков объективной стороны), как отравляющие, токсичные, ядовитые или отравляющие вещества, либо вещества химического, ядерного или биологического происхождения. Последнее вытекает из требований ст. 3 bis Конвенции 1988 г.

В целях побуждения лиц, участвующих в подготовке террористических актов, к отказу от доведения этих преступлений до конца, законодатель предусмотрел возможность освобождения таких лиц от уголовной ответственности, но при наличии конкретных условий. Условиями являются позитивное поведение данного лица, направленное на своевременное предупреждение о готовящемся террористическом акте органов власти, а также иные способы предотвращения осуществления теракта; кроме того, необходимо, чтобы в действиях этого лица не усматривался состав другого преступления. Это, так называемое, специальное освобождение от уголовной ответственности, которое приведено законодателем в примечании к ст. 205 УК РФ.

В Федеральном законе «О противодействии терроризму» законодательно закреплены основы борьбы с терроризмом и отдельные аспекты её осуществления на море. В соответствии с п. 2 ст. 6 указанного Закона, в целях недопущения террористических актов в территориальных морях и во внутренних водных объектах Российской Федерации возможно применение Вооружённых Сил Российской Федерации для обеспечения безопасности национального судоходства, а кроме того, для обеспечения безопасности деятельности на объектах морской производственной сферы, которые расположены на континентальном шельфе нашей страны. К участию в антитеррористической деятельности привлекаются, прежде всего, корабли и подразделения Военно-Морского Флота России, специально подготовленные для выполнения этих задач. Моряки Военно-Морского Флота постоянно принимают участие в проводимых антитеррористических мероприятиях.

Вооружённые Силы Российской Федерации и части Военно-Морского Флота могут быть использованы и для недопущения передвижения какого-либо водного плава-

тельного средства (судна) посредством его уничтожения. Однако сказанное возможно только в ситуации, когда такое судно не подчиняется требованиям о приостановлении движения, и если имеется реальная, а не надуманная опасность наступления экологической катастрофы или гибели людей.

Вопросы пресечения международной террористической деятельности за пределами территориальных вод Российской Федерации также осуществляется посредством применения Вооружённых Сил Российской Федерации в соответствии с международными договорами нашей страны с другими государствами.

В законе предусматривается порядок компенсации ущерба от террористического акта физическим и юридическим лицам, пострадавшим от теракта, как и в ст. 8 bis Конвенции 1988 г. При этом, затраты на компенсацию морального вреда, причиненного террористическим актом, производятся за счет тех, кто его совершил.

Реализации положений Федерального закона «О противодействии терроризму» способствует постановление Правительства Российской Федерации от 6 июня 2007 г. № 352 «О мерах по реализации Федерального закона «О противодействии терроризму». Постановление предусматривает, в каком порядке применяется оружие и боевая техника Вооружённых Сил России с целью ликвидации угрозы террористического акта в территориальном море, во внутренних водах, на континентальном шельфе Российской Федерации; кроме того, для обеспечения безопасности морского судоходства, а также в подводной среде. Применяются Вооружённые Силы и при пресечении актов терроризма.

Процедуры, направленные на защиту морского судоходства и безопасности мореплавания от преступных посягательств, осуществляют ФСБ России, МВД России, Минобороны России, Минтранс России, ФТС России, МИД России, МЧС России, СВР России. Эти ведомства осуществляют названные мероприятия в пределах своей компетенции или самостоятельно, или взаимодействуя с другими ведомствами и федеральными органами исполнительной

власти и органами местного самоуправления.

Решение проблем относительно защиты морского судоходства, если рассматривать эту деятельность с точки зрения государственного управления и контроля, осуществляет Федеральное агентство морского и речного транспорта (Росморречфлот), как федеральный орган исполнительной власти, подведомственный Минтрансу России во взаимодействии с названными выше федеральными исполнительными органами и Координационным советом по морской безопасности, в который входят представители вышеперечисленных государственных органов. А защита морского судоходства возложена на подразделения морской безопасности Минтранса России и администрацию морских портов.

Минтранс России вырабатывает и координирует с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти мероприятия по обеспечению неприкосновенности морского судоходства, которые учитывают в обязательном порядке международные стандарты и нормы в области мореплавания и судоходства, а также различные руководства и рекомендации ИМО (International Maritime Organization, IMO).

Руководит действиями сил и средств при совершении преступлений террористического характера, угрожающих безопасности морского судоходства, или при возникновении непосредственной угрозы их совершения, руководитель контртеррористической операции, несущий персональную ответственность за ее проведение и результаты. «Руководитель контртеррористической операции определяет структуру и порядок работы оперативного штаба на период проведения контртеррористической операции, а также задачи и функции должностных лиц, включенных в состав оперативного штаба»¹.

Руководитель контртеррористической операции привлекает к проведению контртеррористической операции воинские части Вооружённых Сил Российской Федерации,

¹ Пункт 2 ст. 13 Федерального закона «О противодействии терроризму».

прежде всего Военно-Морского Флота и их подразделения в порядке, определённом нормативными правовыми актами Россий-

ской Федерации, которые действуют в соответствии с уставами и приказами командиров.

Legal support of anti-terrorist protection of navigation

© **Sudenko V. E.**,

candidate of legal Sciences, associate Professor of the Department «Criminal law, Criminal process and criminalistics» Law Institute of the Russian University of transport (MIIT)

Abstract. The article deals with problematic issues of criminal law relating to legal support of navigation. The content of the terrorist act committed on the sea, the participation of the armed forces in counter-terrorism and other anti-terrorist operations.

Keywords: terrorist attack, crime, seafaring, armed forces, counter-terrorist operation.

Правовые основы использования средств и методов кинологического обеспечения в оперативно-боевой деятельности органов федеральной службы безопасности

© Якубов М. И.

сотрудник Центра исследования проблем российского права
«Эквитас»

Аннотация. В статье рассмотрены служебные собаки, которые выделены как один из элементов обеспечения безопасности государства, в оперативно-боевой деятельности органов федеральной службы безопасности

Ключевые слова: национальная безопасность, правовое регулирование, оперативно-боевая деятельность, кинологическая деятельность, кинологическое обеспечение, служебные собаки.

Рецензент — Ю. Н. Туганов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

В целях консолидации усилий федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, организаций и граждан Российской Федерации в сфере обеспечения национальной безопасности Президент Российской Федерации своим Указом от 4 января 2016 г. № 683 утвердил Стратегию национальной безопасности Российской Федерации с основной задачей преодолеть последствия системного политического и социально-экономического возникшего кризиса в конце XX в., с целью остановить падение уровня и качества жизни российских граждан, остановить возрождающийся национализм, противодействовать сепаратизму и международному терроризму, предотвратить дискредитацию конституционного строя, сохранить суверенитет и территориальную целостность, восстановить возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов в качестве ключевого субъекта формирующихся многополярных международных отношений.

В Стратегии говорится, что основными угрозами государственной и общественной безопасности являются:

— разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, отдельных лиц, наносящая ущерб национальным интересам;

— деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная

на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, ущемление населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации;

— деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование "цветных революций", разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

— деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотроп-

ных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции и торговлей людьми;

— деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе;

— преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности;

— коррупция;

— стихийные бедствия, аварии и катастрофы, в том числе связанные с глобальным изменением климата, ухудшением технического состояния объектов инфраструктуры и возникновением пожаров.

Сегодня как никогда главной задачей обеспечения государственной и общественной безопасности являются усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствование правового регулирования, предупреждения преступности, коррупции, терроризма и экстремизма, распространения наркотиков и борьбы с такими явлениями, развитие взаимодействия органов обеспечения государственной безопасности и правопорядка с гражданским обществом, повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации, эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в области государственной и общественной безопасности.

Обеспечение этих задач достигается путем укрепления государственной и общественной безопасности, которое осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной системы профилактики преступности.

В сфере государственной и общественной безопасности федеральные органы исполнительной власти, на долгосрочную пер-

спективу должны исходить из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации.

Для реализации этих задач необходимо укрепление национальной обороны, которое достигается переходом Вооруженных Сил Российской Федерации, к качественно новому облику, модернизации, развитием новых военных технологий, методов ведения войны и подготовкой специалистов.

Одним из федеральных органов исполнительной власти, отвечающих за обеспечение этих задач, является Федеральная служба безопасности России.

Исторический опыт предыдущих столетий в обеспечении безопасности государства свидетельствует, что на современном этапе развития новых военных технологий, современных технических инновационных средств мы не можем не учитывать того факта, что есть и будут оставаться незаменимым важным элементом обеспечения безопасности государства служебные животные.

Наиболее распространённым и применяемым служебным животным в деятельности органов ФСБ России является служебная собака.

Сегодня растет необходимость применения служебных собак в различных сферах деятельности правоохранительных органов и специальных служб, отвечающих за безопасность государства, в сфере борьбы с внешними и внутренними угрозами¹.

Федеральным органам исполнительной власти, общественным объединениям национальной системы кинологической деятельности и собаководства в Российской Федерации в соответствии со п. 1 распоряжения Президента Российской Федерации

¹ Гурдин В. В. Служебная кинология в системе сил и средств обеспечения национальной безопасности : научно-практ. пособие. М. : УЦ Перспектива, 2013.

от 15 апреля 1996 г. № 191-рп «О национальной системе кинологической деятельности и собаководства в Российской Федерации» предписано поддержать инициативу Российской лиги кинологов по созданию национальной системы кинологической деятельности и собаководства в Российской Федерации. Согласно п. 3 данного распоряжения федеральным органам исполнительной власти, использующим служебных собак в своей служебной деятельности, предписано внести в установленном порядке согласованные предложения о мерах по развитию служебного собаководства.

В настоящее время служебные собаки используются более чем в 12 федеральных органах исполнительной власти, в том числе ОАО «Российские железные дороги», аэропортами, нефтедобывающими и газодобывающими компаниями, частными охранными предприятиями и др. организациями¹.

Диапазон их использования очень широк, так как они являются средством способным предотвратить, пресечь, раскрыть и расследовать преступление. Наибольшие свое применение они находят в сфере борьбы с преступностью, по защите и охране Государственной границы (в пограничной деятельности), в борьбе с транснациональной преступностью и терроризмом и в том числе др. угрозами.

Большой вклад в изучение применения служебных собак в федеральных органах исполнительной власти в целях обеспечения государственной безопасности внесли такие видные отечественные ученые, как Н. Г. Алишунат-Левина, Р. С. Белкин, В. В. Гриценко, О.А. Грошенкова, В. В. Гурдин, Л. М. Исаева, О. О. Коваленко, П. А. Мегун, М. Г. Пименов и др.

Рассматривая вопрос правового применения служебных собак в оперативно-боевой деятельности органов федеральной службы безопасности, мы провели анализ законодательства Российской Федерации,

который показал, что сегодня правовой основой применения служебных собак являются федеральные законы и подзаконные акты, регламентирующие оперативно-служебную, боевую, розыскную и процессуальную деятельность правоохранительных органов, министерств и ведомств.

В рамках своих полномочий сотрудники органов ФСБ России применяют служебных собак в качестве средства, способствующего предотвращению, пресечению, раскрытию и расследованию правонарушений и преступлений, отнесенных законодательством к ведению органов федеральной службы безопасности.

Из сложившихся современных условий правового регулирования можно увидеть, что правовая основа по применению служебных собак в органах федеральной службы безопасности очень широка, и спектр их применения в органах федеральной службы безопасности имеет сильные отличия от других федеральных органов исполнительной власти. Основным спектром их применения, является оперативно-боевая деятельность органов федеральной службы безопасности. Сегодня оперативно-боевая деятельность понимается как комплекс оперативных (разведывательных), войсковых действий, направленных на обнаружение, поиск и ликвидацию вооружённых формирований и групп противника, в том числе и специальных².

Из этого следует, что оперативно-боевая деятельность включает два основных компонента:

- 1) оперативные (разведывательные) действия;
- 2) войсковые действия.

Таким образом, система кинологического обеспечения оперативно-боевой деятельности органов федеральной службы безопасности включает следующие основные элементы:

— комплекс совокупных научных знаний, которыми должны обладать специалисты-кинологи;

¹ Якубов М. И. Правовая регламентация кинологической деятельности в федеральных органах исполнительной власти Российской Федерации в рамках обеспечения национальной безопасности: сравнительно-правовой анализ // Военное право. 2017. № 1 (41).

² Пограничный словарь. М. : Академия ФПС РФ, 2002. С. 43.

— профессиональную подготовку специалистов-кинологов;

— тактику и методику применения специалистами-кинологами служебных собак.

Применяются служебные собаки в основных направлениях оперативно-боевой деятельности органов ФСБ России: при поиске и задержании нарушителей Государственной границы, нарушителей пограничного режима и режима пунктов пропуска, в охране военных объектов, для обнаружения наркосодержащих препаратов, оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Задача кинологического обеспечения оперативно-боевой деятельности в органах федеральной службы безопасности заключается, в выработке основных правовых норм, определяющих спектр применения служебных собак, порядок их применения и содержания, а также ответственности за их применение¹.

Спектр применения служебных собак в органах федеральной службы безопасности делится на четыре основных направления деятельности²:

- в пограничной деятельности,
- в контрразведывательной деятельности;
- в борьбе с терроризмом;
- в борьбе с преступностью.

Но вместе с тем автором была выявлена проблема, которая показала, что сегодня законодатель не дает нам четкого понятия кинологического обеспечения и кинологической деятельности, а также не определил

порядок применения служебных собак в деятельности органов ФСБ России.

Например: сотрудники органов федеральной службы безопасности могут применять служебных собак в соответствии с Законом Российской Федерации «О государственной границе Российской Федерации», в котором определено, что сотрудники органов федеральной службы безопасности, применяют служебных собак в соответствии с законом «О федеральной службе безопасности». Но в данном Законе четко не определено как сотрудники органов федеральной службы безопасности должны применять служебных собак, а ведомственный нормативный акт в части, касающейся применения служебных собак, отсылает нас обратно к Закону о ФСБ России.

Таким образом, мы видим несоответствие, противоречие законов, которые подменяют друг друга. В связи с этим мы предлагаем в законодательных актах, регламентирующих сферу применения служебных собак в деятельности органов федеральной службы безопасности, более правильно и четко прописать отдельными правовыми нормами данный вопрос.

Ввиду выявленной проблемы законодателю необходимо:

— служебных собак выделить в отдельную группу средств обеспечения правоохранительной и оперативно-боевой деятельности органов федеральной службы безопасности;

— дать правовую характеристику специалистам-кинологам, использующим в своей служебной деятельности служебных собак;

— определить степень и характер ответственности специалистов-кинологов за порядок применения служебных собак (оценивая их статус как специалиста в конкретной области, участие которого в следственных действиях, оперативно-розыскных мероприятиях регламентировано законодательными актами).

В работе В. В. Гурдина обращено внимание на нежелание законодателя продолжать работу по дальнейшему формированию и совершенствованию современной системы нормативно-правового регулиро-

¹ Проект постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил применения служебных собак в деятельности органов федеральной службы безопасности, их обучения и содержания», подготовленный в соответствии со ст. 8, 11.1 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» и ст. 36 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации», рассмотрен на межведомственной научной конференции в результатах НИР «Кинологическое обеспечение деятельности пограничных органов федеральной службы безопасности (шифр «Кинолог»)» // МПИ ФСБ России, 2016.

² Данные положения вошли в указанный выше проект постановления Правительства Российской Федерации.

вания кинологической деятельности. Всестороннее изучение этой проблемы позволило обнаружить причину её возникновения. Она заключается в отсутствии механизма объективного контроля за результатами работы кинологической деятельности в Российской Федерации¹.

К причинам, характеризующим возникновение данной проблемы, по мнению автора, следует отнести:

а) недостаточную разработанность научных знаний в области биологии обонятельной системы, которая представляет собой достаточно сложную организационную структуру в выполнении многообразных жизненно необходимых биологических функций у высших позвоночных животных;

б) системообразующий фактор поведения животных, во главе которого стоит результат, удовлетворяющий основные биологические потребности живой системы;

в) роль субъективного фактора, выраженного в характерных ошибках при подготовке служебных собак, и его практическое применение по выявлению и отождествлению целевых веществ.

В деятельности органов ФСБ России в сфере кинологического обеспечения имеют ряд проблемных вопросов:

1) не урегулирован вопрос по осуществлению права на ведение культивирования служебных пород собак в Российской Федерации;

2) отсутствует правовое регулирование кинологической деятельности;

3) нет разработанных и утвержденных нормативных и правовых документов с общими, едиными требованиями для федеральных органов исполнительной власти, регулирующих кинологическую деятельность в Российской Федерации;

4) не разработаны методические материалы, обеспечивающие единые подходы и критерии оценки и организации кинологической деятельности;

5) нет единой формы служебного паспорта специалиста-кинолога, подтверждающего его квалификацию, и паспорта служебной собаки;

6) в структуре органов ФСБ России нет единого подразделения, отвечающего за кинологическую деятельность;

7) применение служебных собак в органах ФСБ России не имеет правового основания (сегодня есть только два нормативных правовых акта, которые регламентируют порядок и правила использования служебных собак, порядок их применения, обучения и содержания, а также определяют ответственность специалистов-кинологов использующих служебных собак)²;

8) в деятельности правоохранительных органов отсутствует понятие об ольфакторных методах расследования с применением служебных собак в рамках обеспечения безопасности. Как справедливо отмечает О. О. Коваленко, «в настоящее время условия, обеспечивающие правовое и организационное использование ольфакторного метода, созданы только в МВД России, без реализации его возможностей в отношении исследования взрывчатых, наркотических, психотропных, других веществ и при выявлении их следов на тех или иных объектах исследования»; «анализ нормативных правовых актов пограничных органов показал, что ни один из документов не определяет, каким образом обеспечивается получение результатов с использованием запаховых следов человека. Кроме того, отсутствуют какие-либо рекомендации по работе с такими следами»³.

Вышеизложенные факты были рассмотрены в научной работе автора⁴, где им были предложены основные направления решения этих проблем по правовому регулированию кинологической деятельности в Российской Федерации. В результате проведенного исследования автор пришел к выводу,

² См.: Статьи 26, 29 Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации»; постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2011 г. № 232 «Об использовании служебных собак в таможенном контроле, их обучение и содержание».

³ Коваленко О. О. Современные криминалистические методы и средства исследования запаховых следов человека применительно к деятельности пограничных органов федеральной службы безопасности : монография. М. : МПИ ФСБ России, 2014..

⁴ Якубов М. И. Указ. соч.

¹ Гурдин В. В. Указ. соч. С. 8.

что кинологическое обеспечение оперативно-боевой деятельности органов федеральной службы безопасности — это система совокупных научных знаний кинологической деятельности и основанных на ней умений и навыков специалистов-кинологов использовать научные рекомендации и разработки при подготовке и применении служебных собак в качестве действенного средства, способствующего повышению эффективности действий органов безопасности в оперативно-боевой деятельности по комплексному обеспечению национальной и общественной безопасности.

Таким образом, проблема контроля правильности и объективности применения служебных собак достаточно актуальна и определяется уровнем развития естественных и специальных кинологических знаний, состоянием правового регулирования общественных отношений в сфере служебной кинологии, а также историческими факторами. И мы можем с уверенностью сказать, что сегодня очень важно четко понимать роль и место служебной кинологии в области обеспечения национальной безопасности. Полагаем, что предложенные выше положения будут способствовать дальнейшему совершенствованию кинологической деятельности в Российской Федерации.

Несмотря на то, что сегодня способы охраны Государственной границы Российской Федерации и ведения оперативно-боевых действий органами ФСБ России подвергаются значительным изменениям, однако для более качественной и эффективной борьбы с внешними и внутренними угрозами и обеспечения государственной безопасности всегда останется неизменным помощником для военнослужащих органов федеральной службы безопасности служебная собака.

Библиография

1. Гурдин, В. В. Служебная кинология в системе сил и средств обеспечения национальной безопасности : научно-практическое пособие / В. В. Гурдин. — М. : УЦ Перспектива, 2013. — 28с.
2. Коваленко, О. О. Современные криминалистические методы и средства исследования запаховых следов человека применительно к деятельности пограничных органов федеральной службы безопасности : монография / О. О. Коваленко. — М. : МПИ ФСБ России, 2014. — 129 с.
3. Пограничный словарь. — М. : Академия ФПС РФ, 2002.
4. Якубов, М. И. Правовая регламентация кинологической деятельности в федеральных органах исполнительной власти Российской Федерации в рамках обеспечения национальной безопасности: сравнительно-правовой анализ / М. И. Якубов // Военное право. — 2017. — № 1.

Legal basis for the use of means and methods of dog training support in operational activities bodies of the Federal security service

© Yakubov M. I.

fellow, Centre for the study of problems of Russian law «ekvitas»

Abstract. The article considers a service dog, selected as one of the elements of the state's security, operational and combat activities of the Federal security service

Keywords: national security, legal regulation, operational and combat activities, cynological activity, cynological support, service dogs.

Bibliography

1. Gurdin, V. V. Service cynology in the system of forces and means of national security : scientific and practical guide / V. V. Gurdin. — M. : UTS Perspective, 2013. — 28 S.
2. Kovalenko, O. O. Modern criminalistic methods and means of research olfactory traces of man in relation to the activities of boundary bodies of Federal security service : a monograph / O. O. Kovalenko. — M. : MPI FSB of Russia, 2014. — 129 S.

3. The edge dictionary. — М. : Academy of the FPS of Russia, 2002.

4. Yakubov, M. I. Legal regulation of canine activities in the Federal bodies of Executive authorities of the Russian Federation within the framework of national security: comparative legal analysis / M. I. Yakubov // Military law. — 2017. — № 1.

Военные аспекты административного права

Историко-правовые аспекты возложения на ФСБ России функции по организации пенсионного обеспечения некоторых категорий граждан, уволенных с военной службы

© Ананьева Е. Е.,

адъюнкт, сотрудник Центра исследования проблем
российского права «Эквитас»

Аннотация. В статье рассматриваются исторические предпосылки осуществления Федеральной службой безопасности России функции по пенсионному обеспечению лиц, уволенных с военной службы из органов федеральной службы безопасности (контрразведки), органов внешней разведки, Федеральной службы охраны России, Службы специальных объектов при Президенте Российской Федерации.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, история, спецслужбы.

Рецензент — В. М. Корякин, доктор юридических наук, доцент

Современное пенсионное обеспечение граждан, уволенных с военной службы, организация данного процесса, средоточие функций по организации пенсионного процесса в конкретных структурах — все это неразрывно связаны с историей государства, силовых ведомств и собственно самого процесса пенсионного обеспечения граждан, проходивших военную службу.

В соответствии с п. «в» ст. 11 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, войсках национальной гвардии Российской Федерации, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» ФСБ России, как федеральный орган исполнительной власти, осуществляет функцию по пенсионному обеспечению лиц, уволенных из:

— органов федеральной службы безопасности (контрразведки) и пограничных войск;

— органов внешней разведки;

— органов государственной охраны;

— Федеральной пограничной службы и органов пограничной службы Российской Федерации;

— федеральных органов правительственной связи и информации;

— федерального органа специальной связи и информации;

— Главного управления охраны Российской Федерации;

— Службы безопасности Президента Российской Федерации;

— Службы специальных объектов при Президенте Российской Федерации.

Указом Президента Российской Федерации от 11 марта 2003 г. № 308 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области безопасности Российской Федерации» были упразднены Федеральная пограничная служба Российской Федерации и Федеральное агентство правительственной связи и информации при Президенте Российской Федерации. В рамках данной реорганизации Пограничные войска, органы и организации упраздняемой Пограничной службы Российской Федерации были переданы в состав ФСБ России. Функции упраздненной Федеральной пограничной службы Российской Федерации были также переданы ФСБ России. В связи с упразднением Федерального агентства правительст-

венной связи и информации при Президенте Российской Федерации его функции были перераспределены между ФСБ России, СВР России и Службой специальной связи и информации при ФСО России.

ФСО России стала правопреемником¹ Главного управления охраны Российской Федерации (далее — ГУО)². Преобразование ГУО в ФСО России было произведено в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 19 июня 1996 г. № 938 «О Федеральной службе охраны Российской Федерации». В соответствии с Указом Президента России от 2 июля 1996 г. № 1013 «О мерах по совершенствованию деятельности федеральных органов государственной охраны» и п. 13 Положения о Федеральной службе охраны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации 2 августа 1996 г. № 1136³, Служба безопасности Президента Российской Федерации вошла в состав ФСО России.

Военнослужащие, проходившие военную службу в вышеуказанных упраздненных органах, заняли новые должности без переаттестации и переназначения, за ними и членами их семей сохранился действующий порядок материального обеспечения, льготы, гарантии и компенсации⁴.

¹ В гражданском праве под термином «правопреемство» понимается переход права от одного субъекта к другому непосредственно в силу закона или соглашения. При правопреемстве вновь созданный субъект (правопреемник) занимает в правоотношениях место первоначального. К новому субъекту (правопреемнику) переходят все права и обязанности первоначального субъекта. В частности, правопреемник имеет тот же круг прав и несет те же обязанности, что и первоначальный субъект. (См.: Шляпников А. В. Комментарий к Федеральному закону от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране // URL: <https://www.lawmix.ru>).

² С сентября 1991 г. служба охраны была выведена из состава КГБ СССР и преобразована в Главное управление охраны СССР, подчиненное Президенту Советского Союза. (Воронцов С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность : учебник. Ростов н/Д. : Феникс, 1999).

³ Утратило силу.

С учетом осуществленной реорганизации государственных органов ФСБ России в настоящее время осуществляет пенсионное обеспечение в отношении граждан, уволенных из следующих органов:

- федеральной службы безопасности (контрразведки);
- органов внешней разведки;
- ФСО России;
- Службы специальных объектов при Президенте Российской Федерации (ССО).

По нашему мнению, выполнение ФСБ России функции по пенсионному обеспечению граждан, уволенных из органов федеральной службы безопасности, СВР России, ФСО России, ССО при Президенте России (далее — спецслужб) имеет историческое обоснование.

Так, созданный в 1954 г. Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете министров СССР и его органы являлись политическими органами, которые должны были осуществлять мероприятия Центрального Комитета КПСС и Правительства по защите государства от посягательств со стороны внешних и внутренних врагов, а также по охране государственных границ СССР⁵. Его работа осуществлялась под руководством и контролем Центрального Комитета КПСС.

В соответствии со ст. 10 Закона СССР от 28 апреля 1990 г. «О пенсионном обеспечении военнослужащих» функция по пенсионному обеспечению лиц, проходивших службу в органах государственной безопасности, была возложена на КГБ СССР.

2 апреля 1957 г. в КГБ при Совете Министров СССР были переданы из структуры Министерства внутренних дел пограничные войска и для управления ими образовано Главное управление пограничных войск (далее — ГУПВ)⁶.

К 1991 г. структура КГБ СССР включала в себя:

⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 г. «Об образовании Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР».

⁶ Шелепова С. А. Федеральная служба безопасности в системе правоохранительных органов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 73—74.

— Первое Главное управление — орган внешнеполитической разведки;

— Второе Главное управление — главный контрразведывательный орган;

— Третье Главное управление — военная контрразведка;

— Четвертое Управление — организация контрразведывательной работы на железнодорожном, водном и воздушном транспорте;

— Пятое Управление — организация борьбы с акциями так называемой идеологической диверсии иностранных спецслужб и организаций и борьбы с действиями враждебных элементов внутри страны;

— Шестое Управление — по защите экономики;

— Седьмое Управление — организация наружного наблюдения;

— Восьмое Управление — шифровально-дешифровальная работа;

— Девятое Управление — охрана руководителей ЦК КПСС и советского государства;

— Пятнадцатое Управление — организация эксплуатации, охраны и обороны особо важных объектов;

— Шестнадцатое Управление — перехват и дешифровка сигналов иностранных радиосредств;

— Оперативно-техническое управление — разработка и внедрение новейших специальных технических средств;

— Главное управление пограничных войск;

— Главное управление спецвойск;

— Управление правительственной связи;

— Управление кадров;

— Хозяйственное управление;

— Медицинское управление¹.

В феврале 1990 г. Девятое управление КГБ СССР было преобразовано в Службу охраны КГБ СССР.

Постановлением Государственного Совета СССР от 22 октября 1991 г. № ГС-8 «О реорганизации органов государственной безопасности» КГБ СССР был упразднен. КГБ и подчиненные ему органы были при-

знаны находящимися в юрисдикции суверенных государств, образовавшихся после распада СССР.

Одновременно были созданы Центральная служба разведки СССР, Межреспубликанская служба безопасности, Комитет по охране государственной границы СССР с объединенным командованием пограничных войск.

Законом СССР от 3 декабря 1991 г. № 124-Н «О реорганизации органов государственной безопасности» закреплено, что вновь образованные органы в пределах своей компетенции являются правопреемниками Комитета государственной безопасности СССР.

На базе Первого Главного управления КГБ СССР была образована Центральная служба разведки СССР². Указом Президента РСФСР от 8 декабря 1991 г. № 293 «Об образовании Службы внешней разведки РСФСР» на базе Центральной службы разведки СССР была образована Служба внешней разведки РСФСР.

В 1990 г. территориальные органы государственной безопасности вошли в КГБ РСФСР³, а в 1991 г. КГБ РСФСР преобразован в Агентство федеральной безопасности РСФСР⁴.

В связи с тем, что Российская Федерация стала суверенным государством, на базе Агентства федеральной безопасности РСФСР и Межреспубликанской службы безопасности было создано Министерство безопасности Российской Федерации⁵.

В 1993 г. Министерство безопасности было упразднено и вместо него создана Федеральная служба контрразведки Россий-

² Сойма В. М. Лубянка 1917—1991. Энциклопедия карьер и судеб. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 251.

³ Постановление Съезда народных депутатов РСФСР от 22 июня 1990 г. «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР».

⁴ Указ Президента СССР от 26 ноября 1991 г. «О преобразовании Комитета государственной безопасности РСФСР в Агентство федеральной безопасности РСФСР».

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 24 января 1992 г. № 42 «Об образовании Министерства безопасности Российской Федерации».

¹ Воронцов С. А. Указ. соч. С. 247—248.

ской Федерации¹. В 1995 г. Федеральная служба контрразведки Российской Федерации была реорганизована в ФСБ России².

Обязанности по осуществлению пенсионного обеспечения лиц, проходивших службу в органах государственной безопасности, возложенные на КГБ СССР в соответствии с Законом СССР от 28 апреля 1990 г. «О пенсионном обеспечении военнослужащих» были переданы ФСБ России в соответствии с Законом Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1.

Одновременно происходила реорганизация пограничных войск.

На базе ГУПВ КГБ СССР был создан Комитет по охране государственной границы СССР с объединенным командованием пограничных войск. Указом Президента Российской Федерации от 12 июня 1992 г. № 620 «Об образовании Пограничных войск Российской Федерации» в составе Министерства безопасности Российской Федерации были образованы Пограничные войска Российской Федерации за счет численности Комитета по охране государственной границы и подчиненных ему войск.

Указом Президента Российской Федерации от 12 июня 1992 г. № 620 «Об образовании Пограничных войск Российской Федерации» в составе Министерства безопасности Российской Федерации были образованы Пограничные войска Российской Федерации, за счет численности Комитета по охране государственной границы и подчиненных ему войск.

Указом Президента Российской Федерации от 30 декабря 1993 г. № 2318 на базе Пограничных войск упраздненного Министерства безопасности Российской Федерации была образована Федеральная пограничная служба — Главное командование Пограничных войск Российской Федерации

(ФПС — Главкомат)³. Указом Президента Российской Федерации от 30 декабря 1994 г. № 2245 «О Федеральной пограничной службе Российской Федерации» она была переименована в Федеральную пограничную службу Российской Федерации.

Спустя десятилетие, Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2003 г. № 308 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области безопасности Российской Федерации» упразднил ФПС России и передал ее функции ФСБ России.

Служба специальных объектов явилась правопреемником пятнадцатого управления КГБ СССР. В 1991 г. подразделение по эксплуатации, охране и обороне особо важных объектов становится самостоятельной спецслужбой⁴. ССО находится в подчинении Главного управления специальных программ Президента Российской Федерации⁵.

Таким образом, за небольшой по историческим меркам период, происходили структурные и функциональные изменения некогда единого КГБ. Сотрудники КГБ СССР переходили во вновь созданные структуры без переназначений и переаттестаций, не проводилось также и организационно-штатных мероприятий. Функцию по пенсионному обеспечению, которая была возложена на КГБ СССР, стала осуществлять образованная в результате его реорганизаций ФСБ России.

Наличие многочисленных спецслужб не способствовало развитию процессов упорядочения отношений в сфере пенсионного обеспечения лиц, уволенных с военной службы и оптимизации финансовых затрат государства на обеспечение данной функции. Поэтому наиболее целесообразным в этой связи было возложение обязанности по пенсионному обеспечению лиц, проходивших военную службу в спецслужбах, на единый орган — ФСБ России.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 1993 г. № 2233 «Об упразднении Министерства безопасности и создании Федеральной службы контрразведки».

² Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности в Российской Федерации».

³ Сизенко А. Г. Спецслужбы России и СССР. От приказа тайных дел до наших дней. М. : Владис, 2010. С. 348.

⁴ Воронцов С. А. Указ. соч. С. 554

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 15 марта 1999 г. № 350 «Вопросы Службы специальных объектов при Президенте Российской Федерации».

Библиография

1. Воронцов, С. А. Правоохранительные органы и спецслужбы Российской Федерации. История и современность : учебник / С. А. Воронцов. — Ростов н/Д : Феникс, 1999. — 704 с.
2. Комментарий к Федеральному закону от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» // URL: <https://www.lawmix.ru>
3. Сизенко, А. Г. Спецслужбы России и СССР. От приказа тайных дел до наших дней : популярная энциклопедия / А. Г. Сизенко. — Ростов н/Д : Владис, 2010. — 416 с.

4. Сойма, В. М. Лубянка 1917 — 1991. Энциклопедия карьер и судеб / В. М. Сойма. — М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. — 384 с.

5. Ушаков, В. Н. Федеральная служба безопасности России. Правовое регулирование деятельности федеральной службы безопасности по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации. Научно-практический комментарий / В. Н. Ушаков, И. А. Трунов. — М. : Эксмо, 2006. — 592 с.

6. Шелепова, С. А. Федеральная служба безопасности в системе правоохранительных органов в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / С. А. Шелепова. — М., 2008. — 223 с.

Historical and legal aspects of laying the Russian Federal security service functions for the organization of the pension provision of certain categories of citizens, dismissed from military service

© Anan'eva E. E.,

associate fellow, Centre for the study of problems of Russian law «ekvitas»

Abstract. The article considers historical prerequisites for the implementation of Federal security service of Russia of functions on pension provision of persons, dismissed from military service organs Federal security service (counterintelligence), foreign intelligence, the Federal security service of Russia, Service of special objects at the President of the Russian Federation.

Keywords: pensions, history, intelligence agencies.

Bibliography

1. Vorontsov, A. S. law Enforcement agencies and special services of the Russian Federation. History and modernity : textbook / S. A. Vorontsov. — Rostov n/D : Feniks, 1999. — 704 p.
 2. The commentary to the Federal law from may 27, 1996 n 57-FZ «On state protection» [Electronic resource] // URL: <https://www.lawmix.ru>.
 3. Sizenko, A. G. the secret services of Russia and the Soviet Union. From the order of secret Affairs to the present day : the popular encyclopedia / A. G. Sizenko. — Rostov n/D : Vladis, 2010. — 416 p.
 4. Sojm, V. M. Lubyanka 1917—1991. Encyclopedia of careers and fates / V. M. Sojm. — M. : OLMA Media Grupp, 2011. — 384 p.
 5. Ushakov, V. N. The Federal security service of Russia. Legal regulation of the activities of the Federal security service on national security of the Russian Federation. Scientific and practical commentary / V. N. Ushakov, I. A. Trunov. — M. : Eksmo, 2006. — 592 p
 6. Shelepova, S. A. Federal security service in the law enforcement system in the Russian Federation : dis. kand. the faculty of law sciences / S. A. Shelepova. — M., 2008. — 223 p.
-

Вторжение в компетенцию воинских должностных лиц в иерархической системе управления

© Глухов Е. А.,

старший преподаватель Санкт-Петербургского военного
института войск Национальной гвардии, подполковник
юстиции, кандидат юридических наук

Аннотация. В статье выявляется соотношение самостоятельности воинского должностного лица (командира воинской части) и контроля за его деятельностью со стороны старших начальников и лиц вышестоящего штаба по отдельным направлениям.

Ключевые слова: компетенция должностного лица, командир воинской части, принцип единоначалия, вторжение в компетенцию, иерархическая система управления, право выбора вариантов поведения, бюрократизм, указания, контроль.

Рецензент — В. М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

Капитан на корабле — первый после Бога.

Английская поговорка

Приведенная в эпиграфе настоящей статьи поговорка означает, что капитану корабля принадлежит вся власть на этом корабле, что он на этом корабле — самый главный начальник, даже если в этот момент на корабле присутствует Её Величество Королева Англии.

В настоящей статье автор попытается разобраться и дать свою интерпретацию разграничения властных полномочий между различными воинскими руководителями. Причиной, побудившей автора изучить данный вопрос, послужила имеющаяся неопределенность в том, кто же является главным в воинской части (учреждении, корабле, соединении) при посещении этой военной организации старшим начальником: командир этой воинской части или приехавший на время старший начальник? Кто из них несет ответственность за происходящее в это время в воинской части? Имеет ли право и должен ли командир воинской части не выполнять пожелания и требования старшего начальника, если тот вторгается в его компетенцию как командира воинской части?

Заявленный выше вопросы продиктованы отнюдь не теоретическими измышлениями, а носят практический характер. В современных реалиях старшие начальники довольно часто дают указания младшим начальникам по тем вопросам, по которым, согласно руководящим документам, реше-

ния должны приниматься на местах самими младшими начальниками.

Это, например, довольно распространенные случаи направления из штаба военного округа (регионального командования) до подчиненного командира воинской части Типового распорядка дня и Типового регламента служебного времени, хотя согласно ст. 222 Устава внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — УВС ВС РФ) эти вопросы находятся в компетенции командира воинской части (соединения). Это и запрет на еженедельное увольнение военнослужащих по призыву без согласования списков увольняемых с командиром воинской части, хотя согласно ст. 240 УВС ВС РФ такие военнослужащие увольняются из расположения воинской части командиром роты. Это и запрет командиру воинской части разрешать военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, выезжать за пределы гарнизона в периоды праздников, хотя опять-таки, данный вопрос согласно ст. 239 УВС ВС РФ входит в компетенцию командира воинской части.

Приведенные примеры — лишь небольшая толика случаев вторжения старшего начальника в компетенцию нижестоящего. И гораздо более значимыми такие случаи становятся в боевой обстановке, в военное время. Например, Ю. Мухин приводит опи-

сание деятельности представителя старшего органа военного управления — Ставки Верховного главного командования на Крымском фронте:

К вечеру первого дня наступления врага Верховный Главнокомандующий получил от Л. З. Мехлиса, являвшегося тогда представителем Ставки Верховного Главнокомандования при руководстве и в войсках Крымского фронта, телеграмму следующего содержания: «Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7 мая, то есть накануне наступления противника, комфронта Козлов созвал военный совет для обсуждения проекта будущей операции по овладению Кой-Асаном. Я порекомендовал отложить этот проект и немедленно дать указание армиям в связи с ожидаемым наступлением противника. В подписанном приказании комфронта в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10 — 15 мая, и предлагал проработать до 10 мая и изучить со всем начальством, командирами соединений и штабами план обороны армий. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию ошибочная в сроках ориентировка была исправлена. Сопrotивлялся также Козлов выдвижению дополнительных сил на участок 44-й армии».

В ответе Мехлису И. Сталин писал: «Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы — не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если «вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать», а Вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для Вас. Значит, Вы еще не поняли, что Вы посланы на Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки.

Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но Вы не можете не знать, что у нас нет в резерве гинденбургов. Дела у вас в Крыму несложные, и Вы могли бы сами справиться с ними. Если бы Вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте»¹.

Как видно из приведенного примера, имеется неопределенность, на ком же лежит ответственность за принятие управленческих решений: на штатном командире (начальники) или на находящемся у него должностном лице вышестоящего штаба? Итак, давайте рассмотрим вышеприведенные примеры с позиции военно-правовой науки.

В целях реального и успешного выполнения своих функций военные органы наделяются необходимыми государственно-властными полномочиями распорядительства, а также правом применения мер принудительного воздействия. Каждый орган военного управления функционирует согласно определенной для него компетенции², в пределах предоставленных ему полномочий. В свою очередь должностные права и обязанности командира или военного чиновника производны от функций и полномочий органа военного управления, где он проходит службу, и направлены на их реализацию.

Относительно компетенции командира воинской части следует отметить следующее.

¹ Мухин Ю. Если бы не генералы! Проблемы военного сословия. М. : Яуза, 2007.

² Компетенция в юриспруденции — это совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного органа или должностного лица; определяет его место в системе органов власти. Юридическое содержание понятия «компетенция» включает в себя такие элементы: предметы ведения (круг тех объектов, явлений, действий на которые распространяются полномочия); права и обязанности, полномочия органа либо лица; ответственность; соответствие поставленным целям, задачам и функциям.

Права и обязанности воинских должностных лиц жестко регламентированы различными правовыми актами: воинскими уставами, а также руководствами, наставлениями, положениями, инструкциями или письменными приказами прямых начальников. Из всех воинских должностных лиц права и обязанности командиров воинских частей определены наиболее объемно. Вместе с тем, указанные полномочия не кодифицированы в одном нормативном правовом акте, а «разбросаны» по множеству в различного уровня и степени полноты детализации руководящих документах, начиная от федеральных законов, заканчивая приказами непосредственного командира. И объем этих обязанностей, как правило, только увеличивается с изданием нового касающегося командира правового акта. А в отличие от гражданского работника увеличение обязанностей не требует согласия военнотружущего, потому что приказ начальника обязателен для исполнения военнотружущим.

Одновременно система воинских формирований построена по иерархическому принципу в виде пирамиды с лицами начальствующего состава наверху и подчиненными внизу. И у каждого воинского должностного лица, в том числе и руководителя органа военного управления, имеется вышестоящий начальник со своим штабом (органом управления), над которым, как правило, есть свой вышестоящий орган военного управления. Таким образом, у командира полка, например, непосредственным начальником является командир дивизии, но дисциплинарной властью по отношению к нему обладают еще и все заместители командира дивизии. А кроме должностных лиц дивизии командир полка подчиняется также командующему армией, командующему региональному командованию (войсками округа), главнокомандующему видом Вооруженных Сил или рода войск, Министру обороны и их заместителям (по направлениям их деятельности). Следовательно, в отличие от гражданского работника, чьим работодателем является всего лишь руководитель своей организации, у воинского командира гораздо больше начальников над собой.

Принцип единоначалия в сфере военнотружущих отношений означает, что любой из прямых начальников командира воинского формирования вправе отдавать ему обязательные для исполнения приказы, в том числе и в устном порядке (за исключением некоторых вопросов, регламентация которых возможна только письменными приказами).

Таким образом, старший командир всегда может вмешиваться в компетенцию подчиненного командира, вне зависимости от того, находится ли он с визитом в подчиненной воинской части, либо не находится. Другое дело, что находясь в подчиненной воинской части, старший командир имеет больше поводов и возможностей отдавать указания командиру этой воинской части или даже придирается (в рамках закона), опять-таки, не оформляя свои требования приказами письменно.

Разрешая непростой вопрос о наказуемости действий должностных лиц во исполнение обязательного для них приказа, Верховный Суд Российской Федерации указал следующее:

Если незаконность такого приказа осознала его адресатом, оно несет ответственность на общих основаниях. При этом вышестоящее должностное лицо, отдавшее незаконный приказ, уголовной ответственности также подлежит; его действия следует квалифицировать как организацию либо подстрекательство к совершению соответствующего преступления. В случае, когда исполнитель приказа по обстоятельствам дела не осознавал его незаконность, его уголовная ответственность исключается. Верховный Суд Российской Федерации также подчеркнул, что отдавшее приказ должностное лицо должно в такой ситуации нести ответственность именно как исполнитель преступления¹.

Но кроме собственно прямых начальников у командира воинской части имеются еще и иные должностные лица вышестоя-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

щих или надзорно-контрольных органов, которые также могут вмешиваться в его компетенцию. Так, в войсках руководствуются инструкциями и указаниями, например, начальника связи Вооруженных Сил, начальников управлений и департаментов боевой подготовки, службы войск и безопасности военной службы и т.п. Невыполнение распоряжений указанных должностных лиц также чревато привлечением командиров нижестоящих воинских частей к различного рода ответственности.

Считается, что начальники родов войск и служб — это наиболее компетентные должностные лица штабов, которые в узких, требующих специальных познаний вопросах, помогают командирам нижестоящих воинских формирований организовывать свою работу, вести войсковое хозяйство, выполнять свои обязанности. В идеале их деятельность осуществляется хоть и взаимосвязано, но параллельно; а все указания должностных лиц вышестоящих органов (не являющихся прямыми начальниками) не налагают на подчиненных новых обязанностей, а лишь более детально регламентируют порядок выполнения уже существующих обязанностей у командиров нижестоящих воинских формирований. Таким образом, речь можно вести не о вторжении в компетенцию нижестоящего должностного лица, а об оказании ему помощи.

Но, с другой стороны, практически у любого воинского должностного лица высокого ранга есть обязанность контролировать подчиненного военнослужащего, контролировать не подчиненных ему напрямую военнослужащих и даже воинские формирования по своим направлениям деятельности.

Для примера рассмотрим взаимоотношения начальника службы полка и командира роты того же полка. Эти должностные лица не подчинены друг другу, но командир роты подконтролен начальнику службы полка.

Итак, согласно ст. 113 УВС ВС РФ начальник службы обязан участвовать в разработке плана боевой подготовки полка и организовывать его выполнение по своей специальности. Начальник службы полка по

своей специальности имеет право давать указания¹ и рекомендации командирам подразделений по боевой подготовке личного состава и эксплуатации вооружения, военной техники и другого военного имущества (ст. 114 УВС ВС РФ). Указанные полномочия начальника службы позволяют говорить, что он может влиять на деятельность неподчиненных ему воинских должностных лиц, указывать им на нарушения и ошибки, давать им указания и рекомендации.

Аналогичная система взаимоотношений выстроена и выше. Так же как и командир роты подконтролен начальнику службы вышестоящего штаба и командир полка, напрямую ему не подчиненный. Также подчинен по некоторым вопросам командир полка начальнику гарнизона, даже если они представляют разные рода войск и не подчинены друг другу в ракурсе дисциплинарных отношений. Здесь весьма сложная система взаимоотношений: прямого подчинения нет, но есть право давать указания и требовать отчета об их исполнении.

Проблема видится не в том, что отдаваемые соответствующими начальниками служб, иными должностными лицами вышестоящих штабов, указания противоречат закону. Нет, как правило, такого рода указания соответствуют требованиям руководящих документов. Проблема в том, что лицо, отдавшее указание не подчиненному ему командиру, во-первых, фактически вторглось в его компетенцию, а во-вторых, требует исполнения своего указания вне зависимости от стоящих перед исполнителем иных задач и иных факторов.

Требовательный проверяющий всегда сравнивает фактическое положение дел с неким идеальным эталоном, предписанным в приказах, директивах, уставах. А раз так,

¹ В соответствии с п. 59 Инструкции по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации (утверждена приказом Министра обороны Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 170) указание — это распорядительный служебный документ, издаваемый преимущественно по вопросам, связанным с организацией выполнения приказов (директив) и других актов вышестоящих органов, как правило, ненормативного характера, и который адресуется нижестоящим должностным лицам по роду своей деятельности.

то нужно реагировать на любое мелочное отклонение от идеального. И пусть даже это представление идеального есть только в голове у самого проверяющего, но подчиненные должны под него подстроиться и выполнять.

Рассмотрим для примера две типовых ситуации.

1. Полк готовится к проведению боевых стрельб, командир полка принимает решение личный состав по максимуму задействовать на обслуживании вооружения и военной техники, провести тренировку боевых расчетов. При этом командир полка принимает решение перенести занятия по военно-медицинской подготовке, РХБЗ или ОГП на более поздний срок (в угоду качественной подготовке к стрельбе). Является ли это целесообразным? Думаю, да, поскольку личный состав задействован для решения более важной задачи, а непроведенные занятия можно провести позже. Является ли это законным? Тоже да, поскольку плановые занятия могут быть перенесены командиром полка (ст. 234 УВС ВС РФ). Однако если это перенесение занятий будет выявлено начальником службы вышестоящего штаба, то, несмотря на все благие побуждения и целесообразность действий командира полка, тот может дать ему обязательное для исполнения указание о возобновлении занятий по военно-медицинской подготовке, РХБЗ или ОГП.

2. Преподаватель проводит занятие с курсантами по какому-либо специальному предмету (пусть это будет, например, высшая математика либо криминалистика). К нему на занятие для проверки приходит проверяющий, который, конечно же, ничего не понимает ни в высшей математике, ни в криминалистике. Но проверять преподавателя ему надо, и недостатки он хочет выявить, чтоб работу свою показать. Поэтому он проверяет формальности: он проверяет конспект преподавателя для проведения занятий, он проверяет соблюдение преподавателем временных интервалов согласно конспекту (с точностью до минуты), он проверяет наличие выставки литературы и конспектов у курсантов. На основе всех этих незначительных мелочей такой проверяю-

щий делает глобальный вывод об уровне проведения занятия преподавателем.

Между тем, в соответствии с п. 3 ст. 47 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» сам преподаватель вправе выбирать педагогически обоснованные формы, средства и методы обучения. И конспект с жестко установленным временным интервалом для рассмотрения вопросов занятия никоим образом не способствует улучшению усвоения материала. Ведь если преподаватель ведет занятие в группе, где учатся больше отличников, где имеются склонные к изучению данной темы курсанты, то и время на доведение информации потребует меньше, и примеры нужно будут использовать другие, не те, что в соседней группе с более слабоуспевающими курсантами. Но проверяющим проще оценивать деятельность преподавателя не по фактическому результату, а по бумажкам: по планам и отчетам¹.

Этими примерами автор попытался показать, что акцентирование на мелочах, хоть и предписанных законом, может быть вредным для дела, для выполнения более важной задачи. А учитывая, что задача любого контролирующего органа — прийти, найти нарушения, зафиксировать, раздуть любую мелочь и подать ее начальству в качестве показателя высокого качества своей работы, то такие проверяющие всегда будут отвлекать от плановой работы нижестоящих сотрудников.

Командир воинского формирования в первом примере все больше и больше становится не руководителем, а послушным исполнителем требований вышестоящих должностных, причем не обязательно даже своих прямых начальников. Сфера компетентности командира уменьшается, решения по кругу своих вопросов принимает уже не он, а другие лица, которые требуют безоговорочного выполнения своих указаний. И такое вмешательство происходит не как в

¹ Глухов Е. А. Планы ради планов ... или о содержании и объемах личного планирования // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 7. С. 104—110.

бизнесе со стороны надзорных органов — раз в три года, а в любое время, командир в любой момент времени не застрахован от вмешательства сверху.

Но кто, кроме командира полка лучше знает весь комплекс стоящих перед полком задач? Кто лучше него сможет наиболее всесторонне разложить эти задачи по приоритетам важности и срочности, выделит из них главные и второстепенные?

И конечно, в большинстве случаев командир не хуже проверяющих из вышестоящего штаба знает, как полагается проводить то или иное мероприятие. И на нарушения командир сам будет реагировать, стремясь их не допускать или исправлять, без дополнительного стимулирования проверяющих и старших начальников. Но повторюсь, реакция командира будет более целесообразна и учитывать целый ряд обстоятельств, которые неизвестны приехавшим на пару дней чиновникам вышестоящего штаба.

Таким образом, в настоящее время существует неопределенность по разграничению компетенций командира воинского формирования и любого его старшего начальника либо проверяющего, который также выполняет свою обязанность по контролю подчиненного.

С подобной же проблемой, по-видимому, сталкиваются в системе следственных органов, так как о ней рассуждают на страницах юридической литературы. Например, как указывают комментаторы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, изменение правового положения следственных аппаратов не дает права должностным лицам вышестоящих следственных органов давать руководящие указания по конкретным уголовным делам руководителям и сотрудникам нижестоящих структур. Руководители следственных органов не вправе подменять следователя и вторгаться в его деятельность, если соответствующий процессуальный вопрос относится исключительно к его компетенции¹.

Правильно, по мнению автора, регламентирован вопрос о взаимоотношениях командира и его старшего начальника на кораблях Военно-морского флота.

Так, согласно ст. 102 Корабельного устава Военно-Морского Флота² командир соединения не вмешивается в управление маневрами корабля, если командир корабля действует правильно или допускает ошибки, не влияющие на безопасность кораблей соединения и корабля. Он указывает на такого рода ошибки после того, как предпринятый командиром корабля маневр будет завершен. Если командир соединения признает необходимым взять на себя управление кораблем или его маневрами (для предупреждения опасности, выполнения показательного маневра, при борьбе с аварией и в других случаях), то с момента объявления об этом командиру корабля или отдачи непосредственного приказа на руль или машинный телеграф командир соединения несет полную ответственность за корабль. Обратную передачу управления кораблем командир соединения осуществляет только после завершения предпринятого им маневра или когда опасность для корабля минует.

О вступлении командира соединения в непосредственное управление кораблем и об обратной передаче управления кораблем его командиру делается запись в вахтенном журнале. В отсутствие командира соединения на корабле право действовать, как изложено в настоящей статье, предоставляется начальнику штаба и заместителю командира соединения.

По-видимому, опыт и здравый смысл вкупе с высокой ответственностью за жизнь экипажа научили морское командование, что интересы дела требуют минимального вмешательства кого бы то ни было в компетенцию командира корабля. Полагаю, что показанный выше алгоритм действий необходимо распространить на все Вооруженные Силы Российской Федерации. Если прибывшего в воинскую часть старшего на-

И. Л. Петрухин. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Велби, Проспект. 2008.

² Введен в действие приказом Главнокомандующего Военно-Морским Флотом от 1 сентября 2001 г. № 350.

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред.

чальника не устраивает, как командует этой воинской частью ее командир, то старший начальник имеет законную возможность отстранить его от должности либо предпринять меры для этого. Брать же на себя функции командира этой воинской части старший начальник не должен без серьезного повода и письменного оформления такого решения. Соответственно и командир воинской части до момента отстранения или освобождения его от занимаемой должности должен иметь возможность выполнять свои обязанности и проводить в жизнь свою волю по управлению подчиненной ему воинской частью, не уступая это право приехавшему начальнику.

Из воспоминаний выдающегося русского генерала М. Драгомирова, который был наблюдателем при прусской армии в 1866 г., следует, что прусский генерал не может допустить вмешательства в свое управление войсками и если такое вмешательство последует от вышестоящего начальника, то он уйдет в отставку немедленно — он не будет нести ответственность за ошибки своего командира, и он не допустит посягательства на свое положение единоначальника¹.

Вмешательство в деятельность подчиненного свидетельствует, в первую очередь, о недоверии к нему. Однако внедрение пристальной и даже мелочной системы контроля неизбежно вызывает со стороны подчиненных поведение, ориентированное только на контроль. Подчиненные стремятся добиться выполнения контролируемых показателей и получить поощрения либо избежать отрицательных последствий во взаимоотношениях с начальством, отодвигая на задний план главные цели существования воинской организации. В свою очередь, такое положение дел вынуждает подчиненных пускать пыль в глаза, выкручиваться, обманывать, чтобы уйти от наказания за невыполнение даже какой-либо мелочи².

Подводя итог, полагаю, что в армейских условиях, где выполнение главной задачи —

обеспечения безопасности Родины — возможно только в результате слаженных действий всего воинского коллектива, контроль за подчиненными, безусловно, нужен. Однако все направления организации контроля в части со стороны старших начальников должны быть подчинены решению главной задачи войск — постоянному повышению боеспособности и боеготовности частей³, а не подменяться мелочными придирками. Контроль должен быть направлен на установление того, насколько результативны цели управляющего воздействия, какие коррективы и дополнительные средства необходимы для достижения дальнейших целей, что в управлении нужно подкорректировать. Но акцент здесь должен быть смещен с контроля за подчиненными на контроль за результатами их воинского труда.

По аналогии с актами прокурорского реагирования указания начальников служб следует расценивать как документы рекомендательного характера. При этом в случае, если возникает противоречие между командиром воинской части (подразделения) и начальником службы вышестоящего штаба, последний должен доложить о нем вышестоящему начальнику, являющемуся одновременно и начальником для командира подконтрольной воинской части (подразделения), и уже с учетом мнения этого начальника разрешить противоречие.

Кроме того, следует напомнить, что приказы и иные распоряжения старших начальников, указания вышестоящих должностных лиц, возлагающих дополнительные обязанности на определенных военнослужащих, могут быть оспорены в суд, даже если этими приказами и указаниями никто не был привлечен к ответственности⁴.

Библиография

³ Батырь В. А. Международное гуманитарное право : учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2011.

⁴ По данному вопросу см.: Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2009 г. № 5Н-7/09 // URL: http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=319094.

¹ Цит. по: Мухин Ю. Парад побед и поражений. М., 2016. С. 50.

² Глухов Е. А. За деревьями леса не видно или об акцентах мелочного контроля в военной среде // Управление персоналом. 2017. № 13. С. 47.

1. Батырь, В. А. Международное гуманитарное право: учебник для вузов / В. А. Батырь. 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юстицинформ, 2011.

2. Глухов, Е. А. За деревьями леса не видно или об акцентах мелочного контроля в военной среде / Е. А. Глухов // Управление персоналом. — 2017. — № 13.

3. Глухов, Е. А. Планы ради планов... или О содержании и объемах личного планирования / Е. А.

Глухов // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 7.

4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И. Л. Петрухин. 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Велби, Проспект, 2008.

5. Мухин, Ю. Если бы не генералы! Проблемы военного сословия / Ю. Мухин. — М. : Яуза, 2007.

6. Мухин, Ю. Парад побед и поражений / Ю. Мухин. — М., 2016.

Invasion into competence of military officials in a hierarchical control system

© **Glukhov E. A.**,

senior teacher of the St. Petersburg military institute of
troops of National guard, lieutenant colonel of justice

Abstract. In article the ratio of independence of the military official (the commander of military unit) and control of his activity comes to light from the senior chiefs and persons of higher headquarters in the separate directions.

Keywords: competence of the official, commander of military unit, principle of one-man management, invasion into competence, hierarchical control system, option of options of behavior, bureaucracy, instructions, control.

Bibliography

1. Batyr, V. A. International humanitarian law: the textbook for higher education institutions / V. A. Batyr. 2nd prod., reslave. and additional. — М. : Yustitsinform, 2011.

2. Glukhov, E. A. Plans for the sake of plans... or About the content and volumes of personal planning / E. A. Glukhov // The Right in Armed Forces — a military and legal review. — 2015. — № 7.

3. Glukhov, E. A. Behind trees of the wood / E. A. Glukhov // Human resource management isn't visible or about accents of petty control in the military environment . — 2017. — № 13.

4. The comment to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (itemized). the 6th edition processed and added / ed. I. L. Petrukhin. — М. : Velb, Prospectus, 2008.

5. Mukhin, Yu. If not generals! Problems of military estate. / Yu. Mukhin. — М. : Yauza, 2007.

Финансовый контроль как фактор противодействия коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации

© Землин А. И.,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры Военной администрации, административного и финансового права Военного университета

© Назарчук И. А.,

кандидат юридических наук, докторант кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

Аннотация. В статье рассматриваются значимость финансового контроля в деятельности по противодействию коррупции Российской Федерации, организационно-правовые основы осуществления контроля и аудита в сфере военных государственных закупок, а также единые системные подходы по устранению вскрытых недостатков правового обеспечения финансово экономической деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Ключевые слова: финансовый контроль, противодействие коррупции в Вооруженных Силах Российской Федерации, виды и формы финансового контроля, внешний и внутренний финансовый контроль.

Рецензент — Ю. Н. Туганов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Значимость финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации вполне очевидна и предопределена назначением контроля, заключающемся, в самом общем виде, в выявлении денежного отклонения, сопровождающего, как правило, любое нарушение принципов законности, целесообразности и эффективности расходования бюджетных средств, выделяемых на нужды обороны. Таким образом, финансовый контроль выступает как необходимое условие законности и эффективности финансовой деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации. О возрастающем понимании значимости и роли финансового контроля в деятельности по противодействию коррупции Российской Федерации свидетельствует расширение полномочий контрольных органов¹.

Как отмечает В. М. Корякин, контроль в Вооруженных Силах Российской Федерации является многогранным понятием. Он рассматривается и как функция военного управления, т.е. как вид управленческой деятельности; и как стадия военного управления, т.е. как определенный этап в управленческом цикле; и как способ обеспечения законности в Вооруженных Силах. В последнем значении контроль представляет собой деятельность по проверке фактического положения дел на подконтрольном объекте, по обнаружению недостатков, ошибок, злоупотреблений, по их устранению, а также привлечению к ответственности виновных лиц. Контроль в Вооруженных Силах Российской Федерации предполагает не только обнаружение нарушений закона и виновных в этом лиц, но и устранение как самих выявленных нарушений, так и условий, им способствовавших. И именно это качество, прежде всего, характеризует контроль как способ обеспечения законности в Вооруженных Силах. При контроле деятельность проверяемой воинской части, подразделения оценивается не только с точки зрения законности, но и, что весьма

¹ Землин А. И. Актуальные вопросы правового обеспечения финансовой деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации // Актуальные проблемы правовой работы в период формирования нового облика Вооруженных Сил Российской Федерации // Материалы межвуз. научно-практ. конференции. М. : ВУ, 2009.

существенно, с точки зрения целесообразности¹.

В настоящее время в России официально признается, что коррупция имеет системный характер и является одной из угроз национальной безопасности. На заседании коллегии Генеральной прокуратуры Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что «главное сейчас — это борьба с коррупцией. Дело в том, что коррупция наносит ущерб экономике и что страдают граждане — это конечно плохо, но страшнее то, что эти преступления подрывают сами государственные основы России. И бороться с ними — чрезвычайно важная не только профессиональная, но и политическая задача»².

По выражению С. В. Степашина, «сегодня в стране много контролирующих структур. Сейчас необходимо четко выстроить все уровни контроля — внутренние и внешние, выработать единые принципы контроля и методы его осуществления. Важно, чтобы и те, кого мы проверяем, тоже могли понимать, по каким правилам мы работаем»³.

В частности, Правительству Российской Федерации, президиуму Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции подпунктом «к» п. 1 Национального плана противодействия коррупции на 2014 — 2015 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 11 апреля 2014 г. № 226, предписано рассмотреть вопрос о наделении органов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля правом выносить предписания о приостановке (видимо, приостановлении — авт.) осуществления закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд до устранения выявленных нарушений законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых

актов о контрактной системе в сфере закупок.

Учитывая, что одной из самых коррупционных сфер государственной жизни являются государственные закупки, был разработан и принят Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94 ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», который должен был сузить возможности для возникновения коррупционных ситуаций в данной сфере⁴.

Роль внешнего государственного (муниципального) финансового контроля за деятельностью Минобороны России чрезвычайно велика. Внешний государственный (муниципальный) финансовый контроль в сфере бюджетных правоотношений является контрольной деятельностью соответственно Счетной палаты Российской Федерации, контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (далее — органы внешнего государственного (муниципального) финансового контроля).

Так, например, вскрываемые по результатам контрольной деятельности Счетной палаты нарушения не только являются основанием для выявления фактов коррупционных правонарушений, но и служат цели предупреждения таковых нарушений, формируя у соответствующих должностных лиц органов военного управления понимание неотвратимости контроля и, соответственно, наказания. В частности, отмечено, что «проверки, которые провела Счетная палата в Минобороны России в 2013 г., касались инвестиций, порядка планирования и исполнения гособоронзаказа. ... Были вскрыты финансовые нарушения, связанные с заключением договоров, финансирование по которым существенно превышало запланированные в бюджете ведомства цифры. Обнаружены объемы незавершенного строительства на сумму более 300 млрд. руб. Догово-

¹ Корякин В. М. Организационно-правовые проблемы ведомственного контроля в Минобороны России // Военное право. 2015. № 1. С. 67.

² Путин В. В. Выступление на заседании коллегии Генеральной прокуратуры // Российская газета, 2013, 6 марта.

³ Степашин С. В. Давайте беречь бюджетную копейку // Финансовый контроль. 2002 № 10. С. 28—29.

⁴ Корякин В. М. Условия возникновения коррупционных отношений при размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд военных организаций // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2009. № 10.

ры по ним были заключены, но в отсутствие финансового обеспечения, не были реализованы»¹.

Существенные недостатки финансового контроля в Минобороны России отмечались неоднократно и предопределены крайне слабой нормативной правовой базой и организационной основой финансового контроля как в целом в Российской Федерации, так и в Вооруженных Силах².

Из информации, представленной председателем Счетной палаты Т. Голиковой, согласно данным, полученным в ходе проверки исполнения федерального бюджета за 2012 г., а также из ответов на вопросник комплексной оценки внутреннего аудита следует, что средняя оценка по Минобороны России составляла 3,63 балла, при средней оценке по всем главным администраторам средств федерального бюджета — 4,25. Министерство обороны заняло 64-е место из 111. По ее мнению, низкая эффективность внутреннего контроля за расходами бюджетных средств Министерством обороны в 2011—2012 годах объясняется тем, что в предыдущий период система внутреннего контроля была практически полностью разрушена, ... были ликвидированы действовавшие ранее в Вооруженных Силах финансовые инспекции, основу которых составляли специалисты с военным финансовым образованием, имеющие значительный опыт работы. ... Если бы такой аудит существовал, то большинства нарушений можно было бы избежать. В итоге же получилось, что большинство проступков выявляли не внутренние, а внешние органы финансового контроля»³.

Осуществление финансового контроля в Вооруженных Силах имеет свои особенности, объясняемые особым их предназначением и в связи с этим их особой организационной структурой и формами управления. В настоящее время система государственного финансового контроля существенно из-

менена посредством принятия в 2013 г. Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», а также новеллы БК РФ, внесенные Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 252-ФЗ.

Новеллами раздела IX «Государственный финансовый контроль» и гл. 26 «Основы государственного (муниципального) финансового контроля» БК РФ (в ред. Федерального закона от 23 июля 2013 г. № 252-ФЗ) является, в первую очередь, выделение видов финансового контроля. Если ранее норма ст. 265 БК РФ раскрывала формы контроля, под которым безосновательно понимались предварительный, текущий и последующий контроль, то в настоящее время указанная статья подразделяет государственный (муниципальный) финансовый контроль на такие виды, как внешний и внутренний, предварительный и последующий.

Внутренний государственный (муниципальный) финансовый контроль в сфере бюджетных правоотношений является контрольной деятельностью Банка России, органов государственного (муниципального) финансового контроля, являющихся соответственно органами (должностными лицами) исполнительной власти субъектов Российской Федерации, местных администраций (далее — органы внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля), Федерального казначейства (финансовых органов субъектов Российской Федерации или муниципальных образований).

Следовательно, органами, осуществляющими этот вид контроля за финансово-хозяйственной деятельностью Вооруженных Сил Российской Федерации, является Федеральное казначейство.

Таким образом, при классификации государственного финансового контроля на внешний и внутренний вполне логично использован такой критерий, как компетенция органов, его осуществляющих. При этом очевидно, что из указанной системы выпал внутриведомственный контроль, осуществляемый главными распорядителями бюджетных средств в отношении подведомст-

¹ Российская газета. № 6320 (48).

² Землин А. И. и др. Актуальные проблемы внешнего финансового контроля за деятельностью государственных учреждений : монография. Воронеж : Научная книга, 2013.

³ Российская газета. № 6320 (48).

венных учреждений — получателей бюджетных средств (казенных учреждений) и органами исполнительной власти, органами исполнительной власти, исполняющими полномочия учредителя в отношении учреждений, не являющихся участниками бюджетного процесса (бюджетных и автономных учреждений).

Не входит в систему внутреннего контроля внутрихозяйственный контроль, который осуществляется финансовыми и контрольными службами собственно учреждений.

Внутриведомственный контроль, который, в частности, осуществляет Минобороны России, в гл. 26 БК РФ не раскрывается и внутренним государственным финансовым контролем в сфере бюджетных правоотношений не является. Тем не менее, в отношении государственных закупок эту разновидность контроля следует именовать ведомственным контролем¹.

Полномочия органов внешнего государственного (муниципального) финансового контроля по осуществлению внешнего государственного (муниципального) финансового контроля определены статьей 268.1 БК РФ, которая, по сути, дублирует нормы Федерального закона «О Счетной палате Российской Федерации». Согласно ст. 269.1 БК РФ санкционирование операций проводится при осуществлении полномочий по внутреннему государственному (муниципальному) финансовому контролю Федеральным казначейством (финансовыми органами субъектов Российской Федерации или муниципальных образований).

Согласно ст. 269.2 БК РФ полномочиями органов внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля по осуществлению внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, в частности, являются:

— контроль за соблюдением бюджетного законодательства Российской Федерации

и иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения;

— контроль за полнотой и достоверностью отчетности о реализации государственных (муниципальных) программ, в том числе отчетности об исполнении государственных (муниципальных) заданий.

При осуществлении полномочий по внутреннему государственному (муниципальному) финансовому контролю органами внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля:

— проводятся проверки, ревизии и обследования;

— направляются объектам контроля акты, заключения, представления и (или) предписания;

— направляются органам и должностным лицам, уполномоченным в соответствии с БК РФ, иными актами бюджетного законодательства Российской Федерации принимать решения о применении предусмотренных БК РФ бюджетных мер принуждения, уведомления о применении таких мер принуждения;

— осуществляется производство по делам об административных правонарушениях в порядке, установленном законодательством об административных правонарушениях».

Новеллой следует признать выделение в этой группе контрольных субъектов Федерального казначейства, де-юре лишенного контрольных полномочий в ходе административной реформы в 2004 г., и финансовых органов субъектов Российской Федерации или муниципальных образований, осуществляющих кассовое исполнение бюджетов.

Статьей 269.1 БК РФ установлено, что при осуществлении полномочий по внутреннему государственному (муниципальному) финансовому контролю Федеральным казначейством (финансовыми органами субъектов Российской Федерации или муниципальных образований) проводится санкционирование операций.

Критерием выделения таких видов контроля, как предварительный и последующий, является время осуществления контрольного мероприятия относительно проверяемой операции и, собственно, его цель.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2014 г. № 89 «Об утверждении Правил осуществления ведомственного контроля в сфере закупок для обеспечения федеральных нужд».

Так, имеющий особое значение для выявления коррупционных нарушений, последующий контроль осуществляется по результатам исполнения бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в целях установления законности их исполнения, достоверности учета и отчетности.

Роль контроля Федерального казначейства за финансово-хозяйственной деятельностью Вооруженных Сил трудно переоценить, поскольку он носит характер предварительного контроля и предназначен для предупреждения нецелевого и неэффективного расходования бюджетных средств, выделяемых на нужды обороны. Именно санкционируя операции после проверки соответствия отраженных в представленных документах бюджетных обязательств установленным лимитам, должностное лицо органа, исполняющего бюджет, «открывает кран» для бюджетных средств. Без указанной санкции на расход реальный результат, на который рассчитан коррупционный сговор, — выделение финансовых ресурсов, — невозможен.

Статья 267.1 БК РФ устанавливает, что методами осуществления государственного финансового контроля являются:

- проверка;
- ревизия;
- обследование;
- санкционирование операций.

При этом под проверкой (в целях БК РФ) понимается совершение контрольных действий по документальному и фактическому изучению законности отдельных финансовых и хозяйственных операций, достоверности бюджетного (бухгалтерского) учета и бюджетной (бухгалтерской) отчетности в отношении деятельности объекта контроля за определенный период. Таким образом, проверка, в свою очередь, может быть как фактической, так и документальной.

Согласно подп. 56 п. 7 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082, к полномочиям Минобороны России относится осуществление контроля фи-

нансово-экономической и хозяйственной деятельности Вооруженных Сил.

Анализ несоответствий и несообразностей подзаконных актов, регламентирующих порядок осуществления различных видов контроля, можно продолжать довольно долго. В специальной литературе приводится немало примеров на этот счет¹. Одним из негативных последствий несовершенства законодательства является создание условий для возникновения коррупции. Полностью искоренить коррупцию в области государственных закупок не удалось пока ни одному государству. Но снизить ее порог до уровня, когда она теряет характер явления, представляющего угрозу национальной безопасности, и перестает определять облик власти и сущность государства, можно и нужно. Стремление законодателя снизить коррупциогенный потенциал норм действующего российского законодательства в сфере закупок стало одной из важнейших побудительных причин принятия Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок, товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», вступившего в силу с 1 января 2014 г.².

Учитывая изложенное, весьма актуальным представляется поиск наиболее действенных способов использования административно-правовых средств противодействия коррупции в сфере государственных закупок. Одним из таких эффективных средств могло бы стать введение обязательной ан-

¹ Землин А. И., Дегтев Г. В., Корякин В. М., Гладина И. П., Землина О. М., Акимов Н. А., Фролова И. А., Сергеева С. А. Организационно-правовые основы противодействия коррупции в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд : монография / под ред. А. И. Землина. М. : МГУУ ПМ, 2014. С. 34.

² Землин А. И., Корякин В. М. Административно-правовые проблемы противодействия коррупции в системе государственных закупок : монография. М. : ЮИ МИИТ, 2013; Корякин В. М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности : монография. М. : Юрлитинформ, 2014.

тикоррупционной экспертизы конкурсной (аукционной) документации¹.

А также, необходимость исследования, научного осмысления и совершенствования правовых основ финансового контроля в Вооруженных Силах Российской Федерации предопределена потребностями практики военно-финансовой деятельности.

Библиография

1. Землин, А. И. Административно-правовые проблемы противодействия коррупции в системе государственных закупок : монография / А. И. Землин, В. М. Корякин. — М. : Юридический институт МИИТ, 2013.

2. Землин, А. И. Актуальные вопросы правового обеспечения финансовой деятельности в Вооруженных Силах Российской Федерации / А. И. Землин // Актуальные проблемы правовой работы в период формирования нового облика Вооруженных Сил Российской Федерации // Материалы межвуз. научно-практ. конференции. — М. : ВУ, 2009.

3. Землин, А. И. Актуальные проблемы внешнего финансового контроля за деятельностью государственных учреждений : монография / А. И. Землин, О. М. Землина, А. П. Назарчук, И. А. Назарчук, В. М. Акимов. — Воронеж : Научная книга, 2013.

4. Землин, А. И. Организационно-правовые основы противодействия коррупции в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд : монография / А. И. Землин [и др.] ; под ред. А. И. Землина. — М. : МГУУ ПМ, 2014.

5. Корякин В. М. Антикрупционная экспертиза документации о закупках товаров, работ и услуг для государственных нужд / В. М. Корякин // Журнал Российского права. — 2014. — № 5.

6. Корякин, В. М. Организационно-правовые проблемы ведомственного контроля в Минобороны России / В. М. Корякин // Военное право. — 2015. — № 1.

7. Корякин, В. М. Противодействие коррупции в сфере государственных закупок для нужд обороны и военной безопасности : монография / В. М. Корякин. — М. : Юрлитинформ, 2014.

8. Корякин, В. М. Условия возникновения коррупционных отношений при размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд военных организаций / В. М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2009. — № 10.

9. Степашин С. В. Давайте беречь бюджетную копейку / С. В. Степашин // Финансовый контроль. — 2002. — № 10.

¹ Корякин В. М. Антикрупционная экспертиза документации о закупках товаров, работ и услуг для государственных нужд // Журнал Российского права. 2014. № 5.

The basic legal problems of financial control in the Armed Forces of the Russian Federation

© Nazarchuk I. A.,

candidate of legal Sciences, doctoral candidate of the Department of military administration, administrative and financial law Military University

Abstract. The article considers the organizational-legal problems of financial control in the Armed Forces of the Russian Federation, peculiarities of financial control in the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: financial control, state financial control, financial control, internal and external financial control.

Bibliography

1. Burtsev, V. V. the System of state financial control : dis. ... d-ra ekon. sciences / V. V. Burtsev. — M. : MSU, 2001.
 2. Zemlin, A. I. Topical issues of legal support of financial activities in the Armed Forces of the Russian Federation / A. A. Zemlin // Actual problems of legal work in the period of forming a new image of the Armed Forces of the Russian Federation armed forces inter. nauchno-prakt. conference. — M. : WU, 2009.
 3. Koryakin, V. M. Organizational and legal problems of departmental control in the Ministry of defense of Russia / V. M. Koryakin // Military law. — 2015. — № 1.
 4. Kulagin, O. V. Constitutional and legal regulation of state financial control in the Russian Federation : dis. kand. the faculty of law. Sciences / O. V. Kulagin. — M., 2006.
 5. Ozhegov, S. I. dictionary of Russian language / S. I. Ozhegov, N. Y. Shvedova. — M. : Azbukovnik, 1997.
 6. The Soviet administrative law. Forms and methods of public administration. — M., 1972.
-

Гражданско-правовые аспекты военного права

Особенности государственных контрактов, заключаемых при организации воинских и специальных перевозок железнодорожным транспортом по результатам торгов

© Гаращук О. А.,
аспирант Юридического института Российского
университета транспорта (МИИТ), старший юрист
Юридической фирмы RS ADVISERS LP

Аннотация. Настоящая статья содержит анализ государственных контрактов, которые заключаются при организации процедуры воинских и специальных перевозок железнодорожным транспортом. В качестве примера рассматриваются государственные контракты, которые фактически были заключены в конце 2016 года по итогам проведения торгов, информация о которых является общедоступной. Кроме того, в статье приводится анализ судебной практики, затрагивающий актуальные вопросы толкования норм указанных государственных контрактов.

Ключевые слова: государственный контракт; воинские железнодорожные перевозки; специальные железнодорожные перевозки; договор аренды подвижного состава; фрахт; договор перевозки; смешанный договор.

Рецензент — В. М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

Обеспечение мобильности пассажиров и грузов Вооруженных Сил Российской Федерации как внутри, так и за пределами страны является приоритетной задачей государства в части обеспечения его обороноспособности.

Статья 2 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» (далее — УЖТ РФ) содержит понятие воинских железнодорожных перевозок, а также специальных железнодорожных перевозок, предназначенных для удовлетворения особо важных государственных и оборонных нужд. В чем заключается принципиальное различие между этими двумя понятиями, законодатель прямо не говорит. Очевидно лишь, что специальные перевозки — понятие более общее, которое относится в целом к стратегически важным задачам государства (и обороноспособность, и обеспечение охраны общественного порядка), тогда как воинские перевозки — железнодорожные перевозки воинских частей и подразделений, воинских грузов, воинских команд и отдельных лиц, проходящих воен-

ную службу, службу в органах внутренних дел, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, сотрудников органов федеральной службы безопасности, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, иными словами, то, что призвано обеспечить ежедневное бесперебойное обеспечение деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск. Воинских формирований и органов.

Основополагающим нормативным документом в части организации воинских железнодорожных перевозок является Устав воинских железнодорожных перевозок. Данный документ носит закрытый характер, ввиду чего ознакомиться с ним, а также проанализировать его содержание в рамках настоящей статьи не представляется возможным. При этом, несмотря на то, что УЖТ РФ в части, касающейся воинских железнодорожных перевозок, не содержит большого количества специальных норм, регулирующих данные вопросы, судебная практика содержит дела, так или иначе связанные с вопросами такого рода, рассматриваемые и публикуемые в открытом формате.

Сам процесс оказания услуг в области пассажирских и грузовых воинских перевозок, а также иных сопутствующих услуг осуществляется на основании государственных контрактов, заказчиками по которым является Минобороны России, а также иные уполномоченные органы власти (ФСБ России, МВД России) и подведомственные им организации (к примеру, ФКУ «Главный центр специальных перевозок МВД России», ФКУ «Объединенное стратегическое командование Западного военного округа», отдельные воинские части, которые имеют статус казенных учреждений). Органы власти в данном случае являются главными распорядителями бюджетных средств, предоставляемых для целей организации воинских и специальных перевозок железнодорожным транспортом.

Так, в полномочия Минобороны России входит¹:

— организация перевозок транспортными средствами Вооруженных Сил, а также воинских перевозок в интересах Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов,

— определение порядка оформления, выдачи, использования перевозочных документов.

Организации, подведомственные органам исполнительной власти, в которых законом предусмотрена военная служба, как правило, имеют статус учреждений — чаще казенных, ввиду наименьшего объема полномочий по самостоятельному распоряжению получаемым финансированием и целевым характером деятельности, носящим ярко выраженный целевой характер. Заключение соответствующих государственных контрактов в полном объеме осуществляется на основании и в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Со стороны исполнителя (перевоз-

чика) по результатам проводимых конкурентных процедур выступает как ОАО «РЖД», так и его дочерние компании (к примеру, АО «ФПК»). Кроме того, со стороны ОАО «РЖД» как исполнителя фактической организацией процесса воинских и специальных железнодорожных перевозок на местах также занимаются территориальные подразделения Федерального агентства железнодорожного транспорта (см., в частности, п. 6.5.1 Положения о Приволжском территориальном управлении Федерального агентства железнодорожного транспорта, утвержденное приказом Росжелдора от 13 сентября 2007 г. № 290). Такое распределение обязанностей основывается на полномочиях, которыми в текущий момент обладает само ОАО «РЖД», его дочерние и зависимые общества, а также в соответствии с имеющимися у них ресурсами.

Заключение договоров на организацию воинских перевозок железнодорожным транспортом в настоящий момент осуществляется в общем порядке, установленном для проведения торгов, без исключений. Здесь необходимо упомянуть, что в настоящий момент на рассмотрении находится текст законопроекта, в соответствии с которым предлагается установить, что осуществление закупки транспортных услуг и связанных с их обеспечением дополнительных услуг в случае необходимости выполнения воинских перевозок (в том числе железнодорожных) при наличии угрозы обороноспособности и безопасности государства, а также для обеспечения участия Вооруженных Сил Российской Федерации в операциях по поддержанию или восстановлению мира и международной безопасности за пределами Российской Федерации, будет осуществляться исключительно методом закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) в особом порядке.

Рассмотрим особенности заключаемого по итогам проведения торгов государственного контракта на оказание услуг, связанных с воинскими и специальными железнодорожными перевозками. Принимая во внимание, что многие из них, в особенности те, которые заключаются непосредственно от Минобороны России, носят закрытый ха-

¹ Пункт 7 Положения о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденного указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1082.

ракт, их тексты не размещаются в открытом доступе, для примера рассмотрим аналогичный контракт на организацию услуг, связанных со специальными перевозками.

Так, ФКУ «ГЦСП МВД России» по итогам проведенных конкурсных процедур заключает государственный контракт на выполнение грузовых воинских железнодорожных перевозок, в соответствии с которым ОАО «РЖД» является головным исполнителем и обязуется выполнять воинские и специальные железнодорожные грузовые перевозки в вагонах и контейнерах грузов, в том числе горюче-смазочных материалов и иных материально-технических ресурсов, закупаемых МВД России в рамках гособоронзаказа, грузов для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, перевозки арендованных (собственных), т.е. принадлежащих ФКУ «ГЦСП МВД России», пассажирских вагонов в составе грузовых поездов или отдельным локомотивом грузовой скоростью (см. закупку № 0373100047616000070, размещена 3 июня 2016 г., по итогам которой был заключен государственный контракт от 5 сентября 2016 г.). Также ФКУ «ГЦСП МВД России» заключает отдельный государственный контракт с АО «ФПК» на выполнение воинских железнодорожных пассажирских перевозок в дальнем следовании, в соответствии с которым последнее обязуется предоставить в аренду (дословно, как указано в тексте контракта, фрахт) железнодорожный пассажирский подвижной состав, багажные вагоны в приоритетном порядке, а также выполнить пассажирские перевозки сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих внутренних войск, членов их семей в поездах дальнего следования ОАО «РЖД» как головного исполнителя, багажа и грузобагажа в составе пассажирских поездов ОАО «РЖД», выполняемых ОАО «РЖД» для ФКУ «ГЦСП МВД России» (см. закупку № 0373100047616000073, размещена 30 июня 2016 г., по итогам которой был заключен государственный контракт от 19 сентября 2016 г.). Оба контракта заключаются по основанию закупки у единственного источника. Исходя из приведенного выше

предмета контракта, госконтракт, заключаемый ФКУ «ГЦСП МВД России» с ОАО «РЖД», является преимущественно договором перевозки грузов, тогда как госконтракт с ОАО «ФПК» носит смешанный характер и содержит в себе черты как договора перевозки (пассажиров), так и договора аренды подвижного состава.

Необходимо отметить, что в случае если предметы госконтрактов пересекаются, как в случае оказания услуг по перевозке домашних вещей, пассажирских вагонов в составе грузовых поездов или с отдельным локомотивом грузовой скоростью, которые принадлежат ФКУ «ГЦСП МВД России»; или арендуются им (в частности, как было выше указано у АО «ФПК»), приоритет за выполнением самой перевозки закрепляется за ОАО «РЖД». В частности, текст госконтракта с АО «ФПК» содержит формулировку об «обеспечении пассажирских перевозок», которая, с одной стороны, допускает, что сама перевозка осуществляется иным лицом, отличным от ОАО «РЖД» как головного исполнителя, а с другой стороны, создает некую неопределенность при установлении фактического исполнителя пассажирских перевозок при наличии вариантов. Примечателен еще тот факт, что предмет контракта с АО «ФПК», несмотря на то, что хоть и содержит четко оговоренные обязательства по предоставлению подвижного состава в аренду, в акте об оказанных услугах она не выделяется отдельной строкой, а относится к «иным услугам, связанным с оказанием воинских железнодорожных пассажирских перевозок». Таким образом, в случае возникновения спора не исключено, что такой госконтракт будет переквалифицирован в договор перевозки с дополнительными обязательствами по аренде подвижного состава или даже без таковых, если их объем отсутствует или незначителен, с применением соответствующих последствий.

Нельзя не отметить, что сам факт заключения смешанных договоров, несмотря на то, что на текущий момент имеет абсолютное, закрепленное законом правовое обоснование, всегда вызывал и будет вызывать большое количество вопросов. Прежде

всего, по причине того, что при возникновении спора суд в любом случае предпримет попытки переквалификации такого договора в один из видов договора, прямо предусмотренный законодательством (п. 2, 3 ст. 421 ГК РФ). Соответственно, существует принципиальная разница, будет ли переквалифицирован весь смешанный договор в договор, прямо предусмотренный законодательством, но содержащий определенные дополнительные обязательства для сторон, или переквалификация будет происходить путем деления смешанного договора на несколько отдельных видов договоров, прямо предусмотренных законом, с выделением нескольких предметов договоров. Так, для нашей ситуации с АО «ФПК» наиболее вероятно квалификация госконтракта как договора перевозки, содержащего дополнительные обязательства исполнителя по предоставлению подвижного состава в аренду, или как договора, содержащего обязательство по перевозке и аренде в отдельности.

Кроме того, еще несколько видов договоров, формы которых установлены законодательством, могут содержать сходные признаки гражданско-правовых отношений. Так, в соответствии с Общероссийским классификатором основных фондов основные виды подвижного состава относятся к транспортными средствами, следовательно, формально к ним могут применяться нормы параграфа 3 гл. 34 ГК РФ об аренде транспортных средств. Между тем, существующая судебная практика не признает вагоны, не являющиеся самоходными, отдельными транспортными средствами, в результате чего соответствующие отношения квалифицируются в рамках договора на оказание услуг¹. В свою очередь, для случая, когда арендуется подвижной состав, имеющий в составе локомотив, применение положений закона об аренде транспортных средств может считаться обоснованным².

¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 5 марта 2010 г. по делу № А56-20353/2009.

² Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 24 августа 2016 г. по делу № 06АП-4094/2016.

Кроме того, в судебной практике встречается смешение понятий договора фрахтования (как одного из разновидностей договора перевозки, ст. 787 ГК РФ) и вышеуказанного договора аренды транспортного средства в отношении вагонов. Принимая во внимание, что в одном из судебных дел судом к аналогичным отношениям были применены нормы договора аренды транспортного средства, можно сделать вывод, что понятие фрахтования само по себе не несет юридического смысла, в случае если соответствующий предмет правоотношений не закреплен в предмете госконтракта³.

В ОАО «РЖД», в свою очередь, существует примерная форма договора аренды отдельных пассажирских вагонов или специально сформированных пассажирских составов для выполнения воинских железнодорожных перевозок⁴. Тем не менее, учитывая тот факт, что в указанной ситуации в аренду подвижной состав предоставляется от АО «ФПК», а не ОАО «РЖД», соответствующее распоряжение носит внутренний характер и формально рекомендовано для использования при заключении договоров только для ОАО «РЖД», ссылка на применение данной формы договора для АО «ФПК» как арендодателя не является корректным.

Еще одной отличительной чертой государственных контрактов, заключаемых с ОАО «РЖД» и его дочерними структурами, является то, что их фактическое исполнение реализуется при участии иных лиц. Так, исполнение вышеуказанного контракта по закупке № 0373100047616000073 предусматривает использование инфраструктуры железнодорожного транспорта, принадлежащей ОАО «Акционерная компания «Железные дороги Якутии» и Государственному

³ Решение Арбитражного суда Ставропольского края от 2 мая 2017 г. по делу № А63-12092/2016; Решение Арбитражного суда Белгородской области от 8 декабря 2016 г. по делу № А08-3823/2016.

⁴ Распоряжение ОАО «РЖД» от 23 марта 2006 г. № 466р «Об утверждении примерной формы Договора аренды отдельных пассажирских вагонов или специально сформированных пассажирских составов для выполнения воинских железнодорожных перевозок».

унитарному предприятию Республики Крым «Крымская железная дорога», оказание услуг федеральным государственным предприятием «Ведомственная охрана железнодорожного транспорта Российской Федерации», ФГУП «Росморпорт» и иными владельцами паромных комплексов при предоставлении необходимой инфраструктуры для обеспечения накатки-выкатки вагонов на/с борт(а) парома в портах, а также участие филиалов ОАО «РЖД» — железных дорог, на которых предполагается перевозка, иных филиалов ОАО «РЖД» (ЦФТО) и их структурных подразделений (ТЦФТО) а также филиалов МВД России со стороны заказчика в части инициаторов организации воинских и специальных перевозок. Детализация оказанных сторонними организациями услуг в итоге приводится в сводном акте, составленном по форме приложения к госконтракту. Таким образом, фактически заключаемый контракт с ОАО «РЖД» на самом деле предусматривает целый комплекс гражданско-правовых отношений по перевозке, охране, предоставлении инфраструктуры железнодорожного транспорта, а также паромных комплексов. С одной стороны, в смысле организации гражданско-правовых отношений ОАО «РЖД» как головной исполнитель является единственно ответственным лицом за надлежащее оказание услуг для заказчика, а с другой, принимая во внимание фактор общественной важности и значимости воинских и специальных перевозок, ОАО «РЖД» не может исключить возникновение всех трудностей, связанных с излишним бюрократизмом и взаимозависимостью ввиду не прямой подконтрольности сторон.

Также госконтракт содержит некоторые иные условия, которые, на первый взгляд, можно рассматривать как не имеющие отношения к его предмету, а с другой стороны, в совокупности с анализом всего текста помогают сформировать полностью модель поведения сторон с учетом сопутствующих условий, без которых исполнение контракта может не соответствовать истинной воле сторон. Так, госконтракт содержит указание на то, что воинские и специальные железнодорожные перевозки выполняются ОАО

«РЖД» для ФКУ «ГЦСП МВД России» в объемах бюджетных ассигнований на основании предъявленных требований-накладных установленной формы. С одной стороны, данное условие можно рассматривать как устанавливающее обязанность ФКУ «ГЦСП МВД России» составлять требование исключительно в определенном формате и, соответственно, как освобождающее ОАО «РЖД» от обязательств в случае ненадлежащей подачи требования. С другой стороны, данное положение также можно считать как согласованное сторонами условие о том, что объем перевозок, гарантируемый для выполнения ОАО «РЖД» в соответствии с утвержденными тарифами, должен укладываться в размер выделенных бюджетных средств. Следовательно, в случае если объем необходимых для осуществления перевозок по стоимости будет превышать выделенный лимит, порядок действий сторон считается неопределенным.

Обращает на себя внимание также формулировка в предмете государственного контракта с АО «ФПК» о том, что предоставление подвижного состава в аренду осуществляется в приоритетном порядке. Так, ст. 7 УЖТ РФ содержит оговорку о том, что воинские перевозки осуществляются в приоритетном порядке, соответственно, необходимости транслировать данную норму в текст контракта нет. Между тем, отношения по аренде в данной ситуации являются дополнительными, по всей вероятности, допускается их рассмотрение как отдельного предмета договора. Соответственно, такая формулировка является необходимой и несмотря на то, что законом обязанность предоставлять подвижной состав в аренду для АО «ФПК» не установлена, вряд ли возможна негативная на данный счет практика антимонопольного органа.

Также хотелось бы отметить, что вопреки сложившейся практике заключения договоров (контрактов) госконтракт между ФКУ «ГЦСП МВД России» и ОАО «РЖД» содержит необходимость соблюдения условий секретности и безопасности в соответствии с Уставом воинских железнодорожных перевозок, о котором уже было сказано ранее, однако не предусматривает иных обяза-

тельств по соблюдению конфиденциальности, что может показаться весьма странным для его субъектного состава. Аналогичным образом, госконтракт не предусматривает и каких-либо специальных условий об ответственности сторон за несоблюдение положений о секретности, что так часто используется сейчас в обычной коммерческой практике.

Помимо услуг в сфере железнодорожного транспорта, которые оказываются в пользу Вооруженных сил Российской Федерации крупными организациями-монополистами наподобие ОАО «РЖД» и его дочерних структур, ФГРУП «Росморпорт» и аналогичных, отдельные виды услуг также доступны для оказания обычными юридическими лицами. Так, к примеру, на регулярной основе войсковым частям требуется получить услуги по сливу-наливу нефтепродуктов и оказанию услуг по подаче и уборке железнодорожных цистерн для нужд воинской части, в связи с чем органи-

зуются соответствующие торги (см., к примеру, закупку № 0848100003717000001). Торги в данном случае проводятся через проведение конкурентных процедур.

Подводя итог всему сказанному выше, можно сделать вывод о том, что процедура заключения государственных контрактов при организации воинских и специальных перевозок железнодорожным транспортом по результатам торгов, с одной стороны, не отличается особой сложностью, а с другой требует безусловной юридической техники при составлении соответствующих текстов государственных контрактов. Несмотря на то, что данная область отношений характеризуется жестким государственным регулированием, тем не менее, включение или изменение отдельных положений может иметь существенное значение как с точки зрения фактического исполнения, так и с позиции дальнейшей судебной практики.

Analysis of the characteristics of the government contracts concluded as a result of the organization of military and special rail transportation at the tender

© Garaschuk O.A.,

postgraduate of the Institute of Law Russian University of transport (MIIT), Senior lawyer of the RS ADVISERS Law firm, LP

Abstract. The article provides an analysis of government contracts which are concluded as a result of the organization of military and special rail transportation. As an example, there are studies of the government contracts that have been actually signed at the end of 2016 as a result of tenders, information of which is publicly available. In addition, the article presents analysis of judicial practice on topical issues of interpretation of certain terms in the specified government contracts.

Keywords: government contract; military rail transportation; special rail transportation; lease agreement of rolling stock; freight; contract of carriage; mixed contract.

Особенности осуществления государственных закупок товаров, работ, услуг воинскими частями Российской Федерации, дислоцирующимися на территории иностранных государств

© Сергеев Д. Ю.

кандидат юридических наук, юрисконсульт войсковой части,

© Костюченко А. А.

юрисконсульт войсковой части

Аннотация: В статье выделены особенности осуществления государственных закупок товаров, работ, услуг воинскими частями, дислоцирующимися за рубежом, а также выявлены правовые пробелы и коллизии в указанной сфере правовых отношений и определены предложения по их устранению.

Ключевые слова: воинские части, государственные закупки, иностранные государства, юридические лица, филиал.

Рецензент — В. Н. Старцун, доктор юридических наук, профессор.

Поддержание необходимого уровня обороноспособности и безопасности Российской Федерации является одной из приоритетных целей поставок продукции для федеральных государственных нужд, которая реализуется на фоне непростой социально-экономической обстановки в стране с учётом введения некоторыми странами санкций в отношении России, ослабления национальной валюты, кризисных явлений на внешнем и внутреннем рынках, недостатка бюджетного финансирования и финансовых трудностей субъектов предпринимательской деятельности, сокращения доходов и покупательской способности юридических и физических лиц¹.

Для достижения оптимальных параметров функционирования экономики и решения приоритетных задач, стоящих перед государством, необходима организация рационального и эффективного расходования бюджетных средств. Поскольку система государственных закупок служит реализацией этой цели, ее совершенствование с полным основанием может быть отнесено к категории задач государственной важности. В условиях нестабильности российской эконо-

мики и роста расходной части бюджетов организация эффективной работы системы государственных закупок и создание объективной системы оценки ее эффективности приобретает все большее значение.

Исходя из важности такого рода деятельности для обеспечения обороноспособности и безопасности Российской Федерации, а также активизации работы органов государственной власти Российской Федерации в этом направлении, являются актуальными и имеют научное и практическое значение вопросы правового регулирования осуществления государственных закупок, в том числе, воинскими частями, дислоцирующимися за пределами территории Российской Федерации.

Результаты анализа публикаций в военно-научных изданиях свидетельствуют, что исследованию подвергались вопросы осуществления государственных закупок товаров, работ, услуг воинскими частями, которые дислоцируются на территории Российской Федерации². В то время как воинские

¹ См. п. 57, 58, 62 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

² См., напр.: Богдан В. Г. Проблемы практического применения мер гражданско-правовой ответственности сторон государственного контракта // Военное право». 2015. № 9. С. 102—109; Корякин В. М. Антикоррупционная экспертиза документации о закупках товаров, работ и услуг для государственных нужд // Журнал Российского права. 2014. № 5. С.

части, дислоцирующиеся за рубежом, также вступают в указанные правовые отношения, при этом при их осуществлении имеют ряд особенностей. В связи с этим попытаемся раскрыть некоторые особенности осуществления государственных закупок товаров, работ, услуг воинскими частями, дислоцирующимися за рубежом.

В отличие от воинских частей, дислоцирующихся на территории Российской Федерации, воинские части за рубежом участвуют в гражданских правоотношениях только от имени федерального органа исполнительной власти, которому они подведомственны¹. Это связано с тем, что у них отсутствует статус юридического лица. Как отмечает В. В. Бараненков², если, по общей практике, воинские части, дислоцирующиеся за пределами Российской Федерации, наделить статусом юридического лица, то может возникнуть следующая проблема. В соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» государственная регистрация юридического лица осуществ-

ляется по месту нахождения указанного учредителями в заявлении о государственной регистрации постоянно действующего исполнительного органа, в случае отсутствия такого исполнительного органа — по месту нахождения иного органа или лица, имеющих право действовать от имени юридического лица без доверенности. Из прямого толкования нормы закона следует, что государственная регистрация Пограничного управления ФСБ России в Республике Армения в качестве юридического лица должна осуществляться в самой Республике Армения, при этом фактически образуется не российское, а армянское юридическое лицо, которое для Российской Федерации будет иностранным и на которое полностью распространяется юрисдикция чужого государства³. В связи с этим они обладают статусом обособленного подразделения юридического лица с организационно-обособленной формой — филиал.

Еще одной особенностью является порядок финансирования воинских частей, дислоцирующихся за рубежом, определённый международными договорами Российской Федерации, регламентирующих их правовое положение⁴. Начиная с 2012 г. все бюджетные учреждения работают в соответствии с государственными (муниципальными) заданиями⁵. Порядок и условия финансового обеспечения госзадания из бюд-

66—75; Свиных Е. А. Военные организации как государственные заказчики в рамках контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд (на примере Вооруженных сил Российской Федерации) // Военно-юридический журнал. 2014. № 7. С. 3—7; Свиных Е. А. Правовые аспекты организации закупочной системы военных ведомств // Военное право. 2015 № 3. С. 238—265; Свиных Е. А. Отдельные вопросы правового регулирования закупок работ и услуг в целях материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 1. С. 92—97.

¹ Положение о Пограничном управлении федеральной службы безопасности Российской Федерации в Республике Абхазия, утвержденное приказом ФСБ России от 21 июля 2009 г. № 350 (п. 27); Положение о Пограничном управлении Федеральной службы безопасности Российской Федерации в Республике Южная Осетия, утвержденное приказом ФСБ России от 22 июля 2009 г. № 353 (п. 27); Положение о Пограничном управлении Федеральной службы безопасности Российской Федерации в Республике Армения, утвержденное приказом ФСБ России от 12 марта 2007 г. № 102 (п. 11.15, 12.3).

² Бараненков В. В. Юридическая личность военных организаций : монография. М. : МПИ ФСБ России, 2008. С. 218, 271.

³ Там же. С. 218, 271.

⁴ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Абхазия : заключено в г. Москве 30 апр. 2009 г.; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Южная Осетия : заключено в г. Москве 30 апр. 2009 г.; Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о статусе Пограничных войск Российской Федерации, находящихся на территории Республики Армения, и условиях их функционирования : заключено в г. Ереване 30 сентября 1992 г.

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 2015 г. № 640 «О порядке формирования государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения выполнения государственного задания».

жетов Российской Федерации всех уровней для каждого типа государственных учреждений утвержден свой. Например, в соответствии с положениями о Пограничных управлениях¹, Управления являются подведомственными ФСБ России распорядителями и получателями средств федерального бюджета, имеют самостоятельный баланс, смету доходов и расходов, лицевые счета в полевом учреждении Центрального банка Российской Федерации, представляют в Пограничную службу ФСБ России бюджетные заявки о потребности в денежных средствах на планируемый финансовый год и среднесрочную перспективу, осуществляют организацию и ведение бюджетного учета, финансовых, нефинансовых активов и обязательств, составляют и представляют бюджетную статистическую и иную отчетность.

Исходя из указанных особенностей, воинские части, дислоцирующиеся за рубежом, не могут осуществлять операции с денежными средствами посредством открытия лицевых счетов в органах Федерального казначейства, либо в финансовых органах субъектов Российской Федерации или муниципальных образований (п. 8 ст. 9.2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»).

Отсутствие лицевых счетов в органах Федерального казначейства, в свою очередь, не позволяет осуществить регистрацию воинских частей, дислоцирующихся за рубежом, как участников бюджетного процесса, предусмотренного приказом Минфина России от 23 декабря 2014 г. № 163н «О порядке формирования и ведения реестра участников бюджетного процесса, а также юридических лиц, не являющихся участниками бюджетного процесса».

Указанные выше обстоятельства не позволяют воинским частям, осуществляющим свою деятельность на территории иностранного государства, проходить обязательную их регистрацию в государственной интегрированной информационной системе

управления общественными финансами «Электронный бюджет» и закреплять их в территориальных органах Федерального казначейства для учета бюджетных и денежных обязательств получателей средств федерального бюджета, предусмотренных приказом Минфина России от 23 декабря 2014 г. № 163н, а значит, не могут всесторонне реализовать возможности Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и использовать общие способы определения поставщика.

Законодательные органы Российской Федерации, осознавая наличие как объективно существующих, «технических» особенностей ряда объектов закупки — товаров, работ, услуг, так и особенности правового положения отдельных субъектов — потенциальных поставщиков, подрядчиков, исполнителей, заказчиков, которые приводят к необходимости установления и определенным особенностям порядка проведения процедур закупки, вынесли в отдельную 7-ю главу Закона о контрактной системе, определяющего особенности осуществления отдельных видов закупок.

В соответствии с ч. 1 ст. 75 Закона о контрактной системе любые заказчики, осуществляющие деятельность на территории иностранного государства, для обеспечения такой деятельности вправе проводить закупку товаров, работ, услуг у российских или иностранных поставщиков, подрядчиков, исполнителей на территории иностранного государства путем проведения запроса котировок с учетом особенностей, предусмотренных ч. 2 ст. 75 и ст. 111.1 Закона о контрактной системе. Запрос котировок на иностранной территории применяется без ограничений, установленных ч. 2 ст. 72 Закона о контрактной системе, касающихся начальной (максимальной) цены контракта и годового объема закупок, осуществляемых путем проведения запроса котировок.

Прежде всего, следует учитывать, что при проведении запроса котировок на иностранной территории, размещение в единой информационной системе (ЕИС) извещения

¹ Положение о Пограничном управлении ФСБ России в Республике Абхазия: п. 5; Положение о Пограничном управлении ФСБ России в Республике Южная Осетия: п. 5, Положение о Пограничном управлении ФСБ России в Республике Армения: п. 7.

о проведении запроса котировок, протокола рассмотрения и оценки заявок на участие в запросе котировок, предусмотренного ст. 78 Закона о контрактной системе, иных предусмотренных данным Законом информации и документов, не требуется.

Тем не менее сама необходимость размещения извещения в публичном доступе Законом для запроса котировок на иностранной территории не исключается. Где именно должно быть размещено извещение, Законом не предусмотрено. Допуская возможность применения аналогии с ч. 2 ст. 49, ч. 4 ст. 63 Закона о контрактной системе, с поправкой, вытекающей из п. 6 ч. 2 ст. 75, п. 2 с. 111.1 Закона о контрактной системе, следует полагать, что извещение может быть размещено в средствах массовой информации и (или) на сайтах в сети «Интернет», в том числе на официальном сайте заказчика.

Стоит отметить, что возможно и размещение извещения в ЕИС, так как в соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 75, п. 2 ст. 111.1 Закона о контрактной системе только отменяется обязательность такого размещения для случаев запроса котировок на иностранной территории, но не запрещается для таких случаев вовсе.

Исходя из требований ст. 111.1 Закона о контрактной системе, для ее применения необходимо одновременное соблюдение двух условий:

- заказчик осуществляет деятельность на территории иностранного государства;
- закупка проводится именно на территории иностранного государства.

При осуществлении «иностранной» закупки заказчик освобождается от целого ряда обязанностей, предусмотренных Законом о контрактной системе, а именно:

1) заказчик в соответствии с п. 2 ст. 111.1 Закона о контрактной системе вправе не размещать в ЕИС информацию, предусмотренную Законом о контрактной системе. По нашему мнению, это связано с тем, что в ряде случаев при «иностранной» закупке информация о закупке должна доводиться, в первую очередь, до сведения участников закупки — резидентов иностранных государств, а размещение информации

в ЕИС не будет способствовать достижению этой цели;

2) заказчик в соответствии с п. 1 ст. 111.1 Закона о контрактной системе вправе не руководствоваться положениями следующих норм этого Закона:

- ст. 28, 30, устанавливающими преимущества учреждениям и предприятиям уголовно-исполнительной системы, субъектам малого предпринимательства, социально ориентированным некоммерческим организациям;
- ст. 34, устанавливающей требования к содержанию контракта;
- ст. 35, устанавливающей требования к банковскому сопровождению контракта;
- ст. 36, содержащей правила отмены определения контрагента;
- ст. 37, предусматривающей случаи и порядок применения антидемпинговых мер при проведении конкурсов и аукционов;
- ст. 41, устанавливающей требования к экспертам, экспертным организациям;
- с. 44, 45, устанавливающими требования к обеспечению заявок на участие в закупке в целом и требования к банковской гарантии, которая может быть предоставлена в качестве обеспечения в частности;
- ст. 103, устанавливающей обязанность заказчика передавать сведения о заключенных контрактах в соответствующий реестр контрактов.

Большинство указанных исключений связано с тем, что к контракту, исполняемому на территории иностранного государства, могут, или даже должны применяться положения законодательства этого государства (см. ст. 1186, 1209—1218 ГК РФ), которые могут исключать возможность применения требований Закона о контрактной системе.

На случаи проведения «иностранной» закупки не распространяются установленные в настоящее время ограничения допуска товаров, происходящих из иностранных государств, работ, услуг, соответственно выполняемых, оказываемых иностранными лицами¹.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2015 г. № 1289 «Об ограничениях и

С применением вышеописанных особенностей «иностранный» закупка может осуществляться, поскольку не предусмотрено иного, следующими предусмотренными Законом о контрактной системе способами: путем проведения конкурсов, электронного аукциона, запроса котировок, запроса предложений, у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя).

Но, несмотря на наличие возможности осуществлять государственные закупки в упрощенном специальном порядке, воинские части, дислоцирующиеся за рубежом, стараются не прибегать к данным способам определения контрагента, в связи с возникающими проблемными вопросами, не урегулированными законом, толкование которых неоднозначно и, в ряде случаев, противоречит нормативно правовым актам Российской Федерации.

Для решения возникающих при проведении «иностранный» закупки вопросов, не урегулированных законом напрямую, по нашему мнению, должны применяться нормы о соответствующих способах закупки с поправками, вытекающими из особенностей «иностранный» закупки, установленных законом. Полагаем также, что в ряде случаев указания Закона о контрактной системе относительно запроса котировок для обеспечения деятельности на иностранной территории могут использоваться по аналогии закона для решения вопросов, возникающих при проведении «иностранный» закупки иными способами. Ведь поскольку такой запрос котировок является частным случаем закупки, указания относительно него могут рассматриваться как частные проявления общего подхода законодателя к регулированию «иностранных» закупок.

Библиография

1. Бараненков, В. В. Юридическая личность военных организаций : монография / В. В. Бараненков. — М. : МПИ ФСБ России, 2008. — 370 с.
2. Богдан, В. Г. Проблемы практического применения мер гражданско-правовой ответственности сторон государственного контракта / В. Г. Богдан // Военное право. — 2015 — № 9.
3. Корякин В. М. Антикоррупционная экспертиза документации о закупках товаров, работ и услуг для государственных нужд / В. М. Корякин // Журнал Российского права. — 2014. — № 5.
4. Свининых, Е. А. Военные организации как государственные заказчики в рамках контрактной системы в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд (на примере Вооруженных Сил Российской Федерации) / Е. А. Свининых // Военно-юридический журнал. — 2014. — № 7.
5. Свининых, Е. А. Отдельные вопросы правового регулирования закупок работ и услуг в целях материально-технического обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации / Е. А. Свининых // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2017. — № 1.
6. Свининых, Е. А. Правовые аспекты организации закупочной системы военных ведомств / Е. А. Свининых // Военное право. — 2015 — № 3.

условиях допуска происходящих из иностранных государств лекарственных препаратов, включенных в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

**Features of implementation of government procurement of goods,
works, services by the military units of the Russian Federation which
are deployed in the territory of the foreign states**

© **Sergeenko D. Y.**

Candidate of law Sciences, the legal counsel of the
military unit

© **Kostyuchenkov A. A.**

the legal counsel of the military unit

Abstract. In article features of implementation of government procurement of goods, works, services by the military units which are deployed abroad are marked out and also legal gaps and collisions in the specified sphere of legal relations are revealed and offers on their elimination are defined.

Keywords: military units, government procurement, foreign states, legal entities, branch.

Bibliography

1. Baranenko, V. V. Legal identity of military of the organizations / V. V. Baranenko. — M. : MPI FSB of Russia, 2008.
2. Bogdan, V. G. Problems of practical application of measures of civil responsibility of the parties of the state contract / V. G. Bogdan // Military law. — 2015 — № 9.
3. Koryakin V. M. Anti-corruption expertise of the documentation on procurement of goods, works and services for state needs / Koryakin V. M. // Journal of Russian law. — 2014. — № 5.
4. Svininykh, E. A. The military organizations as the state customers within contract system in the sphere of purchases of goods, works and services for the state needs (on the example of the Armed Forces of the Russian Federation)] / E. A. Svininykh // Judge advocate magazine. — 2014. — № 7.
5. Svininykh, E. A. Legal aspects of the organization of purchasing system of military departments of / E. A. Svininykh // Military law. — 2015 — № 3.
6. Svininykh, E. A. Single questions of legal regulation of purchases of works and services for material support of the Armed Forces of the Russian Federation of / E. A. Svininykh // the Right in Armed Forces — the Military and legal review. — 2017. — № 1.

Вопросы законного представительства интересов несовершеннолетнего потерпевшего, в том числе воспитанников воинских частей

© Стражевич Ю. Н.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и трудового права, Сургутский государственный университет (г. Сургут)

© Слепко Г. Е.,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Военный университет (г. Москва)

Аннотация. В статье рассматриваются пробелы и коллизии современного российского семейного и уголовно-процессуального законодательства в части представительства прав и законных интересов несовершеннолетних, являющихся потерпевшими, в уголовном судопроизводстве, в том числе воспитанниками воинских частей.

Ключевые слова: несовершеннолетний, потерпевший, представитель, законный представитель, уголовный процесс, воспитанник воинской части.

Рецензент — В. Н. Старцун, доктор юридических наук, профессор.

В настоящее время проблемы ювенального права и ювенальной юстиции становятся все более актуальными, привлекая внимание не только педагогов и психологов, но и юристов, практических сотрудников органов внутренних дел, суда, прокуратуры, других правоохранительных органов, иных министерств и ведомств, работающих с несовершеннолетними, в том числе и органов опеки и попечительства и прокуратуры, чья основная задача — не допустить ущемления прав ребенка во всех сферах его жизни, создать систему «дружественного к ребенку правосудия»¹. Как отмечают исследователи, российское уголовно-процессуальное законодательство в целом отражает требование международных стандартов о повышенной правовой охране несовершеннолетних в связи с недостаточностью их интеллектуально-волевого развития². Дети как наибо-

лее незащищенная категория граждан нуждаются в особом отношении к ним, поэтому вопрос защиты их прав и наделения их особым правовым статусом остается актуальным³. Одной из правовых гарантий по отношению к несовершеннолетним является участие в процессе законных представителей, которые призваны осуществлять защиту прав и интересов ребенка.

Круг лиц, подпадающих под понятие «законные представители», перечислен в п. 12 ст. 5 УПК РФ и включает родителей, усыновителей, опекунов (попечителей), представителей учреждения (организации), на попечении которых находится несовершеннолетний. Заметим, что в своем постановлении Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что содержащийся в УПК перечень лиц, которые могут быть законными представителями, является исчерпывающим⁴.

¹ Косевич Н. Р. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних как составная часть социальной политики Российской Федерации по защите детства // Российский судья. 2014. № 2. С. 21—22.

² Матвеев С. В. УПК РФ об участии законных представителей, близких родственников в расследовании уголовных дел, совершенных несовершеннолетними // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 45.

³ Стражевич Ю. Н. Правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 4.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних».

Возможность вхождения лица в указанный круг законных представителей ребенка, ставшего жертвой преступления, определяется тем, что лицо находится с ребенком в определенных отношениях непредставительского характера, или, как называет их В. В. Мелешко¹, «предшествующих отношениях», являющихся внутренними и регулируемые нормами материального права. В. А. Лазарева также подчеркивает, что понятие законного представительства не связано ни с уголовным процессом, ни с фактом признания несовершеннолетнего потерпевшим. Содержание этого понятия определяется брачно-семейным законодательством².

Согласно СК РФ законное представительство в отношении ребенка возникает либо на факте происхождения ребенка от конкретных лиц, либо на факте устройства ребенка, оставшегося без попечения родителей. До момента устройства ребенка, оставшегося без попечения родителей, функции законных представителей выполняют органы опеки и попечительства (ч. 2 ст. 123 СК РФ). СК РФ также закрепляет, что законное представительство прекращается по достижении детьми возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), а также при вступлении несовершеннолетних детей в брак и в других установленных законом случаях приобретения детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия (ч. 2 ст. 61 СК РФ).

Как видим, понятия законного представительства, определенное в п. 12 ст. 5 УПК РФ и обозначенное семейным законодательством, не совпадают в полном объеме. Законодатель, регулируя вопросы, подпадающие под действие различных отраслей, должен принимать этот факт во внимание; в противном случае он не сможет выступать га-

рантом реализации прав участвующих в отношениях лиц.

Считаем, что норма УПК РФ, определяющая понятие «законный представитель», должна основываться на нормах материальной отрасли права, регулирующей законное представительство, т.е. на основе СК РФ. Нами предлагается следующая редакция п. 12 ст. 5 УПК РФ: «законные представители несовершеннолетнего — родители и лица их заменяющие, наделенные правом защиты прав и интересов ребенка в соответствии с семейным законодательством Российской Федерации».

Закрепляя институт законного представительства в отношении несовершеннолетнего потерпевшего, законодатель оставляет нерешенными следующие вопросы: соотношение статусов несовершеннолетнего потерпевшего и его законных представителей; статус законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего в уголовном процессе; особенности процессуального положения законного представителя, наделенного специальным правовым статусом, например, представителя воинской части, которой несовершеннолетний был передан на воспитание в соответствии с законодательством о профилактике беспризорности и актами Минобороны России о принятии в воинские части на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей³, и др.

По своему правовому положению законный представитель отличается от других субъектов судопроизводства. Это связано с его законодательной зависимостью от представляемого путем закрепления обязанностей по реализации прав и интересов представляемого, в том числе и права на защиту. Заметим, что эта зависимость не является односторонней. Представляемые несовершеннолетние также являются зависимыми от своих представителей, поскольку «осу-

¹ Мелешко В. В. Институт представительства участников уголовного процесса (по материалам Республики Беларусь) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 14, 15. Такой же позиции придерживаются и другие исследователи: напр., Шейфер С. А., Лазарева В. А. Участие потерпевшего и его представителя на предварительном следствии. Куйбышев, 1979; и др.

² Лазарева В. А. Охрана прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С. 91.

³ Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»; постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2000 г. № 745 «Об утверждении положения о статусе воспитанников воинских частей».

ществление прав ребенка связано с поведением его законных представителей»¹.

Данная двусторонняя зависимость законного представителя и несовершеннолетнего потерпевшего регулируется нормами материального права, закрепленными, в частности, в Конвенции ООН о правах ребенка, Федеральном законе «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и СК РФ. Перечисленные нормативные акты по-разному трактуют понятие зависимости. Так, в соответствии со ст. 5 Конвенции ООН законные представители должным образом управляют и руководят ребенком в осуществлении им прав, и делают это в соответствии с развивающимися способностями ребенка. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» в ч. 2 ст. 7 также закрепляет позицию «активности» ребенка: «Родители ребенка (лица, их заменяющие) содействуют ему в осуществлении самостоятельных действий, направленных на реализацию и защиту его прав и законных интересов, с учетом возраста ребенка и в пределах установленного законодательством Российской Федерации объема дееспособности ребенка». Если обратиться к СК РФ, то можно отметить, что в нем ребенок рассматривается уже в качестве «пассивного» субъекта, превращаясь по существу в объект родительской власти. Такой вывод следует из гл. 11 СК РФ, закрепляющей права несовершеннолетних детей, которая только перечисляет права, предоставляемые ребенку, не упоминая о механизме их реализации. В то же время в ст. 64, 65 СК РФ отмечается, что защита прав и интересов детей возлагается на их родителей, обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей.

Подход к ребенку как к «пассивному» субъекту детско-родительских отношений поддерживается и исследователями. Рассуждая о единстве прав и обязанностей родителей по отношению к своим детям, специалисты в области семейного права сходятся

во мнении, что «праву родителей по всем канонам юриспруденции корреспондируется обязанность ребенка подчиниться такому воздействию»². Исходя из данной позиции вполне логичным представляется и следующий вывод: «бесспорно, что ребенок в возрасте до 14 лет не имеет возможности по своему усмотрению определять свое поведение по распоряжению большинством прав. Содержание поведения ... законных представителей ... составляет права ребенка»³.

Придерживаясь обратного убеждения и разделяя взгляды Конвенции ООН о правах ребенка, считаем, что ребенок самостоятелен; целью же родителей является помощь в определении им своего поведения, а не навязывание своего мнения. Также присоединяемся к мнению С. Б. Мартыненко, считающего, что законный представитель несовершеннолетнего должен действовать не вместо и даже не наряду (т.е. параллельно), а совместно с несовершеннолетним. Исключение должна составлять исключительно полная недееспособность представляемого⁴.

Заметим, что действующий УПК РФ, не решая вопрос о статусе законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, тем самым более либерален, чем ГПК РФ, который к проблеме самостоятельности несовершеннолетнего подходит достаточно жестко. Так, ст. 37, 52 ГПК РФ, определяя возраст гражданско-процессуальной дееспособности — 18 лет, закрепляют, что «законные представители совершают от имени представляемых ими лиц все процессуальные действия, право совершения которых принадлежит представляемым», исключения из данного правила должны определяться федеральными законами.

¹ Беспалов Ю. Участие законных представителей в реализации семейных прав ребенка // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 32.

² Тарусина Н. Н. Семейное право : учеб. пособие. М. : Проспект, 2001. С. 100; Леженин В. Н. Правовые вопросы семейного воспитания детей. Воронеж, 1992. С. 66.

³ Беспалов Ю. Участие законных представителей в реализации семейных прав ребенка // Российская юстиция. 2003. № 6. С. 32.

⁴ Мартыненко С. Б. Представительство несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 65.

Нежелание законодателя видеть в ребенке самостоятельного субъекта права можно объяснить неразвитостью самого общества, которое только недавно обратило внимание на проблемы детей, сопоставив их с проблемами взрослых. Однако игнорирование интересов развивающихся личностей, неприятие их как автономных лиц, грозит порождением «всеобщего невнимания» по отношению к правам и интересам всех людей независимо от возраста.

По нашему мнению, концепция самостоятельности ребенка при реализации предоставленных ему прав должна найти свое отражение во всех нормативных актах, регулирующих правоотношения с его участием. В отношении же несовершеннолетних потерпевших полномочия законных представителей должны определяться в зависимости от возраста и психической зрелости ребенка.

Обращаясь к основаниям и порядку появления в процессе законных представителей как необходимым элементом их правового статуса, можно отметить следующее. По мнению исследователей, «эффективность осуществления своих уголовно-процессуальных функций представителями зависит от ряда факторов, к которым следует отнести точность определения в законе оснований появления в деле данных субъектов уголовного судопроизводства»¹. В отношении законных представителей потерпевшего (впрочем, как и представителей по договору) УПК РФ ограничился одной формулировкой, включенной в ч. 2 ст. 45: «к обязательному участию привлекаются...». Таким образом, проблемы связанные с допуском законных представителей несовершеннолетних потерпевших в уголовное судопроизводство, остаются актуальными, несмотря на изменения законодательства.

Как отмечает В. В. Мелешко, «проблема появления в уголовном деле представителя потерпевшего имеет несколько аспектов. Первый состоит в определении момента, с

которого может появиться представитель ... в качестве процессуальной фигуры. ... Второй ... заключается в отсутствии указаний в законе относительно процессуального порядка признания его таковым»².

В отношении первого аспекта обозначенной проблемы большинство ученых сходятся во мнении, что законный представитель должен появляться вместе с потерпевшим, поскольку «закон связывает момент возникновения прав у законных представителей с моментом приобретения этих прав самим потерпевшим»³.

В принципе, законодатель придерживается аналогичной позиции, поскольку наделяет законного представителя правами при регулировании порядка проведения процессуальных действий, проводимых с момента возбуждения уголовного дела. Анализ уголовных дел показал, что в 20 из 282 изученных дел законный представитель появлялся позже признания ребенка потерпевшим.

Наличие, пусть и небольшого, количества случаев, когда законный представитель допускается в судопроизводство позже, чем в нем появляется несовершеннолетний потерпевший, является недопустимым. Отсутствие законного представителя влечет негативные последствия для ребенка, поскольку он не может полностью реализовать свои права и законные интересы. Например, по делу о покушении на изнасилование в отношении одиннадцатилетней Марии Д. был проведен гинекологический осмотр сразу, как только девочка была доставлена в больницу. Как следует из материалов дела, трое несовершеннолетних обманом заманили потерпевшую в подвал школы, где хотели совершить с ней половой акт, но этому помешала уборщица, которая и доставила девочку в больницу. Освидетельствование проводилось в отсутствие законных представителей девочки, на основании показаний свидетеля. Освидетельствование показало, что полового контакта не было (Архив Нижегородского городского суда. Дело № 1/17-

¹ Мелешко В. В. Институт представительства участников уголовного процесса (по материалам Республики Беларусь) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 69.

² Там же. С. 70, 72.

³ Панкратов В. А. Институт законного представительства в советском уголовном процессе (стадия предварительного расследования) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 84.

2005). С точки зрения следствия, данные действия законны и оправданы. Однако в последующей беседе с родителями Марии выяснилось, что после происшедшего девочка была напугана не только действиями со стороны подростков, но и со стороны врачей, следователя. Ранее девочка никогда не проходила гинекологическое обследование, в ходе освидетельствования ей никто не объяснил смысл и процедуру проводимого действия, поэтому оно для нее стало продолжением насилия. Присутствие законных представителей могло бы предотвратить подобные последствия. Считаем, что в УПК РФ должна быть закреплена обязанность о привлечении законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего с момента его появления в процессе.

Законодатель сегодня не разрешает и второй аспект заявленной проблемы — основание допуска в процесс законного представителя. Критика, высказанная исследователями в период действия УПК РСФСР, была воспринята только по отношению к несовершеннолетним обвиняемым. Согласно ч. 1 ст. 426 УПК РФ законные представители обвиняемого допускаются на основании постановления лица, ведущего производство по делу с момента первого допроса лица в качестве обвиняемого (подозреваемого).

Получается, что законодатель, соглашаясь с тем, что «в силу специфики уголовного процесса круг его участников строго определен... В уголовном процессе могут действовать лишь те лица, в отношении которых имеется прямое указание уголовно-процессуального закона»¹, а также с тем, что «факт допуска законного представителя в судопроизводство не может нести абстрактный характер, а требует надлежащего оформления»², относит данные положения только к обвиняемому, оставляя потерпевшего вне сферы правового регулирования.

Бесспорно, что подобное несоответствие требует устранения путем введения в

УПК РФ нормы о вынесении постановления о допуске законных представителей несовершеннолетнего потерпевшего. Предположение исследователей, считающих, что «поскольку родители прямо названы законными представителями своих детей, вынесение постановления является излишним»³ — ошибочно, поскольку в таком случае законодатель не только закрепляет неравенство положения законных представителей обвиняемого и потерпевшего, но и не решается целый ряд вопросов:

1) какое именно лицо и с какого момента допускается в процесс в качестве законного представителя;

2) как отразить смену законных представителей, произошедшую в ходе судопроизводства;

3) являются ли законные представители самостоятельными субъектами, имеющими права и обязанности;

4) кто и когда обязан ознакомить законных представителей с их правами и обязанностями.

Если преступление совершено несовершеннолетним — воспитанником воинской части либо против такого несовершеннолетнего, то проявляются следующие проблемы, не нашедшие разрешения в уголовно-процессуальном законодательстве:

а) какой суд является компетентным при рассмотрении дела, т.е. в каком суде рассматривается дело: в гарнизонном или общей юрисдикции (ст. 20 и 21 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ст. 3, 7 и 22 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»);

б) если дело рассматривается в гарнизонном суде, то актуальным будет вопрос о допуске в процесс представителя органов опеки и попечительства;

в) возможно ли участие в процессе военного прокурора, в том числе, если предъявляется гражданский иск о возмещении вреда, причиненного несовершеннолетнему потерпевшему — воспитаннику воинской

¹ Лазарева В. А. Охрана прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980. С.108, 109.

² Галимов О. Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. СПб. : Питер, 2001. С. 70.

³ Лазарева В. А. Указ. соч. С. 110.

части, и каковы его полномочия (ст. 27, 29, 35 и 47 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»).

В случае же закрепления законодателем обязанности по вынесению постановления о допуске законных представителей в судопроизводство данные вопросы решаются уже в момент вынесения такого постановления.

Законодателю также необходимо урегулировать возможные спорные моменты, связанные с участием законных представителей в судопроизводстве. К ним можно отнести: вопрос о допуске в процесс нескольких законных представителей; порядок разрешения конфликтов между законными представителями; действия в случае наличия противоречий между интересами представляемого и представителя.

Вопрос о допуске в процесс одного или нескольких законных представителей также должен решаться на основе материального права, закрепляющего права законных представителей. В данном случае рассуждения процессуалистов о допуске в процесс одного из нескольких законных представителей¹, с точки зрения «удобства» уголовной процедуры представляются неправомерными. Нельзя сравнивать потребность и право ребенка на получение поддержки и помощи со стороны законных представителей и «возможные отрицательные последствия ... при участии двух родителей в качестве представителей (расхождение мнений в части заявления ходатайств, жалоб, отводов и т.д.), необходимость траты следователем времени на разрешение коллизий»².

Говоря о допуске в судопроизводство всех имеющихся у ребенка законных представителей, необходимо исходить из того, что данные лица желают наилучшим образом помочь ребенку перенести случившиеся с наименьшими негативными последствиями, а также в реализации его прав и интересов и поэтому совершают активные дей-

ствия для вступления в процесс. Семейное законодательство закрепляет равный объем прав за каждым из законных представителей, а, учитывая возможность разногласий между ними, определяет порядок их разрешения. Эти положения не могут быть проигнорированы или искажены, они должны быть адаптированы к возникающим уголовно-процессуальным отношениям с участием ребенка.

Прежде чем предложить правила допуска законных представителей в процесс в случае, если их несколько, порядок разрешения споров между ними, а также между ними и представляемым, необходимо остановиться на законных интересах законных представителей, поскольку это связано с вопросом о функциях (или цели участия) законных представителей в уголовном процессе. Выше уже говорилось об интересах несовершеннолетнего потерпевшего, а также о зависимости представителей от представляемого, следовательно, возникает вопрос: а имеют ли законные представители свой интерес в процессе или их интерес ограничен тем, что они способствуют удовлетворению интересов представляемого? Позволим себе не согласиться с мнением, высказываемым некоторыми исследователями о том, что представитель «действует не вместо несовершеннолетнего, а наряду с ним»³ и соответственно «не вызывает сомнения тот факт, что в уголовном процессе законный представитель, защищая прежде всего интересы представляемого, отстаивает и свои собственные»⁴. Ошибочность данного высказывания заключается в неправильном понимании самой сути института представительства. Во-первых, являясь представителем, лицо не может и не должно иметь своих интересов в отношениях, в которых

¹ Гуковская Н. И., Долгова А. И., Миньковский Г. М. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних. М., 1974.

² Мелешко В.В. Указ. соч. С. 75.

³ Тетюев С. В. Проблемы участия законного представителя в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на предварительном расследовании // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию Башкирского государственного университета. Ч. I. Уфа : РИО БашГУ, 2004. С. 63.

⁴ Галимов О. Х. Указ. соч. С. 132.

не оно, а представляемый является участником. Во-вторых, представитель имеет целью отстаивать интересы представляемого, а значит, своими действиями представитель не должен причинять ему ущерб, или по-другому, при несовпадении взглядов деятельность представителя должна обуславливаться позицией представляемого. Таким образом, представители при осуществлении своей деятельности являются носителями той процессуальной функции, которую выполняют в уголовном судопроизводстве представляемые ими лица.

Данный вывод верен независимо от вида представительства. Поскольку законное представительство не есть безграничная власть над представляемым лицом, его смысл заключается в том, что лицо нуждается в помощи не потому, что просит об этом, а потому, что, по мнению законодателя, в силу возрастных возможностей оно не сумеет самостоятельно реализовать предоставленные ему права и обеспечить свои интересы. С возрастанием потенциала представляемого роль законных представителей уменьшается и, в конце концов, сводится на нет. Следовательно, целью законного представительства несовершеннолетнего потерпевшего является защита его прав и интересов.

Однако, если права несовершеннолетних четко определены законодателем и не могут быть поняты двусмысленно, то в отношении содержания формулы «интересы ребенка» в литературе постоянно идут споры. Данное понятие не может быть закреплено в законе однозначно, поскольку «государство, по общему правилу, не вмешивается в сам процесс осуществления родительских прав»¹. Положение, согласно которому «интерес ребенка, являющегося несовершеннолетним субъектом правоотношений, не может быть осознан самим ребенком в силу неспособности оценки им своих поступков... и формируется его родителями»²,

является крайним и не способствует полноценной защите ребенка. Поэтому неким «гарантийным минимумом», предусмотренным законодателем при раскрытии понятия «интересы ребенка», является закрепление допустимых пределов действий, поступков законных представителей по отношению к представляемому несовершеннолетнему. Так, согласно ст. 65 СК РФ при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию, а в соответствии с п. 2 ст. 64 СК РФ родители не вправе представлять интересы своих детей, если между интересами родителей и детей имеются противоречия. Заметим, что данные положения уже нашли свое отражение в уголовно-процессуальном законодательстве, после того как ранее были высказаны нами³. Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ была введена ч. 2.2 в ст. 45 УПК РФ, согласно которой «по постановлению дознавателя, следователя, судьи или определению суда законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего потерпевшего. В этом случае к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего». Заметим, что данная формулировка не совсем корректна, в отличие от формулировки законопроекта, на основе которого были приняты данные изменения, где указывалось, что в случае отстранения законного представителя должны быть приняты меры к назначению в качестве законного представителя несовершеннолетнего другого лица, представителя органа опеки и попечительства или адвоката.

Анализируя права, обязанности и гарантии, предоставляемые законным представителям, нужно отметить следующее. Поскольку представитель — фигура производная от представляемого, то весь объем прав, предоставляемый потерпевшему, должен быть сохранен и за представителем.

¹ Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова и П. И. Седугина. М. : ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 141.

² Гражданское право : учебник. Ч. 3 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : Проспект, 1999. С. 362.

³ Стражевич Ю. Н. Указ. соч.

По мнению психологов, основной фактор, определяющий реакцию детей на различные формы стресса, — это степень поддержки и помощи, которую получают дети от своих родителей, помогающих им справиться с ситуацией и адаптироваться. Родители формируют у ребенка модель поведения, которая позволяет ему сохранять контроль даже во время замешательства и стресса¹. Воспитанники воинских частей — дети-сироты такой возможности лишены, так как воинская часть как таковая не имеет цели воспитания несовершеннолетних детей, цель её существования и деятельности — обеспечение обороны государства и национальной безопасности. Следует заметить, что в части воспитания и образования несовершеннолетних военнослужащих в более выгодной ситуации оказываются несовершеннолетние, зачисленные в военные профессиональные образовательные организации и военные образовательные организации высшего образования и приобретающие статус военнослужащих, проходящих военную службу по призыву (ст. 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»), поскольку обеспечение прав и представительство интересов обучаемых является обязанностью образовательного учреждения. Исследованию особенностей уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих посвящено ограниченное количество работ², но и они в основном рассматривают права лица, совершившего преступление, а не потерпевшего от него.

Снижению стресса у несовершеннолетнего потерпевшего — воспитанника воин-

ской части должны способствовать мероприятия психологической помощи и реабилитации военнослужащих, проводимые в соответствии с п. 20 Приложения № 9 к УВС ВС РФ (к ст. 95, 257, 318, 375), однако открытым остается вопрос о возможности привлечения соответствующего психолога в уголовный процесс с участием несовершеннолетнего потерпевшего — воспитанника воинской части.

Понятно, что исходя из тех задач, которые стоят перед законным представителем, он должен быть наделен специфическими правами, гарантирующими защиту прав и интересов представляемого.

Так, законный представитель должен иметь право присутствовать на всех следственных действиях, проводимых с участием несовершеннолетнего потерпевшего или по его ходатайству. Однако, как уже отмечалось выше, право участия законных представителей в следственных действиях с участием ребенка не может быть абсолютным, поскольку их присутствие может иметь и негативное влияние на несовершеннолетнего.

О неоднозначном влиянии законных представителей на несовершеннолетнего в ходе проведения следственных действий неоднократно указывалось в работах, посвященных уголовному производству по делам несовершеннолетних. Одни исследователи отмечают позитивное влияние, другие негативное. Ряд авторов отмечает, что законодатель не должен закреплять участие законных представителей как право, «правильнее было бы отнести решение вопроса об их участии в допросе на усмотрение лица, производящего расследование, исходя из обстоятельств дела»³. И. О. Воскобойников предлагает целый перечень оснований, при наличии которых законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого не должен допускаться к участию в уголовном деле, а ранее допущенный подлежит отстранению⁴.

¹ Мэш Э., Вольф Д. Детская патопсихология. Нарушения психики ребенка. СПб.: «Прайм-Еврознак», 2002. С. 268.

² См., напр.: Ермолович Я. Н. К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2016. № 1. С. 88—98; Затекин О. К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства: монография. М., 2009; Корякин В. М. Разграничение полномочий командиров (начальников) и органов военной полиции в работе по обеспечению правопорядка и воинской дисциплины // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 6. С. 2—8 и др.

³ Тетюев С. В. Указ. соч. С. 63.

⁴ Воскобойников И. О. Институт представительства в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. С. 23.

Необходимо отметить, что негативное влияние на ребенка, ставшего жертвой преступления, законные представители могут оказывать и произвольно. Психологи, занимающиеся детско-родительскими отношениями, отмечают двойственность и противоречивость позиции родителя по отношению к ребенку. «С одной стороны, это безусловная любовь и глубинная связь, с другой — это объективное оценочное отношение, направленное на формирование общественных способов поведения»¹. Поэтому сказать однозначно, будет ли законный представитель поддерживать ребенка и способствовать его психологической защищенности, невозможно, не отследив отношения ребенка с законным представителем до совершения преступления, реакцию представителя на данное событие, его личностные характеристики и другие факторы.

Провести такое исследование по силам только специалисту. В свою очередь, следователь и судья должны принимать окончательное решение о допуске законных представителей для участия в конкретном следственном действии с учётом заключения специалиста по данному вопросу. Считаем, что в норме, закрепляющей права законного представителя, также должно содержаться указание на то, что его право принимать участие в следственном действии с участием несовершеннолетнего, чьи интересы он представляет, зависит от заключения специалиста и решения лиц, осуществляющих судопроизводство. В то же время, при недопуске законных представителей к непосредственному участию в следственном действии им необходимо предоставить возможность наблюдения за проведением следственного действия с последующим правом внесения замечаний и дополнений в протокол. Однако такое наблюдение должно осуществляться таким образом, чтобы на несовершеннолетнего не могло быть оказано влияние. Как дополнительное право должно быть закреплено и право законных предста-

вителей знакомиться с аудио- и видеозаписями следственных действий с участием представляемого.

Для полной реализации своего права на защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего, по нашему мнению, законному представителю должно быть предоставлено право требовать отстранения от участия в уголовном деле должностного лица, ведущего судопроизводство, а также педагога, психолога и другого законного представителя, в случае, если они своими действиями причиняют вред физическому и психическому здоровью несовершеннолетнего потерпевшего, его нравственному развитию. Также должно быть предоставлено право ходатайствовать о привлечении специалиста по возрастной психологии и педагогике, выбранного законными представителями. Этими же правами должен быть наделен и родитель, проживающий отдельно от ребенка в силу различных причин: развод родителей, служба в Вооруженных Силах Российской Федерации (хотя она и осложняет исполнение военнослужащим своих родительских прав и обязанностей, но не исключает возможности такового в целом²), отбывание уголовного наказания в местах лишения свободы (за исключением случаев совершения преступлений против жизни и здоровья, а также половой неприкосновенности граждан). Так, поскольку прекращение брака родителей ребенка путем его расторжения не влияет на права ребенка, то и «раздельное проживание родителя и ребенка не прекращает родительских прав, и оба родителя являются законными представителями ребенка»³. Именно такой подход к регулирова-

¹ Быкова М. В. Новый подход к проблеме детско-родительских отношений. М. : Московский городской психолого-педагогический институт, 2000. С. 12.

² См. также: Иванников М. В., Слепко Г. Е. Реализация военнослужащими-мужчинами права на отпуск по уходу за ребёнком: российское законодательство и позиция Европейского Суда по правам человека // Вестник военного права. 2016. № 1. С. 92—98; Слепко Г. Е. Актуальные проблемы установления правовой связи между ребенком и отцом-военнослужащим // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 1. С. 22—26; Туринцева Е. А. Особенности семьи военнослужащего и проблема обеспечения боеготовности Вооруженных Сил // Власть. 2011. № 5. С. 128—130 и др.

³ Слепко Г. Е., Стражевич Ю. Н. Вопросы родительского попечения в семейном праве России и зару-

нию прав и обязанностей отдельно проживающего родителя и должен повысить уровень защиты интересов ребенка, так как «воспитание ребенка <и участие в его жизни в целом> со стороны обоих родителей не должно прерываться в случае прекращения ими своих брачных отношений»¹. В этом случае будет реализован принцип равенства прав и обязанностей обоих родителей несовершеннолетнего (п. 1 ст. 61 СК РФ), поскольку «согласно ч. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации мужчина и женщина имеют равные права и свободы, а также равные возможности для их реализации, в том числе и в сфере общественных отношений, регулируемых иными отраслями права»², и соответственно «родители — мать и отец — равны в осуществлении ими своих родительских прав»³.

Как мы уже отмечали выше, ещё одну группу лиц, которые могут выступать законными представителями несовершеннолетнего, оставшегося без попечения родителей, составляют должностные лица учреждений и организаций, в которые такие дети переданы для воспитания, а также опекуны, попечители, приёмные родители. И если с должностными лицами детских домов, приёмными родителями и опекунами (попечителями) ситуация более-менее ясна, то в отношении командиров воинских частей данный вопрос остается открытым. С одной стороны, законодательство допускает устройство детей-сирот и детей мужского пола

в возрасте от 14 до 16 лет в воинские части с целью их воспитания и социализации, а с другой имеет пробелы в установлении правового статуса не только этих детей (в частности, «вопросы военно-правового статуса ребенка, находящегося на воспитании в воинской части»⁴), но и самих воинских частей и их должностных лиц. Вооруженные Силы Российской Федерации принимают «на себя исполнение функции, характерной для детского дома или приёмной семьи: содержание, воспитание, обеспечение физического и умственного развития ребёнка, оставшегося без попечения родителей»⁵. При этом, командование воинской части несет ответственность за жизнь и здоровье воспитанников, соблюдение на территории воинской части в отношении них международных правовых норм, выполнение законодательных актов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области защиты прав ребенка (п. 23 Положения о статусе воспитанников воинских частей⁶), соответственно, оно должно быть наделено и процессуальными правами и обязанностями по представительству несовершеннолетних в суде, за исключением случаев конфликта интересов.

В названной сфере пересечения военных и семейных правоотношений остается открытым и вопрос о разграничении полномочий между командованием воинской части и органом опеки и попечительства в части защиты прав и интересов потерпевшего несовершеннолетнего, особенно в случае, если преступление против него было со-

бежных стран // XXI век: Россия и мир в условиях кардинально меняющегося общества : материалы международной научно-практической конференции (Москва, 15—17 апреля 2013 г.) : в 9 ч. Ч. 5 / под общ. ред. Ф. Л. Шарова. М. : МИЭП, 2013. С. 137.

¹ Итяшева И. А., Слепко Г. Е., Стражевич Ю. Н. Правовые проблемы реализации конституционной обязанности родителей по воспитанию детей в случае расторжения брака // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 5. С. 17.

² Слепко Г. Е. Актуальные проблемы установления правовой связи между ребенком и отцом-военнослужащим // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 1. С. 22.

³ Слепко Г. Е., Стражевич Ю. Н. О некоторых ограничениях и нарушениях принципа гендерного равенства в семейном праве и отраслевом законодательстве // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 15. М., 2015. С. 719.

⁴ Слепко Г. Е., Каримов А. Р., Рогов Е. С. Некоторые проблемы правового регулирования воспитания несовершеннолетних граждан при воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2016. № 1. С. 60.

⁵ Итяшева И. А., Слепко Г. Е., Стражевич Ю. Н. Социальное значение и правовое регулирование принятия на воспитание в воинские части детей, оставшихся без попечения родителей // Российское право в Интернете [электронный юридический журнал]. 2013. № 25.

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2000 г. № 745 «Об утверждении положения о статусе воспитанников воинских частей».

вершено на территории воинской части либо её должностными лицами.

Также не решен вопрос о соотношении гл. 50 УПК РФ, устанавливающей особенности порядка производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, и нормативных правовых актов, устанавливающих особенности производства по уголовным делам с участием специальных субъектов, например, Общевоинских и иных Уставов, иных актов — в отношении военнослужащих, совершивших преступление против несовершеннолетнего — воспитанника воинской части.

В качестве гарантий реализации прав законными представителями несовершеннолетнего потерпевшего должны выступать закрепленные в УПК РФ обязанности должностных лиц, осуществляющих судопроизводство по реализации прав законных представителей, а также возможность законных представителей заявлять ходатайства и жалобы независимо от их специального правового статуса, не связанного с исполнением обязанностей, закрепленных семейным законодательством.

Обязанности законных представителей можно разделить на две группы.

Первая группа обязанностей — это обязанности, вытекающие из самого факта представительства. Главной чертой представительства является то, что его осуществление является обязанностью представителя, нарушение или недобросовестное исполнение которой должно повлечь определенную ответственность. Мы категорически не согласны с подходом, в соответствии с которым участие представителя потерпевшего ребенка в уголовном процессе не может быть обязательным (даже если право на это разъяснено родителям несовершеннолетнего), поскольку оно является не основной, а дополнительной гарантией защиты прав и интересов потерпевшего, в отличие от обязанности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих судопроизводство. Полагаем, что наибольший интерес в защите личных прав ребенка и наибольшую степень влияния на самого ребенка и его психические процессы имеют именно родители (иные родственники, иные

законные представители), поэтому их участие в уголовном судопроизводстве нарушает права ребенка.

Если обратимся к нормам материального права, регулирующим законное представительство, то увидим, что оно предусматривает такие меры ответственности, как лишение и ограничение родительских прав, отмена усыновления, отстранение опекуна от выполнения обязанностей. Эти меры являются крайними и применяются по инициативе субъектов семейного права за совершение семейных правонарушений, одним из которых является уклонение от выполнения возложенных обязанностей (ст. 69, 141 СК РФ, ст. 39 ГК РФ). Конечно, наложение ответственности возможно только по нормам материального права, предусматривающим такую ответственность. Однако это не значит, что в рамках процессуального права (и особенно уголовно-процессуального, являющегося публичным и вовлекающим в свою орбиту потерпевшего независимо от его воли), законодатель не может воздействовать на законных представителей и ставить осуществление такой гарантии, как усиленная охрана интересов несовершеннолетнего потерпевшего, в зависимость от желаний законных представителей. Р. М. Евлоев отмечает, что если после вступления законного представителя в процесс выяснится, что он не выполняет свои функции, то он должен быть заменен другим представителем¹. Соглашаясь с данным мнением, считаем, что на тот случай, если законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего не выразил желания участвовать в судопроизводстве или в ходе его проведения бездействует, не выполняя возложенные на него обязанности по защите прав и интересов своего представляемого, в УПК РФ должны быть закреплены следующие положения.

Первое — это установление двух альтернативных путей появления законных представителей в процессе: путем подачи

¹ Евлоев Р. М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предварительного расследования) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 137.

ими заявлений и путем вынесения по собственной инициативе дознавателем, следователем и судом постановления о допуске.

Второе — это введение норм, закрепляющих основания и порядок отстранения законных представителей от участия в судопроизводстве. При этом следует также предусмотреть два способа отстранения: по ходатайству заинтересованных лиц и по собственной инициативе лица, ведущего производство по делу. Основанием для отстранения законных представителей от участия в данном случае должно быть систематическое без уважительных причин невыполнение возложенных на них обязанностей, связанных с личной явкой по вызову должностных лиц, присутствием на следственных действиях с участием несовершеннолетнего потерпевшего, ознакомлением с материалами дела. На дознавателя, следователя или судью должна быть возложена обязанность привлечь к участию в деле других законных представителей, а если таковых не имеется, то адвоката-представителя.

Вторая группа обязанностей законных представителей несовершеннолетнего потерпевшего — это обязанности процессуальные, они вытекают из обязанности представлять интересы ребенка и возникают в силу того, что лицо, вступая в процесс, становится участником четко регламентированной процедуры. В качестве таковых можно назвать: неразглашение данных предварительного расследования; явка по вызову дознавателя, следователя и суда; обеспечение явки для участия в следственных действиях несовершеннолетнего потерпевшего в возрасте до 16 лет; явка для личного участия в следственных действиях с участием несовершеннолетнего потерпевшего либо передача данного полномочия другим законным представителям; знакомство с протоколами следственных действий, участником которых был несовершеннолетний потерпевший; знакомство с материалами уголовного дела по его окончанию и другие.

Рассмотрев вопросы участия в уголовном процессе законных представителей несовершеннолетнего потерпевшего, можно отметить, что законный представитель не-

совершеннолетнего потерпевшего является лицом, призванным осуществлять помощь ребенку, содержание и объем данной помощи должны ставиться в зависимость от возраста несовершеннолетнего потерпевшего. Для выполнения указанной функции законный представитель (в том числе и представитель воинской части, в которую передан несовершеннолетний, лишенный родительского попечения) должен быть наделен УПК РФ определенным набором прав и обязанностей.

Библиография

1. Беспалов, Ю. Участие законных представителей в реализации семейных прав ребенка / Ю. Беспалов // Российская юстиция. — 2003. — № 6.
2. Быкова М. В. Новый подход к проблеме детско-родительских отношений / М. В. Быкова. — М., 2000.
3. Воскобойников, И. О. Институт представительства в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. О. Воскобойников. — Калининград, 2007.
4. Галимов, О. Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве / О. Х. Галимов. — СПб. : Питер, 2001.
5. Гражданское право : учебник. Ч. 3 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М., 1999.
6. Гуковская, Н. И. Расследование и судебное разбирательство дел о преступлениях несовершеннолетних / Н. И. Гуковская, А. И. Долгова, Г. М. Миньковский. — М., 1974.
7. Евлов, Р. М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предварительного расследования) : дис. ... канд. юрид. наук / Р. М. Евлов. — СПб., 2005.
8. Ермолович, Я. Н. К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних военнослужащих // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2016. — № 1.
9. Зателепин, О. К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства : монография / О. К. Зателепин. — М., 2009.
10. Иванников, М. В. Реализация военнослужащими-мужчинами права на отпуск по уходу за ребёнком: российское законодательство и позиция Европейского Суда по правам человека / М. В. Иванников, Г. Е. Слепко // Вестник военного права. — 2016. — № 1.
11. Итяшева, И. А. Правовые проблемы реализации конституционной обязанности родителей по воспитанию детей в случае расторжения брака / И. А. Итяшева, Г. Е. Слепко, Ю. Н. Стражевич // Вопросы ювенальной юстиции. — 2012. — № 5.
12. Итяшева, И. А. Социальное значение и правовое регулирование принятия на воспитание в воин-

ские части детей, оставшихся без попечения родителей / И. А. Итяшева, Г. Е. Слепко, Ю. Н. Стражевич // Российское право в Интернете [Электронный юридический журнал]. — 2013. — № 25.

13. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова и П. И. Седугина. — М., 1997.

14. Корякин, В. М. Разграничение полномочий командиров (начальников) и органов военной полиции в работе по обеспечению правопорядка и воинской дисциплины / В. М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 6.

15. Косевич, Н. Р. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних как составная часть социальной политики Российской Федерации по защите детства / Н. Р. Косевич // Российский судья. — 2014. — № 2.

16. Лазарева, В. А. Охрана прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Лазарева. — М., 1980.

17. Леженин, В. Н. Правовые вопросы семейного воспитания детей / В. Н. Леженин. — Воронеж, 1992.

18. Мартыненко, С. Б. Представительство несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук / С. Б. Мартыненко. — СПб, 2000.

19. Матвеев, С. В. УПК РФ об участии законных представителей, близких родственников в расследовании уголовных дел, совершенных несовершеннолетними / С. В. Матвеев // Журнал российского права. — 2002. — № 5.

20. Мелешко, В. В. Институт представительства участников уголовного процесса (по материалам Республики Беларусь) : дис. ... канд. юрид. наук / В. В. Мелешко. — М., 1994.

21. Мэш, Э. Детская психопатология. Нарушения психики ребенка / Э. Мэш, Д. Вольф. — СПб., 2002.

22. Панкратов, В. А. Институт законного представительства в советском уголовном процессе (стадия предварительного расследования) : дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Панкратов. — М., 1992.

23. Слепко Г. Е. Актуальные проблемы установления правовой связи между ребенком и отцом-

военнослужащим // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2017. — № 1.

24. Слепко, Г. Е. Некоторые проблемы правового регулирования воспитания несовершеннолетних граждан при воинских частях Вооруженных Сил Российской Федерации / Г. Е. Слепко, А. Р. Каримов, Е. С. Рогов // Вестник Сургутского государственного университета. — 2016. — № 1.

25. Слепко, Г. Е. Вопросы родительского попечения в семейном праве России и зарубежных стран / Г. Е. Слепко, Ю. Н. Стражевич // XXI век: России и мир в условиях кардинально меняющегося общества : материалы международной научно-практической конференции (Москва, 15—17 апреля 2013 г.) : в 9 ч. Ч. 5 / под общ. ред. Ф. Л. Шарова. — М., 2013.

26. Слепко, Г. Е. О некоторых ограничениях и нарушениях принципа гендерного равенства в семейном праве и отраслевом законодательстве / Г. Е. Слепко, Ю. Н. Стражевич // Научные труды. Российская академия юридических наук. — Вып. 15. — М., 2015.

27. Стражевич, Ю. Н. Правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Н. Стражевич. — Сургут, 2008. — 237 с.

28. Тарусина, Н. Н. Семейное право : учеб. пособие / Н. Н. Тарусина. — М., 2001.

29. Тетюев, С. В. Проблемы участия законного представителя в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на предварительном расследовании / С. В. Тетюев // Проблемы совершенствования и применения законодательства о борьбе с преступностью: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию Башкирского государственного университета. Ч. I. — Уфа, 2004.

30. Туринцева, Е. А. Особенности семьи военнослужащего и проблема обеспечения боеготовности Вооруженных Сил / Е. А. Туринцева // Власть. — 2011. — № 5.

31. Шейфер, С. А. Участие потерпевшего и его представителя на предварительном следствии / С. А. Шейфер, В. А. Лазарева. — Куйбышев, 1979.

On the legal representation of the interests of under-aged victims including of foster-children of a military unit

© Strazhevich Yu.N.,

Candidate of juridical sciences, assistant professor, assistant professor of the Civil Law and Labor Law Chair, Surgut State University (Surgut)

© Slepkov G.E.,

Candidate of philological sciences, associated professor, assistant professor of Civil Law Chair, Military University of the Defense Ministry of the RF (Moscow)

Abstract. The article deals with the gaps and conflicts of the current Russian family and criminal procedural legislation in the field of representation of the rights and legitimate interests of under-aged citizens, who are victims in criminal proceedings, including the representation by military units.

Keywords. Under-aged citizen, victim, representative, legal representative, criminal proceedings, foster-child, the Family Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, military unit

Bibliography

1. On the judicial system of the Russian Federation: Feder. Constitutional Law of 31.12.1996 № 1-FKZ // SZ RF. — 1997. — № 1. — Art. 1.
2. On military courts of the Russian Federation: Feder. The constitutional law of 23.06.1999 № 1-FKZ // SZ RF. — 1999. — № 26. — Art. 3170
3. Family Code of the Russian Federation: Feder. Law of December 29, 1995 № 223-FZ // SZ RF. — 1996. — № 1. — Art. 16.
4. On the basics of the system for preventing child neglect and juvenile delinquency: Feder. Law of June 24, 1999 № 120-FZ // SZ RF. — 1999. — № 26. — Art. 3177.
5. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Feder. Law of 17 January 1992 № 2202-1 // Ros. gas. — 1992. — Feb. 18.
6. On the approval of the general military manuals of the Armed Forces of the Russian Federation (along with the «Charter of the Internal Service of the Armed Forces of the Russian Federation», «Disciplinary Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation», «Charter of the Garrison and Guard Service of the Armed Forces of the Russian Federation») : Decree of the President of the Russian Federation on November 10, 2007 № 1495 // SZ RF. — 2007. — № 47 (1 h.). — Art. 5749.
7. On the approval of the provision on the status of pupils of military units: Decree of the Government of the Russian Federation of September 21, 2000, № 745 // Ros. gas. — 2000. — Oct. 13
8. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 14, 2000 № 7 «On Judicial Practice in Cases of Crimes of Minors» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. — 2000. — № 4.
9. Bespalov, Yu. Participation of legal representatives in realization of family rights of the child // Russian Justice. — 2003. — № 6.
10. Bykova, M. V. A new approach to the problem of child-parent relations. — M., 2000.
11. Voskoboinikov, I. O. The Institute of Representation in the Criminal Proceedings of Russia: Abstract of the dissertation. ... cand. Jurid. Sciences. — Kalinin-grad, 2007.
12. Galimov, O. H. Juveniles in criminal proceedings. — St. Petersburg : Peter, 2001.
13. Civil law. Textbook. Part 3 / ee. A. P. Sergeeva, Yu. K. Tolstoy. — M., 1999.
14. Gukovskaya N. I., Dolgova A. I., Minkovsky G. M. Investigation and trial of cases of crimes of minors. — M., 1974.
15. Evloev, R. M. Procedural guarantees of protection of the rights and legitimate interests of persons who have suffered from crimes (Stage of preliminary investigation) : dis kand. ... cand. Jurid. Sciences. — SPB., 2005.
16. Yermolovich, Ya. N. On the issue of the criminal liability of minors in military service // The law in the Armed Forces. — 2016. — № 1. — P. 88—98.
17. Zatepin, O. K. Qualification of crimes against military security of the state: monograph. M., 2009.
18. Ivannikov, M. V, Slepko G. E. Realization by the military men of the right to leave to care for the child: the Russian legislation and the position of the European Court of Human Rights // Bulletin of military law. — 2016. — № 1. — P. 92—98.
19. Itiasheva, I. A., Slepko G. E., Strazhevich Yu. N. Legal problems of the realization of the constitutional obligation of parents to educate children in the event of divorce // Questions juvenalnoy justice. — 2012. — № 5. — P. 16—18.
20. Ityasheva, I. A., Slepko G. E., Strazhevich Yu. N. Social significance and legal regulation of the adoption for education in military units of children left without parental care // Russian law on the Internet [Electronic legal journal]. — 2013. — № 25. Access mode: <http://rljournal.com/2013/04/itjasheva-slepko-strazhevich/> — To the end. From the screen.
21. Commentary on the Family Code of the Russian Federation / ed. P. V. Krashe-ninnikova and P. I. Sedugin. — M., 1997.
22. Koryakin, V. M. Delimitation of powers of commanders (commanders) and military police in the work to ensure law and order and military discipline // Right in the Armed Forces. — 2015. — № 6. — P. 2—8.

23. Kosevich, N. R. Criminal policy in relation to under-age as an integral part of the Russian Federation's social policy for the protection of childhood // The Russian judge. — 2014. — № 2. — P. 19—23.
24. Lazareva, V. A. Protection of rights and legitimate interests of minor victims in the Soviet criminal trial : dis ... kand. ... cand. jurid. sciences. — M., 1980.
25. Lezhenin, V. N. Legal issues of family education of children. — Voronezh, 1992
26. Martynenko, S. B. Representation of minors in pre-trial stages of criminal proceedings : dis. ... cand. jurid. sciences. — St. Petersburg, 2000.
27. Matveev, S. V. CCP RF on the participation of lawful representatives, close relatives in the investigation of criminal cases committed by minors // Journal of Russian Law. — 2002. — № 5.
28. Meleshko, V. V. Institute of Representation of Participants in the Criminal Process (based on the materials of the Republic of Belarus) : dis. ... cand. jurid. sciences. — M., 1994.
29. Mash, E., Wolf D. Children's pathopsychology. Mental disorders of the child. — St. Petersburg, 2002.
30. Pankratov, V. A Institute of legal representation in the Soviet criminal trial (stage of preliminary investigation) : dis. ... cand. jurid. sciences. — M., 1992.
31. Slepko, G. E. Actual problems of establishing a legal relationship between a child and a military father // The law in the Armed Forces — Military and Legal Review. — 2017. — № 1. — P. 22—26.
32. Slepko, G. E., Karimov A. R, Rogov E. S. Some problems of the legal regulation of the education of underage citizens in the military units of the Armed Forces of the Russian Federation // Bulletin of the Surgut State University. — 2016. — № 1. — P. 57—61.
33. Slepko, G. E, Strazhevich Yu. N. Issues of parental care in the family law of Russia and foreign countries // XXI century: Russia and the world in the conditions of a fundamentally changing society: materials of the international scientific and practical conference (Moscow, April 15—17, 2013): at 9 am Part 5. / ed. F. L. Sharov. — M., 2013. — P. 136—141.
34. Slepko, G. E, Strazhevich Yu. N. On Some Constraints and Violations of the Principle of Gender Equality in Family Law and Branch Legislation // Scientific Works. Russian Academy of Juridical Sciences. Issue. 15. — M., 2015.
35. Strazhevich, Yu.N. Legal status of a minor victim in the Russian criminal trial : dis. ... cand. jurid. sciences. — Surgut, 2008. 237 with.
36. Tarusina, N. N. Family law. Tutorial. — M., 2001.
37. Tetyuyev, S. V. Problems of participation of a legal representative in the pre-prosecutions of a minor suspect accused of preliminary investigation // Problems of improving and applying legislation on combating crime: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, dedicated to the 95th anniversary of the Bashkir State University. Part I. — Ufa, 2004.
38. Turintseva, E. A. Features of military servicemen's family and the problem of ensuring the combat readiness of the Armed Forces // Vlast. — 2011. — № 5. — P. 128—130.
39. Shaifer, S. A, Lazareva V. A. Participation of the victim and his representative in the preliminary investigation. — Kuibyshev, 1979.

Концептуальные подходы к определению правосубъектности военных организаций

Трофимов М. В.,

кандидат юридических наук, сотрудник Центра исследования проблем российского права «Эквитас»

Аннотация. В статье автор на основе положений теории права и государства, а также теории государственных органов формулирует концептуальные подходы к определению правосубъектности различных видов военных организаций: учреждений, предприятий и органов (учреждений, непосредственно осуществляющих властные полномочия).

Ключевые слова: государство как субъект права, правосубъектность государственных органов, правосубъектность военных организаций.

Рецензент — Ю. Н. Туганов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Вопрос о правосубъектности военных организаций является одним из ключевых для выявления их специфики как субъектов права, так как характеризует возможность вступления в соответствующие отношения и выступает по своей сущности важнейшей предпосылкой их существования. В последнее время в науке военного права наметилась тенденция, в соответствии с которой предполагается, что для характеристики правосубъектности военных организаций наиболее применима конструкция учреждения как вида юридических лиц¹, в связи с чем деятельность военных организаций как субъектов права должна быть основана на принципах функционирования юридических лиц. В данной статье предпринята попытка осветить иной теоретический подход, согласно которому в основе правосубъектности военных организаций лежит теория государственных органов. Однако, прежде чем исследовать правосубъектность государственных органов, целесообразно раскрыть научные представления о самой правосубъектности, а также изучить родовое

понятие — «правосубъектность государства».

Формирование понятия «субъект права» как и связанного с ним понятия «правосубъектность» имеет длительную историю. В римском праве категория «субъект права» не употреблялась, поскольку «другого разряда лиц, наряду с физическими лицами, т.е. с людьми, римская научно-юридическая систематика не знала»², следовательно, не было необходимости в использовании какого-либо иного термина. Вместе с тем, римскими юристами было выдвинуто положение «*quod universitatis est, non est singulorum*», на основе которого в период Средневековья (XI—XIII вв.) в учениях глоссаторов зарождается концепция фиктивного, нереального лица (корпорации), противостоящего реальному физическому лицу, в связи с чем перед юридической наукой возникает проблема объединения двух указанных лиц в рамках некоего общего понятия³. Само же теоретическое понятие субъекта права, по мнению О. С. Иоффе, возникло в период зарождения и развития естественно-правовой доктрины, предполагающей наделение человека прирожденными правами. На данном этапе развития юри-

¹ Бараненкова И. В. Правовое положение органов федеральной службы безопасности как казенных учреждений. М., 2012; Туганов Ю. Н. Павлушов Н. Ю. Финансово-правовой статус федеральных учреждений военной организации государства. М., 2016; Ярмак Р. Н. Правовое положение федеральных государственных унитарных предприятий и учреждений Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; и др.

² Суворов Н. О юридических лицах по римскому праву. М., 1900. С. 1

³ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000. С. 44—45, 72.

дической мысли Ф. Савиньи, Б. Виндшейд и их последователи (теоретики фиктивного лица) утверждали, что первоначальное понятие о субъекте права должно совпадать с понятием о человеке, который как «естественный» субъект права противопоставляется искусственному, вымышленному, воображаемому лицу¹. Сложившееся в правовой науке понимание субъекта права исключительно как человека преодолено Г. Кельзенем, по мнению которого «юридическое понятие субъекта права выражает только единство множества обязанностей и прав, т. е. единство множества норм, которые определяют эти обязанности и права»².

В российской юридической науке одним из первых понятие субъекта права рассматривал Н. М. Коркунов, который отмечал, что в структуре юридических отношений следует различать их субъектов, т.е. лиц, между которыми происходят отношения, и их объекты³. В дальнейшем понятие субъекта права прочно закрепилось в российском правоведении и получило развитие в трудах представителей советской юридической науки А. В. Венедиктова, С. Н. Братуся, С. Ф. Кечекьяна, А. В. Мицкевича, Р. О. Халфиной⁴ и ряда других (50—70 гг. XX в.). В целом ученые исходят из единообразного понимания субъекта права: ими признавались люди (граждане) и их объединения (коллективные субъекты), обладающие особым юридическим качеством — правоспособностью (правосубъектностью), дающим возможность участвовать в правоотношениях⁵. Именно в этот период получает

распространение категория правосубъектности в отечественной юридической науке. По мнению С. Ф. Кечекьяна, термин «правосубъектность» был введен А. В. Венедиктовым⁶, под которым он понимал нечто отличное от правоспособности⁷. Определенную роль сыграла воспринятая советской правовой доктриной концепция А. В. Венедиктова о юридической личности как исключительно гражданско-правовом понятии⁸. Таким образом, в качестве альтернативы термину «юридическая личность», применявшемуся ранее к субъектам публичного и частного права, вошло в употребление понятие «правосубъектность». А. В. Мицкевич указывал, «наличие у лица или организации определенного круга прав и обязанностей и признанной законом возможности иметь другие права и обязанности, возникающие в процессе участия в общественной жизни, составляет качество субъекта права, именуемое нами правосубъектностью»⁹. По мнению Р. О. Халфиной, правосубъектность представляет собой общую предпосылку участия граждан и организаций в правоотношениях¹⁰.

В новейший период развития отечественной юридической науки наиболее фундаментальным исследованием проблемы субъекта права и соответственно правосубъектности представляется работа С. И. Архипова. Ученый рассмотрел субъект права с разных сторон: в качестве лица; правовой воли, совокупности правовых связей; как правового сознания и т.д.¹¹ Имеются и иные взгляды на правосубъектность: категория, представляющая собой единство право- и дееспособности, и являющаяся обязательным условием участия в правоотношениях¹²; комплекс прав и обязанностей субъек-

¹ Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. М., 2004. С. 313.

² Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 24.

³ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М., 1908. С. 359.

⁴ Венедиктов А. В. О субъектах социалистических правоотношений // Советское государство и право. 1955. № 6; Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950; Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958; Мицкевич А. В. Субъекты советского права. М., 1962; Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.

⁵ Нестеров А. И. Центральный банк Российской Федерации как субъект права // Государство и право. 2012. № 9. С. 102—107.

⁶ Венедиктов А. В. Указ соч. С. 20.

⁷ Кечекьян С. Ф. Указ соч. С. 84.

⁸ Венедиктов А. В. Органы управления государственной социалистической собственностью // Советское государство и право. 1940. № 5—6. С. 46—51.

⁹ Мицкевич А. В. Указ соч. С. 4.

¹⁰ Халфина Р. О. Указ соч. С. 120.

¹¹ Архипов С. И. Субъект права : теоретическое исследование. М., 2004.

¹² Долинская В. В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России : опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 5.

тов права, объем которых определяется законами разных отраслей права¹; и др. Таким образом, в самом общем виде современная теория права определяет правосубъектность как возможность быть участником правоотношений и, в контексте правового регулирования правосубъектность выступает в качестве средства фиксации (закрепления) круга субъектов — лиц, обладающих способностью быть носителем субъективных юридических прав и обязанностей. Примечательно, что такой подход характерен не только для отечественной, но и зарубежной науки, где правосубъектность определяется как общая способность к обладанию и реализации прав и обязанностей².

Дальнейшее исследование правосубъектности военных организаций предполагает рассмотрение развития представлений о государстве как субъекте права. Уже в римском праве выделяют двойственный характер участия государства в правоотношениях. Во-первых, как носителя суверенитета, «выражаемое в особом статусе авторитарного властвующего субъекта, устанавливающего для себя особые исключительные права, преимущества и навязывающего свою волю иным субъектам права»³. Во-вторых, государство рассматривалось как участник имущественных отношений и получило название фиска. Таким образом, государство в качестве участника правоотношений как бы раздваивалось. Примечательно, что согласно воззрениям римских юристов, государство не нуждалось в признании субъектом права⁴.

Теоретические наработки римских юристов получили развитие в правовой науке европейских государств. Как утверждает Л. Дюги, до французской революции (конец XVIII в.) господствовала теория патримони-

ального государства⁵. Предполагалось, что право публичной власти, каково бы ни было его происхождение, имело носителем лицо (монарха) или группу лиц, фактически пользующихся этой властью, объектом же этого права являются население и территория. В результате французской революции возникла современная теория государства как субъекта права, которая предполагает подчиненность государства праву, наличие у государства не только прав, но и обязанностей (теория правового государства). Появилась необходимость в закреплении за государством статуса для участия в правоотношениях, однако времени на теоретическую проработку данного вопроса у современников не было. Поэтому за основу были взяты положения теории частного права и государство в целом в теории права стало рассматриваться в качестве разновидности фиктивных (юридических) лиц⁶. Как отмечает Ф. В. Мусатов, «освобождение понятия и юридической конструкции государства от частноправовых воззрений происходит только в середине XIX в. благодаря исследованиям В. Э. Альбрехта и его ученика К. Ф. Гербера, впервые провозгласивших государство субъектом публичного права»⁷.

В свою очередь, подчинение государства в имущественных отношениях нормам права возникло гораздо раньше. Уже в Древнем Риме начиная со времен формирования империи (I в. до н.э.) «государство, все более и более решительно возвышавшееся над всяким правом, в качестве фиска подчинилось праву и заняло место среди частных лиц»⁸. Впрочем, римские юристы не придавали фиску статуса субъекта права. В эпоху Средневековья имущество монарха и государства не разграничивалось, поэтому не существовало предпосылок для правового обособления государства в имущественных отношениях. Под влиянием французской революции происходит окончательное

¹ Адарченко Е. О. Административная правосубъектность юридических лиц // Журнал НВ: Административное право и практика администрирования. 2014. № 4. С. 65.

² Ястребов О. А. Юридическое лицо публичного права : вопросы теории. М., 2010. С. 333.

³ Архипов С. И. Указ соч. С. 432.

⁴ Суворов Н. Указ соч. С. 50.

⁵ Дюги Л. Конституционное право : общая теория государства. М. 1908. С. 62.

⁶ Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Петроград. 1917. С. 48—52.

⁷ Мусатов Ф. В. Государство как субъект права : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016.

⁸ Суворов Н. Указ соч. С. 13

отграничение государства как носителя имущественных прав от государства как субъекта публичной власти, а фигура фиска прочно входит в гражданский оборот европейских государств в качестве самостоятельного юридического лица¹. В российской юридической науке государство как участника имущественных отношений принято называть казной. Одним из первых исследовал казну как субъект права Д. Мейер². Г. Ф. Шершеневич определял казну как государство с хозяйственной его стороны, юридическое лицо³. Д. Львов указывал, что казна — это государство как субъект частноправовых отношений, юридическое лицо⁴. Положения о казне как субъекте права были закреплены в законодательстве Российской империи⁵.

Таким образом, к 1917 г. в отечественном правоведении сложилось устойчивое мнение о государстве как самостоятельном субъекте права, наделенном юридической личностью. Как утверждал Н. М. Коркунов, в гражданском обороте государство является субъектом имущественных прав и вступает в отношения с частными лицами как отдельная личность им противопоставляемая; в административном праве государство действует как власть, как публичный авторитет; права и обязанности граждан определяются в отношении к государству как к личности, от них отличной⁶. Примечательно, что русское дореволюционное право признавало государство как власть и государство как фиск самостоятельными по отношению друг к другу субъектами, в результате государство не несло ответственности за вред, причиненный органами власти (должностными лицами) в процессе

осуществления ими властных полномочий⁷. После революции 1917 г. в правовой науке побеждает представление о том, что казна и государство как субъект публичной власти — это две стороны одного и того же явления — государства. Вместе с тем подчеркивается, что государство как целое является самостоятельным субъектом права только в отдельных видах правоотношений⁸. По мнению А. В. Мицкевича, «только в тех отношениях, где Советскому государству противостоит другое государство, как сторона, как самостоятельный носитель прав и обязанностей, или где государство аккумулирует в единых руках права на имущество, являющееся общенародным достоянием, можно говорить об особой правосубъектности государства»⁹. В остальных видах отношений от имени государства выступают государственные органы. Соответственно ограничиваются права государства как казны на государственное имущество. Как отмечал С. Н. Братусь, «государство может являться непосредственным носителем прав и обязанностей только по поводу государственного имущества, которым оно распоряжается в процессе исполнения бюджета. В этом своем качестве государство и есть казна»¹⁰. Остальное государственное имущество закрепляется на праве оперативного управления за государственными органами¹¹. Теоретические наработки, касающиеся государства как субъекта права, сформулированные дореволюционными и советскими учеными-правоведами, сохраняют актуальность и в современный период развития юридической науки. Что касается термина «правосубъектность государства», то его употребление в литературе увязывается с общим распространением категории правосубъектности

¹ Братусь С. Н. Указ. соч. С. 160.

² Мейер Д. И. Русское гражданское право (в 2 ч.). СПб., 1902. С. 128.

³ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1910. С. 148.

⁴ Львов Д. Курс финансового права. Казань, 1887. С. 454.

⁵ Свод законов Российской империи : т. X: ст. 406—410.

⁶ Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1892. С. 12.

⁷ Лазаревский Н. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб., 1905 С. 216.

⁸ Халфина Р. О. Указ соч. С. 166—170.

⁹ Мицкевич А. В. Указ соч. С. 95.

¹⁰ Братусь С. Н. Указ соч. С. 175.

¹¹ Генкин Д. Оперативное управление как институт гражданского права // Советская юстиция. 1963. 9 мая; Сюбарева И. Ф. Право оперативного управления учреждений в современный период // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 102—107.

применительно к субъектам права и особенностей при этом не выделяется¹.

Сформированные представления о государстве как субъекте права позволяют перейти к исследованию правосубъектности государственных органов, из которой следует правосубъектность военных организаций. Следует отметить, что проблема соотношения участия государства и его органов в различных правоотношениях является одной из наиболее сложных в теории права². Что касается терминологии, в российском законодательстве понятие государственного органа не раскрывается, в науке же до сих пор не решен вопрос «о том, является ли основной характеристикой государственного органа выполнение им властно-организационных функций, либо понятие государственного органа относится ко всем созданным государством организациям независимо от того, выполняют ли они функции управления либо осуществляют непосредственную хозяйственную, культурную социальную деятельность»³. Проблема разграничения органов, учреждений и предприятий в системе военных организаций представляет особую актуальность и требует отдельного исследования. Применительно к данной статье предполагается исходить из общетеоретического понимания государственного органа как звена государственного аппарата, участвующего в осуществлении определенных функций государства и наделенного в этой связи властными полномочиями⁴.

¹ Как отмечает Ф. В. Мусатов, «в современный период развития отечественной юриспруденции защищено две кандидатские диссертации (Пинаева О. В. Государство как субъект правоотношения в современном обществе : автореф. дис. канд. юрид. наук. Владимир, 2008; Слепнев А. В. Государство как субъект правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009) и одна докторская диссертация (Матюхин А. А. Государство в сфере права : институциональный подход : автореф. дис. докт. юрид. наук. М., 2001), однако в данных работах проблема государства как субъекта права специально не ставилась и не исследовалась». (Мусатов Ф. В. Указ. соч. С. 7).

² Слепнев А. В. Указ. соч. С. 117.

³ Халфина Р. О. Указ. соч. С. 171.

⁴ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Юристъ, 2004.

По справедливому замечанию Я. М. Магазинера, «характер теории органа зависит от того, какая теория государства лежит в ее основе»⁵. Так, в эпоху господства теории фикции, т.е. в римском праве и вплоть до французской революции (кон. XVIII в.) исходили из того, что поскольку государство есть лицо нереальное, то оно нуждается в таких органах — физических лицах, которые могли бы действовать от его имени, следовательно, орган и государство — разные лица. В дальнейшем в Германии была разработана теория (О. Гирке, Г. Еллинек), согласно которой органы государства — это не что иное, как индивиды, передающие во вне волю коллективного лица. Таким образом, орган и государство — это одно и то же: орган есть такое же правовое понятие, как государство⁶. В свою очередь, французская теория государственных органов (Л. Дюги) основана на идее представительства, т.е. индивиды, образующие органы государства, выполняют права, носителями которых они не являются, и, с другой стороны, они представляют носителя этих прав (народ). Получается, правосубъектность в полном объеме признается за государственным органом, а государства вообще не существует. Различия между французской и германской теориями имеют большое прикладное значение. Во втором случае, если орган совершил от имени государства юридический акт и ставится вопрос об юридических последствиях этого акта, государство является единственной заинтересованной стороной, орган не может быть привлечен к делу в качестве ответственного лица⁷.

В середине XX в. на преобладание в зарубежных государствах германской теории государственных органов указывал С. Н. Братусь. По его утверждению, «большинство представителей буржуазной науки права, считая государство юридическим лицом как в области публичного, так и в области частного права, исключает признание юридической личности за государственными орга-

⁵ Магазинер Я. М. Общее учение о государстве. Пб., 1922. С. 193.

⁶ Там же. С. 194.

⁷ Дюги Л. Указ соч. С. 372—393.

нами, осуществляющими административные функции»¹. Эти органы выступают не самостоятельно, а как часть государства. При этом допускается персонализация публичных учреждений, имеющих обособленные от государства интересы (например, социально-культурные учреждения), а также в исключительных случаях «государственных органов, если признание юридической личности за данным госорганом способствует улучшению его деятельности — проявлению большей инициативы и самостоятельности в выполнении возложенных на него задач»². Современные исследователи государственных органов как субъектов публичного права В. Е. Чиркин, О. А. Ястребов констатируют отсутствие в зарубежном законодательстве и литературе положений о юридической личности у государственных органов, таковой наделяются учреждения³. Участие государственных органов зарубежных стран в имущественных отношениях рассматривал В. Г. Голубцов. Так, в США материальное обеспечение государственных органов осуществляют межведомственные департаменты и специализированные учреждения. Законодательство Великобритании, Франции и Германии проводит различия между государственными юридическими лицами и государственными органами. Примечательно, что если в Германии (как и в США) имущественные отношения с участием государственных органов регулируются гражданским правом, то во Франции и Великобритании — административным правом⁴.

В российской дореволюционной науке полноценной собственной теории государственных органов не сложилось, правоведы склонялись к поддержке германской теории. По утверждению Н. И. Лазаревского, несмотря на тот факт, что в некоторых случаях говорится о правах и обязанностях государ-

ства как субъекта (например, на взимание налога), практически такое право может существовать и юридически может быть анализируемо только как соответствующее право государственных органов⁵. Как полагал Ф. Ф. Кокошкин, «за органами не стоит никого, в них живет и действует само государство и помимо их оно не существует»⁶. Юридической личностью государственные органы не наделялись, хотя дискуссии на эту тему в литературе велись⁷. А. С. Алексеев государственные органы определяет как физические лица, осуществляющие государственные функции⁸. Н. И. Лазаревский под органом государства понимает физическое лицо, чиновника⁹. Как указывал К. Н. Анненков, в имущественных отношениях «казна или государство должны быть почитаемы за юридическое лицо, как единое целое, но никак не в его отдельных ведомствах или учреждениях»¹⁰. В этот же период за государственным органом закрепляется термин «государственное учреждение». Г. Ф. Шершеневич указывал, что понятие «учреждение» пришло в Россию из германского права и применялось в случаях, когда часть имущества предназначалась для достижения известной цели, с полным юридическим обособлением (школы, больницы, музеи и т.д.). Также он упоминает об учреждениях публичного права как самостоятельных субъектах права, отделяемых от казны, наделенных обособленным имуществом (например, университеты)¹¹. Н. М. Коркунов определял орган государства как государственное учреждение, т.е. организованное приспособление личных и материальных сил к осуществлению определенных актов государственной власти, независящее в своем существовании от составляющих его

⁵ Лазаревский Н. Указ соч. С. 51.

⁶ Кокошкин Ф. Ф. К вопросу о юридической природе государства и органов государственной власти. М., 1896.

⁷ Лазаревский Н. Указ соч. С. 267—296.

⁸ Алексеев А. С. Русское государственное право. М., 1892. С. 282—283.

⁹ Лазаревский Н. Указ соч. С. 238.

¹⁰ Анненков К. Н. Система русского гражданского права. Т. 1. СПб.: 1899. С. 217.

¹¹ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права : т. 1. М., 1914. С. 149—152.

¹ Братусь С. Н. Указ. соч. С. 163.

² Там же.

³ Чиркин В. Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2007. С. 217—218; Ястребов О. А. Указ соч. С. 295—296.

⁴ Голубцов В. Г. Гражданско-правовой статус государства и муниципальных образований в Российской Федерации : монография. М., 2006. С. 75—94.

личностей¹. А. И. Елистратов указывал, что «совокупность должностных лиц, группируемых по их компетенции в государственной деятельности, обозначается понятием государственного учреждения»². По мнению В. Е. Чиркина, с которым целесообразно согласиться, положения об учреждениях были «распространены на некоторые государственные органы, которые действовали де-факто как юридические лица и в какой-то мере участвовали в гражданско-правовых отношениях (например, закупки имущества для армии, ответственность за ущерб)»³. Армию как государственное учреждение определяет А. Греков⁴.

Советская юридическая наука в лице Я. М. Маганизера сформулировала отличную от вышеперечисленных теорию государственного органа — представителя государства. Ученый, основываясь на положениях о представительстве в частном праве, под органом государства понимает лицо, имеющее право-обязанность действовать от имени общества и защищать интересы всех его членов при помощи представленных в его распоряжение общественных средств, при этом подчеркивается, что орган есть законный представитель государства. По мнению Я. М. Маганизера, орган государства есть субъект права, но субъект права особого рода: он является частью другого субъекта права, государства. Соответственно, между государством и его органами возможно правоотношение, как возможно оно и между разными органами государства. «Наряду с публично-правовой, существует частно-правовая сторона в деятельности органа, в которой он выступает не как представитель общественных интересов, а как носитель личных своих интересов»⁵.

Как представляется, не без влияния данной теории в советский период государство утрачивает статус основного субъекта

права, государственные органы наделяются юридической личностью и выступают от имени государства практически во всех видах внутригосударственных отношений⁶. Более того, трансформируется само понятие государственных органов, к ним относят предприятия и учреждения в качестве хозяйственных и социально-культурных государственных органов, понимание государственного органа в гражданском и административном праве становится максимально широким⁷. В теории права и советском государственном праве в качестве органов государства признаются администрации учреждений и предприятий⁸. Определенную путаницу вносило наделение государственных органов и социально-культурных учреждений единой организационно-правовой формой (бюджетное учреждение). Сложившиеся в советской юридической науке представления о государственном органе не преодолены и до настоящего времени⁹.

Определенный интерес представляют воззрения советского теоретика права М. И. Брагинского, который утверждал, что «только там, где складываются имущественные отношения, возникает необходимость соответствующей правовой конструкции — юридического лица. Финансовые правоотношения безусловно относятся к категории имущественных»¹⁰. На наш взгляд, заслугой М. И. Брагинского является указа-

⁶ Мицкевич А. В. Указ. соч. С. 95

⁷ Евтихийев А. В. Основы советского административного права. Харьков, 1925. С. 74—80; Петров Г. И. Сущность советского административного права. Л., 1959. С. 70; Власов В. А. Советский государственный аппарат. М., 1959. С. 49—64; Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.—Л., 1948. С. 589—834; Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 153—195.

⁸ Теория государства и права : учебник / под ред. С. С. Алексеева. М., 1985. С. 217; Советское государственное строительство и право : учебник. М., 1984. С. 226—230.

⁹ В частности, к органам федеральной службы безопасности относятся как непосредственно органы, так и учреждения, предприятия. См.: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» : ст. 2.

¹⁰ Брагинский М. И. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях. М. 1981. С. 39.

¹ Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1892. С. 260.

² Елистратов А. И. Очерк государственного права (конституционное право). М., 1915. С. 31.

³ Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 217.

⁴ Греков А. Правовое положение армии в государстве. СПб., 1908. С. 14—15.

⁵ Маганизер Я. М. Указ соч. С. 225.

ние на наличие имущественных отношений в публичном (финансовом) праве и определение формы участия субъектов права в публично-правовых имущественных отношениях (юридическое лицо).

Современный период развития государства и права отличается крайней противоречивостью в отношении определения правосубъектности государственных органов. Несмотря на формальное закрепление в Конституции Российской Федерации французской теории (представительство от имени народа)¹, фактически применяется советская концепция государственного органа — представителя государства. Кроме того, в законодательстве на основе теоретического подхода, разработанного А. В. Улюкаевым² предпринята попытка разграничения правового положения бюджетных учреждений (автономные, бюджетные, казенные учреждения)³. Однако в основу выделения казенных учреждений был положен критерий ведомственной принадлежности, а не характер деятельности (управленческое, социально-культурное), в связи с чем реформу никак нельзя считать удачной в плане определения правосубъектности государственных органов. В этих условиях усиливается тенденция формального обособления государственных органов как субъектов права, многие из них объявлены юридическими лицами.

Предлагаются и новые теоретические подходы к определению правосубъектности государственных органов, среди которых особо стоит выделить предложения В. Е. Чиркина, О. А. Ястребова о наделении государственных органов статусом юридических

лиц публичного права⁴. Однако, как показывают результаты исследования, критерием разграничения правосубъектности государства и соответственно государственных органов является участие во властных и имущественных отношениях. Последние возможны также в публичном праве (финансовые правоотношения), поэтому данный подход не может быть воспринят как основополагающий. С другой стороны, подход В. В. Бараненкова, рассматривающего государственные органы как юридические лица с позиций цивилистики, по нашему мнению, выражает иную крайность в определении правосубъектности государственных органов⁵.

В связи с этим оптимальным взглядом на правовую природу государственных органов представляется точка зрения Ф. В. Мусатова, по мнению которого государственные органы «парламент, суд и т.д. есть дифференциация самого государства, поэтому юридически они неотличимы (и неотделимы) от него, социально-культурные учреждения и предприятия — самостоятельные и производные от государства субъекты права»⁶. Данный подход сочетается с достижениями зарубежной правовой доктрины, в условиях которой юридической личностью наделяются публичные учреждения, а также в исключительных случаях государственные органы, если это способствует повышению эффективности выполнения возложенных на него задач.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что правосубъектность военных организаций определяется их разновидностью. Если учреждения и предприятия в системе военных организаций являются самостоятельными и производными от государства субъектами права, то органы (в отличие от учреждений осуществляют властные полномочия) есть дифференциация самого государства, поэтому юридически они неотличимы (и неотделимы) от него и поэтому могут наделяться самостоятельной

¹ Так, согласно ст. 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

² Улюкаев А. В. Проблемы государственной бюджетной политики. М., 2004.

³ Федеральный закон от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений».

⁴ Чиркин В. Е. Указ. соч.; Ястребов О. А. Указ. соч.

⁵ Бараненков В. В. Юридическая личность военных организаций. М., 2008.

⁶ Мусатов Ф. В. Указ. соч. С. 85.

правосубъектностью в исключительных случаях, если это способствует повышению эффективности выполнения возложенных на них задач.

Библиография

Монографии, учебники, учебные пособия

1. Алексеев, А. С. Русское государственное право / А. С. Алексеев. — М., 1892. — 473 с.
2. Анненков, К. Н. Система русского гражданского права : Т. 1. / К. Н. Анненков. — СПб., 1899. — 672 с.
3. Архипов, С. И. Субъект права: теоретическое исследование / С. И. Архипов. — М., 2004. — 466 с.
4. Атаманчук, Г. В. Советское государственное строительство и право : учебник / Г. В. Атаманчук, А. Я. Берченко, С. Э. Жилинский и др. — М., 1984. — 508 с.
5. Бараненков В. В. Юридическая личность военных организаций : монография / В.В. Бараненков. — М., 2008. — 370 с.
6. Бараненкова И. В. Правовое положение органов федеральной службы безопасности как казенных учреждений : монография / И. В. Бараненкова. — М., 2012. — 152 с.
7. Брагинский, М. И. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях / М. И. Брагинский. — М., 1981. — 192 с.
8. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве / С. Н. Братусь. — М., 1947. — 362 с.
9. Братусь, С. Н. Субъекты гражданского права / С. Н. Братусь. — М., 1950. — 367 с.
10. Венедиктов, А. В. Государственная социалистическая собственность / А. В. Венедиктов. — М.-Л., 1948. — 839 с.
11. Власов, В. А. Советский государственный аппарат / В. А. Власов. — М., 1959. — 374 с.
12. Голубцов, В. Г. Гражданско-правовой статус государства и муниципальных образований в Российской Федерации : монография / В. Г. Голубцов. — М., 2006. — 217 с.
13. Греков А. Правовое положение армии в государстве / А. Греков. — СПб., 1908. — 234 с.
14. Дюги, Л. Конституционное право : общая теория государства / Л. Дюги. — М., 1908. — 957 с.
15. Евтихийев, А. В. Основы советского административного права / А. В. Евтихийев. — Харьков, 1925. — 331 с.
16. Елистратов, А. И. Очерк государственного права (конституционное право) / А. И. Елистратов. — М., 1915. — 166 с.
17. Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. — М., 2000. — 777 с.
18. Кокошкин, Ф. Ф. К вопросу о юридической природе государства и органов государственной власти / Ф. Ф. Кокошкин. — М., 1896. — 32 с.
19. Коркунов, Н. М. Русское государственное право : Т. 1 / Н. М. Коркунов. — СПб., 1892. — 402 с.
20. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. — М., 1908. — 364 с.
21. Кечекьян, С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С. Ф. Кечекьян. — М., 1958. — 187 с.
22. Лазаревский, Н. И. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами / Н. И. Лазаревский. — СПб., 1905. — 728 с.
23. Лазаревский, Н. И. Русское государственное право : Конституционное право. Т. 1 : Вып. 1 / Н. И. Лазаревский. — Петроград, 1917. — 272 с.
24. Львов, Д. Курс финансового права / Д. Львов. — Казань, 1887. — 537 с.
25. Магазинер, Я. М. Общее учение о государстве / Я. М. Магазинер. — СПб., 1922. — 490 с.
26. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учебник / Н. И. Матузов, А. В. Малько. — М. : Юрист, 2004.
27. Мейер, Д. И. Русское гражданское право (в 2 ч.) / Д. И. Мейер. — СПб., 1902. — 455 с.
28. Мицкевич, А. В. Субъекты советского права / А. В. Мицкевич. — М., 1962. — 211 с.
29. Петров, Г. И. Сущность советского административного права / Г. И. Петров. — Ленинград, 1959. — 184 с.
30. Суворов, Н. С. Об юридических лицах по римскому праву / Н. С. Суворов. — М., 1900. — 351 с.
31. Теория государства и права : учебник / под ред. С. С. Алексеева. — М., 1985.
32. Туганов, Ю. Н. Финансово-правовой статус федеральных учреждений военной организации государства : монография / Ю. Н. Туганов, Н. Ю. Павлушов. — М. : Граница, 2016. — 124 с.
33. Улюкаев, А. В. Проблемы государственной бюджетной политики / А. В. Улюкаев. — М., 2004. — 544 с.
34. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. — М., 1974. — 351 с.
35. Чиркин, В. Е. Юридическое лицо публичного права / В. Е. Чиркин. — М., 2007. — 352 с.
36. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. — М., 1910. — 698 с.
37. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права : Т. 1 / Г. Ф. Шершеневич. — М., 1914. — 483 с.
38. Ястребов, О. А. Юридическое лицо публичного права : вопросы теории / О. А. Ястребов. — М., 2010. — 383 с.

Диссертации, авторефераты

1. Матюхин, А. А. Государство в сфере права : институциональный подход [Текст] : автореф. дис. докт. юрид. наук / А. А. Матюхин. — М., 2001.

2. Мусатов, Ф. В. Государство как субъект права : дис. ... канд. юрид. наук / Ф. В. Мусатов. — Екатеринбург, 2016.

3. Пинаева, О. В. Государство как субъект правоотношения в современном обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Пинаева. — Владимир, 2008.

4. Слепнев, А. В. Государство как субъект правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Слепнев. — М., 2009.

5. Ярмач Р. Н. Правовое положение федеральных государственных унитарных предприятий и учреждений Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Р. Н. Ярмач. — М., 2008.

Статьи

1. Адарченко, Е. О. Административная правосубъектность юридических лиц / Е. О. Адарченко // Журнал НВ: Административное право и практика администрирования. — 2014. — № 4.

2. Венедиктов, А. В. О субъектах социалистических правоотношений / А. В. Венедиктов // Советское государство и право. — 1955. — № 6.

3. Венедиктов, А. В. Органы управления государственной социалистической собственностью / А. В. Венедиктов // Советское государство и право. — 1940. — № 5 — 6.

4. Генкин, Д. Оперативное управление как институт гражданского права / Д. Генкин // Советская юстиция. — 1963. — № 9.

5. Долинская, В. В. Правовой статус и правосубъектность / В. В. Долинская // Законы России : опыт, анализ, практика. — 2012. — № 2.

6. Нестеров, А. И. Центральный банк Российской Федерации как субъект права / А. И. Нестеров // Государство и право. — 2012. — № 9.

7. Сябарева, И. Ф. Право оперативного управления учреждений в современный период // Законы России: опыт, анализ, практика / И. Ф. Сябарева. — 2016. — № 4. С. 102—107.

Conceptual approaches to the definition of legal personality of military organizations

© Trofimov M. V.,

candidate of legal sciences, employee of the center of research of problems Russian Law Equitas

Abstract. In the article the author on the basis of theory of state and law, and the theory of public bodies formulates conceptual approaches to the definition of the legal personality of various types of military organizations: institutions, enterprises and authorities (institutions directly implementing powers).

Keywords: the state as a subject of law, the legal personality of the state bodies, the legal personality of military organizations.

Bibliography

Monographs, textbooks, manuals

1. Alekseev, A. S. Russian state law / A.S. Alekseev. M. 1892. — 473 p.
2. Annenkov, K. N. The system of Russian civil law : vol. 1. [Text] / K.N. Annenkov. — S.-Petersburg, 1899. — 672 p.
3. Arkhipov, S. I. Subject of law : a theoretical study / S. I. Arkhipov. — M., 2004. — 466 p.
4. Atamanchuk, G. V. Soviet state-building and law [Text] : textbook / G. V. Atamanchuk, A. J., Burchenko, S. E. Zhilinsky, etc. — M., 1984. — 508 p.
5. Baranekov, V. V. The Legal personality of military organizations : monograph / V. V. Baranekov. — M., 2008. — 370 p.
6. Baranekova, I. V. Legal status of bodies of Federal security service, as public institutions : monograph / I. V. Baranekova. — M., 2012. — 152 p.
7. Braginsky, M. I. Participation of the Soviet state in civil legal relations / M. I. Braginsky. — M., 1981. — 192 p.
8. Bratus, S.N. Legal entity in the Soviet civil law / S. N. Bratus. — M., 1947. — 362 p.
9. Bratus, S. N. Subjects of civil law / S.N. Bratus. — M., 1950. — 367 p.
10. Venediktov, A. V. State the socialist property / A.V. Venediktov. M.—L., 1948. — 839 p.
11. Vlasov, V. A. The Soviet state apparatus / V. A. Vlasov. — M., 1959. — 374 p.
12. Golubtsov, V. G. Civil legal status of the state and municipal entities in the Russian Federation : monograph / V. G. Golubtsov. — M., 2006. — 217 p.
13. Grekov, A. The Legal status of the army in the state / A. Grekov. — S.-Petersburg, 1908. — 234 p.

14. Dugi, L. Constitutional law : General theory of the state / L. Dougi. M. 1908. — 957 p.
15. Evtikhiev, V. A. The foundations of the Soviet administrative law / A. V. Evtikhiev. — Kharkov, 1925. — 331 p.
16. Elistratov, A. I. Sketch of public law (constitutional law) / A. I. Elistratov. — M., 1915. — 166 p.
17. Ioffe, O. S. The Selected works on civil law: From history of civil thought. The civil legal relationship. Criticism of the theory of «economic law» / O. S. Ioffe. — M., 2000. — 777 p.
18. Kokoshkin, F. F. To the question of the legal nature of the state and of public authorities / F. F. Kokoshkin. — M., 1896. 32 p.
19. Korkunov, N. M. Russian public law : V. 1 / N. M. Korkunov. — S.-Petersburg, 1892. — 402 p.
20. Korkunov, N. M. Lectures on the General theory of law / N. M. Korkunov. — M., 1908. — 364 p.
21. Kechichian, S. F. Relations in a socialist society / S. F. Kechichian. — M., 1958. — 187 p.
22. Lazarevsky, N. I. Liability for damages caused by officials / N. I. Lazarevsky. — S.-Petersburg, 1905. — 728 p.
23. Lazarevsky, N. I. Russian public law : Constitutional law. Vol. 1 : Vol. 1 / N. I. Lazarevsky. — Petrograd, 1917. — 272 p.
24. Lvov, D. Course in Finance law / D. Lvov. — Kazan, 1887. — 537 p.
25. Magaziner, J. M. General theory of state / J. M. Magaziner. — S.-Peterburg, 1922. — 490 p.
26. Matuzov, N. I. Theory of state and law : textbook / N. I. Matuzov, A. V. Malko. — M. : Yurist, 2004.
27. Meyer, D. I. Russian civil law (in 2 hours) / D. I. Meyer. — S.-Petersburg, 1902. — 455 p.
28. Mitskevich, V. A. Subjects of Soviet law / A. V. Mitskevich. — M., 1962. — 211 p.
29. Petrov, G. I. The essence of the Soviet administrative law / G. I. Petrov. — Leningrad, 1959. — 184 p.
30. Suvorov, N. S. About juridical persons by the Roman law / N. S. Suvorov. — M., 1900. — 351 p.
31. Theory of state and law : the textbook / ed. by S. S. Alekseev — M., 1985.
32. Tuganov, Y. N. The financial and legal status of the Federal agencies of the military organization of the state : monograph / Y. N. Tuganov, N. Y. Paulushov. — M. : Border, 2016. — 124 p.
33. Ulyukaev, A. V. Problems of government fiscal policy / A. V. Ulyukayev. — M., 2004. — 544 p.
34. Halfina, R. O. General doctrine on legal relations / R. O. Khalfina. — M., 1974. — 351 p.
35. Chirkin, V. E. Legal person of public law / V. E. Chirkin. — M., 2007. — 352 p.
36. Shershenevich, G. F. The General theory of law / G. F. Shershenevich. — M., 1910. — 698 p.
37. Shershenevich, G. F. The Textbook of Russian civil law : V. 1 / G. F. Shershenevich. — M., 1914. — 483 p.
38. Yastrebov, O. A. Legal entity of public law : theory / O. A. Yastrebov. — M., 2010. — 383 p.

Thesis, dissertation

1. Matiukhin, A. A. The State in the sphere of law : an institutional approach : dis. doctor. the faculty of law. sciences / A. A. Matyukhin. — M., 2001.
2. Musatov, V. F. The State as a subject of law : dis. kand. the faculty of law. sciences / F. V. Musatov. — Ekaterinburg, 2016.
3. Pinaev, V. O. The State as a subject of legal relations in modern society: author. dis. cand. the faculty of law. sciences. / O. V. Pinaev. — Vladimir, 2008.
4. Slepnev, A.V. The State as a subject of legal relations : dis. kand. the faculty of law. sciences / A. V. Slepnev. — M., 2009.
5. Yarmak, R. N. The legal status of Federal state unitary enterprises and institutions of the Armed Forces of the Russian Federation : dis. kand. the faculty of law sciences / R. N. Yarmak. — M., 2008.

Magazine articles

1. Adarchenko, E. O. Administrative legal personality of legal entities / E. O. Adarchenko // NB: Administrative law and administration practice. — 2014. — № 4. — P. 65.
2. Venediktov, A. V. On the subjects of socialist relations / A. V. Venediktov // Soviet state and law. — 1955. — № 6. — P. 17—28.
3. Venediktov, A. V. Management Bodies of the state socialist property / A. V. Venediktov // Soviet state and law. — 1940. — № 5—6. — P. 46—51.
4. Genkin, D. Operational management as Institute of civil law / D. Genkin // The Soviet justice. — 1963. — № 9. — S. 3—5.
5. Dolinskaya, V. V. Legal status and juridical personality / V. V. Dolinskaya // Laws of Russia : experience, analysis, practice. — 2012. — № 2. — C. 5.
6. Nesterov, A. I. The Central Bank of the Russian Federation as a subject of law / A. I. Nesterov // State and law. — 2012. — № 9. — S. 102—107.
7. Zubareva, I. F. Right of operational management institutions in the co-temporary period // Laws of Russia: experience, analysis, practice / I. F. Zubareva. — 2016. — № 4. — S. 102—107.

Прокурорская деятельность

Особенности обеспечения законности прокурором в сфере градостроительства

© **Коряченко С. И.**,
старший преподаватель кафедры прокурорского
надзора и участия прокурора в рассмотрении уго-
ловных, гражданских и арбитражных дел Санкт-
Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры Российской
Федерации

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей взаимодействия территориальных и военных прокуроров при обеспечении законности в градостроительной сфере, а также осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при формировании земельных участков, принятии и утверждении градостроительной документации в отношении земель, которые являются смежными с землями Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокуратура, правовой режим и использование земельных участков, градостроительное законодательство.

Рецензент — О. Н. Коршунова, доктор юридических наук, профессор.

Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере градостроительной деятельности в современных условиях является значимым, актуальным и приоритетным направлением деятельности прокуратуры по укреплению законности и правопорядка в Российской Федерации.

Надзорные мероприятия в градостроительной сфере охватывают исполнение Конституции Российской Федерации, федеральных законов, уставов муниципальных образований, а также муниципальных правовых актов органами государственной власти, органами местного самоуправления, органами земельного контроля, контроля и надзора в сфере строительства, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций.

Результаты анализа проверок в градостроительной сфере, проведенных территориальными и военными прокурорами, свидетельствует о внушительном количестве выявляемых нарушений, в том числе в деятельности органов местного самоуправления.

Правоотношения, складывающиеся в сфере градостроительного законодательства, тесно связаны с правоотношениями в сфере земельного, жилищного, экологического законодательства, а также законодательства в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения и охраны объектов культурного наследия.

Градостроительное законодательство Российской Федерации регулирует отношения по территориальному планированию, градостроительному зонированию, планировке территории, архитектурно-строительному проектированию, по строительству объектов капитального строительства, их реконструкции, капитальному ремонту, а также по эксплуатации зданий и сооружений.

Представляется, что законность формирования земельных участков и снижение административных барьеров должны являться предметом прокурорских проверок не только территориальных прокуроров, но и военных прокуроров.

На современном этапе развития общественных отношений в Российской Федерации вовлечение в гражданский оборот земельных участков способствует активизации рыночной экономики в области землепользования, совершенствованию ипотечных и иных правоотношений при привлечении банковского капитала для кредитования нового строительства, освоению и использованию земель, развитию хозяйствования на используемых земельных участках.

Вместе с тем законодательно установлены ограничения на использование отдельных видов земель. К таким землям относятся и земли, предоставленные Вооруженным Силам Российской Федерации, другим войскам, воинским формированиям и органам, а также земли, занятые объектами обороны и безопасности. Сюда относятся как земли, расположенные за чертой населенных пунктов, так и земельные участки в черте поселений, занятые объектами обороны и безопасности. Указанные земли являются федеральной собственностью.

Управление и распоряжение земельными участками, находящимися в собственности Российской Федерации, включая земли, представленные Вооруженным Силам и иным воинским формированиям, отнесено к полномочиям Российской Федерации. От имени Российской Федерации распоряжение федеральной земельной собственностью осуществляет Правительство Российской Федерации, а по его поручению — Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом и его территориальные органы.

Министерство обороны Российской Федерации, в отличие от других федеральных органов исполнительной власти, в которых предусмотрено прохождение военной службы, обладает более широкими полномочиями по распоряжению имуществом, находящимся у него в пользовании¹.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2008 г. № 1053 «О некоторых мерах по управлению федеральным имуществом» Минобороны России осуществляет функции по управлению федеральным имуществом, находящимся у Вооруженных Сил Российской Федерации.

Департамент имущественных отношений Минобороны России в соответствии с Положением, утвержденным приказом Министра обороны Российской Федерации от 25 февраля 2014 г. № 110, осуществляет реализацию указанных полномочий по управлению имуществом Минобороны России.

В настоящее время Минобороны России ведет целенаправленную работу по передаче объектов неиспользуемого недвижимого военного имущества в гражданское пользование. По словам Министра обороны Российской Федерации С. К. Шойгу, «оптимизация процесса передачи федерального имущества является одним из приоритетных вопросов в деятельности Департамента имущественных отношений. Вовлечение в гражданско-правовой оборот временно неиспользуемого военного имущества позволяет не только экономить средства федерального бюджета по статьям содержания и эксплуатации неиспользуемых активов, но и улучшать качественные и технические характеристики объектов»².

В середине 2012 г. в ведении Минобороны России находилось 7,5 тыс. военных городков, из них 1 644 военных городка не использовались по прямому назначению³.

На практике существует множество вопросов, которые в соответствии с п. 7.1 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 7 мая 2008 г. № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализиро-

¹ Феоктистова О. Ю. Некоторые вопросы безвозмездной передачи земель Вооруженных Сил Российской Федерации в собственность субъектов Российской Федерации и муниципальных образований // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 12. С. 20—24.

² Минобороны упростило порядок передачи в аренду федеральных земель // URL: <http://realty.news.ru>.

³ Боргоякова Т. В., Наумкин А. П. Проблемы совершенствования порядка безвозмездной передачи военного недвижимого имущества в собственность городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга либо муниципальную собственность и пути их решения // URL: <http://region.council.gov.ru>.

ванных прокуратур» требуют постоянного взаимодействия территориальных и военных прокуроров при осуществлении надзора.

С точки зрения организации прокурорского надзора в рассматриваемом направлении наибольшие трудности связаны с разграничением полномочий между территориальными и военными прокурорами, а также с надлежащим взаимодействием указанных прокуроров по вопросам, отнесенным к их полномочиям.

Согласно Федеральному закону от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор осуществляет надзор за законностью, как нормативных правовых актов, так и актов индивидуального характера (в частности, за своевременным осуществлением прокурорского надзора за соблюдением права на землю, и иных прав, в сфере землепользования), и это не находится в противоречии с изданным приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина».

Прокурорам всех уровней предписано осуществлять надзор за законностью правовых актов, издаваемых федеральными органами исполнительной власти, Следственным комитетом Российской Федерации, законодательными (представительными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, военного управления, органами контроля, их должностными лицами, осуществлять независимо от поступления информации о нарушениях законности (п. 3).

При осуществлении надзора за законностью использования земель, находящихся у Вооруженных Сил Российской Федерации, военным прокурорам следует иметь в виду, что для указанных земель установлены отличные от иных земель правила по их использованию в связи с их специальным назначением, в том числе из-за того, что они предназначены для использования в интересах государства: для обеспечения обороны и

безопасности, защиты государства и общества.

Особенность прокурорского надзора за соблюдением органами местного самоуправления, военными организациями и их должностными лицами Конституции Российской Федерации и исполнением законов при формировании земельных участков, принятии и утверждении градостроительной документации состоит также в том, что указанный надзор должен осуществляться во взаимодействии территориальных и военных органов прокуратуры в условиях реформирования Вооруженных Сил и приватизации федеральной собственности.

Указанное обстоятельство обуславливает определенные трудности при проведении надзорных мероприятий.

Осуществление прокурорского надзора сопряжено с необходимостью специализации органов прокуратуры применительно к правовому положению поднадзорных субъектов. Разграничение компетенции между территориальными и военными прокурорами проводится по предметному принципу, т.е. с учетом предметных полномочий. Что касается полномочий функциональных, то они в основном одинаковы для военных и территориальных прокуроров, так как средства выявления, устранения и предупреждения нарушений законности одинаковы в любой сфере общественных отношений.

Прокурорам субъектов Российской Федерации, городов и районов, иным территориальным прокурорам, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам других специализированных прокуратур необходимо обеспечить постоянное взаимодействие при осуществлении надзора, принятие согласованных мер по борьбе с преступностью, обмен оперативной, статистической и иной необходимой информацией. Следует практиковать проведение совместных проверок, оперативных и координационных совещаний.

Также эффективной формой взаимодействия будет являться не только обмен оперативной информацией, но и направление территориальными прокурорами военным прокурорам сведений о результатах прове-

рок, выявленных нарушениях и принятых мерах прокурорского реагирования.

В упреждающих целях осуществления надзора в градостроительной сфере действенным будет направление территориальными прокурорами отрицательных заключений на стадии согласования проектов нормативных правовых актов об утверждении градостроительной документации в отношении земель, смежных с землями Вооруженных Сил, учитывая программно-плановый порядок ее принятия и утверждения.

В настоящее время взаимодействие представляется особо актуальным при проверке сведений о категориях земель, в отношении которых органы местного самоуправления утверждают проекты документов территориального планирования, и которые являются смежными с землями, находящимися у Вооруженных Сил, поскольку зачастую именно в отношении указанной категории земельных участков выявляются случаи «двойного учета».

Предпосылками эффективного прокурорского надзора за исполнением законов при формировании земельных участков, принятии и утверждении градостроительной документации являются: тесное взаимодействие подразделений аппарата Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Главной военной прокуратуры, территориальных и военных прокуроров; знание прокурорами законодательства, регулирующего отношения, возникающие при использовании и распоряжении федерального имущества, соответствующей компетенции органов государственного и военного управления, государственных и негосударственных организаций; информированность прокуроров о динамике, положительных и негативных тенденциях, о наиболее часто допускаемых при этом правонарушениях; владение тактикой и методикой прокурорского надзора, как на стадии выявления, так и в ходе устранения нарушений законодательства при формировании и распоряжении земельными участками; своевременное и полное использование прокурорами предоставленных им полномочий по защите государственных и оборонных интересов государства,

в том числе в суде, а также правильное определение пределов осуществления надзорной деятельности.

При рассмотрении спорных вопросов, связанных с фактами противоречий между сведениями о земельных участках, в отношении которых органы местного самоуправления утверждают градостроительную документацию, и смежных земель, находящихся у Вооруженных Сил Российской Федерации, следует исходить из того, что надлежащим доказательством отнесения земельного участка к той или иной категории, вида его разрешенного использования и описания его границ является сведения государственного кадастра недвижимости.

В силу требований Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» (далее — Закон № 221-ФЗ) кадастровый учет земельных участков осуществляется с определением границ земельного участка и согласованием с лицами, обладающими смежными земельными участками.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 84 ЗК РФ утверждение или изменение генерального плана поселения, отображающего границы населенных пунктов, расположенных в границах соответствующего муниципального образования, является установлением или изменением границ населенных пунктов. При этом в соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (далее — Закон № 172-ФЗ) установление или изменение границ населенных пунктов, а также включение земельных участков в границы населенных пунктов либо исключение земельных участков из границ населенных пунктов является переводом земель населенных пунктов или земельных участков в составе таких земель в другую категорию либо переводом земель или земельных участков в составе таких земель из других категорий в земли населенных пунктов.

Таким образом, акт об утверждении генерального плана является актом о переводе земель или земельных участков и подлежит согласованию в порядке, установленном уполномоченным Правительством Россий-

ской Федерации федеральным органом исполнительной власти (п. 1 ст. 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее — ГрК РФ)). Подготовка проекта генерального плана поселения предусматривает его обязательное согласование с уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти в порядке, установленном этим органом (ч. 8 ст. 24 ГрК РФ), в указанных в ст. 25 ГрК РФ случаях.

Согласно ч. 5 ст. 14 Закона № 172-ФЗ земельные участки, расположенные в границах населенных пунктов, подлежат отнесению к землям населенных пунктов, а вне границ населенных пунктов — к определенной категории земель в зависимости от документально подтвержденного фактического использования земельного участка.

Законодательно установлены различные основания возникновения прав на земельные участки государственной собственности у Российской Федерации, ее субъектов и у муниципальных образований. Это означает, что для отнесения земель, находящихся у Вооруженных Сил Российской Федерации, к государственной земельной собственности достаточно наличия хотя бы одного основания.

В силу ст. 29 ЗК РФ, п. 10 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» (далее — Постановление ВС РФ № 3020-1), земельные участки, относящиеся к землям обороны, находятся в силу закона в федеральной собственности, и соответственно у органов местного самоуправления отсутствуют основания для распоряжения указанными участками.

Отсутствие государственной регистрации права собственности Российской Федерации и права пользования земельными участками, предоставленными для разме-

щения объектов обороны и безопасности, нередко приводит к нарушениям федерального законодательства.

Практика показывает, что распоряжение земельными участками, которые ранее были предоставлены Вооруженным Силам Российской Федерации, другим войскам, воинским формированиям и органам для нужд обороны и безопасности, осуществляется на основании решений органов государственной исполнительной власти субъектов Российской Федерации или органов местного самоуправления.

Такое распоряжение осуществляется различными способами, а именно: изъятием земельных участков или их частей; передачей органами местного самоуправления в аренду или на ином вещном праве и физическим лицам земельных участков, предоставленных ранее военным организациям, но фактически ими не используемые, без изъятия таковых; выдачей третьим лицам органами государственной власти субъекта Российской Федерации или муниципальными властями разрешений на строительство на земельных участках, предоставленных ранее военным организациям; переводом земель этой категории в другую, в том числе путем включения земельных участков, относящихся к землям обороны, в состав земель поселений за счет установления границ поселений по землям специального назначения; другими способами.

В результате указанных действий происходит нарушение интересов собственника — Российской Федерации. Как правило, органы местного самоуправления, распоряжаясь спорными земельными участками, опираются на положения п. 10 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее — Закон № 137-ФЗ), предусматривающие распоряжение земельными участками, находящимися в государственной собственности, органами местного самоуправления до разграничения государственной собственности на землю в пределах их полномочий, если законодательством не предусмотрено иное.

Неверное толкование закона приводит к тому, что органами местного самоуправле-

ния неоднозначно понимаются положения Закона № 137-ФЗ, которым такие земельные участки отнесены к федеральной собственности и под разграничение не подпадают (самостоятельное основание возникновения права собственности Российской Федерации в силу п. 1 ст. 17 ЗК РФ). Пределы полномочий органов местного самоуправления определены ст. 11 ЗК РФ, иным законодательством. Также законодательством предусмотрено распоряжение федеральной собственностью Российской Федерацией в лице Правительства Российской Федерации и уполномоченными им лицами.

Территориальным прокурорам при проверке отображения в материалах проектов документов территориального планирования муниципальных образований сведений о категориях земель, а военным прокурорам при проверке изменения границ земельных участков, сохранения площадей земельных участков, относящихся к имуществу Вооруженных Сил Российской Федерации, необходимо учитывать следующие аспекты.

В случае, когда земельные участки образованы из земельного участка, который в результате преобразования сохраняется в измененных границах (например, с учетом п. 10 ст. 1 Федерального закона «Об обороне»), возможно осуществление государственного кадастрового учета соответствующих образованных земельных участков и государственной регистрации прав на них без уточнения местоположения границ исходного земельного участка, сохраняющегося в результате раздела в измененных границах, если образуемые и исходный земельные участки (их площади) соответствуют установленным требованиям к предельным (в частности, минимальным) размерам земельных участков. Кроме того, суммарная площадь образованных земельных участков и исходного земельного участка, сохраняющегося в измененных границах, если площадь исходного земельного участка не уточнялась, так как не осуществлялось уточнение его границ, не может быть боль-

ше первоначальной площади исходного земельного участка¹.

С 1 января 2017 г. вступили в силу за исключением отдельных положений, вступающих в силу в иные сроки, Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее — Закон № 218-ФЗ).

В соответствии с нормами указанного закона зарегистрировать права на объекты недвижимости по общему правилу невозможно, если они не учтены в кадастре недвижимости. Если сведения об объекте недвижимости отсутствуют в ЕГРН, его учет в кадастре и государственная регистрация прав должны осуществляться одновременно. Исключения составляют ситуации, когда кадастровый учет может проводиться без одновременной регистрации и наоборот. Ранее одновременное осуществление учета и государственной регистрации не было предусмотрено.

Сведения об объектах недвижимости, права на которые возникли до дня вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» и не прекращены и государственный кадастровый учет которых не осуществлен, вносятся в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) по правилам, предусмотренным ст. 69 Закона № 218-ФЗ для внесения в ЕГРН сведений о ранее учтенных объектах недвижимости.

Государственная регистрация права на объект недвижимости может осуществляться с ранее учтенным объектом, сведения о котором внесены в государственный кадастр недвижимости с присвоением государственного учетного номера.

Часто не учитывается, что с 1922 г. при предоставлении земельных участков государственная регистрация землеотводов уже была осуществлена. Документы, содержащие регистрационные записи об отводах земельных участков, легли в основу государственного кадастра. Государственный кадастровый учет земельных участков, про-

¹ Письмо Росреестра от 28 апреля 2016 г. № 14-исх/05932-ГЕ/16 «О разъяснении законодательства».

веденный в установленном порядке на территории Российской Федерации до вступления в силу ст. 45 Закона № 221-ФЗ, признается юридически действительным, и такие объекты считаются учтенными объектами недвижимости.

В силу п. 2 Приложения 2 к Постановлению ВС РФ № 3020-1 имущество Вооруженных Сил, относится к объектам федеральной собственности.

Согласно ч. 5 ст. 70 Закона № 218-ФЗ в срок до 2020 г. документом, являющимся основанием для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав на объекты недвижимости, в том числе земельные участки, относящиеся к имуществу Вооруженных Сил Российской Федерации и подведомственных Минобороны России организаций, и содержащим описание такого объекта недвижимости, является декларация о таком объекте недвижимости. Форма данной декларации, требования к ее заполнению, состав включаемых в нее сведений устанавливаются органом нормативно-правового регулирования.

Указанные особенности применяются при осуществлении государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав на объекты недвижимости, созданные до дня вступления в силу Постановления ВС РФ № 3020-1.

Проведение процедуры учета земельных участков может создать ряд новых проблем, которые могут привести к кризису местных бюджетов. Ранее в ряде регионов

Российской Федерации в 40—70-х годах XX в. земли отводились военным в размере тысяч гектаров. В настоящее время эти земли не используются, часто заброшены. Нередки случаи их перераспределения местными властями: предоставление под ведение садоводства, огородничества, строительство жилых домов и иных объектов. Средства от распоряжения такими землями поступают в местные бюджеты в полном объеме. В результате федеральный бюджет не получает внушительные суммы.

Представляется, что решение этих проблем исключит незаконное отчуждение федеральных земель решениями органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления и одновременно сократит расходы на последующие многолетние административные и судебные разбирательства по уголовным и гражданским делам.

Библиография

1. Боргоякова, Т. В. Проблемы совершенствования порядка безвозмездной передачи военного недвижимого имущества в собственность городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга либо муниципальную собственность и пути их решения / Т. В. Боргоякова, А. П. Наумкин // URL: <http://region.council.gov.ru>
2. Минобороны упростило порядок передачи в аренду федеральных земель // URL: <http://realty.news.ru>
3. Феоктистова, О. Ю. Некоторые вопросы безвозмездной передачи земель Вооруженных Сил Российской Федерации в собственность субъектов Российской Федерации и муниципальных образований // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2015. — № 12.

Features of law enforcement by the prosecutor in the sphere of town planning

© Koryachentsova Svetlana I.

Senior Lecturer, department of public prosecutor's supervision and the prosecutor's participation in criminal, civil and arbitration cases in St. Petersburg Law Institute (branch)
of the Russian Academy of General Prosecutor's Office

Abstract. The article considers the peculiarities of interaction of territorial and military prosecutors in ensuring the rule of law in the field of urban planning, as well as the implementation of the public prosecutor's supervision over the implementation of laws in the formation of land, acceptance and approval of planning documentation in respect of land that are adjacent to the lands of the Russian Armed Forces.

Keywords: public prosecutor's supervision, the prosecutor's office, the legal regime and the use of land, town planning law

Bibliography

1. Borgoyakov, T. V. problems of improving the procedure for gratuitous transfer of military real estate in the property of Federal cities of Moscow and St.-Petersburg or municipal property and their solutions / T. V. Borgoyakov, A. P. Naumkin // URL: <http://region.council.gov.ru>
 2. The defense Ministry has simplified the procedure for lease of Federal lands // URL: <http://realty.news.ru>
 3. Feoktistova, A. Y. Some questions of uncompensated transfer of land Armed forces of the Russian Federation in the property of constituent entities of the Russian Federation and municipal entities // Law in the Armed Forces — military legal review. — 2015. — № 12.
-

Место тактики в деятельности прокурора по предупреждению правонарушений в Вооруженных Силах

© Махьянова Р. М.,
преподаватель Военного университета

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы тактики прокурорской деятельности. Сформулировано авторское понимание данного понятия. Проанализирована предупредительная деятельность прокурора и влияние на нее тактики.

Ключевые слова: прокурорский надзор, прокурорская тактика, предупредительная деятельность прокурора.

Рецензент — В. М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

Предупредительная деятельность прокурора проявляется во всех отраслях прокурорского надзора и, на наш взгляд, является главной функцией прокурора в деле укрепления законности и правопорядка.

Отсутствие в науке четкого понятия определения и содержания прокурорской тактики отрицательно сказывается на результативности и эффективности как предупредительной, так и иной деятельности прокурора. Большинство ученых и практиков в научных публикациях, учебниках, учебных пособиях и практикумах по прокурорскому надзору неоднозначно трактуют это понятие, в большинстве случаев смешивая его с понятием методики осуществления прокурорского надзора.

К примеру, В. Д. Ломовский пишет: «Тактические правила прокурорского надзора — это обобщенные рекомендации по организации, планированию и осуществлению основанных на Законе о прокуратуре Российской Федерации отдельных прокурорских действий, направленных на выявление конкретных обстоятельств правонарушений и доказательств их совершения»¹.

С автором данного утверждения нельзя полностью согласиться, поскольку здесь идет речь в большей степени о методике надзорной деятельности прокурора, а не о тактике. Кроме того, недопустимо выражение «тактические правила». Правила сами по себе логически подразумевают то, что

кем-то или чем-то установлено, как общее правило или какая-то закономерность. По какому принципу указанный автор пытался обобщить тактические приемы, к сожалению, понять трудно. На наш взгляд, автор пытается все свести к отдельным методам, которые в совокупности своей представляют методику. Автор сам себе противоречит, поскольку он же утверждает, что «тактику правильнее связывать с отдельными прокурорскими действиями».

Как показывает практический опыт прокурорской деятельности, тактику нельзя подменять или сравнивать с методикой, как это сделал В. Д. Ломовский. Обобщить можно конкретные примеры из деятельности прокурора, в которых применялись те или иные тактические приемы. Тогда, по мнению автора, необходимо описывать типичные ситуации, что не позволяет до конца проникнуть в многогранное и сложное по своему содержанию искусство формирования тактики как самостоятельного понятия прокурорской деятельности. Более того, данный автор связывает тактику в основном с осуществлением надзорной деятельности. А как же быть с другой деятельностью, которая является не менее важной, если учитывать тот факт, что прокурор должен больше внимания уделять вопросам предупреждения совершения правонарушений, чем устранять их с помощью мер реагирования, и в связи с этим неопределенное время после этого контролировать процесс устранения выявленных нарушений, причин и

¹ Ломовский В. Д. Прокурорская проверка исполнения законов : учеб. пособие. Тверь, 1993. С. 60, 61.

условий, им способствующих, а в случае частичного удовлетворения требований прокурора планировать проведение контрольных проверок, вступать в долгую переписку. Несомненно, можно воспользоваться правом обращения в суд о невыполнении требований прокурора. Но сколько для решения удовлетворения законных требований понадобится времени, никто не знает.

Несколько ранее сотрудники Всесоюзного института Прокуратуры СССР в одной из научных статей пытались теоретически сформулировать и рассмотреть проблемы тактики в общенадзорной деятельности прокуратуры. Однако дальше этого дело не пошло, хотя есть моменты, которые заслуживают некоторого внимания и требуют дальнейших научных исследований. «Нельзя не отдавать отчет в том, — пишут данные авторы, — что характерное для современного этапа существенное усложнение условий работы прокурора далеко не всегда позволяет обходиться простыми методами, а требует при решении достаточно большого круга вопросов несравнимо более «тонкого» подхода, опирающегося на широкое применение научных данных. Кстати сказать, необходимость тактического оснащения прокурорской деятельности отмечали в своих ответах практически все работники органов прокуратуры, которые были опрошены в ходе исследования. ... Учитывая многоплановость ... деятельности, тактика общего надзора должна включать в себя не просто совокупность тактических приемов, но и содержать рекомендации, позволяющие обеспечивать их применение при работе по различным направлениям. Для этого тактика должна быть ориентирована на установление закономерностей, лежащих в основе формирования тактических приемов и правил их реализации. Источниками разработки тактических приемов служат результаты обобщения передового опыта работы прокуроров по общему надзору, материалы научных исследований. Разработка проблемы тактики имеет также серьезное теоретическое значение. Как представляется, она в состоянии внести элементы качественной новизны понятий ... компетенции прокурора, вопро-

сов организации прокурорского надзора. Для успешного исследования проблемы важное значение имеет знание принципов тактики ... как основ, на которых базируется вся система тактических рекомендаций. Задача эта достаточно сложная»¹.

С высказанным мнением во многом следует согласиться; пожалуй, только целесообразно дополнить источники разработки тактических приемов, которые должны формироваться не только на основании передового опыта прокуроров и «материалов научных исследований», но и исследований в сфере теории прокурорской деятельности и теории других наук. На наш взгляд, здесь также прослеживается идея объединения или совокупности тактических приемов, как и у В. Д. Ломовского, но не указывается, по какому принципу и как их следует сгруппировать или объединить, и возможно ли это в принципе. Это также необходимо исследовать, чтобы либо согласиться с данными научными утверждениями, либо нет, или сделать иной вывод, основанный, прежде всего, на практических данных. Однако выше было сказано, что понятие и содержание тактики прокурорской деятельности к настоящему времени не исследовано на должном уровне. Для осуществления эффективной прокурорской деятельности теоретическая разработка данной проблемы весьма необходима и может оказаться выходом (прорывом) из застойной ситуации в практической деятельности органов прокуратуры.

В этой связи предлагается наиболее универсальное определение понятия прокурорской тактики, необходимое для формирования правильных основ ее содержательного характера, то, из чего должны формироваться в последующем необходимые тактические способы. Конечно же, данное определение может быть изменено или дополнено.

Тактика — это искусство (умение, мастерство, знание дела) осуществления прокурорской деятельности не противоречащими

¹ Ястребов В. Б., Григоренко В. Н., Рябцев В. П., Чернова К. Т. Проблемы тактики общенадзорной деятельности // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. № 45. М. : Юрид. лит., 1987. С. 79, 80.

закону избранными теоретическими и (или) практическими способами (приемами, действиями, методами), основанными на научной организации труда, знаниях логики, психологии, других наук, с использованием передового практического и жизненного опыта в целях достижения ожидаемых результатов. Формирование тактики, как правило, осуществляется с учетом особенностей субъекта и (или) объекта правоотношений (причастных или являющихся непосредственными их участниками) при выполнении прокурором поставленной задачи или намеченной цели.

Принимая во внимание все компоненты, перечисленные в предложенном определении понятия тактики прокурорской деятельности, представляется, что основными и необходимыми условиями формирования первоначальной направляющей тактики являются: задача (цель); условия и обстоятельства, в которых ее необходимо выполнить; логика; передовой практический и жизненный опыт; избрание пути дальнейших действий. Второй и последующий этапы формирования тактики предполагает более конкретные обстоятельства и условия применительно к сложившейся ситуации. Также следует учитывать, что тактика, по своей сути, величина «изменчивая», в чем выражается ее содержательная особенность, требующая новых знаний, умений, постоянного совершенствования и работы над собой каждого прокурора. Может меняться и поставленная задача, что потребует соответственно и формирования иной тактики.

Тактика предупредительной деятельности, как и иной деятельности прокурора, зависит от поставленной задачи, круга субъектов, относящихся к ней (задаче), специфики (условий) ее (тактики) формирования. «Мудрый законодатель, — писал К. Маркс, предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него»¹.

Развитие общества в современный период неразрывно связано с усилением борьбы с правонарушениями, повышением ответственности, дальнейшим укреплением правопорядка и дисциплины во всех сферах

жизни. Особое значение в борьбе с правонарушениями имеет деятельность, направленная на их предупреждение. Предупреждение правонарушений — проблема комплексная, требующая активного участия в ее решении государственных органов, общественных организаций и граждан. Предупреждение правонарушений, как многосторонняя, многозвенная, многоуровневая деятельность, требует планового начала, согласования усилий, рационального использования сил и средств, т.е. координации. Предупреждение любого природного и социального явления, в том числе правонарушения, предполагает целенаправленное воздействие на их причины и условия. Предупреждение правонарушений — это система государственных и общественных мер, направленная на устранение причин и условий правонарушений².

Результаты большинства теоретических исследований проблем, связанных с вопросами предупреждения правонарушений, к сожалению, не дают четких рекомендаций по практическим действиям, способствующим искоренению правонарушений и преступности в государстве, установлению законности и правопорядка, ограничиваясь лишь иерархическим анализом причин и условий экономического и социального характера в обществе и государстве в целом. Предупредительная деятельность прокурора в действующем законодательстве урегулирована в общих понятиях без конкретизации действий, что позволяет осуществлять ее планирование и проведение на усмотрение субъектов применения.

Учитывая широкий спектр негативных последствий, наступающих в результате совершаемых правонарушений и преступлений, представляется, что данной проблеме необходимо уделить более пристальное внимание, прежде всего, на государственном уровне. Наличие множества нормативных документов, регулирующих вопросы предупреждения правонарушений, чаще всего ведут к несогласованности действий государственных органов, что отрицательно

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 131.

² Бопоев Н. Главное — предупреждение правонарушений. Фрунзе: Кыргызстан, 1986. С. 3, 4, 35, 36.

влияет на качество проводимых профилактических мероприятий в целом.

Не умаляя роль и функции других государственных органов, следует отметить, что в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре) прокуратура Российской Федерации — это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. В целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства прокуратура Российской Федерации осуществляет надзор за исполнением законов.

Принимая во внимание тот факт, что основная деятельность прокурора урегулирована в Законе о прокуратуре, в целях сравнительного анализа положений, предусматривающих работу прокурора по предупреждению правонарушений и преступлений, обратимся к нормам Закона о Прокуратуре СССР 1979 г., статьей 3 которого были установлены положения, предусматривающие разработку совместно с другими государственными органами мер предупреждения преступлений и иных правонарушений¹. Данная норма содержится в разделе указанного закона об основных направлениях деятельности прокуратуры.

В Положении о военной прокуратуре (1966 г., ст. 2) впервые в нормативном порядке была зафиксирована в общей форме, безотносительно к той или иной отрасли надзора, такая задача военной прокуратуры, как принятие мер к предупреждению правонарушений и устранению причин, их порождающих. Профилактика правонарушений занимает в деятельности военной прокуратуры большое место. Ее основу составляет повседневная работа военных прокуроров

по отраслям прокурорского надзора. Профилактическая деятельность является составной, органической частью каждой отрасли прокурорского надзора и осуществляется, прежде всего, методами, присущими этим отраслям².

Исходя из практической деятельности прокурора, можно сделать вывод о том, что на тактике базируется вся деятельность прокурора, без которой не только невозможно результативно провести проверку, но и достичь наивысшей эффективности прокурорского надзора. Как уже отмечалось в трудах ученых прошлого века, к сожалению, прокурору приходится зачастую иметь дело уже с установленными правонарушениями, причины которых в большинстве случаев не устраняются в полном объеме. Зачастую это сводится к дисциплинарному или материальному наказанию виновного лица. Для того, чтобы правонарушений становилось меньше, а надзорная деятельность имела максимальную эффективность, необходимо ежедневно строить свою деятельность так, чтобы ее целью было предупреждение правонарушений³.

Ныне действующий Закон о прокуратуре подобной нормы не содержит. Имеется положение о координации деятельности по борьбе с преступностью, (ст. 8), согласно которому Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов. В целях обеспечения координации деятельности указанных органов прокурор созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует статистическую и другую необходимую информацию, осуществляет иные полномочия в соответствии с Положением о координации деятельности по борьбе с преступностью, утверждаемым Президентом Российской Федерации.

¹ Материалы в помощь работникам прокуратуры, изучающим Закон о прокуратуре СССР. М., 1980. С. 6; Прокурорский надзор в СССР : учебник / под ред. Б. А. Галкина. М. : Юрид. лит., 1982. С. 94.

² Долгопятов Г. М. Принципы, задачи и организация прокурорского надзора за исполнением законов в Вооруженных Силах СССР. М., 1974. С. 56, 57;

³ Махьянова Р. М. Нужна ли прокурору тактика? // Военное право. 2017. № 3 (43). С. 122.

Однако положение о координационной деятельности прокурора содержалось и в Законе о Прокуратуре СССР от 1979 г. (координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и иными правонарушениями). Как видим, в прежнем законе были затронуты не только преступления, но и иные правонарушения, упоминание о которых в процессе обновления законодательства «выпало» из действующего Закона о прокуратуре.

Наличие аналогичного положения в ныне действующем Законе о прокуратуре позволило бы более детально и целенаправленно формировать и в последующем применять тактические способы, направленные на совершенствование предупредительной деятельности прокурора, а принятие мер прокурорского реагирования было бы лишь исключительной необходимостью, что указывало бы на высокую эффективность прокурорской деятельности и свидетельствовало бы о наличии высокого уровня правового сознания граждан.

В настоящее время предупредительная деятельность прокурора в основном основывается на фактах выявленных правонарушений и устранении их последствий в целях недопущения совершения в дальнейшем аналогичных правонарушений. Деятельность прокурора по предупреждению потенциальных правонарушений, увы, остается за рамками законодательства о прокуратуре. По логике выходит: нет задачи (цели), нет и оснований к формированию тактики предупредительной деятельности прокурора. Наличие в Законе о прокуратуре ст. 24 (представление прокурора) и ст. 25.1 (предостережение от недопустимости нарушения закона) явно не является достаточным для осуществления полноценной предупредительной деятельности.

Отсутствие в Законе о прокуратуре прямой нормы, обязывающей прокуроров организовывать и осуществлять на постоянной основе предупредительную деятельность, позволяет данную работу строить по своему усмотрению, что влияет на системность и организацию работы на данном направлении. Представляется, что такое положение дел негативно отражается и на право-

охранительной роли прокуратуры в целом, сводя ее функции к контрольным, а надзорная деятельность органов прокуратуры в основном реализуется посредством проведения проверок по различным направлениям, принятия мер прокурорского реагирования на выявленные нарушения законов, проведения мероприятий по контролю за исполнением требований прокурора, изложенных в актах прокурорского реагирования, которые не всегда исполняются или исполняются частично. В основном по результатам рассмотрения принимаются меры дисциплинарного или материального характера. Причины и условия, способствовавшие совершению выявленных нарушений, часто не устраняются. Такой формальный подход к предупредительной деятельности порождает причины и условия для совершения новых и повторения аналогичных правонарушений, что отрицательно сказывается на эффективности деятельности прокуратуры в целом. Не способствует это и укреплению законности и правопорядка в государстве. На наш взгляд, для исправления такого положения необходима правильная организация работы органов прокуратуры, способствующая ее результативности и эффективности, четкое законодательное регулирование деятельности прокуроров и добросовестное отношение к своим служебным обязанностям каждого отдельно взятого сотрудника органов прокуратуры.

Это относится не только к органам военной прокуратуры, но также и к территориальным прокурорам.

Согласно действующему законодательству надзор за соблюдением законности в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, созданных в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, осуществляется органами военной прокуратуры.

Военные прокуроры, так же как и территориальные и иные приравненные к ним прокуроры, стоят на страже законности и правопорядка в государстве, однако надзорная деятельность органов военной прокуратуры носит специфический характер в связи с выполнением функций в особой сфере

общественных отношений — военной, что напрямую связано с обеспечением безопасности в стране и соблюдением конституционных прав граждан.

Если обратиться к словарям русского языка, то под правонарушением понимается нарушение права, преступление; предупредить — заранее принятыми мерами отвести; опередить, сделать что-н. ранее, чем что-н. произошло¹.

Профилактика — совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка; комплекс — совокупность, сочетание каких-н. явлений, действий; мероприятие — организованное действие или совокупность действий, имеющих целью осуществление чего-нибудь².

Применительно к прокурорской деятельности это означает применение заблаговременных действий (мероприятий или их комплекса), направленных на укрепление порядка и законности. Данная работа не должна осуществляться военными прокурорами самостоятельно, а лишь во взаимодействии с органами военного управления, армейской и флотской общественностью. Именно должностные лица органов военного управления отвечают за состояние правопорядка, воинской дисциплины в Вооруженных Силах и ведут работу по предупреждению правонарушений.

Вся работа военной прокуратуры по укреплению законности в Вооруженных Силах, по предупреждению правонарушений и устранению причин, их порождающих, осуществляется в тесном взаимодействии с командованием. Только на этой основе, как уже подчеркивалось, возможна эффективная деятельность военной прокуратуры, достижение ею оптимальных результатов в работе, так как именно командир-единоначальнику принадлежит ведущая роль в обеспечении законности, воинской дисциплины, правопорядка в войсках. Военное законодательство, воинские уставы на

командира-единоначальника в первую очередь возлагают и обязанности по предупреждению правонарушений со стороны подчиненных.

Профилактическая деятельность военных прокуроров является, прежде всего, составной частью каждой отрасли прокурорского надзора. Однако рамками любой из этих отраслей она не исчерпывается и не ограничивается. Успешное выполнение задач по предупреждению правонарушений, как и повышение эффективности всех прокурорских мероприятий в целом, обеспечивается постоянным взаимодействием в работе военных прокуроров по всем отраслям надзора.

Целеустремленное планирование и проведение предупредительной работы, установление подлинных и конкретных причин правонарушений, выработка обоснованных рекомендаций и предложений о мерах, которые необходимо принять для устранения обстоятельств, способствующих преступлениям и другим нарушениям закона, возможны лишь на базе глубокого, комплексного изучения, анализа и обобщения по всем отраслям прокурорского надзора. Только на такой основе можно предметно организовывать и проводить мероприятия по правовому воспитанию личного состава воинских частей и заведений, по пропаганде законодательства³.

Конституционная законность — системообразующее ядро законности в обществе и государстве. Требования конституционной законности раскрываются, конкретизируются в законах с учетом потребностей правового регулирования в различных сферах общественных отношений. Необходимый элемент законности на всех этапах ее развития — требование соблюдать правовые предписания. Нормативные правовые акты, издаваемые органами государственной власти и органами военного управления, должны соответствовать ее положениям.

Защита государственного суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение безопасности государства, отражение вооруженного нападе-

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : ОНИКС, 2007. С. 565, 570.

² Толковый словарь русского языка (с включением сведений о происхождении слов). М., 2007. С. 770, 283, 339.

³ Долгопят Г. М. Указ. соч. С. 61, 62, 65.

ния, а также выполнение задач в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации составляют существо воинского долга, который обязывает военнослужащих, в том числе строго соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы Российской Федерации, требования общевойсковых уставов, беспрекословно выполнять приказы командиров (ст. 26 Федерального закона «О статусе военнослужащих»).

Права и обязанности военнослужащих регламентируются Общевоинскими уставами. Данный нормативный правовой документ содержит в себе положения, от соблюдения которых, начиная от лиц рядового состава и заканчивая высшим командованием, зависит состояние законности в Вооруженных Силах. Данный документ является основополагающим для Вооруженных Сил, поскольку содержит в себе основные права и обязанности военнослужащих, фактически регламентирует жизнь военнослужащих.

Однако военнослужащими не рождаются, а становятся по достижении определенного возраста, основой формирования будущего воина является семья, школа, его окружение.

В одном из научных изданий, посвященном исследованию правовых основ предупреждения правонарушений в войсках, сформулированы основные причины правонарушений. К ним отнесены: неблагоприятные условия формирования личности в семье, школе, трудовом коллективе или в процессе прохождения службы; поводы к совершению правонарушений в виде трудностей преодоления отдельных служебных ситуаций, слабой физической подготовки, неправильного поведения потерпевших и пр. Условия, способствующие или облегчающие совершение правонарушений, проявляются в виде бесхозяйственности, бесконтрольности, других недостатков в деятельности должностных лиц¹.

С данной точкой зрения следует согласиться, поскольку это наглядный пример из повседневной жизни каждого человека.

Ведь будущие воины являются вчерашними школьниками, которые росли и воспитывались в разных условиях и определенной среде общества. Это, прежде всего, семья, школа, иное внешнее окружение, оказывающие немаловажное значение на формирование личности будущего военнослужащего. Поэтому здесь очень актуальна связь органов военной прокуратуры с территориальными прокуратурами при призыве граждан на военную службу. Пользуясь информацией, полученной из территориальной прокуратуры о призыве на военную службу лиц из неблагополучных семей, либо состоящих на учете в комиссии и (или) инспекции по делам несовершеннолетних, военный прокурор обязан использовать ее не только при планировании и организации проведения проверок в воинских частях, а прежде всего, при взаимодействии с командирами (начальниками) воинских частей. Призыв лиц такой категории может негативно повлиять на состояние воинской дисциплины и морально-психологический настрой военнослужащих. Поскольку командир (начальник) воинской части наделен большими властными полномочиями по отношению к военнослужащим, то такая информация должна послужить призывом к действию. Здесь необходимо использовать метод индивидуальной и коллективной работы с таким лицом, призванным на военную службу. Командир как единоначальник в силу своих полномочий должен идеологически настроить военнослужащего на добросовестное исполнение воинского долга и товарищеские отношения с другими военнослужащими.

Такой тактический прием военного прокурора является наиболее действенным в деле предупреждения совершения правонарушений среди военнослужащих.

Согласны с таким подходом и авторы другого научного издания, в котором исследуются теоретические основы предупреждения преступности: подростки, не приобщенные к труду и к жизни учебного коллектива, чаще всего оказываются в неблагоприятной ситуации, облегчающей отрицательные влияния, создающие ситуации моральных срывов. В пределах своей компетенции

¹ Панов В. П. Правовые основы предупреждения правонарушений в войсках. М. : ВПА, 1979. С. 46.

при решении названной задачи участвуют прокуратура, комиссии по делам несовершеннолетних, инспекции по делам несовершеннолетних и иные органы внутренних дел. Обучение профессии, прикрепление к таким лицам наставников способствует предупреждению преступлений со стороны подростков.

Значительную роль в предупреждении правонарушений играет правосознание каждого человека в отдельности и общества в целом, основывающееся на внутренней готовности: а) повседневно соблюдать требования закона в общегражданской сфере своей жизнедеятельности в сфере профессиональной; б) выполнять гражданский долг участия в борьбе с антиобщественным поведением; в) выполнять специальные должностные или общественные обязанности в сфере профилактики.

Правосознание является неотъемлемой частью правовой культуры, в состав которой входят: а) право; б) правоотношения; в) правосознание; г) правовое поведение, т.е. система практической деятельности людей по исполнению и применению права (строго говоря, правосознание является составной частью идеологических основ предупреждения преступности, взаимодействуя в этом качестве с нравственным сознанием, и т.п.)¹.

Эффективность действия права во многом зависит от того, как оно воспринимается гражданами, то есть от их правового сознания, иными словами, от правосознания. Сознание — это способность человека мыслить, рассуждать и определять свое отношение к действительности, в данном случае к праву².

Правосознание в связи с этим есть отношение конкретного человека к праву, выражающееся в реальной жизни в обязательности или необязательности выполнения его предписаний с точки зрения моральных установок этого человека. Правосознание —

это и форма общественного сознания, совокупность представлений и чувств, отражающих действующее право, оценка действующих правоотношений, представление о желательном праве³.

Правосознание может быть нормальным, соответствующим интересам общества, либо искривленным, то есть ненормальным, не соответствующим национальным интересам государства, общества.

Нормальное правосознание — это потребность у индивидуума (гражданина, должностного лица) четко, всегда и везде исполнять предписания правовых актов (законов и подзаконных актов).

Искривленное правосознание — отсутствие такой потребности. Речь идет о негативном нигилистическом отношении к праву, которое, как нам представляется, в настоящее время доминирует, что не способствует укреплению государства, подъему экономики, росту благосостояния граждан⁴.

Таким образом, уровень правосознания личности должен совершенствоваться постоянно. Органы военной прокуратуры также принимают в этом активное участие. Разными формами и методами они проводят свою работу по правовому просвещению военнослужащих.

Анализ прокурорской деятельности в рассматриваемой сфере позволяет выделить следующие основные направления правового просвещения: общее — обучение правовым знаниям, пропаганда права и правовое консультирование граждан (военнослужащих, членов их семей, лиц гражданского персонала и т.д.) в целом; 2) специальное — выполнение такой деятельности применительно к отдельным категориям лиц (например, к лицам, подлежащим призыву на военную службу, проходящим военную службу по контракту и др.)⁵.

¹ Теоретические основы предупреждения преступности. М. : Юрид. лит., 1977. С. 37, 38; Криминология. М. : Юрид. лит., 1976. С. 289; Личность преступника. М. : Юрид. лит., 1975. С. 183 — 184; Ковалев М. И. Основы криминологии. М. : Юрид. лит., 1970. С. 103, 104, 105.

² Ожегов С. И. Указ. соч. С. 974.

³ Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2013. С. 240.

⁴ Прокурорская деятельность: вопросы теории и практики // Материалы научно-практической конференции, проведенной на юридическом факультете МосГУ 21 ноября 2013 г. М., 2014.

⁵ Настольная книга военного прокурора : пособие. М. : Граница, 2014. С. 333.

В советских учебниках по прокурорскому надзору применительно к органам военной прокуратуры вопросы предупреждения правонарушений среди военнослужащих рассматривались как самостоятельное направление. К примеру, в отдельной главе «Деятельность военной прокуратуры по предупреждению преступлений и иных правонарушений» рассматриваются такие вопросы как: роль и задачи военной прокуратуры в предупреждении преступлений; основные направления деятельности военной прокуратуры по предупреждению преступлений; надзор военного прокурора за соблюдением законности в деятельности командования и органов военной юстиции по предупреждению преступлений и иных правонарушений¹.

Рассуждая логически, выработке тактики предупредительной деятельности военного прокурора будет способствовать, прежде всего, намеченная цель или задача, направленная на осуществление такого вида деятельности, которая закреплена (поставлена применительно к цели, задаче) на законодательном уровне. Кроме того, такая деятельность должна осуществляться комплексно во взаимодействии с органами военного управления, армейской и флотской общественностью, органами государственной власти и местного самоуправления, институтами гражданского общества, средствами массовой информации.

Предупреждение нарушений образует основное содержание прокурорского надзора. При этом специальных правовых средств, имеющих своей единственной задачей предупреждение нарушений законности, не существует. Предупредительная направленность в большей или меньшей степени свойственна всем правовым средствам прокурорского надзора. Все они используются для охраны прав граждан и охраняемых законом интересов учреждений, предприятий, организаций, самого государства².

¹ Прокурорский надзор в СССР : учебник. М. : ВКИ, 1981. С. 259—267.

² Козлова А. Ф. О сущности прокурорского надзора в СССР // Вопросы теории и практики прокурорского надзора : межвузовский сборник научных трудов. Свердловск : УрГУ 1979. С. 5, 7.

Анализ ведомственных актов прошлых лет позволяет утверждать о том, что задачи и цели, поставленные перед органами прокуратуры, были конкретно регламентированы с указанием последовательных действий. Данное обстоятельство позволяло и обязывало военного прокурора искать пути и способы, т.е. формировать тактику деятельности как в целом, так и применительно к поставленной задаче.

К примеру, в одном из правовых документов послевоенных годов прошлого столетия содержатся требования, обязывающие военных прокуроров совершать конкретные действия по предупреждению правонарушений³. Согласно данному документу военный прокурор обязан активно проверять соблюдение законов в процессе своей повседневной работы, проявлять в этом отношении инициативу, а не ожидать, когда к нему поступит заявление по поводу того или иного нарушения законности. Он обязан наладить и поддерживать деловую связь со всеми учреждениями и предприятиями, чтобы быть повседневно информированным об их жизни и деятельности и иметь возможность своевременно и наиболее эффективно пресекать нарушения закона. Военный прокурор должен поддерживать связь с профсоюзными организациями, с печатью (многотиражками) и с активистами из рабочих и служащих учреждений и предприятий. В целях получения информации о каждом нарушении законности либо неисполнения закона в учреждениях и предприятиях военный прокурор устанавливает повседневную связь с юристами этих учреждений и предприятий. При посещении предприятий военный прокурор организует надлежащим образом в нерабочее время (обеденный перерыв, между сменами и т.п.) прием жалоб, чтобы на месте выявить и пресечь нарушения законности.

Наряду с этим он должен:

а) тщательно и глубоко исследовать причины, породившие беззаконие;

³ Наставление для военных прокуроров бассейнов и участков морского и речного флота по общему надзору. М. : Изд. Наркомречфлота СССР, 1945.

б) обратить внимание на условия и систему работы учреждения (предприятия) для установления, что способствует нарушениям закона;

в) проверить, объясняется ли нарушение случайностью, ошибкой, незнанием основных законов либо же злостными и преступными намерениями того или другого лица.

Для тщательного и глубокого исследования причин нарушения закона и установления виновников его военный прокурор бассейна (участка) военный прокурор:

а) знакомится с обстановкой, в которой произошло нарушение;

б) выясняет, кто именно инициатор такого решения вопроса, которое нарушает закон, чем он руководствовался, совершая это нарушение;

в) истребует справки и документы, относящиеся к нарушению;

н) выясняет, не было ли в учреждении (предприятии) аналогичных нарушений закона, не связаны ли они с исследуемыми нарушениями, какие условия либо недостатки в системе работы способствовали нарушениям и почему не было принято мер для пресечения их.

Установив в результате проверки причины нарушения законности и виновных в нем лиц, военный прокурор решает:

а) какие меры прокурорского надзора должны быть приняты для обеспечения восстановления законности;

б) должны ли нести ответственность лица, виновные в этом нарушении, и какую именно (уголовную, дисциплинарную, материальную);

в) какие меры должны быть им приняты для предупреждения аналогичных нарушений¹.

Подробная регламентация действий прокуроров на приведенном выше конкретном примере еще раз подтверждает сформулированное в начале настоящей публикации выше понятие прокурорской тактики, определяет направления ее формирования для осуществления предупредительной деятель-

ности. Общие формулировки, а также положения в виде отдельных норм и статей не облегчают практическую работу по предупреждению правонарушений, а скорее, наоборот.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что отсутствие четкой законодательной регламентации предупредительной деятельности военного прокурора отрицательно сказывается на формировании тактики данной деятельности. Вместе с тем, это не означает, что тактика не должна применяться прокурором в деятельности по предупреждению правонарушений среди военнослужащих. Базовой основой для ее формирования будет служить, во-первых, условие постоянного взаимодействия и делового контактирования с органами военного управления, повышение роли единоначалия, поддержание на должном уровне авторитета командиров (начальников), совместная с ними работа по укреплению правопорядка и воинской дисциплины. Во-вторых, необходимо взаимодействовать и с территориальными прокурорами, особенно по вопросам призыва граждан на военную службу, а также совместно с ними (территориальными прокурорами) поддерживать деловое сотрудничество с органами государственной власти и местного самоуправления, институтами гражданского общества, совместно определять основания для формирования тактики, способствующей укреплению роли такого сотрудничества. Работа с военнослужащими по правовому воспитанию, поддержанию на должном уровне здоровой психологической обстановки должна проводиться военными прокурорами совместно с органами военного управления. Такая работа должна строиться на доверии и взаимном стремлении к предотвращению условий, способствующих нарушению уставных требований и прав военнослужащих.

Все это призвано способствовать правильному формированию тактики применительно к предупредительной деятельности военного прокурора. Однако следует помнить, что на процессе ее формирования сказывается профессиональный и жизненный опыт прокурора, его непосредственное отношение к своей служебной деятельности.

¹ Наставление для военных прокуроров бассейнов и участков морского и речного флота по общему надзору. М. : Изд. Наркомвмречфлота СССР, 1945.

В особенности это касается военного прокурора. Ведь свою профессиональную деятельность ему приходится осуществлять не только в мирное время, но и в условиях боевых действий, что требует большой выдержки, мужества, сплоченности, профессионализма, тесного взаимодействия с военным командованием.

Библиография

1. Бопоев, Н. Главное — предупреждение правонарушений / Н. Бопоев. — Фрунзе : Кыргызстан, 1986.
2. Долгопятов, Г. М. Принципы, задачи и организация прокурорского надзора за исполнением законов в Вооруженных Силах СССР / Г. М. Долгопятов. — М., 1974.
3. Ковалев, М. И. Основы криминологии / М. И. Ковалев. — М. : Юрид. лит., 1970.
4. Козлова, А. Ф. О сущности прокурорского надзора в СССР / А. Ф. Козлова // Вопросы теории и практики прокурорского надзора : межвузовский сборник научных трудов. — Свердловск : УрГУ 1979.
5. Криминология : учебник — М. : Юрид. лит., 1976.
6. Личность преступника. — М. : Юрид. лит., 1975.

7. Ломовский, В. Д. Прокурорская проверка исполнения законов : учеб. пособие / В. Д. Ломовский. — Тверь, 1993.

8. Материалы в помощь работникам прокуратуры, изучающим Закон о прокуратуре СССР. — М., 1980.

9. Махьянова Р. М. Нужна ли прокурору тактика? / Р. М. Махьянова // Военное право. — 2017. — № 3 (43).

10. Настольная книга военного прокурора : пособие. — М. : Граница, 2014.

11. Панов, В. П. Правовые основы предупреждения правонарушений в войсках / В. П. Панов. — М. : ВПА, 1979.

12. Прокурорская деятельность: вопросы теории и практики // Материалы научно-практической конференции, проведенной на юридическом факультете МосГУ 21 ноября 2013 г. — М., 2014.

13. Прокурорский надзор в СССР : учебник. — М. : ВКИ, 1981.

14. Прокурорский надзор в СССР : учебник / под редакцией доктора юридических наук, профессора Б. А. Галкина. — М. : Юрид. лит., 1982.

15. Теоретические основы предупреждения преступности. — М. : Юрид. лит., 1977.

16. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. — М., 2013.

17. Ястребов, В. Б. Проблемы тактики общенадзорной деятельности / В. Б. Ястребов, В. Н. Григоренко, В. П. Рябцев, К. Т. Чернова // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. № 45. — М. : 1987.

The impact of tactics on methods, effectiveness and efficiency of oversight activities of the military Prosecutor

© Mahanova R. M.,

lecturer of the Military University

Abstract. The article discusses the tactics of prosecutorial activities. The author's understanding of this concept is formulated. The preventive activity of the prosecutor and the influence of tactics on her are analyzed.

Keywords: prosecutorial supervision, prosecutorial tactics, prosecutorial activities.

Bibliography

1. Bodoev, N. The main thing — the prevention of crime / N. Boboev. — Frunze : Kyrgyzstan, 1986.
2. Tarsiers, G. M. Principles, objectives and organisation of Prosecutor's supervision over execution of laws in Armed forces of the USSR / G. M. Tarsiers. — M., 1974.
3. Kovalev, M. I. Fundamentals of criminology / M. I. Kovalev. — M. : Legal literature, 1970.
4. Kozlova, A. F. The essence of prosecutorial supervision in the USSR / A. F. Kozlov // Problems of the theory and practice of prosecutorial supervision : interuniversity collection of scientific papers. — Sverdlovsk : Ural State University In 1979.
5. Criminology : textbook — M. : Legal literature, 1976.
6. The identity of the offender. — M. : Legal literature, 1975.
7. Lomovsky, V. D. Prosecutor's check of execution of laws : textbook / V. D. lomovskaya. — Tver, 1993.

8. Materials to help prosecutors, studying the Law on the procuracy of the USSR. — M., 1980.
 9. Mahanova R. M. whether the Prosecutor's tactics? / R. M. Mahanova // Military law. — 2017. — № 3 (43).
 10. Handbook of military Prosecutor's guide. — M. : Border, 2014.
 11. Panov, V. P. Legal framework for the prevention of delinquency in the army / V. P. Panov. — M. : WPA, 1979.
 12. Prosecutorial activities: theory and practice // Materials of scientific-practical conference held at the law faculty of the Humanities 21 November 2013 — M., 2014.
 13. Prosecutorial supervision in the USSR : the textbook. — M. : VKI, 1981.
 14. Prosecutorial supervision in the USSR : textbook / edited by doctor of legal Sciences, Professor B. A. Galkina. — M. : Legal literature, 1982.
 15. Theoretical foundations of crime prevention. — M. : Legal literature, 1977.
 16. Legal encyclopedia / under. edited by M. Yu. — M., 2013.
 17. Yastrebov, V. B. Problems of tactics Almanzora activity / V. B. Yastrebov, V. N. Grigorenko, V. P. Ryabtsev, K. T. Chernova // Problems of fighting crime. Vol. № 45. — M. : Legal literature, 1987.
-

Экологические проблемы воинской деятельности

Источники загрязнения окружающей среды в воинской части

© Шеншин В. М.,

кандидат юридических наук, преподаватель Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена анализу источников загрязнения окружающей среды в воинской части.

Ключевые слова: воинская часть, источник загрязнения, окружающая среда.

Рецензент — С. С. Харитонов, кандидат юридических наук, профессор.

Источником загрязнения окружающей среды является объект, выбрасывающий (сбрасывающий) загрязняющие вещества, энергетические излучения и информацию в окружающую среду.

Источниками загрязнения на военных объектах¹ в общем случае являются: точка выброса загрязняющего вещества (труба, фонарь здания, вентиляционное устройство и т.п.); хозяйственный или природный объект, производящий загрязняющее вещество; регион, откуда поступают загрязняющие вещества.

Источниками загрязнения окружающей среды на военных объектах² обычно выступают: объекты коммунально-бытового назначения; объекты обеспечения жизнедеятельности; районы и места боевой подготовки; вооружение и военная техника.

Объекты первых двух из названных типов относятся к общим для всех воинских частей источникам загрязнения. Два после-

дующих типа объектов могут обладать значительной спецификой³.

Источниками загрязнения, общими для всех воинских частей, могут быть названы: казарменный и жилой фонд; котельные, пищеблоки, медпункты, банно-прачечное хозяйство; системы канализации, очистные сооружения; подсобные хозяйства; транспортные средства; пункты технического обслуживания и ремонта транспортных средств и специальной техники; заправочные пункты, пункты зарядки аккумуляторов, компрессорные станции; склады горючего и смазочных материалов; места сбора бытовых отходов и мусора.

Это источники, которые действуют постоянно и не связаны с принадлежностью воинской части (военного объекта). Поэтому их можно условно именовать военно-бытовыми источниками. Эти источники следует отнести к наиболее неблагоприятным — с точки зрения частоты нарушений ими природоохранного законодательства.

Причина такого явления кроется в низкой экологической культуре обслуживающего персонала и всех военнослужащих,

¹ Ляско А. Н. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации допускаемых военнослужащими нарушений правил обращения с источниками повышенной опасности для окружающих // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2009. № 12.

² Зорин О. Л., Бельских Н. В. Особенности соблюдения нормативных показателей безопасности в ходе повседневной деятельности войск // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2015. № 5.

³ Соколова Е. В. О некоторых вопросах ответственности воинской части за имущественный вред, причиненный в результате использования источников повышенной опасности военного назначения // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2013. № 5.

проявляющейся в отсутствии должного внимания руководящего звена к созданию и поддержанию в исправном состоянии природоохранных и природозащитных сооружений на войсковых объектах — с одной стороны, и в нарушениях природоохранных требований подчиненным составом в быту, при эксплуатации и обслуживании техники, на полевых занятиях и учениях — с другой.

Следует отметить, что нарушения требований экологического законодательства могут быть в значительной степени устранены мерами воспитательно-образовательного характера. Они в основном допускаются не по злому умыслу, а из-за отсутствия соответствующих знаний, навыков и привычек. Безусловно, очистка отходящих газов, сточных вод, оборотное водоснабжение и пр. требуют определенных финансовых и материальных затрат, без которых в принципе не могут быть созданы природозащитные сооружения при строительстве и модернизации военных объектов.

Гораздо сложнее будет решаться проблема со специфическими факторами воздействия (под факторами воздействия на окружающую среду здесь понимается любое абиотическое, биотическое и антропогенное воздействие, оказывающее влияние на процессы, явления или состояние этой среды), свойственным только военным объектам.

Главными задачами в охране окружающей среды являются предотвращение загрязнения ее вредными продуктами человеческой деятельности и очистка средообразующих природных компонентов от выбросов и сбросов, если загрязнение уже состоялось¹.

Приоритет, безусловно, должен отдаваться выполнению первой задачи: не допускать загрязнения собственной среды обитания.

К сожалению, удовлетворение материальных потребностей общества, по крайней мере, в настоящее время, не может осущест-

вляться без нанесения определенного ущерба окружающей среде. Однако этот ущерб должен быть по возможности минимальным, так как от сохранения среды обитания зависит существование человека как биологического вида. Каждый из нас должен стараться находить такие возможности удовлетворения своих потребностей, которые не причиняли бы вреда окружающей среде, а наоборот, способствовали бы поддержанию экологического равновесия, помогали бы ее устойчивому развитию.

Войска национальной гвардии Российской Федерации не могут стоять в стороне от решения столь сложной и актуальной задачи².

Предотвращение (предупреждение) загрязнения окружающей среды необходимо как при аварийных ситуациях на военных объектах, так и при функционировании их в штатном режиме, когда по тем или иным причинам происходит превышение значений установленных допустимых выбросов, сбросов и лимитов размещения отходов.

Предотвращение (предупреждение) загрязнения окружающей среды вследствие деятельности военных объектов в значительной мере может быть осуществлено мерами как организационного, так и технического характера.

Меры организационного характера включают в себя следующие мероприятия: планирование мероприятий по уменьшению вредного воздействия на окружающую среду при осуществлении военной деятельности; планирование мероприятий по поддержанию технических средств предотвращения загрязнения в исправном состоянии; соблюдение режимов функционирования указанных технических средств; соблюдение правил работы с потенциальными загрязнителями в соответствии с действующими инструкциями; исключение проливов и утечек нефтепродуктов; сбор и утилизацию масел, кислот, щелочей и других технических жидкостей; сбор, сортировку и удаление произ-

¹ Осипов Д. Ю. Методические рекомендации по обеспечению воинских частей авиации ВВС горючесмазочными материалами // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 8.

² Шеншин В. М. Обеспечение в деятельности войск национальной гвардии требований экологической безопасности // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2017. № 6.

водственных и бытовых отходов; исключение нарушений растительно-почвенного покрова и загрязнения водоисточников при передвижениях и действиях войск на местности; сведение к минимуму времени работы двигателей боевых, специальных и транспортных машин на холостом ходу; установление режимов и направлений излучения при работе радиотехнических систем, систем связи и навигации; прекращение работы источников электромагнитного, лазерного, радиационного излучения и исключение выбросов опасных химических веществ, превышающих установленные пределы.

К мерам технического характера относятся инженерные методы и способы очистки выбросов и сбросов работающих энергетических, производственных, коммунально-бытовых объектов и систем от вредных компонентов до поступления их в окружающую среду.

Для их очистки применяются механические, физико-химические, химические, биохимические, термические методы и различные средства.

Для очистки и обезвреживания отходящих газов используются самые различные технические устройства и установки: «сухие» и «мокрые» механические пылеулавливатели, фильтрационные установки, пылесадительные камеры, центробежные конструкции, пенные газоочистители, пылеулавливатели ударно-смывного действия, ультразвуковые аппараты, инерционные пылеулавливатели.

В целях очистки сточных и канализационных вод применяются следующие технические устройства: водные отстойники, решеточно-процеживающие установки, песколовки, нефтеловушки, барабанно-вакуумные фильтрующие установки, центробежные конструкции, дисперсные установки, пенные сепараторы, ультрафиолетовые установки, дегазаторы удаления растворенных газов, окислительные установки.

Предотвращение загрязнения почв и земель на военных объектах осуществляется по следующим направлениям: уничтожение, обезвреживание и утилизация твердых и жидких бытовых отходов; уничтожение, обезвреживание и утилизация отходов сель-

скохозяйственных предприятий; рекультивация земель.

Для уничтожения твердых отходов используются механические и термические методы. Основными техническими средствами при этом являются механодробилки и специальные печи. Жидкие отходы, как правило, утилизируются на так называемых полях запахивания.

Рекультивация земель предусматривает выравнивание повреждений грунта и засеивание его растительными культурами, наложение на поврежденные участки продуктивного нового грунта.

Характер влияния на окружающую среду различных военных объектов, отличающихся своим назначением, типом выполняемых задач и другими характеристиками, не одинаков.

Наиболее опасными в экологическом отношении являются потенциально опасные военные объекты, к которым, например можно отнести базы, арсеналы, хранилища и склады различного рода боеприпасов, вооружения и военной техники; хранилища, склады и базы горючего и смазочных материалов, агрессивных жидкостей, объемов сжатого воздуха.

С функционированием именно этих объектов, с нарушениями технологических процессов и авариями на них связаны негативные воздействия на окружающую среду.

На таких объектах, как склады и базы ГСМ и других специальных жидкостей, при годовом обороте материалов и веществ, превышающем 50 тыс. тонн, соответствующая утечка составляет 5—6%, то есть не менее 2,5—3,0 тыс. т. Это ведет в итоге к значительному загрязнению грунтов и подземных вод.

Вопрос очистки и восстановления окружающей среды приобретает особое значение в условиях, когда на объекте возникает аварийная ситуация, связанная с нарушением технологических процессов или выходом их из-под контроля¹.

¹ Плотников Д. М. Военные учреждения в сфере природоохранного законодательства: платежи за негативное воздействие на окружающую среду // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. 2010. № 1.

Основными методами восстановления акваторий при их загрязнении нефтесодержащими продуктами являются: устройство плавучих боновых заграждений (пленочного или панельного типа); сжигание нефтепродуктов на воде; использование абсорбирующего (впитывающего) материала (сена, соломы, древесных опилок и др.); сбор нефтепродуктов с воды с помощью эжекторов, мотопомп и т.п.

Локализация проливов и утечек нефтепродуктов на почве осуществляется путем снижения степени испарения нефтепродукта, снижения уровня проникновения его в грунт и ограничения места разлива насыпями и рвами.

Для снижения испарения нефтепродукта используют пенообразователи, пенозатвердители, а для снижения проникновения в грунт — структурообразователи, полимерные пленки или применяют метод замораживания грунта.

Сбор основной массы нефтепродукта с поверхности почвы может проводиться с использованием различных поглощающих материалов — опилок, торфа, керамзита и др. (так, например, 1 кг. опилок поглощает более 2, а 1 кг торфа — около 1,2 кг нефти).

В целях очистки грунта, загрязненного нефтепродуктами, применяются следующие методы: удаление загрязненного грунта и захоронение нефтесодержащих шламов; удаление основной массы загрязнителя с помощью насосных установок и вакуумных фильтров; продувка почвы воздухом; термическое воздействие на загрязненный грунт.

Возможно также использование химических методов, позволяющих превращать

токсичные вещества в нетоксичные соединения.

Таким образом, как мы видим, можно с уверенностью говорить о сложном комплексе вопросов, возникающих у воинской части при осуществлении природопользования. Правильное применение различных знаний по различным компонентам позволит обеспечить устойчивость окружающей среды к многообразному воздействию на нее.

Библиография

1. Зорин, О. Л. Особенности соблюдения нормативных показателей безопасности входе повседневной деятельности войск / О. Л. Зорин, Н. В. Бельских // *Право в Вооруженных Силах* — военное-правовое обозрение. — 2015. — № 5.
2. Ляскало, А. Н. Конкуренция уголовно-правовых норм при квалификации допускаемых военнослужащими нарушений правил обращения с источниками повышенной опасности для окружающих / А. Н. Ляскало // *Право в Вооруженных Силах* — военное-правовое обозрение. — 2009. — № 12.
3. Осипов, Д. Ю. Методические рекомендации по обеспечению воинских частей авиации ВВС горюче-смазочными материалами / Д. Ю. Осипов // *Право в Вооруженных Силах* — военное-правовое обозрение. — 2010. — № 8.
4. Плотников, Д. М. Военные учреждения в сфере природоохранного законодательства: платежи за негативное воздействие на окружающую среду / Д. М. Плотников // *Право в Вооруженных Силах* — военное-правовое обозрение. — 2010. — № 1.
5. Соколова, Е. В. О некоторых вопросах ответственности воинской части за имущественный вред, причиненный в результате использования источников повышенной опасности военного назначения / Е. В. Соколова // *Право в Вооруженных Силах* — Военное-правовое обозрение. — 2013. — № 5.
6. Шеншин, В. М. Обеспечение в деятельности войск национальной гвардии требований экологической безопасности / В. М. Шеншин // *Право в Вооруженных Силах* — военное-правовое обозрение. — 2017. — № 6.

Источники загрязнения и типичные загрязнители, образующиеся в процессе повседневной деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации

Источники	Загрязнители
Парки боевой, специальной и транспортной техники	Отработанные горючее и смазочные материалы; специальные жидкости и электролиты; отработавшие газы двигателей; тяжелые металлы; металлолом; сточные воды; отработавшие срок своей эксплуатации фильтрующие элементы топливных систем; использованная ветошь
Системы энерго- и радиотехнического обеспечения	Электромагнитные поля и излучения; электролиты; трансформаторные масла; тяжелые металлы; отработавшие газы
Складская зона	Лакокрасочные изделия; токсичные и агрессивные химические вещества; детергенты (моющие средства); средства регенерации воздуха; фреоны; аммиак; бомбажные консервы; гнилые овощи и фрукты; тара и упаковочные материалы
Заправочные пункты и склады ГСМ	Пары; нефтепродукты и масла; шламы; подтоварная вода; реагенты пожаротушения
Мастерские	Неочищенные сточные воды; отходы нефтепродуктов; лакокрасочные материалы; отходы резинотехнических изделий и изделий из синтетических материалов; металлолом; использованная ветошь; отходы кислот и щелочей
Котельные	Дымовые газы; зола; котельное топливо; реагенты водоподготовки; угольная пыль; шлаки
Системы водоснабжения	Реагенты очистки и обеззараживания воды
Канализация и очистные сооружения	Твердые отходы; ил; тяжелые металлы; нефтепродукты; моющие средства (детергенты); химические вещества; реагенты обеззараживания сточных вод; неочищенные сточные воды
Жилая зона	Бытовые отходы; сточные воды; строительный мусор; непригодная бытовая техника и изделия из синтетических материалов; отработанные масла; краска и растворители; электролиты; люминесцентные (ртутные) лампы; поверхностно-активные вещества; изношенная обувь и одежда
Подсобное хозяйство	Навоз и навозная жижа; пищевые отходы; гнилые овощи и фрукты; павшие животные; отходы от забоя животных; минеральные удобрения; фитотоксиканты
Строительные площадки	Строительный мусор; горючее и смазочные материалы; отработавшие газы; цементная пыль; пары; лаки, краски, растворители и тара от них; упаковочные материалы
Свалки	Дым и копоть; токсические химические соединения (диоксин, пероксинитраты и др.); приборы; устройства и отходы, содержащие токсичные вещества
Учебные поля	Рецептуры имитационных средств; зажигательные и дымовые вещества и средства; дегазирующие, дезактивирующие и дезинфицирующие вещества; осколки боеприпасов; практические снаряды; металлолом; ГСМ; отходы от полевых кухонь; использованные обтирочные материалы; разрушенный растительно-почвенный покров

Sources of environmental contamination in a military unit

© Sensin V. M.,
candidate of legal Sciences, lecturer of Saint-Petersburg
military Institute of national guard troops of the Russian
Federation

Abstract. The article is devoted to analysis of the sources of environmental pollution in the unit.

Keywords: military unit, the source of pollution, environment.

Bibliography

1. Zorin, O. L. Features regulatory compliance safety performance of the entrance everyday activities of the troops / O. L. Zorin, N. Belsky V. // Law in the Armed Forces — military legal review. — 2015. — № 5.
 2. Lyaskalo, A. N. Competition criminal law norms in qualifying the permissible servicemen of violations of rules on the handling of sources of increased danger to others / A. N. Lyaskalo // Law in the Armed Forces — military legal review. — 2009. — № 12.
 3. Osipov, D. U. Methodical recommendations on provision of military units of air force fuels and lubricants / D. Y. Osipov // Law in the Armed Forces — military legal review. — 2010. — № 8.
 4. Carpenter, D. M., the Military establishments in the field of environmental legislation: the payment for negative impact on the environment / D. M. carpenters // the Right in Armed Forces — military legal review. — 2010. — № 1.
 5. Sokolova, E. V. About some issues of responsibility military unit for property damage arising out of the use of sources of increased danger for military use / E. V. Sokolov // the Right in Armed Forces — military legal review. — 2013. — № 5.
 6. Sensin, V. M. software in the activities of the troops of the national guard of the requirements of environmental safety / V. M. Sensin // Law in the Armed Forces — military legal review. — 2017. — № 6.
-

Военно-уголовное право. Криминология

Специальные виды уголовных наказаний военнослужащих должны быть более справедливыми

© Бунин О. Ю.,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры
уголовного процесса Военного университета

Аннотация. С точки зрения справедливости критически анализируются нормы Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающие наказания военнослужащих — ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение воинского звания и государственных наград. Делаются выводы и предложения.

Ключевые слова: уголовный закон; наказание; справедливость; последовательность; ограничение по военной службе; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение воинского звания и государственных наград.

Рецензент — О. К. Зателепин, доктор юридических наук, профессор.

Как известно, согласно ст. 45 УК РФ, устанавливающей основные и дополнительные виды уголовных наказаний, специальные наказания военнослужащим могут применяться следующим образом: только в качестве основных видов наказаний — ограничение по военной службе и содержание в дисциплинарной воинской части; только в качестве дополнительных видов наказаний — лишение воинского звания и лишение государственных наград.

Критический анализ через призму общей, социальной и уголовно-правовой справедливости (ст. 6 УК РФ) начнем аналогично лестнице уголовных наказаний, закреплённой в ст. 44 УК РФ, с более мягких видов.

Согласно ст. 48 УК РФ при осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления с учетом личности виновного суд может лишить его специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград. Данная статья УК РФ закрепляет единственный вид уголовного наказания, направленный на лишение прошлых заслуг. При этом конфискация приобретенного ранее имущества, которое не связано с преступной деятельностью, исключена из видов наказаний (ст. 52 УК РФ).

Согласно понятию уголовного наказания, установленному в ч. 1 ст. 43 УК РФ, наказание «заключается в ... лишении или ограничении прав и свобод» лица, виновного в совершении преступления.

Как известно, право — возможность совершить какие-либо действия, направленные на удовлетворение своих потребностей (право на жизнь, право на образование, на труд, на отдых и т.д.). Свобода — возможность индивидуального выбора человека, возможность поступать в соответствии со своими представлениями (возможность определенного поведения человека, например, свобода слова, свобода передвижения и пр.).

Звания же, чины и награды сами по себе не являются ни правами, ни свободами. Они в этом правовом смысле могут предоставлять определенные права или освобождать от определенных обязанностей.

Данный вид наказания не случайно является единственным, который может применяться только в качестве дополнительного. Законодатель понимает, что уголовным наказанием такие санкции можно признавать лишь условно. Профессор Республики Беларусь В. М. Хомич справедливо охарактеризовал данный вид наказания «мерой

воздействия, носящей преимущественно позорящий характер»¹. При этом автор напоминает о том, что УК РФ 1996 г., определяя пределы данного вида наказания, по существу воспринял редакцию ст. 36 УК РСФСР, тогда как уголовные законы некоторых государств — бывших союзных республик значительно сузили содержание данного наказания, или отменили его вовсе.

Что касается лишения приговором суда государственных наград и почетных званий, то даже в советское время высшая судебная инстанция страны в своем постановлении Пленума разъяснила, что суды могут принимать решения лишь о лишении воинского или специального звания. Относительно же лишения осужденного ордена, медали, почетного или другого звания суды могли только выйти с представлением в орган, который наградил его либо присвоил ему звание².

В этой связи более последовательным и справедливым, а также соответствующим определению уголовного наказания было бы установление в нашем современном уголовном законе в качестве дополнительного вида наказания лишение не специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград, а тех прав (льгот и привилегий), которые они предоставляют (не в прошлом для лица, а в будущем — после вступления в законную силу обвинительного приговора суда).

Ограничение по военной службе как вид уголовного наказания регулируется ст. 51 УК РФ. Согласно данной статье ограничение по военной службе назначается осужденным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, на срок от трех месяцев до двух лет в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ за совершение преступлений против военной службы, а также осужденным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, вместо ис-

правительных работ, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ. Из денежного довольствия осужденного к ограничению по военной службе производятся удержания в доход государства в размере, установленном приговором суда, но не свыше двадцати процентов. Во время отбывания этого наказания осужденный не может быть повышен в должности, воинском звании, а срок наказания не засчитывается в срок выслуги лет для присвоения очередного воинского звания.

Вначале незначительная техническая критика редакции ч. 1 данной статьи. Здесь можно заметить необоснованный (излишний) повтор признака специального субъекта преступлений — военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, что может перегружать смысловую нагрузку данной нормы.

Корректировкой этой уголовно-правовой нормы могла бы быть элементарно ее следующая редакция:

«1. Ограничение по военной службе назначается осужденным военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, на срок от трех месяцев до двух лет в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса за совершение преступлений против военной службы, а также вместо исправительных работ, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса».

Теперь о более существенном в данной статье.

При анализе уголовно-правовых норм, содержащихся в ст. 51 УК РФ, возникает вопрос о криминологической и уголовно-правовой обоснованности данного вида уголовного наказания. Вопрос заключается в том, насколько данный вид наказания вообще в настоящее время целесообразен.

Суть этого вида наказания состоит в следующем:

— до 20% удержаний с заработной платы осужденного военнослужащего от трех месяцев до двух лет;

— неповышение военнослужащего в должности и воинском звании до двух лет (в зависимости от срока наказания);

¹ Энциклопедия уголовного права. Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. СПб., 2007. С. 315.

² Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1967 г. «О практике применения судами ст. 31 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик».

— будущий незачет осужденному военнослужащему в срок выслуги для присвоения очередного воинского звания до двух лет (в зависимости от срока наказания).

Первое из трех содержаний данного вида уголовного наказания легко и эффективнее заменяется штрафом, который можно получить с осужденного быстрее и менее затратнее (об этом также в комментарии к ст. 50 УК). Максимум по ст. 51 УК РФ с военнослужащего за два года его службы в настоящее время можно получить около 240 000 руб. (из расчета: 50 000 руб. денежного довольствия × 24 мес. — 20%). При этом данный расчет не только, скорее всего, завышен, но и обременен тем, что согласно ч. 2 ст. 51 УК РФ может удерживаться исключительно из «денежного довольствия осужденного», который может за это время уволиться с военной службы. При этом уклонения от отбывания наказания не будет.

Что касается чисто воинского уголовного наказания в виде «торможения» осужденного военнослужащего в должности и воинском звании, то не ясно, в чем его конечная цель. Ведь трудно представить военнослужащего, который был приговорен вступившим в законную силу обвинительным приговором суда к ограничению по военной службе, но, не распрощавшись с этой службой, достиг после этого больших в ней результатов.

Думается, что не только практикующим юристам-криминалистам, но и военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, хорошо известно и понятно, что лишь одно наличие судимости (тем более за совершение преступления против военной службы), скорее всего, «поставит крест» на его карьере военнослужащего. И какого-либо ограничения по военной службе, как называется данный вид уголовного наказания, не будет, а произойдет прекращение военной службы, либо ее неэффективное окончание (например, в случае небольшого срока до выхода на пенсию). Уже упомянутый доктор юридических наук В.М. Хомич так отзываясь об этом виде уголовного наказания: «Между тем, очевидно, что осужденный офицер Вооруженных Сил — это уже не офицер, его авторитет подорван, он

не способен быть начальником для подчиненных, претендовать на обычную карьеру офицера-военнослужащего. Наконец, Вооруженные Силы — это не место исполнения наказания для тех, кто служит в них на профессиональной основе»¹. При этом по имеющимся статистическим данным ограничение по военной службе судами фактически на 2004 г. не применялось².

Одним из критериев справедливости норм уголовного закона является их практическое реальное, а не формальное применение. В этой связи данный вид уголовного наказания видится либо архаичным, либо нецелесообразным, либо несущественным и пр.

Представляется, что если необходима рассрочка штрафа для военнослужащих и иных категорий лиц (например, врачей, учителей, малоимущих граждан и т.д.), то ее можно установить отдельной уголовно-правовой нормой, регулирующей назначение и исполнение уголовного штрафа. Если же необходимо поражение в воинских правах на повышение в должности и воинском звании при совершении преступления против военной службы, то было бы справедливее предусмотреть прекращение военной службы осужденного лица. При этом даже нет необходимости это делать в уголовном законе ввиду наличия Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», в ст. 51 которого среди оснований увольнения с военной службы в настоящее время предусмотрены: назначение военнослужащему наказания в виде реального или условного лишения свободы (за совершение умышленного преступления), а также в связи с вступлением в законную силу приговора суда о лишении военнослужащего права занимать воинские должности в течение определенного срока (п. «з» ч. 1 ст. 51 Закона). Аналогично можно и предусмотреть увольнение за совершение преступления против военной службы.

¹ Энциклопедия уголовного права. С. 372.

² Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. М., 2004. С. 388.

Еще одним специальным видом уголовного наказания для военнослужащих является содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ). Данный вид наказания применяется к военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленного законом срока службы по призыву. Это наказание устанавливается на срок от трех месяцев до двух лет в случаях, предусмотренных соответствующими статьями особенной части УК РФ за совершение преступлений против военной службы, а также в случаях, когда характер преступления и личность виновного свидетельствуют о возможности замены лишения свободы на срок не свыше двух лет содержанием осужденного в дисциплинарной воинской части на тот же срок. При содержании в дисциплинарной воинской части вместо лишения свободы срок содержания в дисциплинарной воинской части определяется из расчета один день лишения свободы за один день содержания в дисциплинарной воинской части.

Данная статья не содержит положения о возможности назначения содержания в дисциплинарной воинской части в случае несоответствия оставшегося срока службы военнослужащего сроку назначаемого ему наказания.

Например, осужденному военнослужащему осталось служить по призыву или по контракту 6 месяцев, а суд приходит к выводу о назначении ему наказания в виде лишения свободы или содержания в дисциплинарной воинской части на срок 1 год. В соответствии с положениями статьи суд в данном случае может назначить военнослужащему только лишение свободы.

Если же более справедливо (последовательно) регламентировать назначение содержания в дисциплинарной воинской части, то можно было бы установить, что: «В случае назначения содержания в дисциплинарной воинской части военнослужащему на срок, превышающий оставшийся срок его службы, оставшаяся часть наказания заменяется лишением свободы из расчета один день содержания в дисциплинарной воинской части за один день лишения свободы».

При этом еще более последовательным явилось бы рассмотрение стимулирующей нормы о применении лишения свободы условно на оставшуюся после истечения срока службы часть наказания в случае отбытия военнослужащим части наказания в дисциплинарной воинской части по правилам ст. 73 и 74 УК РФ.

Таким образом, это дало бы возможность более справедливо индивидуализировать уголовное наказание к военнослужащим, чей срок службы менее срока назначаемого судом наказания. В этом случае осужденный военнослужащий мог бы отбыть наказание в виде реального содержания в дисциплинарной воинской части и лишение свободы условно.

В заключение хотелось бы отметить, что поставленные в настоящей статье вопросы требуют комплексной и более детальной научно-практической разработки, что, однако, совершенно не означает их сверхсложность, ведущую к большим временным и иным затратам. А справедливость должна как можно быстрее и шире наполнять российский уголовный закон.

Библиография

1. Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. В. Лунеева, А. В. Наумова. — М., 2004.
2. Энциклопедия уголовного права. Т. 8. Уголовная ответственность и наказание. — СПб., 2007.

Special forms of criminal punishment of military personnel should be more fair Bunin Oleg Yuryevich

© Bunin O. Yu.,

PhD (Law), lecturer of the Department of criminal procedure of Military University of

Abstract. From the point of view of justice, the norms of the General part of the Criminal code of the Russian Federation, which establishes the punishment of military personnel — limitation on military service, maintenance in disciplinary military unit, deprivation of a military rank and state awards, are critically analyzed. The conclusions and suggestions are made.

Keywords: criminal law; punishment; justice; sequence; restriction on military service; the maintenance in disciplinary military unit; deprivation of military rank and state awards.

Bibliography

1. Criminal law of Russia. General part: the Textbook / ed. by of V. N. Kudryavtseva, V. V. Luneev, A. V. Naumova. — M., 2004.
 2. Encyclopedia of criminal law. Vol. 8. Criminal liability and punishment. — SPb., 2007.
-

Особенности применения военно-уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны

© Калинин А. А.,

старший преподаватель кафедры конституционного и административного права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей применения военно-уголовного законодательства в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: военно-уголовное законодательство, Великая Отечественная война.

Рецензент — С. С. Харитонов, кандидат юридических наук, профессор.

Начальный период Великой Отечественной войны поставил перед советским государством задачу по постановке всех сторон жизнедеятельности на военные рельсы, в том числе установления в стране ряда правовых режимов.

Предвоенное время характеризовалось отсутствием внимания к подготовке нормативных правовых актов, регулировавших механизм применения чрезвычайных мер охраны общественного порядка и государственной безопасности в условиях действовавших правовых режимов военного времени¹. Конституция СССР 1936 г. в своей первой редакции не содержала установлений относительно введения чрезвычайных мер охраны общественного порядка и обеспечения государственной безопасности². Внесенные в 1938 г. дополнения в Конституцию дали право Президиуму Верховного Совета СССР объявлять во всей стране или в от-

дельных ее местностях военное положение³, что позволяет говорить о первоначальном закреплении на конституционном уровне института военного положения. Вместе с тем, специальный нормативный акт, реализующий указанное конституционное изменение, принят не был.

Решение вопросов, возникших в начале войны, не нашло нормативного закрепления в предвоенные годы⁴, поэтому правовой регламентации чрезвычайных правовых режимов, принятых в довоенное время, было явно недостаточно. Пробелы советского законодательства устранялись в ходе войны в условиях дефицита времени.

Институт военного положения 1941—1945 гг. характеризовался следующими признаками:

— во-первых, государственные полномочия в сфере организации обороны, обеспечения государственной безопасности передавались военным властям;

— во-вторых, органы военного управления наделялись полномочиями чрезвычайного характера, к которым относились такие как издание общеобязательных нормативных правовых актов;

¹ Никонов Д. А. Советское чрезвычайное военное законодательство (1920 — 1941 гг.) : монография / под ред. Б. П. Белозерова. СПб. : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2006. С. 126—146.

² Дерюгин А. А. Служебно-боевая деятельность войск НКВД СССР в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах города Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны) : монография / под ред. С. Г. Лысенкова. СПб. : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2007. С. 13.

³ Закон СССР от 15 января 1938 г. «Об изменении и дополнении ст.ст. 22, 23, 26, 28, 29, 49, 70, 77, 83 Конституции (Основного Закона) СССР».

⁴ Дамаскин О. В. Правотворчество в условиях глобализации и формирование системы законодательства Российской Федерации в интересах национальной безопасности // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2010. № 1.

— в-третьих, расширилась компетенция органов военной юстиции;

— в-четвертых, ограничивались права и свободы всех граждан советского государства;

— в-пятых, государственным органам, организациям и гражданам вменялись дополнительные обязанности, возникавшие в сфере решения оборонных задач;

— в-шестых, юридическая ответственность за правонарушения, имевшие отношения к подрыву обороноспособности страны, усиливалась.

С началом войны были введены чрезвычайные правовые меры. На основании п. «п» ст. 49 Конституции СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР объявлялось военное положение на территории большинства союзных республик и областей, а также на всех железных дорогах, морском и речном транспорте. Передача всех прав и полномочий органов государственной власти в области обороны, обеспечения государственной безопасности и общественного порядка органам военного управления — военным советам фронтов, армий, военных округов, командованию войсковых соединений на основании Указа от 22 июня 1941 г. связывалась с кругом обстоятельств, послуживших основаниями для принятия государством названных мер¹.

Предвоенные годы были ознаменованы введением института согласования с вышестоящим командованием вопросов привлечения военнослужащих к уголовной ответственности, а при конструировании норм военно-уголовного процесса в начале Великой Отечественной войны был также введен институт утверждения командованием приговоров к высшей мере наказания в случаях, когда по условиям боевой обстановки невозможно соблюдение надзорной процедуры.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1941 г. 15 января 1942 г. Секретарем Прези-

диума Верховного Совета СССР было утверждено положение «О порядке снятия судимости Военными Советами фронтов (отдельных армий) и флотов с военнослужащих, отличившихся в боях с немецкими захватчиками, и о порядке представления постановлений Военных Советов на утверждение Президиума Верховного Совета СССР», в соответствии с которым снятие судимости с военнослужащих, отбывших меру наказания или досрочно освобожденных и отличившихся в боях с немецкими захватчиками, производилось от имени Президиума Верховного Совета СССР постановлениями Военных Советов фронтов (отдельных армий) и Военных Советов военноморских флотов по ходатайствам командиров (начальников) частей, кораблей, учреждений с последующим утверждением Президиумом Верховного Совета СССР. Ходатайство о снятии судимости с военнослужащего, отличившегося в боях с немецкими захватчиками, представлялось командиром (начальником) части, корабля, учреждения в Военный Совет фронта (отдельной армии), флота с указанием статьи Уголовного Кодекса и определенной по ней судом меры наказания; дата отбытия наказания или досрочного освобождения. По вынесении постановления Военного Совета о снятии судимости с военнослужащего Военным Советом фронта (отдельной армии), флота военнослужащему немедленно выдавалась справка о снятии судимости с печатью Военного Совета и за подписью секретаря Военного Совета или начальника отдела кадров. В случае невозможности вручения справки о снятии судимости военнослужащему в связи с выбытием его из части (откомандирование, выбытие в случае ранения, смерти), а также по просьбе военнослужащего справка о снятии судимости высылалась семье военнослужащего.

Вместе с тем названным Положением с военнослужащих, освобожденных от наказания в силу прим. 2 к ст. 28 УК РСФСР, судимость не снималась². Такой пробел был

¹ Кучма Ю. Н. Законодательство военного времени — средство управления государством в условиях Великой Отечественной войны (системный анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 63.

² Шеншин В. М. Самовольное оставление части или места службы как преступление против порядка прохождения военной службы (уголовно-правовой и

устранен 26 февраля 1943 г. принятием специального Указа Президиума Верховного Совета СССР¹, в соответствии с которым лица, осужденные с отсрочкой исполнения приговора в порядке примечания 2 к ст. 28 УК², проявившие себя стойкими защитниками Родины и в силу этого освобожденные от наказания военным трибуналом, признавались не имеющими судимости, о чем указывалось судом в определении об освобождении от наказания.

Институт отсрочки исполнения приговора в период Великой Отечественной войны характеризовался следующими элементами:

1) осужденным являлся военнослужащий, совершивший воинское или общеуголовное преступление;

2) приговор, присуждающий к наказанию в виде лишения свободы, исполнением отсрочивался;

3) отсрочка исполнения приговора давалась до окончания военных действий;

4) осужденный подлежал направлению в действующую армию;

5) от назначенного в приговоре наказания осужденный мог быть освобожден, если он в составе действующей армии проявлял себя стойким защитником СССР;

6) отсрочка исполнения приговора применялась только в военное время³.

В годы войны порядок направления в действующую армию лиц, осужденных по примечанию 2 к ст. 28 УК РСФСР, предусматривал издание приказа о направлении осужденного в штрафную воинскую часть, а также то, что непосредственное исполнение судебного приговора о направлении виновного в действующую армию осуществля-

лось командованием воинской части, в которой служил осужденный, или начальником гарнизона.

Анализ судебной практики показывает, что действие законов военного времени распространялось на всю территорию страны, независимо от близости или отдаленности места совершения преступления от фронта, а не только на те местности, которые были объявлены на военном положении Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. Этот Указ послужил основанием рассмотрения судами любых дел в отношении военнослужащих, находившихся по ранению или болезни в краткосрочных отпусках, либо на излечении в тыловых госпиталях, именно с этой позиции⁴.

Паникерство, трусость и сдача в плен представляли особую опасность, влиявшую на боеспособность армии. На 15 июля 1941 г. пленными насчитывалось 724 тыс. советских военнослужащих. Чтобы пресечь эти явления, принимались различные решительные меры⁵. Так, в постановлении ГКО от 16 июля 1941 г. № 00381 «Об аресте и предании суду военного трибунала бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова Д. Г., бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских В.Е. и других» Государственный Комитет Обороны признавал, что «отдельные командиры и рядовые бойцы проявляли неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросали оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушали присягу, превращались в стадо баранов, в панике бегущих от обнаглевшего противника». Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам, Государственный Комитет Обороны считал вместе с тем необходимым, чтобы были приняты строжайшие меры против трусов, паникеров, дезертиров;

криминологический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 29.

¹ Кузнецов И. Н. Законодательная и исполнительная деятельность высших органов власти. М. : Юрид. лит., 1955. С. 104—105.

² Воробьев А. Г. Становление и развитие уголовного наказания в виде ограничения по военной службе в российском уголовном праве // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2009. № 8.

³ Васильев Н. В. Применение к военнослужащим отсрочки исполнения приговора в военное время : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1945. С. 66.

⁴ Кириченко М. Г. Советское законодательство и принципы его применения. М., 1953. С. 13.

⁵ Белозеров Б. П. Фронт без границ. 1941—1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла северо-запада) : монография. СПб. : Агентство «РДК-принт», 2001. С. 165.

«паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он порочит честь Красной Армии»¹.

Таким образом, в условиях военного времени происходило развитие Особенной части уголовного права. Общеизвестно, что в период войны институты Общей части не пересматривались. Только на практике применения статей Особенной части могли изменяться во время войны и институты Общей части.

Постановления ГКО, Указы Президиума Верховного Совета СССР уголовно-правового характера, а также приказы и разъяснения Прокуратуры СССР и НКЮ СССР уголовно-правового характера военного времени посвящены вопросам Особенной части. Введением новых составов преступлений, а также изменением квалификации действий, угрожающих интересам обороны, на основе действующего законодательства советское уголовное право отвечало на новые формы преступности и на повышение во время войны опасности преступлений, предусмотренных действующим законодательством. Подчинение всего интересам фронта находило свое выражение и в сфере уголовного права путем внесения изменений и дополнений в Особенную часть. Определенные действия и бездействия, их оценка с точки зрения вреда для дела разгрома врага, установление уголовной ответственности за него, квалификация, наличие или отсутствие возможности охватить его предусмотренными в уголовном законодательстве составами преступлений, — все это выступало формой, в которую облекались вопросы борьбы с преступностью и которые вставляли перед законодателем.

Из анализа постановлений ГКО следует, что их характеризовали краткость и конкретность в формулировании задач, необходимых к разрешению государственными органами. К примеру, Постановление ГКО от 15 октября 1941 г. № 801сс «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы», которое И. В. Сталин готовил лично, занимает половину страницы. Другим примером может служить

Постановление ГКО от 19 октября 1941 г. № 813сс «Об объявлении осадного положения в Москве и прилегающих к городу районах» объемом 1,2 листа и Постановление от 22 августа 1941 г. № 562сс «О выдаче водки войскам действующей Красной Армии», объемом четыре строки.

11 августа 1941 г. ГКО принял постановление № ГКО-460сс «О порядке ареста военнослужащих», в котором был установлен определенный порядок проведения ареста. Так, военнослужащие от рядового до младшего начсостава подвергались аресту по согласованию с военным прокурором дивизии; лица среднего начсостава подлежали аресту лишь по согласованию с командованием дивизии и дивизионным прокурором; лица старшего начсостава могли быть арестованы лишь при согласовании данного вопроса с Военным советом армии (военного округа); высший начсостав подлежал аресту лишь с санкции НКЮ; в крайних случаях особые органы могли арестовать средний и старший начсостав с последующим согласованием такого задержания с командованием и прокуратурой².

16 января 1942 г. ГКО принял постановление № 1159с «О порядке передвижения военнообязанных в военное время и ответственности за уклонение от воинского учета», которое предусматривало, что все уклонявшиеся от призыва и мобилизации могли быть привлечены к ответственности по ст. 193 п. 10 УК РСФСР, которая влекла наказание за воинское преступление.

Еще одним примером, указывающим на всесторонность принимаемых решений ГКО, в частности, по установлению уголовной ответственности, служит Постановление ГКО № 1156 от 16 января 1942 г., содержавшее предписание по недопущению хранения трофейного оружия, боеприпасов и иного военного имущества у частных лиц, предписывавшее его сдачу в течение 24 часов. За нарушение этого требования виновным устанавливался штраф в 3000 руб. или шесть месяцев лишения свободы³.

¹ Васильев А. М. О классификации актов Верховного Совета СССР // Советское государство и право. 1953. № 18. С. 19.

² РГАСПИ опись 1 фонд 644 Д. 6. Л. 154

³ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 19. Л. 140—141.

24 июня 1942 г. ГКО принял очередное постановление № ГКО-1926сс «О членах семей изменников Родине», которым устанавливалось: «совершеннолетние члены семей лиц (военнослужащих и гражданских), осужденных судебными органами или Особым Совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания по ст. 58-1 «а» УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик за шпионаж в пользу Германии и других воюющих с нами стран, за переход на сторону врага, предательство или содействие немецким оккупантам, службу в карательных или административных органах немецких оккупантов на занимаемой ими территории и за попытку измены Родине и изменнические намерения, подлежат аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок в пять лет; аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок в пять лет подлежали также семьи лиц, заочно осужденных к высшей мере наказания судебными органами или Особым Совещанием при НКВД СССР за добровольный уход с оккупационными войсками при освобождении захваченной противником территории; членами семьи изменника Родине считались: отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменником Родины или находились на его иждивении к моменту совершения преступления или к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны; не подлежали аресту и ссылке семьи тех изменников Родине, в составе которых после должной проверки было установлено наличие военнослужащих Красной Армии, партизан, лиц, оказывавших в период оккупации содействие Красной Армии и партизанам, а также награжденных орденами и медалями Советского Союза»¹.

3 марта 1942 г. ГКО принимает постановление № 1379с «Об охране военного имущества Красной Армии в военное время» предписывавшее применение суровых мер: «Исходя из того, что хищения и разба-

заривание военного имущества подрывает военную мощь Союза Советских Социалистических республик, люди, творящие эти злодеяния должны быть рассматриваемы как враги народа...»².

Таким образом, постановления ГКО в годы войны имели особый характер по привлечению различных категорий граждан к уголовной ответственности, что указывало на характер постановлений, имевших силу закона, как источников, содержащих нормы, предусматривавшие уголовную ответственность.

Библиография

1. Белозеров, Б. П. Фронт без границ. 1941—1945 гг. (историко-правовой анализ обеспечения безопасности фронта и тыла северо-запада) : монография / Б. П. Белозеров. — СПб. : Агентство «РДК-принт», 2001. — 320 с.
2. Васильев, А. М. О классификации актов Верховного Совета СССР / А. М. Васильев // Советское государство и право. — 1953. — № 18.
3. Васильев, Н. В. Применение к военнослужащим отсрочки исполнения приговора в военное время : дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Васильев. — М., 1945.
4. Воробьев, А. Г. Становление и развитие уголовного наказания в виде ограничения по военной службе в российском уголовном праве / А. Г. Воробьев // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2009. — № 8.
5. Дамаскин, О. В. Правотворчество в условиях глобализации и формирование системы законодательства Российской Федерации в интересах национальной безопасности / О. В. Дамаскин // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2010. — № 1.
6. Дерюгин, А. А. Служебно-боевая деятельность войск НКВД СССР в условиях чрезвычайных правовых режимов военного времени (на материалах города Ленинграда и Ленинградской области периода Великой Отечественной войны) : монография / под ред. С. Г. Лысенкова / А. А. Дерюгин. — СПб. : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2007.
7. Кириченко, М. Г. Советское законодательство и принципы его применения / М. Г. Кириченко. — М., 1953.
8. Кузнецов, И. Н. Законодательная и исполнительная деятельность высших органов власти / И. Н. Кузнецов. — М. : Юрид. лит., 1955.
9. Кучма, Ю. Н. Законодательство военного времени — средство управления государством в условиях Великой Отечественной войны (системный

¹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Курск, 1999. Ч. 1. С. 439; РГАСПИ Ф. 644. Оп. 1. Д. 40. Л. 61

² ОриАН ИЦ ГУВД СПб. И ЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 89. Л. 9.

анализ) : дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Н. Кучма. — М. 1995.

10. Никонов, Д. А. Советское чрезвычайное военное законодательство (1920 — 1941 гг.) : монография / под ред. Б.П. Белозерова / Д. А. Никонов. — СПб. : Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России, 2006.

11. Шеншин, В. М. Самовольное оставление части или места службы как преступление против порядка прохождения военной службы (уголовно-правовой и криминологический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук / В. М. Шеншин. — СПб. 2006.

Features of the application of military criminal law during the great Patriotic war

© Kalinin A. A.,

senior lecturer in constitutional and administrative law of the faculty (team) Saint-Petersburg military Institute of national guard troops of the Russian Federation

Abstract. The Article analyzes the peculiarities of application of the military criminal law during the great Patriotic war.

Keywords: military and criminal legislation, the Great Patriotic war.

Bibliography

1. Belozеров B. P. the Front without borders. 1941—1945 (historical-legal analysis of the security of the front and rear of the North-West) : monograph / B. P. Belozеров. — SPb. : Agency «RDK-print», 2001. — 320 p.
 2. Vasiliev, A. M. On the classification of acts of the Supreme Soviet of the USSR / A. Vasiliev // Soviet state and law. — 1953. — № 18.
 3. Vasilyev, N. V. Application to members of the suspended sentence in time of war : dis. kand. the faculty of law. Sciences / N. V. Vasiliev. — M., 1945.
 4. Vorobyov, A. G. the Formation and development of criminal punishment in form of restriction on military service in the Russian criminal law / A. G. Vorob'ev // the Right in Armed Forces — military legal review. — 2009. — № 8.
 5. Damaskin, O. V. lawmaking in the context of globalization and the formation of the legislative system of the Russian Federation in the interests of national security / O. V. Damaskin // Law in the Armed Forces — military legal review. — 2010. — № 1.
 6. Deryugin, A. A. Service and combat activity of troops of the NKVD of the USSR in conditions of emergency legal regimes of wartime (on materials of the city of Leningrad and Leningrad region during the great Patriotic war) : the monograph / under the editorship of S. G. Lysenkova / A. A. Deryugin. — SPb. : Saint-Petersburg military Institute of internal troops of the MIA of Russia, 2007.
 7. Kirichenko, M. G. Soviet law and the principles of its use / M. G. Kirichenko. — M., 1953.
 8. Kuznetsov, I. N. Legislative and Executive activities of the Supreme bodies of power / I. N. Kuznetsov. — M. : «Legal literature», 1955.
 9. Kuchma, Yu. N. The law of war — a tool of governance during the great Patriotic war (system analysis) : dis. kand. the faculty of law. Sciences / Yu. N. Kuchma. — M. 1995.
 10. Nikonov, D. A. Soviet military emergency legislation (1920 — 1941) : the monograph / under the editorship of B. P. Belozеров / D. A. Nikonov. — SPb. : Saint-Petersburg military Institute of internal troops of the MIA of Russia, 2006.
 11. Sensin, V. M. absence without leave or place of service as a crime against the order of passage of military service (criminal and legal and criminological aspect) : dis. kand. the faculty of law. Sciences / V. M. Sensin. — SPb. 2006.
-

Криминологическая характеристика и противодействие преступлениям, связанным с осуществлением экстремистской деятельности

© Петров И. В.,

доцент кафедры уголовного права и национальной безопасности Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»,
кандидат юридических наук

Аннотация. Принимая криминологическую характеристику за базовый этап оптимизации разработки и реализации комплекса мер предупреждения преступлений экстремистской направленности, акцентируем внимание на недопустимости дифференциации экстремизма на «умеренный» и «радикальный», необходимости уточнения понятийного аппарата, выделения отдельной категории информационного обеспечения (содействия) экстремизму, недопущения «подведения» под экстремизм правозащитной деятельности и критики власти.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, безопасность, криминологическая характеристика, ненависть, вражда, ксенофобия.

Рецензент — Ю. Н. Туганов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

12 апреля 2017 г. в интервью телерадиокомпании «Мир» Президент России назвал главными угрозами безопасности «прежде всего, терроризм, экстремизм разных мастей»¹. Традиционно широко и неоднозначно трактуемое понятие действительно разнотипного *экстремизма*, сегодня используется, главным образом, в политическом или религиозном смысле и в целом устоялось в справочно-энциклопедической литературе как идеология, выходящая далеко за пределы основных отношений в обществе². Этот подход и лежит в основе дифференциации экстремизма от умеренности в социально-политических взглядах и правоупослушном поведении. По репрезентативному и авторитетному исследованию Gullap, проведенному среди «жителей мусульманского мира» на предмет их потенциальной склонности к экстремистским взглядам, респонденты были разделены на две группы. К первой отнесли экстремистов, обозначив их как «политические радикалы». Критерием отнесения к этой группе было всего

два — положительная оценка терактов 11 сентября 2001 г., которые, по их мнению, были «полностью оправданы», и «очень неблагоприятное» мнение о США (как и США о них). Исследование отнесло к радикальным группам примерно 7% общей численности населения в 10 странах, включенных в исследование³. Таким образом, для современного экстремизма характерны не только радикальные взгляды, но и готовность оправдать и поддержать терроризм.

В современном политико-правовом дискурсе экстремисты, как правило, контрастируют или противостоят центристам и умеренным. Так, в современных дискуссиях прослеживается строгая дифференциация между экстремистами (т. е. «плохими») и умеренными (т. е. «хорошими»). При этом первые могут включать в себя и ультраправые и ультралевые силы, равно как и религиозных фундаменталистов и фанатиков⁴.

¹ Путин В. В. Интервью телерадиокомпании «Мир» [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54271>.

² Merriam-Webster Dictionary // Режим доступа: URL <https://www.merriam-webster.com/dictionary/extremism>

³ Dalia mogahed the battle for hearts and minds: moderate vs. extremist views in the muslim world// the gullap world // URL: https://wikileaks.org/gifiles/attach/106/106950_.pdf.

⁴ Simon de bruxelles science 'may one day cure islamic radicals // the times may 30 2013/ режим доступа: <https://www.thetimes.co.uk/article/science-may-one-day-cure-islamic-radicals-rkffnkxvg85>.

Конституция России (ст. 13) содержит прямой запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. В то же время, в России понятие «экстремизм» как юридический термин стало использоваться после ратификации Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», где было дано определение понятия, понимаемого как уголовно наказуемое деяние, направленное на насильственный захват либо удержание власти или аналогичное изменение конституционного строя, посягательство на общественную безопасность, включая организацию незаконных вооруженных формирований, равно как и участие в них.

В российском законодательстве понятие экстремизма впервые появилось в 2002 г. как чрезвычайно широкая совокупность разного рода насильственных действий, направленных против общества, государства. Сюда же включалась и террористическая деятельность, а также возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, пропаганда расизма, пропаганда и публичная демонстрация нацистской атрибутики или символики и т.п.¹ Столь широкая трактовка давала почву для столь же широкого доктринального понимания, где можно было встретить, например, «новый вид» социально опасной деятельности в виде «преступного экстремизма»², что заставляло задуматься о наличии «легального экстремизма».

Терминологическая неопределенность корректировалась, как и приведенный в упомянутом федеральном законе, перечень. В 2006 г. он был расширен, но уже в 2007 г. столь же существенно сокращен. На сегодня

законодатель оставил в законе 13 видов деяний, подпадающих под определение экстремизма. Несмотря на существенные различия, все они сходятся в радикализме и ориентации на насилие, возбуждение ненависти или вражды по дискриминирующим признакам. Само деяние здесь определяется как целенаправленная передача информации любыми средствами. Таким образом, действующее законодательство определяет экстремизм как крайне опасную для общества форму нетерпимости во всех её проявлениях. При этом, средством достижения цели экстремисты всегда выбирают насилие, создавая его культ и проповедуя соответствующую идеологию. Таким образом, экстремизм опасен и для государства и его конституционного строя, и для общества, и для личности.

Со времен радикальных народников Россия имеет огромный опыт борьбы с политическим, а последние десятилетия — и с религиозным экстремизмом. Этот опыт показывает, что исключительно уголовно-правовые средства противодействия дают лишь ограниченный эффект. Экстремизм имеет свою стройную, пусть и эклектичную и не выдерживающую научной критики, но «простую» и «понятную» теорию, в основе которой, путь к власти насилием и террором. Экстремизм всегда базируется и на теориях заговора³.

Объект экстремистской агрессии это всегда социально-политические институты, органы власти, политические и религиозные деятели, которые представляются или как препятствие к установлению «нового порядка» или просто как цель для дестабилизации общественно-политической ситуации.

Практика экстремизма всегда агрессивна, это всегда «action». В этой связи вызывает недоумение использование в литературе термина «умеренные экстремисты», которые, по мнению Г. В. Боровского, «готовы использовать уже действующие государственные институты», тогда как «радикальные неизбежно скатываются к методам терро-

¹ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

² Павлинов А. В. Насильственный экстремизм. М., 2004. С. 14.

³ Власов В. И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика. М., 2007. С. 27.

ра»¹. В данном случае более уместна иная классификация: на экстремистов и террористов.

Практика показывает, что проявления экстремизма крайне разнообразны. Это и возбуждение гражданской ненависти (вражды) и организация незаконных вооруженных формирований и многое другое.

На практике экстремистская деятельность наиболее часто осуществляется в виде распространения разного рода экстремистских материалов: документов, аудио-визуальной и текстовой информации, призывающих к экстремистской деятельности или пропагандирующих её идеологию, обосновывающих либо оправдывающих такую деятельность или терроризм².

Под публичными призывами (ст. 280 УК РФ) понимаются выраженные в любой форме обращения к другим лицам для побуждения их к экстремистской деятельности³.

С существенным опозданием, лишь в ноябре 2016 г. Верховный суд Российской Федерации разъяснил, что при совершении публичных призывов к экстремистской деятельности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сети «Интернет», преступление следует считать оконченным с момента размещения обращений в сетях общего пользования (включая сайты, форумы и блоги), а также сообщениях в мессенджерах⁴.

С уголовно-правовой точки зрения экстремизм — совокупность запрещенных законом противоправных действий. Следует учесть, что запрет может содержаться в нормах как уголовного, так и административного и иных отраслей права. Такого рода действия признаны противоправными, так как они причиняют вред общественным отношениям.

Как правило, экстремистские действия причиняют существенный вред правоохраняемым интересам, посягая на безопасность личности, общества и государства. Субъектами экстремистской деятельности могут быть как юридические, так и физические лица. Административная ответственность за производство и распространение экстремистских материалов предусмотрена как для граждан, должностных лиц и юридических лиц⁵.

Г. В. Боровской предложил «с точки зрения государственно-политического подхода» ввести «дополнительный признак» экстремизма — общественной опасности. Автор подразумевает под этим, что лишь тех адептов «крайних взглядов и мер» допустимо признавать экстремистами «с государственно-политической точки зрения», чьи убеждения «прямо или косвенно угрожают безопасности личности, общества и государства». В то же время, если «данной опасности они не представляют», то они все равно могут быть отнесены к экстремистам, но как полагает Г. В. Боровской, «чисто формально, казуистически». Автор выявляет «экстремизм незначительной общественной опасности», который, по мнению Г. В. Боровского, «не заслуживает серьезного государственного и общественного внимания», а соответственно, «должен восприниматься с определенной долей терпимости»⁶. Данная позиция, с учетом терактов последних лет в разных странах Европы, представляется ошибочной. Большая часть террористов, в т.ч. смертников, была известна спецслужбам, которые как раз относились к ним

¹ Боровской Г. В. К понятию и сущности современного экстремизма в Российской Федерации // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2015. № 1 (11—12). С. 170.

² Водякин В. В. Соотношение понятий «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности» // Вестник Омского университета. Серия: Право (2100). № 4. С. 171.

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 г. № 11 «О су-

дебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

⁵ Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности».

⁶ Боровской Г. В. Указ. соч. С. 172.

с «терпимостью». Так, за Х. Масудом, совершившем теракт в Лондоне в марте 2017 г., полиция до этого «следила» семь лет, как за «человеком, представляющим интерес»¹. И эта ситуация стандартна. Исходя из этого, целесообразно отказаться от позиции цитируемого выше автора, состоящей в том, что «государство и общество должны интересоваться» лишь «опасные, очень опасные и крайне опасные формы экстремизма».

Общественная опасность экстремизма состоит как в ориентации на непримиримость, антагонизм с обществом и насилие, так и в том, что он неизбежно перерастает, содействует терроризму.

Наибольшую общественную опасность представляют экстремистские доктрины и программы, отрицающие за оппонентом или обществом в целом, равное право на существование, образ мысли, объявляя сосуществование невозможным и призывая к насилию и вражде. При этом следует учесть, что в психологии применяется понятие «враждебность», в отличие от правового понятия «вражда». Здесь «враждебность» понимается как интрапсихическое образование, тогда как «вражда» в совокупности с внутренним психическим компонентом включает и внешние практические (конфликтные, деструктивные) действия по отношению к намеренному объекту².

Таким образом, в доктринальном плане экстремизм следует определить как идеологию и составную часть терроризма, антиобщественное, противоправное поведение, посягающее насилие, ненависть и нетерпимость по мотивам политической, социальной, идеологической, расовой, национальной, конфессиональной принадлежности обязательной нормой поведения.

Концепция национальной безопасности России ориентирует на нейтрализацию причин и условий, способствующих возникно-

ванию политического и религиозного экстремизма, а также их последствий — социальных, этнических и религиозных конфликтов, терроризма. Здесь же ставится задача устранения и предупреждения причин и условий экстремизма, а также укрепления системы правоохранительных органов.

Сегодня к основными источниками экстремизма в России следует отнести, прежде всего, внешнее влияние запрещенных в России террористических организаций, активно вербующих российскую молодежь. Определенную угрозу можно усматривать и со стороны некоторых радикальных (как левых, так и правых) националистических движений, ведущих борьбу с «засильем мигрантов».

На сегодня самым распространенным типом преступлений из числа экстремистских, статистика фиксирует возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ).

Теория современного экстремизма разрабатывается и ориентирована на формирование устойчивых социальных групп поддержки, способных к активации в нужный момент для пропаганды соответствующих идей или совершения терактов. Экстремистская идеология базируется на неограниченной допустимости насилия. Современные информационно-коммуникационные средства позволяют дистанционно руководить экстремистскими группировками, обеспечивать конспирацию, вести пропаганду на неограниченный круг лиц, вербовать сторонников и исполнителей, используя религиозные институты для распространения радикальных идей.

В соответствии с позицией Верховного Суда Российской Федерации, выраженной по итогам анализа судебной практики по преступлениям, предусмотренным ч. 1.1 ст. 282.1 или ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ, под склонением, вербовкой или вовлечением лица в деятельность экстремистского сообщества (организации) понимаются умышленные действия по вовлечению лица или группы лиц в указанную деятельность любыми путями, включая физическое воздействие.

При этом эти действия считаются оконченным преступлением с момента их со-

¹ Спецслужбы следили за «лондонским террористом» за семь лет до теракта // РИА Новости. 2017. 27 марта // URL: <https://ria.ru/world/20170327/1490837916.html>.

² Акаева Х. А. Социально-криминологическая характеристика ксенофобии и экстремизма как взаимосвязанных явлений // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 312.

вершения. Не имеет значения факт принятия вовлекаемым лицом какого-либо участия в экстремистской деятельности.

Уголовная ответственность за создание экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ) наступает с момента фактического образования указанного сообщества, то есть с момента объединения двух или более лиц в устойчивую группу для подготовки или совершения экстремистских преступлений. На наличие данной цели указывают умышленные действия по подготовке условий совершения преступлений, либо показывающих готовность данного сообщества реализовать преступные намерения. При этом не имеет значения были ли реализованы планы участников сообщества.

Что касается участия в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 282.1 УК РФ), то Верховный Суд ориентировал суды на понимание этого как вхождения в состав указанного сообщества с намерением участия в подготовке либо совершении преступлений экстремистской направленности либо выполнения лицом каких-либо обязанностей в сфере обеспечения деятельности указанного сообщества. Таким образом, преступление в форме участия лица в экстремистском сообществе считается оконченным с момента вхождения в состав данного сообщества с умыслом участвовать в подготовке либо совершать преступления экстремистской направленности¹.

В позиции Верховного Суда представляются важными указания о решении вопроса о направленности действий лица, разместившего информацию или выразившего свое отношение в Интернете. Речь идет о постах в социальных сетях возбуждающих ненависть, вражду и т.п., т.е. имеющих экстремистскую направленность. В данном случае, и на это обосновано указывает Верховный Суд, следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного, принимая во внимание контекст, форму и содержание размещенной в сети информации,

учитывая наличие, а также содержание комментариев, прочих форм выражения отношения к ней. Это момент представляется важным в связи с тем, что оценка наличия признаков экстремизма в постах в социальных сетях, в большей степени субъективна. Здесь важно дифференцировать пропаганду ненависти и призывы к насилию от критики власти, призывов бороться с коррупцией и т.п., которые не могут считаться экстремизмом, но могут искусственно «подгоняться» под его признаки. В этом смысле следует исходить из правовой позиции, выраженной Верховным Судом РФ в аналогичном постановлении по делам террористической направленности. В данном случае высшая судебная инстанция указывает на то, что меры по предупреждению или пресечению данных преступлений должны приниматься при соблюдении верховенства закона и демократических ценностей, прав человека и основных свобод, включая положения международного права². Полагаем, что данным указанием целесообразно было бы дополнить и соответствующее постановление Верховного Суда по рассмотрению дел экстремистской направленности.

Одним из ключевых направлений уголовно-правовой превенции экстремистских проявлений является пресечение действий по предоставлению (сбору) средств или финансированию экстремизма, обеспечения деятельности экстремистского сообщества (организации) (ст. 282.3 УК РФ).

Под финансированием экстремистской деятельности Верховный Суд признает оказание финансовых услуг, предоставление (сбор) денег в любой форме, иных материальных средств, прямо предназначенных для указанного объекта финансирования. Такое преступление следует считать оконченным с момента совершения действия, относящегося к финансированию экстремизма, включая обеспечение деятельности экстремистского сообщества (организации).

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

В указаниях Пленума Верховного Суда имеется чрезвычайно важное указание на информационное содействие экстремизму (помощь советами, указаниями, предоставлением информации, устранением препятствий и т.д.), которое не выделено в самостоятельную категорию, а рассматривается наряду с финансированием преступлений экстремистской направленности и именуется как «иное содействие» совершению таких преступлений (деятельности организации). В данном случае Верховный Суд указывает на совокупность преступлений, предусмотренных ст. 282.3 и соответствующей статьей Особенной части УК РФ со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ. В то же время, вопросы информационной поддержки экстремизма сегодня выходят на первый план, так как именно информационная поддержка обеспечивает все остальные виды поддержки и в целом существования экстремистской организации (вербовка, сбор средств, разведка и пр.).

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, необходимо констатировать, что:

1. В современных условиях экстремизм это:

— общественно опасная идеология и соответствующая ей практика пропаганды достижения политических и иных социально-значимых целей путем насилия;

— идейное, идеологическое и пропагандистское обеспечение терроризма.

2. Принятая в условиях эскалации геополитической напряженности ситуативно политически мотивированная дифференциация экстремистов на «радикальных» и «умеренных» недопустима, так как радикальный экстремист — это террорист, а «умеренный» — его ассистент, обеспечивающий идеологическую, информационную, финансовую и иную поддержку, вербовку сторонников и т.п. Дифференциации подлежат лишь легальные, пусть и радикальные по своим взглядам политические силы, не призывающие (пропагандирую-

щие) насилие и нетерпимость и не содействующие терроризму ни в какой форме.

3. В глобальном информационном обществе экстремизм, как система пропаганды идеологии насилия и нетерпимости, реализуется в виртуальном киберпространстве, в связи с чем, целесообразно, как в доктринальном плане, так и на уровне нормативного регулирования выделить категорию информационного обеспечения (содействия) экстремизму, по аналогии с пропагандой нацистской атрибутики или символики (ст. 20.3 КоАП). Сюда следует отнести любую информационную деятельность (деятельность в информационном пространстве) подпадающую под признаки приведенного выше определения экстремизма.

4. Свобода выражения мнения, включая критику власти, политики и должностных лиц любого уровня, не содержащая признаков, указанных в приведенном выше определении экстремизма, не является и не может квалифицироваться как экстремизм. Недопустимо «подведение» под экстремизм политической дискуссии, критики власти и правозащитной деятельности.

Библиография

1. Акаева, Х. А. Социально-криминологическая характеристика ксенофобии и экстремизма как взаимосвязанных явлений / Х. А. Акаева // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 3.
2. Боровской, Г. В. К понятию и сущности современного экстремизма в Российской Федерации / Г. В. Боровской // Ученые записки Сахалинского государственного университета. — 2015. — № 1 (11—12).
3. Власов, В. И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика / В. И. Власов. — М., 2007.
4. Водякин, В. В. Соотношение понятий «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности» / В. В. Водякин, М. С. Фокин // Вестник Омского университета. Серия: Право (2100). — № 4. С. 168—171.
5. Павлинов, А. В. Насильственный экстремизм / А. В. Павлинов. — М., 2004.
6. Спецслужбы следили за «лондонским террористом» за семь лет до теракта. РИА Новости. 2017. 27 марта // URL <https://ria.ru/world/20170327/1490837916.html> № 1 (62)

Criminological characteristics and counteraction of crimes related to extremist activities

© **Petrov V. I.,**

associate Professor, Department of criminal law and national security, Novosibirsk state University of Economics and management "NINH", candidate of legal Sciences

Abstract. Taking the criminological characteristic for the base step of optimization of the development and implementation of measures of prevention of crimes of an extremist nature, with a focus on the inadmissibility of differentiation of extremism in the «moderate» and «radical», it is necessary to clarify the conceptual apparatus, separating categories of information provision (assistance) extremism, prevention of «summing up» under the extremism of human rights activities and criticism of the authorities.

Keywords: extremism, terrorism, security, criminological characteristics, hatred, enmity, xenophobia.

Bibliography

1. Akaev, A. H. Socio-criminological characteristics of xenophobia and extremism as interdependent phenomena / A. H. Akayev // Theory and practice of social development. — 2014. — № 3.
 2. Bohr, G. V. the concept and essence of modern extremism in the Russian Federation / G. V. Bohr // scientific notes of Sakhalin state University. — 2015. — № 1 (11 — 12).
 3. Vlasov, V. I. Extremism: essence, types, prevention / V. I. Vlasov. — M., 2007.
 4. Vedyakin, V. V. Correlation of concepts «extremism» and «extremist crimes» / V. V. Vadakin, M. S. Fokin // Bulletin of Omsk University. Series: Law (2100). — № 4. — P. 168—171.
 5. Peacock, A. V. Violent extremism / A.V. Peacocks. — M., 2004.
 6. Intelligence agencies followed the «London terrorist» for seven years before the attack. RIA Novosti. 2017. 27 March // access Mode: URL <https://ria.ru/world/20170327/1490837916.html>.
-

Уголовный процесс. Судебная деятельность

Особенности деятельности государственного обвинителя при формировании коллегии присяжных заседателей в военном суде

© Коршунова О. Н.,

заведующий кафедрой прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

© Кулик Н. В.,

доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Аннотация. В статье рассмотрены наиболее значимые и характерные для деятельности государственного обвинителя аспекты, связанные с особенностями его участия в формировании коллегии присяжных заседателей в военном суде и обусловленные особенностями осуществления военного правосудия. В статье раскрываются приемы и методы опроса государственным обвинителем кандидатов в присяжные заседатели, призванные обеспечить выяснение обстоятельств, которые могут препятствовать включению кандидата в коллегию присяжных заседателей, способных вынести по делу законный и обоснованный вердикт.

Ключевые слова: прокурор, государственное обвинение, военный суд, присяжные заседатели, формирование коллегии присяжных, военная служба, преступления, связанные с военной службой.

Рецензент — В. Д. Меркурьев, доктор юридических наук, профессор.

Роль государственного обвинения в противодействии преступности традиционно имеет большое значение, поскольку от того, насколько эффективно осуществляется эта деятельность, в значительной степени зависят не только законность, обоснованность и справедливость итогового судебного решения, но и законность всей процедуры рассмотрения уголовного дела, что, безусловно, способствует предотвращению процессуальных ошибок, влекущих нарушения прав граждан, общества и государства в целом.

Именно этим обусловлен тот интерес, который вызывают различные аспекты научного обеспечения деятельности прокуро-

ра в данной сфере¹. Не ставя под сомнение актуальность исследования иных вопросов,

¹ Тактика и этика судебного допроса / Ароцкер Л. Е. М. : Юрид. лит., 1969; Кириллова Н. П. Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции : учеб. пособие / Н. П. Кириллова. СПб. : ИПК ПСР ГП РФ, 1996; Руководство для государственных обвинителей. Криминалистический аспект деятельности : учебное пособие. Ч. I—IV / В. С. Бурданова [и др.] ; под общ. ред. О. Н. Коршуновой. СПб : СПб ЮИ ГП РФ, 1998—2003; Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности : учеб. пособие / под ред. О. Н. Коршунова. СПб : Юридический центр Пресс, 2003; Руководство для государственного обвинителя : учеб. пособие / Ассоц. Юрид. центр ; под ред. О. Н. Коршунова. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2011; Криминалистика для государственных обвинителей : учебник / Г. Д. Белова [и

подчеркнем, что на современном этапе в условиях серьезных изменений законодательства, прежде всего, связанных с расширением перечня преступлений, дела о совершении которых могут рассматриваться с участием присяжных заседателей, образования таких коллегий в районных и городских судах, вновь на первый план выходит исследование проблем, связанных с научным обеспечением соответствующего уровня эффективности деятельности прокурора именно при рассмотрении уголовных дел судом присяжных.

Сказанное в полной мере относится и к необходимости исследования особенностей, которыми характеризуется процесс рассмотрения уголовных дел военным судом, поскольку без учета указанных аспектов, без знания специфики военной службы, военного дела и правильного понимания того, какое влияние указанные факторы могут оказать на формирование такой позиции коллегии присяжных заседателей, которая будет способствовать вынесению законного и обоснованного вердикта по делу, деятельность государственного обвинителя не может быть достаточно эффективной. При этом следует подчеркнуть, что специфика военного правосудия проявляется в подсудности дел и определяется, прежде всего, по субъективному персональному принципу в отношении определенной категории лиц.

Сегодня участие в рассмотрении уголовных дел судом присяжных уже не является чем-то совершенно новым и неизвестным для прокуроров. Однако прокурорам, работающим в прокуратурах городов и районов, а также приравненных к ним военных прокуратурах, еще только предстоит сформировать необходимый набор знаний и умений, которые позволят успешно осуществлять эту деятельность в целях обеспечения законности, обоснованности и справедливости принимаемых судом решений. Тем более, что помимо общих вопросов, акту-

альных для участия прокурора в рассмотрении уголовного дела судом присяжных любого из существующих уровней, самостоятельного исследования требуют более частные вопросы, касающиеся особенностей деятельности прокурора на каждой из судебных стадий, включая особенности, обусловленные спецификой военного правосудия.

При этом представляется необходимым отметить, что особенности участия прокурора в рассмотрении дел военным судом с участием присяжных заседателей требует особого внимания в силу целого ряда обстоятельств. Прежде всего, следует отметить, что специфика рассмотрения судом уголовных дел о преступлениях, совершенных военнослужащими, столь велика, что обусловила выделение в системе судов Российской Федерации самостоятельную подсистему военных судов. Участие в рассмотрении дел военным судом обеспечивается сотрудниками военной прокуратуры, имеющими знания о специфике военной службы, особенностях статуса военнослужащего и т.д. Именно поэтому представляется целесообразным в качестве самостоятельного направления научных исследований рассматривать изучение особенностей деятельности государственного обвинителя на различных стадиях и этапах уголовного судопроизводства при рассмотрении в военном суде уголовного дела по существу.

В целях обеспечения законности, обоснованности и справедливости судебного решения по каждому уголовному делу следует, прежде всего, иметь в виду то значение, которое имеет участие прокурора в формировании коллегии присяжных заседателей. Использование всех полномочий, предоставленных ему законом, позволит прокурору активно способствовать формированию такой коллегии присяжных, которая будет способна вынести вердикт с учетом специфики уголовных дел, именно рассматриваемых военным судом.

Следует подчеркнуть, что формирование коллегии присяжных заседателей представляет собой достаточно сложную процедуру, включающую совокупность мер не только процессуально, но и организацион-

др.] ; под ред. А. Ф. Козусева, В. Н. Исаенко, А. М. Кустова ; Акад. Генер. прокуратуры РФ. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012; Руководство для государственного обвинителя : учеб. пособие / Ассоц. Юрид. центр; под ред. О. Н. Коршунова. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2015.

ного характера, направленных на формирование из числа граждан Российской Федерации коллегии присяжных заседателей, способной честно и беспристрастно судить об обстоятельствах дела и полномочной вынести объективный вердикт¹.

Не умаляя важности того значения, которое для процесса формирования коллегии присяжных заседателей имеют организационные мероприятия, связанные с составлением списков кандидатов в присяжные и характерные для военных судов, представляется возможным и целесообразным остановиться, прежде всего, на актуальных вопросах собственно формирования коллегии присяжных, на особенностях участия прокурора в ее формировании в случае рассмотрения дела военным судом, а также на тех особенностях, которые влияют или могут повлиять на объективность и беспристрастность коллегии присяжных в процессе рассмотрения уголовного дела именно военным судом. Тем более что возможности участия суда и прокуратуры в проведении организационных мероприятий весьма ограничены, а особенности проведения таких мероприятий организационного характера заслуживают самостоятельного исследования.

Знание специфики военной службы, особенностей статуса военнослужащего (проходящего службу по контракту или по призыву), позволяет сотрудникам военной прокуратуры осуществлять свою деятельность целенаправленно, обеспечивая необходимый уровень эффективности государственного обвинения. Учет указанной специфики при разработке научно обоснованных рекомендаций, направленных на оптимизацию и дальнейшее повышение эффективности деятельности военных прокуроров, обеспечит создание необходимой методической основы для осуществления такой деятельности, способствующей в конечном итоге вынесению законного, обоснованного и справедливого решения по делу.

Процедура формирования коллегии (скамьи) присяжных заседателей является одной из наиболее значимых процедур в уголовном судопроизводстве с участием присяжных заседателей. От того, насколько активно, целеустремленно, тактически и методически грамотно военный прокурор будет участвовать в указанной процедуре, насколько в дополнение к рекомендациям общего характера он окажется способным использовать рекомендации, обусловленные особенностями рассмотрения дела именно военным судом, зависит успешность его деятельности в качестве государственного обвинителя, выполнение стоящих перед ним задач в уголовном судопроизводстве в целом и при рассмотрении конкретного уголовного дела, в частности.

Существенным препятствием для эффективного осуществления деятельности часто выступает отсутствие у государственного обвинителя навыков участия в формировании коллегии присяжных заседателей, выражающееся в неумении психологически грамотно и тактически верно определить круг вопросов для каждого из кандидатов, входящих в ее состав, и использовать с учетом полученных ответов право мотивированных и немотивированных отводов².

Трудно переоценить значение участия прокурора в формировании коллегии присяжных заседателей. Это первая встреча государственного обвинителя с теми, кто, возможно, войдет в состав коллегии присяжных, и, следовательно, с кем прокурору предстоит работать в ходе судебного следствия, к кому предстоит обращаться в прениях сторон, кого предстоит убедить в том, что именно позиция государственного обвинителя является единственно верной³.

² Участие государственного обвинителя в формировании коллегии присяжных заседателей : пособие / Г. Л. Куликова. М., 2010. С. 3—4.

³ Подробнее о психологических основах деятельности государственного обвинителя в суде присяжных см., напр.: Теоретические основы использования психологических знаний в прокурорской деятельности : монография / под ред. О. Д. Ситковской. М. : Проспект, 2016; Ратинова Н. А. Психологические особенности деятельности прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде с участием коллегии присяжных заседателей // Вестник Академии Генераль-

¹ Тисен О. Н. Формирование коллегии присяжных заседателей: теоретические и практические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2009. С. 5.

Поэтому участие в такой процедуре требует от прокурора как соответствующих знаний, так и определенного опыта, умения использовать научно обоснованные рекомендации.

Процессуальные действия, связанные с формированием коллегии присяжных заседателей, регламентируются ст. 324—335 УПК РФ. Законодательством предусмотрен ряд ограничений, касающихся способности лица выполнять обязанности присяжного заседателя, таких как: возраст, физическое и психическое состояние, нравственные и иные качества, которые препятствуют участию в судебном разбирательстве и могут повлиять на объективность и самостоятельность суждений¹.

Практика показывает, что наиболее объективно рассматриваются дела коллегией присяжных заседателей, в состав которой входят лица в возрасте от 35 до 60 лет, т.е. имеющие жизненный опыт, а также педагоги, бывшие военные и те, кто знаком с азами психологии и анализа². Однако принадлежность к указанной возрастной или социальной группе не гарантирует объективности присяжного заседателя. Поэтому важным представляется использовать имеющиеся у прокурора полномочия по изучению личности каждого из кандидатов в присяжные.

Тщательно разобравшись в личности того, кто окажется в составе коллегии, прокурору на данном этапе непросто, поскольку он действует в условиях дефицита информации и времени для ее анализа, а кроме того, он может выбирать только из тех кандидатов, кто явился в суд. Можно, конечно, надеяться на лучшее, на то, что коллегия будет идеальной, но на практике качественный ее состав не всегда совершенен и безупречен, поэтому военному прокурору необходимо приложить максимум усилий для того, чтобы выяснить, прежде всего, имеются ли обстоятельства, препятствующие участию того или иного кандидата в качестве присяжного

заседателя в рассмотрении конкретного уголовного дела, отнесенного к компетенции военного суда.

Не преследуя цели разработки алгоритма, пригодного для любого уголовного дела, представляется возможным и вполне уместным говорить о целесообразности выработки некоего единого подхода к выяснению обстоятельств, имеющих особое значение для отбора присяжных заседателей в коллегию военного суда.

Прежде всего, следует обратить внимание на такие обстоятельства, которые характерны для уголовных дел, рассматриваемых военным судом, которые связаны со статусом лиц, в отношении которых будет производиться судебное разбирательство (как правило, военнослужащих), а также с порядком и особенностями осуществления определенного вида деятельности — военной службы.

С учетом этого должны быть поставлены вопросы, направленные на нейтрализацию либо сведение к минимуму возможности попадания в коллегию лиц, не способных объективно и беспристрастно разбираться в уголовных делах, рассматриваемых военным судом.

Представляется, что начальная фаза деятельности прокурора на данном этапе должна включать первичное наблюдение за кандидатами в присяжные заседатели. Выявить все присущие кандидату особенности (особенности восприятия и оценки информации, формирования собственной позиции, способности влиять на других и т.д.) за короткий промежуток времени прокурору достаточно сложно. Вместе с тем, внимательное наблюдение за поведением явившихся кандидатов, анализ результатов такого наблюдения, а также анализ информации о складывающихся взаимоотношениях с судом, другими кандидатами, самим прокурором позволят получить более полное представление о личностных качествах кандидата, более обоснованно прогнозировать его роль в деятельности коллегии присяжных.

Некоторые прокуроры в этих ситуациях руководствуются результатами оценки внешности и поведения субъекта. На наш взгляд, учитывать эти признаки необходи-

ной прокуратуры Российской Федерации. 2015. № 5 (49) С. 89—95 и др.

¹ Участие государственного обвинителя в формировании коллегии присяжных заседателей : пособие / Г. Л. Куликова. М., 2010. С. 5.

² Демченко В. Суд присяжных: проблемы и возможности // Законность. 2010. № 1. С. 21.

мо, но ограничиваться ими не следует. Более надежным критерием является социально-психологический тип кандидата, установить который позволяет более углубленное изучение личности кандидата в присяжные заседатели, которому способствует опрос кандидатов.

Постановка вопросов кандидатам в присяжные и целенаправленное получение от них соответствующей информации — это следующая фаза участия прокурора в формировании коллегии присяжных. Опрос должен быть направлен на то, чтобы понять, что представляет собой каждый из кандидатов в присяжные заседатели, какими индивидуальными качествами он обладает, способен ли объективно и непредвзято оценить обстоятельства рассматриваемого дела с учетом его специфики.

Представляется возможным согласиться с мнением В. В. Гаврилова о том, что государственному обвинителю надо смотреть не только в сторону кандидатов, но и стараться понять из коротких ответов, что они собой представляют. Поэтому анализировать нужно не только ответы кандидатов, но и то, как они отвечают, их мимику, жесты, манеру построения фраз и т.д.

При решении вопросов о том, кто из кандидатов в присяжные заседатели должен войти в состав коллегии, а чье участие в ней способно привести только к вынесению незаконного, необоснованного или несправедливого решения по делу, военному прокурору представляется необходимым оценивать наличие и содержание имеющихся у кандидатов в присяжные знаний и представлений по вопросам военной службы, статуса военнослужащего или государственного гражданского служащего в армии, о современных условиях прохождения армейской службы, ее традициях и современных проблемах, а также о проблемах, которые могут возникать при ее прохождении отдельными лицами. Следует учитывать, что такие знания могут быть приобретены не только в результате прохождения военной службы самим кандидатом в присяжные заседатели. Определенные представления по указанному кругу вопросов могут быть сформированы на основе рассказов родст-

венников и знакомых, публикаций в средствах массовой информации и т.п.

Результаты изучения практики свидетельствуют о том, что особенности рассматриваемого в военном суде уголовного дела достаточно часто, так или иначе, связаны с необходимостью анализа и оценки ситуаций, требующих определенных знаний из области военного дела. Имеются в виду не те ситуации, когда требуются специальные знания. В таких случаях речь должна идти о необходимости и целесообразности использования таких специальных знаний, а также о форме, в которой они могут быть использованы. Речь о том, что часто для правильного понимания сущности происшедшего важно наличие определенного представления о порядке прохождения военной службы, о взаимоотношениях, которые складываются во время ее прохождения вообще, а также, возможно, об особенностях прохождения службы в тех или иных войсках, в тех или иных регионах и т.д.

Например, если, судя по материалам уголовного дела, большое внимание в ходе судебного разбирательства будет уделено огнестрельному оружию, различным аспектам эксплуатации и применения специальной техники, специфике прохождения военной службы, можно предположить, что среди мужчин, проходивших военную службу, будет гораздо больше тех, кто, участвуя в рассмотрении дела в качестве присяжного, при этом будет в значительной мере учитывать именно свой личный опыт. Однако, нельзя сделать однозначный вывод о том, что это будет иметь положительный результат.

В пользу включения в будущую коллегию присяжных заседателей лица, имеющего за плечами опыт военной службы, его знание специфики прохождения военной службы, действующих в армии традиций и порядков могут рассматриваться в том случае, когда государственный обвинитель предполагает использовать эти знания, в том числе, при разъяснении тех или иных моментов другим присяжным заседателям.

Однако в научной литературе дискуссионным остается вопрос о необходимости включения бывших военнослужащих в со-

став формируемой коллегии присяжных заседателей, поскольку такое включение может иметь и негативные последствия. Если исходить из того, что для большинства лиц, проходивших военную службу, характерно формирование комплекса таких качеств как дисциплинированность, целеустремленность, сосредоточенность, внимательность, уравновешенность, организованность, ответственность, то их включение в состав коллегии присяжных будет способствовать тому, что и коллегия в целом будет функционировать, успешно, ответственно и целеустремленно выполняя свои обязанности.

Данные качества формируются и развиваются в процессе всей армейской жизни и деятельности военнослужащего. Естественно, что степень развития данных качеств у конкретных кандидатов в присяжные заседатели может быть различной, но можно надеяться и предполагать наличие элементарного, базового уровня. В свою очередь, наличие даже такого уровня указанных качеств будет способствовать надлежащему исполнению обязанностей присяжного заседателя. Это обстоятельство следует учитывать при формировании коллегии и персональной оценке целесообразности включения в нее каждой кандидатуры.

Вместе с тем, различного рода негативные обстоятельства, сопровождавшие период прохождения лицом военной службы (от отношения к представителям иных родов войск до негативного отношения к представителям военного ведомства, военной юстиции и военной службе в целом), а также негативная позиция, сложившаяся на основе рассказов родственников и знакомых, информации из СМИ, могут способствовать формированию у лица неких негативных предубеждений, предвзятого мнения и соответствующей необъективной позиции в отношении обстоятельств рассматриваемого уголовного дела. Выяснение указанных обстоятельств является основной задачей военного прокурора на данном этапе. При этом следует подчеркнуть, что такого рода предвзятое отношение к военной службе могут иметь и те, кто не проходил ее, и даже женщины в силу определенных обстоятельств жизни (когда негативный опыт во-

енной службы имели близкие родственники, знакомые и т.д.).

Таким образом, можно сделать вывод, что одной из основных задач военного прокурора на данном этапе выступает выявление среди кандидатов в присяжные заседатели тех, кто имеет заранее сформированную позицию, которая может оказать негативное воздействие на восприятие и оценку ими того или иного обстоятельства произошедшего, вследствие событий и обстоятельств, имевших место в их жизни.

С учетом изложенного и принимая во внимание специфику рассматриваемых военным судом уголовных дел может быть предложен следующий примерный перечень вопросов, подлежащих постановке перед кандидатами при формировании коллегии присяжных:

1. В каких родах войск Вы (Ваши родственники, знакомые) служили?

2. Если проходил службу в армии сам, то с какой военной специальностью (радист, минометчик, танкист и т.д.) была связана служба в армии? (При этом следует иметь в виду, что наличие специальных знаний может способствовать правильному пониманию ряда специфических вопросов, связанных с исследованием доказательств по делу).

3. Как Вы относитесь к военной службе в целом, деятельности Минобороны России, командования и т.д.? Как Вы оцениваете период пребывания на военной службе (в том числе, Ваших родственников, знакомых)? Имеется ли, по Вашему мнению, польза от прохождения службы?

4. Какие позитивные моменты своего прохождения военной службы Вы можете отметить?

5. Какие негативные воспоминания о военной службе у Вас имеются?

6. Считаете ли Вы, что армия держится на (в зависимости от обстоятельств рассматриваемого дела) «дедовщине», «муштре», беспрекословном подчинении и т.д.?

7. Имели ли место в период прохождения службы Вами (Вашими родственниками, знакомыми) серьезные конфликты с сослуживцами, командирами? Применялись ли несправедливые меры дисциплинарного воздействия?

С учетом специфики обстоятельств рассматриваемого уголовного дела могут быть запланированы и другие вопросы.

В любом случае государственному обвинителю необходимо прогнозировать, каким образом те или иные свойства и качества кандидата в присяжные заседатели могут повлиять на деятельность коллегии в целом. Представляется, что повышению обоснованности выдвигаемых суждений будет способствовать комплексный анализ личности каждого кандидата в присяжные заседатели с учетом результатов анализа информации о нем, изложенной в списках, ответов им на поставленные вопросы и поведения в целом.

Важным для военного прокурора представляется также умение прогнозировать включение в состав коллегии и присяжных того или иного кандидата с учетом вероятности избрания его старшиной присяжных. Так, наличие у кандидата опыта военной службы в качестве офицера (особенно на должностях высокого уровня) свидетельствует о наличии у него определенных лидерских способностей, умения организовать деятельность других, повести за собой в различных жизненных ситуациях. Важно, чтобы наличие такого опыта сыграло позитивную роль в деятельности коллегии присяжных, не привело бы к разногласиям и даже конфликтам внутри коллегии с учетом опыта (прежде всего, негативного) прохождения военной службы другими кандидатами, их родственниками или знакомыми.

Таким образом, представляется, что к числу основных задач государственного обвинителя в процессе формирования коллегии присяжных заседателей для рассмотрения уголовного дела военным судом следует относить учет особенностей его деятельности на данном этапе как общего для всех судов характера, так и тех особенностей, которые отличают именно рассмотрение дела военным судом с участием присяжных заседателей. При этом важным представляется выполнение возложенных на государственного обвинителя функций таким образом, чтобы максимально способствовать формированию коллегии присяжных, кото-

рая была бы способна вынести вердикт, объективно отражающий обстоятельства произошедшего, результаты рассмотрения конкретного уголовного дела военным судом.

Библиография

1. Ароцкер, Л. Е. Тактика и этика судебного допроса / Л. Е. Ароцкер. — М. : Юрид. лит., 1969. — 120 с.
2. Демченко, В. Суд присяжных: проблемы и возможности / В. Демченко // Законность. — 2010. — № 1.
3. Кириллова, Н. П. Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции : учебное пособие / Н. П. Кириллова. — СПб. : ИПК ПСР ГП РФ, 1996. — 56 с.
4. Криминалистика для государственных обвинителей : учебник / Г. Д. Белова [и др.] ; под ред. А. Ф. Козусева, В. Н. Исаенко, А. М. Кустова. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. — 479 с.
5. Ратинова, Н. А. Психологические особенности деятельности прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде с участием коллегии присяжных заседателей / Н. А. Ратинова // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2015. — № 5 (49)
6. Руководство для государственного обвинителя : учеб. пособие / Ассоц. Юрид. центр; ред. О. Н. Коршунова. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2011. — 688 с.
7. Руководство для государственного обвинителя : учеб. пособие / Ассоц. Юрид. центр; ред. О. Н. Коршунова. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2015. — 688 с.
8. Руководство для государственных обвинителей. Криминалистический аспект деятельности : учебное пособие. Ч. I—IV / В. С. Бурданова и др.; под общ. ред. О. Н. Коршуновой. — СПб. : СПб ЮИ ГП РФ, 1998—2003.
9. Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности : учебное пособие / ред. О. Н. Коршунова. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. — 686 с.
10. Теоретические основы использования психологических знаний в прокурорской деятельности : монография / под научн. ред. О. Д. Ситковской. — М. : Проспект, 2016. — 208 с.
11. Тисен, О. Н. Формирование коллегии присяжных заседателей: теоретические и практические проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Н. Тисен. — Оренбург, 2009. — 23 с.
12. Участие государственного обвинителя в формировании коллегии присяжных заседателей : пособие / Г. Л. Куликова. — М., 2010. — 53 с.

Some features of the activities of the public prosecutor in the formation of the jury in a military court

© **Korshunova O. N.**,

head of the Department of Public Prosecutions and the participation of the prosecutor in the consideration of criminal, civil and arbitration cases St. Petersburg Law Institute (branch) Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

© **Kulik N. V.**,

Associate Professor of the Department of Public Prosecutions and the participation of the prosecutor in the consideration of criminal, civil and arbitration cases. St. Petersburg Law Institute (branch), Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Candidate of jurisprudence, associate professor

Abstract. In the article the most significant aspects of the activity of the state prosecutor are considered, connected with the particular properties of his participation in the formation of the jury in the military court and conditioned by the particular properties of military justice. The article reveals methods of interviewing the jury candidates by the state prosecutor, designed to provide clarification of the circumstances that might impede the inclusion of a jury candidate, capable of making a legitimate and justified verdict in the case.

Keywords: public prosecutor, state prosecution, military court, jurymen, formation of the jury, military service, crimes related to military service.

Bibliographi

1. Arotsker, L. E. Tactics and ethics of judicial interrogation. — M. : Jurid. Lit., 1969. — 120 c.
2. Demchenko, V. The jury: problems and opportunities // Legality. — 2010. — № 1.
3. Kirillova, N. P. Procedural and criminalistic features of maintaining public prosecution in the court of first instance: textbook / N. P. Kirillova ; Institute for Advanced Training of Prosecutor-Investigations. Workers Gener. Prosecutor's Office Ros. Federation. — SPb. : IPK of the AKP of the RF GP, 1996. — 56 p.
4. Criminalistics for public prosecutors: a textbook / G. D. Belova [and others] ; ed. by: A. F. Kozusev, V. N. Isayenko, A. M. Kustov ; Acad. Gener. Prosecutor's Office Ros. Federation. — M. : Norm: INFRA-M, 2012.
5. Ratinova N. A. Psychological features of the activities of the prosecutor in the examination of criminal cases in court with the participation of the jury / Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. — 2015. — № 5 (49).
6. Guide for the public prosecutor: a textbook / Ass. Jurid. Centre ; ed. O. N. Korshunova. — 2nd ed., Rev. And additional. — St. Petersburg : Legal Center Press, 2011. — 688 p.
7. Guide for the public prosecutor: a textbook / Ass. Jurid. Centre; Ed. O. N. Korshunova. — 3rd ed., Rev. And additional. — St. Petersburg : Legal Center Press, 2015. — 688 p.
8. Guidance for public prosecutors. Criminalistic aspect of activity: textbook. Parts I—IV / V. S. Burdanova [and others]; by ed. O. N. Korshunova; SPb. : SPb YU GP RF, 1998—2003.
9. Guide for public prosecutors: forensic aspect of activity: textbook / ed. by O. N. Korshunova. — St. Petersburg : Legal Center Press, 2003. — 686 p.
10. Theoretical basis of the use of psychological knowledge in prosecutorial activities: Monograph / by ed. O. D. Sitkovskaya. — M. : Prospekt. 2016. — 208 p.;
11. Tisen, O. N Formation of the College of Jurors: Theoretical and Practical Problems : dis. ... cand. jurid. sciences. — Orenburg, 2009. — 23 p.
12. Participation of the public prosecutor in the formation of the jury: allowance / G. L. Kulikova ; Acad. Gene. Prosecutor's Office Ros. Federations. — M., 2010. — 53 c.

Некоторые вопросы разграничения подсудности между военными судами и иным федеральными судами общей юрисдикции

© Корякин В. М.,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета

Аннотация. В статье раскрывается содержание понятия «подсудность» применительно к деятельности военных судов Российской Федерации. Определены и проанализированы критерии разграничения полномочий между военными судами и иными судами, входящими в систему судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: подсудность, военный суд, суд общей юрисдикции, правосудие.

Рецензент — О. В. Дамаскин, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Согласно ст. 1 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» военные суды Российской Федерации являются федеральными судами общей юрисдикции, входят в судебную систему Российской Федерации, осуществляют судебную власть в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и иные полномочия в соответствии с федеральными конституционными законами и федеральными законами. Военные суды создаются по территориальному принципу по месту дислокации воинских частей и учреждений Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов. Военные суды располагаются в открытых для свободного доступа местах.

В соответствии со ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» военным судам подсудны:

1) гражданские и административные дела о защите нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, граждан, проходящих военные сборы, от действий (бездействия) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений;

2) дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, дела о преступлениях, совершенных гражданами (иностранными гражданами) в период прохождения ими военной службы, военных сборов, а также дела, отнесенные к компетенции военных судов Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации;

3) дела об административных правонарушениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы;

4) дела по заявлениям о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок по делам, подсудным военным судам.

Граждане, уволенные с военной службы, граждане, прошедшие военные сборы, вправе обжаловать в военный суд действия (бездействие) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятые ими решения, нарушившие права, свободы и охраняемые законом интересы указанных граждан в период прохождения ими военной службы, военных сборов.

Если дела о преступлениях, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом, подсудны военному суду в отношении хотя бы одного из соучастников, а выделение уголовного

дела в отношении остальных лиц невозможно, указанные дела в отношении всех лиц рассматриваются соответствующим военным судом.

Военные суды в случаях и порядке, которые установлены Федеральным законом 1 декабря 2006 г. № 199-ФЗ «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» рассматривают материалы о совершении военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, грубых дисциплинарных проступков, за совершение которых может быть назначен дисциплинарный арест.

Военным судам, дислоцирующимся за пределами территории Российской Федерации, подсудны все гражданские, административные и уголовные дела, подлежащие рассмотрению федеральными судами общей юрисдикции, если иное не установлено международным договором Российской Федерации.

Исходя из указанных законодательных положений, основными критериями разграничения подсудности дел между военными судами и иными судами общей юрисдикции являются:

а) субъектный состав лиц, обращающихся в суд за защитой и восстановлением нарушенных прав, и лиц (органов), чьи действия (бездействие) оспариваются;

б) предмет оспаривания, предмет судебного разбирательства.

Согласно Федеральному конституционному закону «О военных судах Российской Федерации» и разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенным в Постановлении от 29 мая 2014 г. № 8, в качестве заявителей (истцов), обращающихся в военный суд, могут выступать:

1) военнослужащие, которыми являются граждане Российской Федерации, не имеющие гражданства (подданства) иностранного государства, которые проходят военную службу в Вооруженных Силах, в войсках национальной гвардии, в инженерно-технических, дорожно-строительных воинских формированиях, в спасательных воинских формированиях МЧС России, в СВР

России, органах федеральной службы безопасности, органах государственной охраны, органах военной прокуратуры, военных следственных органах и федеральном органе обеспечения мобилизационной подготовки органов государственной власти Российской Федерации, воинских подразделениях федеральной противопожарной службы и создаваемых на военное время специальных формированиях, а также граждане, имеющие гражданство (подданство) иностранного государства, и иностранные граждане, которые проходят военную службу в Вооруженных Силах и воинских формированиях. При этом следует иметь в виду, что в силу п. 10 ст. 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» граждане приобретают статус военнослужащего с момента начала военной службы, который исчисляется:

— для граждан, не пребывающих в запасе, призванных на военную службу, — со дня присвоения воинского звания рядового;

— для граждан (иностранцев граждан), поступивших на военную службу по контракту, — со дня вступления в силу контракта о прохождении военной службы;

— для граждан, не проходивших военную службу или прошедших военную службу ранее и поступивших в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования, — с даты зачисления в указанные образовательные организации.

Окончанием военной службы для всех категорий военнослужащих считается дата исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части;

2) граждане, проходящие или прошедшие военные сборы (согласно п. 3 Положения о проведении военных сборов, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2006 г. № 333, под военными сборами понимается комплекс мероприятий по подготовке граждан к военной службе, проводимых в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах);

3) граждане, пребывающие или пребывавшие в мобилизационном людском резерве (согласно ст. 57.1 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» к ним относятся граждане, пребывающие в запасе Вооруженных Сил, запасе СВР России, запасе ФСБ России, поступившие на добровольной основе в мобилизационные людские резервы Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов путем заключения контракта о пребывании в резерве);

4) лица, уволенные с военной службы;

5) органы военного управления, к которым относятся Минобороны России, иные федеральные органы исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба, центральные органы военного управления (командования, штабы, управления, департаменты, службы, отделы, отряды, центры), территориальные органы военного управления (военные комиссариаты, региональные центры, комендатуры территорий), управления и штабы объединений, соединений, воинских частей Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов;

6) воинские должностные лица, под которыми понимаются должностные лица органов военного управления, командиры (начальники) воинских частей, начальники органов военной полиции, начальники гарнизонов, иные лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выступающие от имени Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции, в том числе руководители управлений, департаментов, учреждений и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 указано, что дела по заявлениям лиц, уволенных с военной службы, прошедших военные сборы, пребывавших в мобилиза-

ционном людском резерве, подсудны военным судам только в том случае, если они оспаривают действия (бездействие) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятые ими решения, нарушившие их права, свободы и охраняемые законом интересы в период прохождения военной службы, военных сборов, пребывания в мобилизационном людском резерве (например, дела по заявлениям лиц, уволенных с военной службы, о восстановлении на военной службе, о снятии с учета в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы, о взыскании не выданного денежного довольствия и иных видов обеспечения и т.п.).

Органы военного управления и воинские должностные лица выступают в качестве заявителей и административных истцов по делам, рассматриваемым военными судами, в следующих случаях:

а) при взыскании с военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы, а также с лиц, уволенных с военной службы (прошедших военные сборы) сумм материального ущерба, причиненного имуществу воинской части, в случаях и в порядке, предусмотренных Федеральным законом от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих»;

б) при привлечении военнослужащих к дисциплинарной ответственности в виде дисциплинарного ареста в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста»;

в) при привлечении военнослужащих и граждан, призванных на военные сборы, к ответственности за административные правонарушения, указанные в ч. 1 и 2 ст. 23.1 КоАП РФ.

В качестве заинтересованных лиц (ответчиков) по гражданским и административным делам, рассматриваемым военными судами, выступают органы военного управления и воинские должностные лица, а также военнослужащие, граждане, проходящие

или прошедшие военные сборы, граждане, пребывающие или пребывавшие в мобилизационном людском резерве, и лица, уволенные с военной службы (например, по основаниям, установленным Федеральным законом «О материальной ответственности военнослужащих»).

Кроме того, в качестве заинтересованных лиц (ответчиков) в военных судах могут выступать должностные лица государственных органов, вынесшие постановление по делу об административном правонарушении, совершенном военнослужащим, в случае подачи таким военнослужащим или его представителем заявления об оспаривании данного постановления. В таких случаях подсудность рассмотрения жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях должна определяться местом совершения правонарушения, а не местом нахождения соответствующего органа, от имени которого должностным лицом составлен протокол или вынесено постановление по делу об административном правонарушении в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ (назначение административного наказания без составления протокола) и ст. 29.10 КоАП РФ (вынесением постановления по делу об административном правонарушении).

Таким образом, основным критерием для определения подсудности дел военным судам закон предусматривает субъектный признак: по гражданским и административным делам — правовое положение сторон (военнослужащий и орган военного управления, воинское должностное лицо Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов), а по делам об административных правонарушениях — наличие статуса военнослужащего у лица, совершившего административное правонарушение. Именно по данному признаку разграничивается, главным образом, подсудность дел военным судам и другим судам общей юрисдикции.

Исходя из данного признака, военным судам на территории Российской Федерации не подсудны гражданские и административные дела по искам на действия (бездействие) иных (не являющихся органами воен-

ного управления) государственных или муниципальных органов, юридических или физических лиц, а также дела по искам и жалобам граждан, не имеющих статуса военнослужащих, за исключением граждан, уволенных с военной службы (прошедших военные сборы), если они обжалуют или оспаривают действия (бездействие) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятые ими решения, нарушившие их права, свободы и охраняемые законом интересы в период прохождения ими военной службы, военных сборов, пребывания в мобилизационном людском резерве.

Не менее важным является и т.н. предметный признак, т.е. содержание и предмет возникшего спора.

Как указано выше, в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» военным судам подсудны гражданские и административные дела *о защите нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, граждан, проходящих военные сборы, от действий (бездействия) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений*. Согласно п. 1 ст. 4 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (КоАС РФ) каждому заинтересованному лицу, включая военнослужащего, гарантируется право на обращение в суд за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов, в том числе в случае, если, по мнению этого лица, созданы препятствия к осуществлению его прав, свобод и реализации законных интересов либо на него незаконно возложена какая-либо обязанность.

Военным судам также подсудны *дела об административных правонарушениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы* (подп. 3 п. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации»).

Порядок рассмотрения таких дел определяется КоАП РФ.

В соответствии со ст. 23.1 КоАП РФ дела об административных правонарушениях, указанных в ч. 1 и 2 этой статьи и совершенных военнослужащими и гражданами, призванными на военные сборы, рассматриваются судьями гарнизонных военных судов.

Военнослужащие, граждане, проходящие военные сборы, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, вправе знакомиться со всеми материалами дела, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, пользоваться юридической помощью защитника, а также иными процессуальными правами в соответствии с КоАП РФ. Дело об административном правонарушении рассматривается с участием лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. В отсутствие указанного лица дело может быть рассмотрено лишь в случаях, если имеются данные о надлежащем извещении лица о месте и времени рассмотрения дела и если от лица не поступило ходатайство об отложении рассмотрения дела либо если такое ходатайство оставлено без удовлетворения. При этом военный судья, рассматривающий дело об административном правонарушении, вправе признать обязательным присутствие при рассмотрении дела лица, в отношении которого ведется производство по делу.

Потерпевшим является физическое лицо или юридическое лицо, которым административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред. Потерпевший вправе знакомиться со всеми материалами дела об административном правонарушении, давать объяснения, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, пользоваться юридической помощью представителя, обжаловать постановление по данному делу, пользоваться иными процессуальными правами в соответствии с КоАП РФ.

Дело об административном правонарушении рассматривается с участием потерпевшего. В его отсутствие дело может быть

рассмотрено лишь в случаях, если имеются данные о надлежащем извещении потерпевшего о месте и времени рассмотрения дела и если от потерпевшего не поступило ходатайство об отложении рассмотрения дела либо если такое ходатайство оставлено без удовлетворения.

Вступившие в законную силу постановления судьи гарнизонного военного суда по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов пересматриваются в порядке надзора окружными (флотскими) военными судами и Коллегией по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации в соответствии с законодательством о военных судах. При этом следует исходить из того, что Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» устанавливает предметную и инстанционную подсудность дел об административных правонарушениях, а порядок их рассмотрения, в том числе и в порядке надзора, определяется КоАП РФ.

К компетенции военных судов отнесено также *рассмотрение дел по заявлениям о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок* по делам, подсудным военным судам.

4 мая 2010 г. вступили в силу Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» и Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок"».

В соответствии со ст. 250 КоАС РФ лицо, полагающее, что государственным органом, органом местного самоуправления, иным органом, организацией, должностным лицом нарушено его право на судопроизводство в разумный срок или право на исполнение судебного акта в разумный срок,

может обратиться в суд с административным иском о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Указанное административное исковое заявление подается в суд, уполномоченный рассматривать такое заявление, через суд, принявший в первой инстанции решение (определение, постановление) либо через суд, рассматривающий дело в первой инстанции (ч. 1 ст. 251 КоАС РФ).

Федеральным конституционным законом «О военных судах Российской Федерации» (подп. 2 п. 2 ст. 9; п. 1 ст. 14) установлена следующая подсудность рассматриваемой категории дел:

а) окружной (флотский) военный суд рассматривает дела по административным исковым заявлениям о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок по делам, подсудным гарнизонным военным судам;

б) судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации рассматривает дела по заявлениям о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок по делам, подсудным окружным (флотским) военным судам.

С января 2007 г. военным судам подсудны *дела о грубых дисциплинарных проступках*, совершаемых военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы. Указанные дела рассматриваются военными судами в соответствии с Федеральным законом «О статусе военнослужащих» и Федеральным законом «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных про-

ступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста». Необходимость этого была вызвана тем, что в соответствии с Федеральным законом «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» дисциплинарный арест военнослужащих с содержанием на гауптвахте должен применяться исключительно в судебном порядке.

В этих целях связи с вышесказанным в ДУ ВС РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми были отменены нормы, предусматривающие возможность дисциплинарного ареста военнослужащих во внесудебном порядке, что позволило устранить несоответствие внутреннего российского законодательства положениям указанной выше Конвенции. С принятием Федерального закона от 4 декабря 2006 г. № 203-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты по вопросам ответственности военнослужащих» и Федерального закона «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста» в российском законодательстве был урегулирован вопрос о применении дисциплинарного ареста к военнослужащим в судебном порядке.

В заключение отметим, что вопросы подсудности имеют не только сугубо теоретический интерес, но и важное практическое значение. От правильности определения подсудности конкретного дела во многом зависит своевременность и полнота реализации конституционного права военнослужащих на судебную защиту своих прав и законных интересов.

Some problems of differentiation of jurisdiction between military courts and other Federal courts of General jurisdiction

© Koryakin V. M.,

doctor of legal Sciences, associate Professor, Professor
of military administration, administrative and financial
law Military University

Abstract. The article reveals the concept of "jurisdiction" in relation to the activities of the military courts of the Russian Federation. Identified and analyzed the criteria for the delimitation of powers between the military courts and other courts within the system of courts of General jurisdiction.

Keywords: jurisdiction, military court, court of General jurisdiction, justice.

Понятие, сущность и значение дифференциации досудебного производства в расследовании преступлений, подследственных дознавателю пограничного органа

© Папков С. В.,

военнослужащий войсковой части 2390

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и практические вопросы дифференциации процессуальной формы в отечественном уголовном процессе.

Ключевые слова: дознаватель пограничного органа, дознание в сокращенной форме, дифференциации процессуальной формы.

Рецензент — В. М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

Большой толковый словарь русского языка трактует термин «понятие» как представление о чем либо, осведомленность в чем-либо, знание, понимание чего-либо¹, а под дифференциацией — процесс, связанный с разделением, расчленением развивающегося целого на части, ступени, уровни². В настоящей статье речь пойдет о понимании процедуры разделения уголовного процесса на две составляющие, одна из которых — дифференцированная.

Несмотря на то, что понятие «дифференциация» уже длительное время используется в юриспруденции российского государства, большой юридический энциклопедический словарь не содержит понятий «дифференциация уголовного процесса» и «уголовно-процессуальная форма». Рассматривая данное явление, важно выяснить, о дифференциации чего ведется речь в рамках уголовного процесса? Безусловно, о дифференциации уголовно-процессуальной формы.

По мнению К. Б. Калиновского, дифференциация уголовно-процессуальной формы — это такое устройство судопроизводства, при котором наряду с его обычным порядком имеют место процессуальные формы, предусматривающие как упрощение процедуры по несложным делам о преступлениях небольшой общественной опасности, так и усложнение ее по делам о наиболее опасных преступлениях либо делам, требующим

особой процессуальной защищенности законных интересов обвиняемого или иных участников судопроизводства³. Чтобы провести дифференциацию процессуальной формы, нужно определить основания дифференциации. В связи с тем, что данные понятия в научной литературе недостаточно полно исследованы, классификация рядом ученых проведена по значительному количеству признаков, что размывает границы исследования, на что обращает внимание В. В. Шпак⁴.

Нельзя забывать, что уголовный процесс без норм материального права был бы просто фикцией. В связи с этим следует согласиться со справедливым утверждением В. Г. Даева о том, что обоснованный поиск критериев дифференциации уголовно-процессуальной формы следует осуществлять на уровне связи с другими правовыми образованиями уголовно-правового характера⁵.

Из вышеизложенного следует, что в основание дифференциации необходимо включать, как процессуальные, так и материальные признаки.

Необходимо отметить, что далеко не всякая особенность в расследовании уго-

¹ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. С. 919.

² Там же. С. 262.

³ Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. СПб. : Питер, 2005. С. 272.

⁴ Шпак В. В. Проблемы и критерии дифференциации уголовно-процессуальной формы // Право и демократия : сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Бибило. Минск : БГУ, 2002. Вып. 13. С. 249—250.

⁵ Алексеев Н. С., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С. 27.

ловных дел свидетельствует о дифференциации, а только существенно влияющая на эффективность уголовного процесса. По мнению ряда исследователей, провести дифференциацию можно по ряду таких признаков, как: степень общественной опасности преступления, последствия, характер ответственности, учет личности правонарушителя, сложность установления истины по делу¹.

Так, Ю. К. Якимович выделяет следующие критерии дифференциации: уголовно-правовой (степень общественной опасности преступления), уголовно-процессуальный (степень сложности установления фактических обстоятельств дела, наличие определенных свойств и интересов у участников уголовного судопроизводства)². М. Л. Якуб рассматривает расследование преступлений как систему существенных свойств: уголовно-правовых (степень общественной опасности преступления и тяжесть меры наказания), уголовно-процессуальных (фактическая и правовая сложность дела), общественно политическое значение, воспитательное и общепредупредительное воздействие процесса, воздействие преступления на интересы лиц, ведомств, организаций, предприятий³. М. Т. Аширбекова, выделила следующие критерии: уголовно-правовой (предмет такого производства — преступление той или иной категории; особенности субъекта преступления, обвиняемого (подозреваемого); процессуально-криминалистический (сложность уголовного дела)⁴.

¹ Рахунов Р. Д. Дифференциация уголовно-процессуальной формы по делам о малозначительных преступлениях // Советское государство и право. 1975. № 12. С. 65; Дьяченко В. И. О дальнейшей дифференциации формы досудебного производства // Формы досудебного производства и их совершенствование. Воронеж, 1989. С.17.

² Якимович Ю. К. Структура уголовного судопроизводства // Научные и практические проблемы уголовного судопроизводства в свете судебно-правовой реформы : Материалы научно-практических конференций. Ижевск, 1989. С. 29.

³ Якуб М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., 1981. С. 103.

⁴ Аширбекова М. Т. О критериях дифференциации форм дознания // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и пробле-

Вышеизложенное позволяет дифференцировать уголовно-процессуальную форму на три вида производств: производство со сложными процессуальными формами, обычное производство, ускоренное производство.

Исследованию будут подвергнуты критерии дифференциации дознания в сокращенной форме.

Ю. К. Якимович считает, что необходимость выбора производства (упрощенного, обычного или с более сложными процессуальными формами) возникает еще до появления обвиняемого и потерпевшего, когда имеются первичные сведения о совершении преступления⁵.

К предмету дознания в сокращенной форме относятся составы преступлений небольшой и средней тяжести. То есть, в основу дифференциации по предмету преступления положен уголовно-правовой критерий — степень общественной опасности преступления.

К уголовно-правовому критерию также относятся признаки субъекта преступления. Субъектом преступления может быть только совершеннолетнее лицо (п. 1 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ).

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, в отношении подозреваемого не должно быть сомнений в его виновности. Подозреваемый не должен относиться к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок уголовного судопроизводства, установленный гл. 52 УПК РФ. Субъект преступления должен владеть языком, на котором ведется уголовное судопроизводство (п. 5 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ).

Безусловным основанием дифференциации является сознательное и добровольное волеизъявление субъекта преступления на производство по уголовному делу в сокращенном порядке. Действовать сознательно — значит обдуманно, убежденно⁶. В уголовном судопроизводстве сознательные действия возможны при полном понимании

мы правоприменения : сб. статей. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013.

⁵ Якимович Ю. К. Указ. соч. С. 29.

⁶ Большой толковый словарь русского языка. С. 1230.

содержания уголовного процесса, что достигается участием защитника, обладающего специальными познаниями. Только после оказания подозреваемому квалифицированной юридической помощи можно говорить о формировании у него понимания перспектив расследования его уголовного дела. На наш взгляд, сознательное и добровольное волеизъявление субъекта есть не, что иное, как практическая реализация им своих прав и законных интересов в рамках дифференцированной формы расследования уголовного дела. Как следствие, добровольно заявленное им письменное ходатайство с участием защитника о расследовании уголовного дела в сокращенном порядке не вызывает сомнения в его легитимности.

Данный критерий находится в тесной взаимосвязи с обязательным условием расследования уголовного дела в сокращенном порядке — это признание подозреваемым своей вины, характера и размера причиненного преступлением вреда, неоспаривание квалификации деяния.

Относительно данного условия в научном сообществе развернулась острая дискуссия. Так, по мнению И. Л. Петрухина и П. Михайлова сделки о признании вины, чужды российскому менталитету. В российском уголовном правосудии сделка — явление аморальное, порочное, бесчестное, это торг, компрометирующий власть, свидетельствующий о ее бессилии, неспособности раскрывать преступления¹.

Схожего мнения придерживается Г. А. Печников, который указывает, что органы дознания занижают свои цели, опускаются до уровня «сделки» с подозреваемым, обвиняемым в прагматических интересах выгоды «ускорения», «удешевления» процесса предварительного расследования и судебного разбирательства².

Однако нельзя забывать, что сокращенная форма дознания возможна по очевидным преступлениям, когда дознаватель на стадии проверки сообщения о преступлении располагает необходимыми и достаточными доказательствами для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления.

Из этого можно сделать вывод, что дознаватель не «опускается» до уровня «сделки» с подозреваемым, а на паритетных условиях предлагает стороне защиты оптимизировать уголовный процесс в рамках действующей процессуальной формы.

Как справедливо отмечает С. И. Гирько, «... наличие в российском законодательстве ускоренной и упрощенной процессуальной формы ... совершенно обосновано различными соображениями и, прежде всего, требованиями процессуальной экономии»³.

Данной точки зрения придерживается С. С. Циганенко, который считает, что процессуальная экономия — это, прежде всего, основанная на оперативности организация процессуальной деятельности органов уголовного судопроизводства⁴.

К процессуально-криминалистическому критерию дифференциации уголовного судопроизводства относится позитивное посткриминальное поведение подозреваемого. Активное сотрудничество с дознанием на всех стадиях уголовного процесса значительно сужает временные рамки расследования уголовного дела. В связи с этим можно сказать, что данный критерий тесно взаимосвязан с понятием сложности уголовного дела (сложный — представляющий затруднения для понимания, решения, осуществления⁵).

¹ Петрухин И. Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 35; Михайлов П. Сделки о признании вины — не в интересах потерпевших // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 37—38.

² Печников Г. А. Сокращенная форма дознания и объективная истина в уголовном процессе // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной

регламентации и проблемы правоприменения : сб. статей. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. С. 8.

³ Гирько С. И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения // Российский следователь. 2013. № 21. С. 2.

⁴ Циганенко С. С. Общий и дифференцированные порядки уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2004. С. 16—17.

⁵ Большой толковый словарь русского языка. С. 1212.

В соответствии с ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ в понятие сложности включены правовая и фактическая сложность уголовного дела, а также поведение участников уголовного процесса.

Правовая сложность, по мнению А. П. Рыжакова, обусловлена, совокупностью обстоятельств, характеризующих обязательные признаки состава расследуемого преступления, правилами расследования преступлений совершенных лицами, обладающими уголовно-процессуальной неприкосновенностью, несовершеннолетними, душевнобольными и с криминалистическим обеспечением предварительного расследования, обязательностью производства значительного числа следственных (процессуальных) действий, обычно судебных экспертиз¹.

На основании изложенного можно сделать вывод, что преступления небольшой и средней тяжести, не обремененные участием лица, обладающего уголовно-процессуальной неприкосновенностью, а также, расследование которых не требует обязательного производства значительного числа следственных (процессуальных) действий, относятся к категории не представляющих правовой сложности.

Фактическая сложность уголовного дела, на наш взгляд, включает сложность в доказывании (фактический — отражающий действительное состояние чего-нибудь, соответствующий фактам²).

К сложным можно отнести уголовные дела, возбужденные: по факту; в отношении группы подозреваемых; при наличии нескольких потерпевших; по преступлениям, подследственным разным правоохранительным органам; по нескольким эпизодам и т.д.

На основании изложенного можно сделать умозаключение, что уголовное дело, возбужденное в отношении конкретного лица, совершившего преступление, подследственное одному правоохранительному

органу, в условиях очевидности, при наличии свидетелей и потерпевших, признающего свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, активно сотрудничающего с дознанием, относится к категории не представляющих фактической сложности.

Вышеперечисленные критерии позволяют произвести дифференциацию процессуальной формы. Однако, что составляет сущность (самое главное и существенное³) того, что позволяет дифференцировать дознание на общее и в сокращенной форме? Это пределы и процесс доказывания.

А. С. Александров и М. В. Лопатников отмечают, что введение новой системы средств доказывания в виде «специального» (сокращенного) предмета доказывания при ведении дела в сокращенной форме представляется оправданным⁴.

Диаметрально противоположного мнения придерживается П. А. Домкин, который полагает, что производство в форме сокращенного дознания с учетом признания вины подозреваемого в совершении преступления, согласия с размером причиненного ущерба и без оспаривания правовой позиции органов власти, фактически освобождает правоохранительные органы от обязанности доказывать виновность подозреваемого в совершении преступления⁵.

Понимая «революционность» института доказывания в сокращенной форме дознания, законодатель ввел в гл. 32.1 УПК РФ отдельную статью, регламентирующую данный процесс (ст. 226.5), которая регламентирует права дознавателя по сбору доказательств и особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме.

В первую очередь речь идет о пределах доказывания, именно этот институт подвержен наибольшей критике.

³ Там же. С. 1294.

⁴ Александров А. С., Лопатников М. В. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 12 — 19.

⁵ Домкин П. А. Дознание в сокращенной форме // URL: <http://www.advodom.ru/blog/sokrashhennyiy-poryadok-doznaniya>.

¹ Рыжаков А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. / Специально для системы ГАРАНТ. 2014.

² Большой толковый словарь русского языка. С. 1414.

Под пределами доказывания понимаются установленные законом границы, в которых осуществляется собирание, проверка и оценка доказательств на различных стадиях процесса, а также глубина исследования обстоятельств дела и их объем для обеспечения полного, всестороннего и объективного установления истины по каждому конкретному уголовному делу¹.

По мнению О. В. Качаловой, которое совпадает с мнением ряда других ученых, законодатель, определяя круг вопросов, подлежащих доказыванию в ходе сокращенного дознания, оставил за рамками доказывания такие важнейшие обстоятельства, входящие в предмет доказывания по уголовным делам в соответствии со ст. 73 УПК РФ, как: характеризующие личность обвиняемого, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие наказание, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания, способствовавшие совершению преступления².

На первый взгляд все обстоит именно так, если рассматривать ст. 73 УПК РФ вне всего института доказывания в комплексе, а также замысла законодателя, заложенного в процессуальную форму сокращенного дознания. В основе сокращенной формы лежит состязательный уголовный процесс, который подразумевает равенство сторон, в том числе и по сбору доказательств. Уже на стадии проверки сообщения о преступлении законодатель предоставил возможность лицам, участвующим в производстве процессуальных действий, пользоваться услугами защитника. Это подразумевает изучение стороной защиты обстоятельств, которые подвергаются проверке на предмет наличия или отсутствия состава преступления наравне со стороной обвинения. Как следствие, уже на этой стадии защитником устанавливаются обстоятельства исключающие преступность и наказуемость деяния, а также обстоятельства, которые могут повлечь

за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания и предъявляются стороне обвинения. В случае возбуждения уголовного дела и удовлетворения дознавателем заявленного ходатайства о сокращенной форме дознания защитник приступает к сбору доказательств, характеризующих личность и смягчающих наказание (ч. 3 ст. 86 УПК РФ). В настоящее время это практикуется в подразделениях дознания пограничных органов ФСБ России при расследовании уголовных дел в сфере охраны Государственной границы Российской Федерации. В перспективе после проверки и оценки все добытые доказательства приобщаются к уголовному делу. Это замысел законодателя, который нашел свое отражение в ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ. При составлении обвинительного постановления дознаватель пограничного органа обязан указать доказательства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, в том числе представленные стороной защиты.

Еще большую полемику вызвали положения ч. 2 ст. 226.5 УПК РФ. Так, по мнению О. В. Качаловой буквальное толкование данной нормы означает, что дознаватель в данном случае вообще освобождается от обязанности доказывания в том случае, если угроза невосполнимой утраты следов преступления или иных доказательств отсутствует³.

Во-первых, данная норма действует в комплексе с ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ, которая определяет объем доказывания предусмотренный сокращенной формой. То есть при любых обстоятельствах дознаватель будет осуществлять сбор доказательств, указанных в ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ.

Во-вторых, под угрозой невосполнимой утраты законодатель подразумевает возможную утрату доказательств в случае не проведения неотложных следственных действий. В связи с тем, что перечень данных действий в УПК РФ не ограничен, дознаватель сам определяет, какие из установленных законом следственных действий он считает неотложными и их проводит.

¹ Качалов В. А., Качалова О. В. Уголовно-процессуальное право. М., 2007.

² Качалова О. В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. 2013. № 6.

³ Там же.

Мы присоединяемся к мнению С. И. Гирько о том, что, определяя границы тех следственных и процессуальных действий, производство которых допустимо в условиях любой из процессуальных форм расследования, необходимо руководствоваться критериями неотложности, содержащимися в п. 19 ст. 5 УПК РФ¹.

Отдельного внимания заслуживает процесс доказывания в сокращенной форме дознания (п. 1 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). По мнению О. В. Качаловой, поскольку в основе производства по уголовным делам лежит процесс доказывания, то изымая из этого процесса важнейшие элементы в виде проверки доказательств, нельзя обеспечить принятие по делу справедливого и объективного решения, поскольку такое решение не может быть основано на «ущербном» процессе доказывания².

В соответствии со ст. 87 УПК РФ проверка доказательств, производится дознавателем пограничного органа путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле. В силу стадийности построения уголовного процесса, хочет он того или нет, дознаватель вынужден осуществлять сопоставление доказательств, полученных на стадии проверки сообщения о преступлении (возбуждения уголовного дела), с доказательствами, полученными на стадии предварительного расследования. Наглядным тому примером является сопоставление доказательств, содержащихся в протоколе осмотра места происшествия (участка Государственной границы Российской Федерации), с объяснениями участвующих лиц (составом пограничного наряда), объяснения лица, совершившего правонарушение (нарушитель Государственной границы Российской Федерации), с показаниями уже подозреваемого и т.д. В условиях очевидности преступления (задержание с поличным пограничным нарядом) и признания вины со стороны подозре-

ваемого его показания в полном объеме согласуются с показаниями свидетелей.

В связи с этим следует согласиться с мнением В. В. Дорошкова в том, что «в отношении несложных, очевидных преступлений сложная процедура не только не обеспечивает гарантий защищенности прав участников процесса, но и выглядит как чисто внешняя, бессодержательная и ритуальная»³.

Особенностью доказывания в сокращенной форме является использование доказательств, добытых на стадии проверки сообщения о преступлении, что вызывает неоднозначную реакцию со стороны ряда ученых. Так, по мнению Е. А. Доля, приращение доказательственного значения сведениям, содержащимся в материалах проверки сообщения о преступлении (полученным способами, не предназначенными для собирания доказательств), может привести к ошибочным решениям, основанным на непроверенных доказательствах⁴.

Аргументируя свою позицию, допустимости доказательств, полученных в стадии проверки сообщения о преступлении, ряд ученых приводят доводы, что познание, осуществляемое в уголовном судопроизводстве (уголовно-процессуальное доказывание), регламентируется правовыми нормами, осуществляется в рамках строго установленной законом процессуальной формы, определяющей цель, предмет, источники, способы и порядок осуществления этой деятельности. Если действия компетентных органов на данном этапе предусмотрены уголовно-процессуальным законом, они не могут носить административный характер, а являются уголовно-правовыми⁵.

³ Дорошков В. В. Дифференциация форм уголовного судопроизводства // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях. Проблемы теории и практики. М., 2010. С. 30—31.

⁴ Доля Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6. С. 43—46.

⁵ Кузнецов Н. П. Концепция судебной реформы и некоторые проблемы доказывания в уголовном процессе // Юрид. записки. Воронеж, 1994. Вып. 1: Проблемы судебной реформы. С. 50—52; Яшин В. Н. Возбуждение уголовного дела: теория, практика, перспективы : учеб. пособие. М., 2002; Березина Л.

¹ Гирько С. И. Сбываются ли прогнозы и опасения о перспективах дознания в сокращенной форме? // Российский следователь. 2014. № 5. С. 22—27.

² Качалова О. В. Указ. соч.

Таким образом, законно полученные доказательства в рамках процессуальной формы на стадии возбуждения уголовного дела имеют юридическую силу без каких-либо ограничений и изъятий.

Особенностью дознания в сокращенной форме является срок его проведения (ч. 1, 2 ст. 226.6 УПК РФ), который составляет 15 суток. Среди ученых и практических работников, мнения относительно установленных законодателем сроков сокращенного дознания разделились.

А. В. Руновский считает, что срок производства дознания в сокращенной форме (15 суток) является разумным, оправдывающим цели введения данного института в уголовное судопроизводство¹. А. П. Кругликов полагает, что с учетом установленных сроков сокращенное дознание отрицательно отразится на решении задач уголовного судопроизводства, в том числе на задаче охраны прав и свобод человека и гражданина². Л. А. Василенко оптимальным сроком сокращенного дознания считает срок до 10 суток, который должен исчисляться с момента возбуждения уголовного дела, поскольку в противном случае теряется его смысл³.

В сроки сокращенного дознания не включено время с момента возбуждения уголовного дела до первого допроса (1 сутки), время на заявление ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме (2 суток), время рассмотрения дознавателем поступившего ходатайства (1 сутки). К этим срокам может быть добавлено 3 суток для

рассмотрения уголовного дела прокурором и 2 суток, в течение которых дознаватель должен составить новое обвинительное постановление, если дело возвращено прокурором. Учитывая, что срок дознания может быть продлен прокурором до 20 суток, то общий срок приближается к сроку дознания в общем порядке. Именно на такие сроки ориентирует А. П. Кругликов, аргументируя свою точку зрения на сокращенную форму дознания⁴.

Как показывает практика расследования уголовных дел дознавателями пограничных органов, практически по всем уголовным делам срок возбуждения уголовного дела совпадает с первым допросом. Проведя проверку сообщения о преступлении, дознаватель сформировал убеждение о том, что в действиях лица содержатся признаки преступления и нецелесообразно откладывать время допроса на сутки. Участие в сборе доказательств стороной защиты на стадии проверки сообщения об очевидном преступлении дает практически исчерпывающую картину перспектив расследования уголовного дела и адвокату, и дознавателю. Это позволяет уже на стадии возбуждения уголовного дела сформировать позицию защиты и установить обстоятельства, исключаящие производство по делу. Для чего же тогда 2 суток стороне защиты для заявления ходатайства? Это срок для того, чтобы заявить ходатайство обдуманно, с учетом всех обстоятельств уголовного дела. Не это ли соблюдение прав подозреваемого, об отсутствии которых ведет речь А. П. Кругликов? Хочу обратить внимание, что этот срок диспозитивен. Как правило, ходатайство о сокращенной форме, с учетом сформировавшейся позиции, заявляется сразу после разъяснения дознавателем пограничного органа этого права подозреваемому. Удовлетворение дознавателем поступившего ходатайства находится в прямой зависимости от обстоятельств, указанных в ст. 226.2 УПК РФ. При отсутствии указанных обстоятельств сутки не нужны.

Поступившее к прокурору уголовное дело, при отсутствии оснований возврата

В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

¹ Руновский А. В. К вопросу создания сокращенного дознания // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2011. № 6. С. 268.

² Кругликов А. П. Дознание в сокращенной форме: почему органам дознания и суду можно не исследовать должным образом доказательства при расследовании и рассмотрении уголовного дела? // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сб. статей. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. С. 64.

³ Василенко Л. А. Дознание в сокращенной форме и его эффективность в досудебном производстве // Общество и право. № 2 (44). 2013. С. 146.

⁴ Кругликов А. П. Указ. соч. С. 64.

дознавателю (ст. 226.8 УПК РФ), в этот же день направляется в суд.

На положительную правоприменительную практику по данному вопросу указывают статистические данные¹.

На основании изложенного и с учетом практики расследования уголовных дел можно сделать вывод о том, что сроки, установленные законодателем для сокращенной формы дознания, вполне реальны. Говорить об увеличении сроков расследования, выходящих за пределы, установленные законодателем, можно применительно к конкретному уголовному делу и с учетом имеющихся обстоятельств. Об этом говорит и статистика².

В заключение, рассуждая о значении сокращенной формы дознания, хочу присоединиться к утверждению Л. В. Головки о том, что «...хотим мы того или нет, но ускорение процесса есть объективная тенденция новейшего развития уголовно-процессуального права во всем мире ... и вряд ли она по каким-либо причинам в России свою объективность теряет»³.

Проведенное анкетирование дознавателей различных регионов России показало, что 83% респондентов положительно оценивают саму идею разделения дознания на два вида: сокращенной и в полном объеме⁴.

Такая позиция практических работников обоснована тем, что предпринятая законодателем при принятии УПК РФ попытка дифференциации предварительного расследования обернулась полным провалом: дознание из сокращенной формы расследования постепенно «выродилось» в квазипредварительное следствие⁵.

¹ Степанова В. Г. Отдельные вопросы производства дознания в сокращенной форме // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : Материалы XIX Международной научно-практической конференции. Иркутск : ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2014. С. 272.

² Там же. С. 267.

³ Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. С. 236.

⁴ Василенко Л. А. Указ. соч. С. 143.

⁵ Дикарев И. С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Дознание в сокращенной форме: вопросы законода-

Процессуальная нагрузка на дознавателя пограничного органа существенно возросла. В настоящее время процессуальная форма дознания по объему практически выровнялась со следствием (уголовные дела, возбуждаемые по факту, расследование уголовного дела группой дознавателей, назначение большого количества экспертиз, направление запросов о правовой помощи на территорию других государств и т.д.).

В чем же его интерес дознавателя в сокращенной форме дознания? А в том чтобы, расследуя значительное количество очевидных преступлений в данной форме, за счет процессуальной и финансовой экономии, сосредоточиться на расследовании более сложных преступлений.

Интерес лица, привлекаемого к уголовной ответственности, очевиден — это снижение уровня уголовной репрессии, выражающейся в минимально возможном наказании, а также в исключении привлечения к уголовной ответственности невиновного лица.

Подводя итоги анализу понятия, сущности и значения дифференциации досудебного производства в расследовании преступлений, подследственных дознавателю пограничного органа можно сформулировать следующее авторское определение дознания в сокращенной форме: это установленная законодателем форма предварительного расследования уголовных дел, не представляющих правовой и фактической сложности, осуществляемая по волеизъявлению подозреваемого и с согласия потерпевшего, при отсутствии условий исключающих такое производство, указанных в уголовно-процессуальном кодексе, осуществляемая в установленные сокращенные сроки, с усе-
ченным объемом доказывания по делам подследственным дознавателю.

Библиография

1. Александров, А. С. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения / А. С. Александров, М. В. Лопатников // Уголовный процесс. — 2013. — № 4.

тельной регламентации и проблемы правоприменения : сб. статей. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013. С. 24.

2. Алексеев, Н. С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н. С. Алексеев, В. Г. Даев, Л. Д. Кокорев. — Воронеж, 1980.
3. Аширбекова, М. Т. О критериях дифференциации форм дознания / М. Т. Аширбекова // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сборник статей. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013.
4. Березина, Л. В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Л. В. Березина. — Саратов, 2003.
5. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2000.
6. Василенко Л. А. Дознание в сокращенной форме и его эффективность в досудебном производстве / Л. А. Василенко // Общество и право. — № 2 (44). — 2013.
7. Гирько, С. И. Производство по уголовному делу дознания в сокращенной форме: прогнозы и суждения / С. И. Гирько // Российский следователь. — 2013. — № 21.
8. Гирько, С. И. Сбываются ли прогнозы и опасения о перспективах дознания в сокращенной форме? / С. И. Гирько // Российский следователь. — 2014. — № 5.
9. Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головкин. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
10. Дикарев, И. С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат / И. С. Дикарев // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сб. статей. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013.
11. Доля, Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме / Е. А. Доля // Российский судья. — 2013. — № 6.
12. Домкин, П. А. Дознание в сокращенной форме // URL: <http://www.advodom.ru/blog/sokrashhennyiy-poryadok-doznaniya>
13. Дорошков, В. В. Дифференциация форм уголовного судопроизводства / В. В. Дорошков // Уголовно-процессуальное законодательство в современных условиях. Проблемы теории и практики. — М., 2010.
14. Дьяченко, В. И. О дальнейшей дифференциации формы досудебного производства / В. И. Дьяченко // Формы досудебного производства и их совершенствование. — Воронеж, 1989.
15. Качалов, В. А. Уголовно-процессуальное право : учебник / В. А. Качалов, О. В. Качалова. — М., 2007.
16. Качалова, О. В. Доказывание при сокращенной форме дознания / О. В. Качалова // Уголовный процесс. — 2013. — № 6.
17. Кругликов, А. П. Дознание в сокращенной форме: почему органам дознания и суду можно не исследовать должным образом доказательств при расследовании и рассмотрении уголовного дела? / А. П. Кругликов // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сб. статей. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013.
18. Кузнецов, Н. П. Концепция судебной реформы и некоторые проблемы доказывания в уголовном процессе // Юрид. записки. — Воронеж, 1994. — Вып. 1: Проблемы судебной реформы.
19. Михайлов, П. Сделки о признании вины — не в интересах потерпевших / П. Михайлов // Российская юстиция. — 2001. — № 5.
20. Петрухин, И. Л. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету / И. Л. Петрухин // Российская юстиция. — 2001. — № 5.
21. Печников, Г. А. Сокращенная форма дознания и объективная истина в уголовном процессе / Г. А. Печников // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сб. статей. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2013.
22. Рахунов, Р. Д. Дифференциация уголовно-процессуальной формы по делам о малозначительных преступлениях / Р. Д. Рахунов // Советское государство и право. — 1975. — № 12.
23. Руновский, А. В. К вопросу создания сокращенного дознания / А. В. Руновский // «Черные дыры» в Российском законодательстве. — 2011. — № 6.
24. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. — СПб. : Питер, 2005.
25. Степанова, В. Г. Отдельные вопросы производства дознания в сокращенной форме / В. Г. Степанова // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : Материалы XIX Международной научно-практической конференции. — Иркутск : ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2014.
26. Рыжаков, А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. П. Рыжаков. — 9-е изд. перераб. / Специально для системы ГАРАНТ, 2014.
27. Цыганенко, С. С. Общий и дифференцированные порядки уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С. С. Цыганенко. — СПб, 2004.
28. Шпак, В. В. Проблемы и критерии дифференциации уголовно-процессуальной формы / В. В. Шпак // Право и демократия : сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Бибило. — Минск : БГУ, 2002. Вып. 13.
29. Якимович, Ю. К. Структура уголовного судопроизводства / Ю. К. Якимович // Научные и практические проблемы уголовного судопроизводства в свете судебно-правовой реформы : Материалы научно-практических конференций. — Ижевск, 1989.
30. Якуб, М. Л. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве / М. Л. Якуб. — М., 1981.
31. Яшин, В. Н. Возбуждение уголовного дела: теория, практика, перспективы : учеб. пособие / В. Н. Яшин. — М., 2002.

The concept, essence and significance of differentiation of pretrial proceedings in the investigation of crimes committed by the frontier

© Papkov S. V.,
military unit 2390

Abstract. In this article theoretical and practical questions of differentiation of the procedural form in the domestic criminal process are considered.

Keywords: investigator, inquiry in abbreviated form, differentiation of procedural form.

Bibliography

1. Alexandrov, A. S. Abbreviated inquiry: stories of the criminal procedure code and the complexity of their application / A. S. Alexandrov, M. V. Lopatnikov // Criminal trial. — 2013. — № 4.
2. Alekseev, N. C. outline of the development of science of the Soviet criminal process / N. Alekseev, V. G. Daev, L. D. Kokorev. — Voronezh, 1980.
3. Ashirbekova, M. T. On the criteria for differentiation of forms of inquiry / M. T. Ashirbekova // Inquiry in abbreviated form: issues of legislative regulation and law enforcement : collection of articles. — Volgograd : Publishing house volgu, 2013.
4. Berezina, L. V. Proving in a stage of excitation of criminal case UPK the Russian Federation : dis. ... kand. the faculty of law. Sciences / L. V. Berezin. — Saratov, 2003.
5. Big explanatory dictionary of Russian language / sost. and by ed. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 2000.
6. Vasilenko L. A. the Inquiry in the reduced form and its effectiveness in pretrial / L. A. Vasilenko // Society and law. — № 2 (44). — 2013.
7. Girko, S. I. criminal proceedings inquiry in abbreviated form: predictions and judgments / Girko S. I. // Russian investigator. — 2013. — № 21.
8. Girko, S. I. True to the forecasts and fears about the prospects of the inquiry in an abbreviated form? / Girko S. I. // Russian investigator. — 2014. — № 5.
9. Golovko, L. V. Alternatives to criminal prosecution in modern law / L. V. Golovko. — SPb. : Legal centre Press, 2002.
10. Dikarev I. S. the Inquiry in abbreviated form: the intention of the legislator and the practical result / I. S. Dikarev // Inquiry in abbreviated form: issues of legislative regulation and law enforcement : collection of articles. — Volgograd : Publishing house volgu, 2013.
11. Share, E. A. Peculiarities of proving in the manufacture of inquiry in abbreviated form / E. A. Share // The Russian judge. — 2013. — № 6.
12. Dobkin, P. A. Inquiry in the reduced form // URL: <http://www.advodom.ru/blog/sokrashhennyiy-poryadok-doznaniya>.
13. Doroshkov, V. V. Differentiation of forms of criminal proceedings / V. V. Doroshkov // Criminal-procedural law in the modern world. Problems of theory and practice. — M., 2010.
14. Dyachenko, V. I. On the further differentiation of the forms of pre-trial proceedings / I. V. Dyachenko // Uniform pre-trial procedures and their improvement. — Voronezh, 1989.
15. Kachalov, V. A. Criminal procedure law : textbook / V. A. Kachalov, O. V. Kachalov. — M., 2007.
16. Kachalova, O. V. Proof in abbreviated form inquiry / O. V. Kachalov // Criminal trial. — 2013. — № 6.
17. Kruglikov, A. P. Inquiry in abbreviated form: why are the bodies of inquiry and the court cannot examine adequately the evidence in the investigation and criminal proceedings? / A. P. Kruglikov // Inquiry in abbreviated form: issues of legislative regulation and law enforcement : collection of articles. — Volgograd : Publishing house volgu, 2013.
18. Kuznetsov, N. P. the Concept of judicial reform and some problems of proof in criminal proceedings // Law. note. — Voronezh, 1994. — Vol. 1: Problems of judicial reform.

19. Mikhailov, P. the Transaction about recognition of fault — not the victims / P. Mikhailov // Russian justice. — 2001. — № 5.
 20. Petrukhin, I. L. of the Transaction about recognition of fault are alien to the Russian mentality / I. L. Petrukhin // Russian justice. — 2001. — № 5.
 21. Pechnikov, G. A. Shortened form of inquiry and objective truth in the criminal process / A. G. Pechnikov // Inquiry in abbreviated form: issues of legislative regulation and law enforcement : collection of articles. — Volgograd : Publishing house volgu, 2013.
 22. Rakhunov, R. D. Differentiation of criminal procedural form in cases of minor crimes / R. D. Rakhunov // Soviet state and law. — 1975. — № 12.
 23. Runovsky, A. V. To the question of creation of a reduced inquiry / A. V. Runovsky // «Black holes» in Russian legislation. — 2011. — № 6.
 24. Smirnov, A. V. criminal procedure : textbook / A. V. Smirnov, K. B. Kalinowski. — SPb. : Peter, 2005.
 25. Stepanov, V. G. Some questions of the inquiry in abbreviated form / V. G. Stepanov // Law enforcement Activity in modern conditions : Materials of XIX International scientific-practical conference. — Irkutsk : FGKOU VPO VSI, the Ministry of internal Affairs of Russia, 2014.
 26. Ryzhakov, A. P. Commentary on the Criminal procedure code of the Russian Federation (itemized) / A. P. Ryzhakov. — 9th ed. / Especially for system GARANT, 2014.
 27. Tsyganenko, S. C. General order of magnitude of criminal proceedings : dis. ... d-ra yurid. science / S. S. Tsyganenko. — SPb., 2004.
 28. Shpak, V. V., Problems and criteria of differentiation of criminal procedural form / Vladimir Shpak // Law and democracy : Sat. scientific. Tr. / Ed. edited by V. N. Have bibilo. — Minsk : BSU, 2002. Vol. 13.
 29. Yakimovich, Yu. K. Structure of criminal proceedings / Yu. K. Yakimovich // Scientific and practical problems of criminal proceedings in light of judicial-legal reforms : Materials of scientific-practical conferences. — Izhevsk, 1989.
 30. Yakub M. L. Procedural form in the Soviet criminal proceedings / M. L. Jacob. — M., 1981.
 31. Yashin, V. N. Criminal proceedings: theory, practice, prospects : the manual / V. N. Yashin. — M., 2002.
-

Некоторые проблемы поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей

© Серова Е. Б.,

заведующая кафедрой уголовного процесса криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

© Широков А. М.

судья Костромского областного суда

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы поддержания государственного обвинения в суде присяжных. Обращается внимание на участие прокурора в формировании коллегии присяжных заседателей, представление государственным обвинителем доказательств, выступление в прениях сторон.

Ключевые слова: прокурор, государственный обвинитель, суд присяжных, присяжный заседатель.

Вопросы участия прокурора в суде с участием присяжных заседателей традиционно интересовали ученых. В дореволюционные годы вопросы деятельности прокурора в суде присяжных нашли своё отражение в трудах А. Ф. Кони, В. К. Случевского, В. Д. Спасовича, И. Я. Фойницкого и др., которые не утратили своей актуальности до настоящего времени и неоднократно переиздавались в современной России¹. Основываясь на результатах этих исследований, современные учёные, специалисты в области уголовного процесса и криминалистики продолжают изучение проблем поддержания государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей. Особую актуальность такие исследования приобретают в настоящее время в связи с принятием Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением приме-

ния института присяжных заседателей», который внес ряд существенных изменений в содержание и практику применения гл. 42 УПК РФ. Указанный закон вступил в силу с 1 июня 2017 г., а многие его положения — с 1 июня 2018 г., в связи с чем научные исследования указанных изменений законодательства представляются весьма актуальными.

Деятельность государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей, несомненно, имеет свою специфику по сравнению с традиционным судебным процессом. На наш взгляд, можно выделить ряд проблем, которые требуют повышенного внимания со стороны государственного обвинителя и председательствующего в процессе, а значит и со стороны научной общности.

Первая из таких проблем связана с формированием коллегии присяжных заседателей. Нельзя сказать, что данная проблема ранее в литературе не исследовалась. Определённые наработки в данной области имеются, и они заслуживают самого пристального внимания².

¹ См., напр.: Кони А. Ф. Уголовный процесс: нравственные начала. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во СГУ, 2008; Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса: Судостроительство. Введение. Ч. 1 / под ред. Томсинова В. А. М.: Зерцало, 2008; Спасович В. Д. Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула: Автограф, 2000; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / общ. ред., послесл., прим. А. В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996 и др.

² См., напр.: Мельник В. Отбор присяжных заседателей (социально-психологические, организационные, процессуальные, и тактико-психологические аспекты) // Уголовное право. 1999. № 3. С. 8; Петрухин И. Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы // Государство и право. 2001. № 3. С. 5—15; Воскре-

Несомненно, успех судебного рассмотрения дела, прежде всего, зависит от подготовленности прокурора к участию в процессе, от его настойчивости в установлении истины и умения избрать правильную позицию, основанную на законе. Вместе с тем, нельзя не отметить, что тактика поддержания обвинения во многом определяется тем, кто именно участвует в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей. Прокурор в своей деятельности должен учитывать гендерный и возрастной состав коллегии, социальный статус присяжных, уровень их образования, круг интересов и многие другие факторы. Таким образом, грамотно формируя коллегию, прокурор создает предпосылки для успешного разрешения дела. При этом он, как представитель государства, должен стремиться исключить тенденциозность коллегии присяжных заседателей, их необъективность при рассмотрении дела и оценке доказательств.

Формирование коллегии присяжных заседателей может вызвать значительные трудности на практике. Прежде всего, это связано с низкой явкой в суд кандидатов в присяжные заседатели. Так, практика Костромского областного суда показывает, что из нескольких сотен граждан, вызванных в суд, могут явиться около двадцати человек, что, естественно, существенно затрудняет процесс формирования коллегии и в отдельных случаях превращает его в формальность. Хотя упомянутый выше Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ предусматривает сокращение численности коллегии присяжных заседателей до восьми

человек (при рассмотрении дела в верховном суде республики, краевом или областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, окружном (флотском) военном суде), одновременно вводится суд присяжных в районных судах (гарнизонных военных судах), в которых предполагается возможность формирования коллегии присяжных из шести человек. При этом формирование коллегии будет возможно при явке соответственно не менее четырнадцати и двенадцати кандидатов. При такой явке судья уже сейчас не может «разбрасываться» присяжными заседателями и крайне осторожно удовлетворяет самоотводы и мотивированные отводы сторон. Думается, что такая же проблема в 2018 г. не только сохранится, но и приобретет более острый характер. Можно высказать предположение, что существует опасность еще более низкой явки кандидатов в присяжные заседатели по уголовным делам, которые будут рассматривать районные суды (гарнизонные военные суды).

Вместе с тем, хотим отметить, что люди, которые явились по повестке, чаще всего проявляют искреннюю заинтересованность в отправлении правосудия, готовы в такой деятельности и желают в ней участвовать. Они неравнодушны к процессу, обладают определенным социальным мышлением, сформировавшимся мировоззрением и пониманием жизни. В то же время некоторые из них испытывают определенный страх от необходимости играть роль судьи и решать человеческую судьбу. Правильно построенное и произнесенное вступительное слово судьи позволяет в известной мере снять внутренне напряжение кандидатов, повысить их ответственность, внушить обычным людям понимание значимости их вердикта и роли в судопроизводстве по конкретному делу. Этому будет способствовать и вступительное заявление государственного обвинителя.

Несомненно, среди этих лиц велика доля тех, кто с уважением относится к закону, однако нельзя исключать и наличие среди них тех, кто относится к правоохранительным органам с предубеждением, исповедуя

сенский В. Участие прокурора в формировании коллегии присяжных заседателей // Уголовное право. 2002. № 2. С. 71—73; Дежнев А. С. Организационные и правовые проблемы формирования коллегии присяжных заседателей // Российская юстиция. 2005. № 7. С. 7; Куликова Г. Л. Участие государственного обвинителя в формировании коллегии присяжных заседателей : пособие. М. : Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2010; Маркова Т. Ю. Нюансы формирования коллегии присяжных заседателей // Уголовный процесс. 2015. № 4. С. 33—39; Решетова Н. Ю., Ситковская О. Д., Ратинова Н. А. Участие государственного обвинителя в формировании коллегии присяжных заседателей : метод. рекомендации. М. : Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2014 и др.

тезис, что «все сотрудники ГИБДД взяточники, каждого задержанного в отделе полиции избивают» и т.п. Такие кандидаты должны быть по возможности выявлены и отведены государственным обвинителем.

Анализ результатов рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей показывает, что одна из причин вынесения оправдательного вердикта связана с качественным составом коллегии присяжных заседателей. Вводя институт присяжных заседателей, законодатель исходил из того, что коллегия, состоящая из обычных граждан, лучше понимает и уясняет фактические обстоятельства дела по сравнению с судьей — специалистом в области юриспруденции. Однако отсутствие у присяжных знания законодательства влияет на их решение, оценку фактических обстоятельств дела и доказательств, представляемых сторонами, что должно учитываться при формировании коллегии присяжных заседателей и поддержании обвинения. На данное обстоятельство неоднократно обращалось внимание в литературе¹.

Но не только эту особенность присяжных заседателей должен учитывать прокурор, участвующий в формировании коллегии. Далеко не каждый человек может участвовать в отправлении правосудия. Исполнять обязанности присяжного заседателя может нравственно и интеллектуально зрелая личность, обладающая достаточным уровнем правосознания, интеллектом, способностью к критике и самокритике. Присяжными могут быть люди, имеющие навык подчиняться закону, умеющие быть объективными, неподкупные, способные не поддаваться под чужое влияние и владеющие определенными знаниями и жизненным опытом. Они должны обладать житейской мудростью и здравым смыслом, для них должен быть характерен ответственный, осторожный, обдуманный и системный подход к принятию жизненно важных решений.

По мнению ряда исследователей, для того, чтобы люди, не являющиеся специалистами в области права, могли решить стоящие перед ними задачи, необходимо обеспечить максимальную психологическую включенность присяжных в их деятельность, что предполагает использование их внутренних резервов и становится возможным лишь при достаточно высоком уровне сосредоточенности на предмете деятельности. А для этого требуется, в свою очередь, полное выключение из сознания личности всех других как внешних, так и внутренних фактов, которые бы могли деформировать её отношение к деятельности². Следовательно, потенциальный присяжный должен обладать способностью быстро и эффективно включиться в совместную деятельность коллегии и уметь участвовать в выработке согласованного, качественного, коллективного решения в нестандартных нравственно-конфликтных ситуациях. Если человек не обладает в силу каких-либо причин такими качествами, исполнять обязанности присяжного он не сможет. Такими качествами, в частности, не обладают лица, которые не могут выполнять обязанности присяжного заседателя в силу закона. Кроме того, при наличии у присяжного отвлекающих факторов (маленьких детей, тяжелобольных родственников и т.п.) ему будет достаточно сложно сосредоточиться на рассматриваемом деле.

На наш взгляд, способность включения в совместную деятельность во многом обусловлена уровнем образования субъекта. На необходимость введения образовательного ценза для кандидатов в присяжные заседатели обращают внимание многие авторы. Более того, по данным Е. А. Киреевой, эту позицию разделяют и граждане России, далёкие от юриспруденции. Так, 54,5% опрошенных ею респондентов в Московской области считают, что присяжным может быть только лицо, обладающее высшим образованием. В Мордовии этот показатель достиг 71%³. Здесь можно провести, с известной

¹ См., напр.: Куликова Г. Л. Формирование коллегии присяжных заседателей — что за ним? // Вестник Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 4. С. 53.

² Мельник В. Указ. соч. С. 75—84.

³ Киреева Е. А. Образовательный ценз и специальная подготовка перед судом присяжных заседателей Рос-

долей условности, аналогию с арбитражными заседателями, которыми могут быть только лица, имеющие высшее специальное образование и стаж работы. А ведь в арбитражных судах разрешаются экономические споры, судьбы людей решаются только косвенно. По нашему мнению, при формировании коллегии присяжных следует отдавать предпочтение лицам с высшим и средним специальным образованием.

Участвуя в формировании коллегии присяжных заседателей, прокурор должен в короткий промежуток времени определить особенности личности кандидата и его ментальность. Именно поэтому важное место в процедуре формирования коллегии занимает опрос кандидатов в присяжные. Анализируя ответы на поставленные вопросы, прокурор должен выявить наличие или отсутствие у кандидатов в присяжные таких личностных особенностей, которые могут выступать в качестве источника предвзятого отношения к подсудимому и предъявленному ему обвинения. Задавая вопросы кандидатам, он имеет возможность получить вербальную и невербальную информацию о каждом из них. Наблюдая за человеком, его поведением, манерой держаться, внешним видом и т.п., государственный обвинитель может получить сведения о семейном положении кандидата, его вероисповедании, примерном уровне доходов, степени психологической устойчивости и некоторых других свойствах личности. Невербальная информация дополняет вербальную. Однако ответы на поставленные вопросы надо оценивать критически, поскольку практике известны случаи неправдивых и неискренних ответов. В результате, как справедливо отмечает А. С. Дежнев, законность приговора фактически поставлена в зависимость от того, насколько честно гражданин рассказал о себе в ходе процесса отбора¹.

Обязательной предпосылкой эффективного опроса является заблаговременная разработка вопросов, которые можно поставить

вразброс, чтобы в дальнейшем иметь возможность диагностировать предвзятость кандидата. В литературе имеются различные перечни и списки вопросов, которые должны быть поставлены прокурором перед кандидатом в присяжные. Так, у кандидата следует выяснять, осведомлен ли он об обстоятельствах дела, которое будет рассматриваться в суде, и влияет ли эта осведомленность на его мнение о деле. Как правило, потенциальные присяжные узнают о рассматриваемом деле из СМИ, которые подчас весьма односторонне и агрессивно освещают событие преступления и процесс его расследования, что ведет к формированию негативной личной позиции кандидата, который впоследствии может навязать свое отношение к делу остальным присяжным, особенно, если обладает волевым характером или окажется старшиной присяжных. Выявить лиц с возможным предубеждением и негативным отношением к правоохранительным органам, а, следовательно, и к предъявленному обвинению, поможет вопрос о доверии кандидата правоохранительным органам, в частности прокуратуре. Вопрос об отношении к пожизненному лишению свободы особенно важен по делам о преступлениях, за которые может быть назначено такое наказание. Он помогает выявить склонность кандидата к назначению более сурового наказания или, напротив, проявлению снисхождения к виновному.

Если по результатам опроса у государственного обвинителя сложилось мнение, что кто-то из кандидатов в присяжные не способен осуществлять свои функции, он в соответствии с ч. 4 ст. 328 УПК РФ вправе заявить мотивированный отвод кандидатам. В отдельных регионах имеется практика информирования кандидатов в присяжные о том, какая сторона и по каким мотивам заявляет им отвод. По нашему мнению, это противоречит п. 19 ст. 328 УПК РФ, согласно которому председательствующий объявляет результаты отбора, не указывая оснований исключения из списка тех или иных кандидатов в присяжные заседатели. Кроме того, если кандидат, которому заявлялся отвод, все же входит в состав коллегии, велика опасность формирования у него предвзятого

сии как средство повышения уровня вынесенных вердиктов // Аспирант и соискатель. 2004. № 4. С. 104.

¹ Дежнев А. С. Указ. соч.

негативного отношения к той стороне, которая заявила отвод.

В соответствии с ранее действующим законодательством при общем количестве кандидатов не менее восемнадцати сторонам предоставляется право на заявление немотивированного отвода. С момента вступления в силу Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ данное положение претерпело определенные изменения. Право на немотивированные отводы сторонам теперь предоставляется, если количество оставшихся кандидатов в присяжные заседатели будет составлять двенадцать и более в верховном суде республики, краевом или областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, окружном (флотском) военном суде и десять и более в районном суде, гарнизонном военном суде. Если позволяет количество неотведенных присяжных заседателей, председательствующий может предоставить каждой из сторон право на один дополнительный немотивированный отвод.

Определить, кому должен быть заявлен немотивированный отвод, — чрезвычайно сложная и ответственная задача, которую приходится решать в условиях информационной неопределенности в предельно сжатый срок. Некоторые государственные обвинители в этих ситуациях руководствуются оценкой внешности и поведения субъекта. На наш взгляд, учитывать эти признаки необходимо, но ограничиваться ими не стоит. Более надежным критерием является социально-психологический тип кандидата. Прежде всего, следует отводить представителей тех социально-психологических типов личности, для которых характерны особенности, препятствующие последовательно, руководствуясь презумпцией невиновности и нравственными нормами, вынести справедливый вердикт.

В. Мельник полагает, что в ситуации сложного выбора следует безмотивно отвести скорее кандидата, не принадлежащего к той социальной группе населения, к которой относится подсудимый, чем являющегося представителем этой группы, поскольку последний может быть более толерантен

по отношению к подсудимому, но ему и легче понять нравственно-психологическую подоплеку рассматриваемой судебной «драмы», в которой мог участвовать или не участвовать подсудимый, правильно оценить доводы обвиняемого в контексте житейско-бытовых реалий знакомой ему социальной среды и разъяснить это другим членам коллегии присяжных заседателей¹.

При формировании коллегии присяжных заседателей государственный обвинитель должен уделять внимание и вопросу о ее возможной тенденциозности. Так, по делам о преступлениях экстремистского характера и о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности нежелательным может быть не только стопроцентное участие в процессе присяжных одной национальности или одного пола с подсудимым или потерпевшим, но даже их простое большинство.

Вторая проблема, с которой сталкивается государственный обвинитель при рассмотрении дела в суде с участием присяжных заседателей связана с представлением и исследованием имеющихся в деле доказательств. Анализ судебной практики показывает, что присяжным заседателям, как судьям факта, нет необходимости предъявлять абсолютно все доказательства, имеющиеся в деле. Более того, недопустимо просто зачитывать текст протокола или иного процессуального документа. Наибольший эффект оказывает изложение доказательственной информации своими словами, понятными лицам без юридического образования, демонстрирование им вещественных доказательств, приложений к протоколам следственных действий (например, видеозаписей, планов, схем). При этом необходимо не просто предъявлять то или иное доказательство, а выстраивать и наглядно показывать связь между ними, превращая разрозненные доказательства в систему. Здесь отметим, что судья во вступительном слове настраивает присяжных на необходимость оценки не просто каждого доказательства, а всей совокупности доказательств. Государствен-

¹ Мельник В. Указ. соч. С. 83.

ному обвинителю, на наш взгляд, целесообразно еще раз обратить на это их внимание.

В отдельных случаях просмотр присяжными видеозаписей следственных действий (проверки показаний на месте, следственного эксперимента и др.) позволяет им правильно оценить личность подсудимого, увидеть, если можно так выразиться, его истинную сущность. Ни для кого не секрет, что подсудимые готовятся к судебным процессам, меняют свою внешность, поведение, чтобы произвести благоприятное впечатление на присяжных. Между тем в ходе следствия такой подготовки они не ведут, а потому присяжные могут увидеть и как выглядел субъект ранее, и как он себя вел, и как относился к тому, о чем рассказывал в ходе следственного действия.

Здесь следует отметить, что грамотное и тактически обоснованное предъявление доказательств возможно только при хорошем знании государственным обвинителем всех материалов уголовного дела, включая вещественные доказательства и приложения к протоколам следственных действий. Это требование распространяется и на судью, председательствующего в процессе. На наш взгляд, существенную помощь в этом и государственному обвинителю, и судье может оказать использование научных методов организации уголовного преследования, таких как программно-целевой метод и метод моделирования. В настоящее время имеются отдельные рекомендации по использованию указанных методов государственным обвинителем, однако, применительно к условиям суда присяжных глубоких научных исследований не имеется, что, несомненно, требует внимания со стороны научной общест-венности¹. Вместе с тем, отметим, что, по

нашему мнению, принципиальных отличий в использовании данных методов в суде с участием присяжных заседателей не имеет-ся. Тщательное изучение материалов дела с помощью заранее разработанных криминалистических программ и построенных криминалистических моделей позволит государственному обвинителю правильно спланировать свою деятельность, разработать план поддержания государственного обвинения, выявить доказательства, полученные с нарушением закона, и своевременно поставить вопрос о их недопустимости. На наш взгляд, такая инициатива должна исходить именно от прокурора, что не позволит защите скомпрометировать позицию обвинения. Конечно, вопросы процессуального характера разрешаются в отсутствие присяжных, но их многократное удаление из зала суда может повлечь за собой формирование негативного отношения ко всем доказательствам обвинения, поэтому своевременное решение вопроса о всех недопустимых доказательствах позволит избежать таких последствий. При рассмотрении уголовного дела подсудимые нередко заявляют ходатайства о применении к ним незаконных методов ведения следствия. Данный вопрос также обсуждается в отсутствие присяжных, при необходимости проводится проверка, к материалам дела приобщаются соответствующие документы. Результаты рассмотрения подобных заявлений и ходатайств отражаются в виде отдельного блока в приговоре.

Еще одна проблема, на которую мы здесь обратим внимание, связана с выступлением прокурора в прениях. Многие из опрошенных нами государственных обвинителей отмечают, что свою позицию по делу присяжные формируют задолго до начала прений, в процессе исследования доказательств. Однако, на наш взгляд, это отнюдь не снижает значение прений и реплики при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей. От того, как вступит государственный обвинитель, владеет ли он ораторским искусством и актерским мастер-

¹ См.: Серова Е. Б. Актуальные теоретические и практические проблемы расследования и поддержания государственного обвинения в суде по делам о вымогательстве : дис ... канд. юр. наук : 12.00.09. СПб, 1998; Коршунова О. Н. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования : монография. СПб : ЮИ ГП РФ, 2006; Руководство для государственного обвинителя : учебное пособие / ред. О. Н. Коршунова. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2011; Корсаков К. А. Криминалистические и процессуальные проблемы подготовки прокурора к судебному разбирательству

уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук : СПб., 2000.

ством, насколько образно и логично все сказанное им, зависит судьба дела. Скучная, невыразительная, излишне затянутая речь не только не окажет благоприятного воздействия на присяжных, но и оттолкнет от прокурора колеблющихся и заставит сомневаться тех, кто уже готов был принять выгодное для обвинения решение.

Структура речи, используемые речевые приемы и обороты зависят от многих факторов. Это и качественный состав коллегии присяжных заседателей, и особенности предъявленного обвинения, и качество доказательственной базы. В любом случае, на наш взгляд, полезно строить свое вступление с учетом тех вопросов, которые будут поставлены перед присяжными. В дальнейшем, при формировании вопросного листа, прокурор должен стремиться к тому, чтобы в него не только вошли все подлежащие разрешению присяжными вопросы, но и чтобы их формулировка была предельно ясной и позволяла дать ясный и однозначный ответ.

И еще один важный момент. Нередко защитники допускают в своих выступлениях, да и вообще по ходу всего процесса, нарушения требований уголовно-процессуального законодательства, например, сообщают присяжным ту информацию, которая не может доводиться до их сведения, обсуждают в присутствии присяжных процессуальные вопросы, высказывают оскорбительные и уничижительные замечания в адрес прокурора и потерпевшего и т.п. Государственный обвинитель должен немедленно реагировать на такие нарушения.

В заключение отметим, что поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей — ответственная, сложная и интересная работа, требующая от прокурора глубоких знаний, профессионального мастерства и творческого подхода. Формирование необходимых для этого умений и навыков требует определенного, подчас весьма продолжительного, времени и системного подхода, а потому необходимо уделять повышенное внимание теоретической и практической подготовке государственных обвинителей, которым будет поручено поддержание обвинения в су-

де с участием присяжных заседателей, их обучению и повышению их квалификации. Значительное место в такой подготовке должны занимать интерактивные методы обучения, прежде всего, деловые игры и тренинги. Кроме того, по нашему мнению, целесообразно не только направлять сотрудников прокуратур районного звена на стажировку в прокуратуру субъекта Федерации, но и формировать группы государственных обвинителей, в состав которых включать тех сотрудников, которые уже имеют опыт поддержания обвинения в суде с участием присяжных заседателей, и сотрудников, такого опыта не имеющих, что позволит сформировать и закрепить у них необходимые навыки и умения.

Библиография

1. Воскресенский, В. Участие прокурора в формировании коллегии присяжных заседателей / В. Воскресенский // Уголовное право. — 2002. — № 2.
2. Дежнев, А. С. Организационные и правовые проблемы формирования коллегии присяжных заседателей / А. С. Дежнев // Российская юстиция. — 2005. — № 7.
3. Киреева, Е. А. Образовательный ценз и специальная подготовка перед судом присяжных заседателей России как средство повышения уровня вынесенных вердиктов / Е. А. Киреева // Аспирант и соискатель. — 2004. — № 4.
4. Кони, А. Ф. Уголовный процесс: нравственные начала / А. Ф. Кони. — 3-е изд., испр. и доп.. — М. : Изд-во СГУ, 2008. — 150 с.;
5. Корсаков, К. А. Криминалистические и процессуальные проблемы подготовки прокурора к судебному разбирательству уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К. А. Корсаков. — М., 2000. — 209 с.
6. Коршунова, О. Н. Теоретические и прикладные проблемы уголовного преследования : монография / О. Н. Коршунова. — СПб. : ЮИ ГП РФ, 2006. — 148 с.
7. Куликова, Г. Л. Участие государственного обвинителя в формировании коллегии присяжных заседателей : пособие / Г. Л. Куликова. — М. : Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2010;
8. Куликова, Г. Л. Формирование коллегии присяжных заседателей — что за ним? / Г. Л. Куликова // Вестник Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2008. — № 4.
9. Маркова, Т. Ю. Нюансы формирования коллегии присяжных заседателей / Т. Ю. Маркова // Уголовный процесс. — 2015. — № 4.

10. Мельник, В. Отбор присяжных заседателей (социально-психологические, организационные, процессуальные, и тактико-психологические аспекты) / В. Мельник // Уголовное право. — 1999. — № 3.

11. Петрухин, И. Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы / И. Л. Петрухин // Государство и право. — 2001. — № 3.

12. Решетова Н. Ю., Ситковская О. Д., Ратинова Н. А. Участие государственного обвинителя в формировании коллегии присяжных заседателей: методические рекомендации / Н. Ю. Решетова, О. Д. Ситковская, Н. А. Ратинова. — М. : Акад. Генеральной прокуратуры РФ, 2014.

13. Руководство для государственного обвинителя : учеб. пособие / под ред. О. Н. Коршунова. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2011. — 688 с.

14. Серова, Е. Б. Актуальные теоретические и практические проблемы расследования и поддержания государственного обвинения в суде по делам о вымогательстве : дис ... канд. юр. наук : 12.00.09 / Е. Б. Серова. — СПб, 1998. — 207 с.

15. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса : Судостроительство. Введение. Ч. 1 / под ред. В.А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2008. — 400 с.

16. Спасович, В. Д. Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. — Тула : Автограф, 2000. — 496 с.

17. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2-х томах / общ. ред., послесл., прим. А. В. Смирнова. — СПб. : Альфа, 1996. Т. 1 — 552 с.; Т. 2 — 606 с.

Some problems of maintenance of the state charge in court with participation of jurors

© **Serova E. B.**,

head of criminal procedure Department of criminalistics of the St.-Petersburg law Institute (branch) of Academy of Prosecutor General of the Russian Federation, candidate of legal Sciences, associate Professor

© **Shirokov A. M.**,

the judge Kostroma regional court

Abstract. The article discusses the problematic issues of the state prosecution in a jury trial. Attention is drawn to the participation of the Prosecutor in the formation of the jury, submission by the public Prosecutor of evidence, the presentation in debate of the parties.

Keywords: Prosecutor, public Prosecutor, the jury, a juror.

Bibliography

1. Voskresensky, V. Participation of the Prosecutor in the formation of the jury / Voskresensky // Criminal law. — 2002. — № 2.

2. Dezhnev, A. S. Organizational and legal problems of formation of the jury / A. S. Dezhnev // Russian justice. — 2005. — № 7.

3. Kireeva, E. A. the Educational qualification and special training before a jury of assessors Russia as a means of improving the level of rendered verdicts / E. A. Kireeva // Graduate student and the applicant. — 2004. — № 4.

4. Koni, A. F. criminal trial: moral principles / A. F. Koni. — 3-e ed. — M. : Publishing house of SSU, 2008. — 150 p.

5. Korsakov, A. K. Forensic and procedural issues of preparation of the Prosecutor for trial of criminal proceedings : dis. kand. the faculty of law. Sciences : 12.00.09 / K. A. Korsakov. — M., 2000. — 209 p.

6. Korshunova, O. N. Theoretical and applied problems of criminal prosecution : monograph / O. N. Korshunova. — SPb. : YUI GP RF, 2006. — 148 p.

7. Kulikova, G. L. the Participation of the public Prosecutor in the formation of the jury : a Handbook / G. L. Kulikov. — M. : Akad. Gene. Proc. Russia, 2010;

8. Kulikova, G. L. the Formation of the jury — what is it? / G. L. Kulikova // Bulletin Of The Prosecutor General Of The Russian Federation. — 2008. — № 4.
9. Markova, T. Y. the nuances of the formation of the jury / T. Y. Markova // Criminal trial. — 2015. — № 4.
10. Miller, V. the Selection of jurors (socio-psychological, organizational, procedural, and tactical and psychological aspects) / V. Miller // Criminal law. — 1999. — № 3.
11. Petrukhin, I. L. Trial by jury: challenges and perspectives / I. L. Petrukhin // State and law. — 2001. — № 3.
12. Reshetov N. Yu, Sitkovsky O. D., Ratinova N. A. the Participation of the public Prosecutor in the formation of the jury: guidelines / N. Yuri Reshetov, O. D. Sitkovskaya, N. A. Ratinova. — M. : Akad. Gene. Proc. Russia, 2014.
13. A guide for the public Prosecutor : the textbook / under the editorship of O. N. Korshunova; 2nd ed., Rev. and additional — SPb. : Yuridicheskiy Tsentr Press, 2011. — 688 p.
14. Serova, E. B. Relevant theoretical and practical problems of investigation and the state prosecution in the court of extortion : dis ... cand. jur. sciences : 12.00.09 / E. B. Serov. — SPb, 1998. — 207 p.
15. Sluchevsky, V. K. a textbook of the Russian criminal process : the Judicial system. Introduction. Part 1 / ed. by V. A. Tomsinov. — M : Zertsalo, 2008. — 400 p.
16. Spasovich, V. D. Selected papers and speeches / ed. by I. V. Potapchuk. Tula : Avtograf, 2000. — 496 p.
17. Foinitsky I. Y. Course of criminal proceedings : in 2 volumes / ed., afterword., approx. A. V. Smirnov. — SPb. : Alfa, 1996. Vol. 1. — 552 p.; Vol. 2. — 606 p.

Зарубежное военное законодательство Военные аспекты международного права

Клуб Эд или исправительное учреждение Вооруженных сил Канады

© Воробьев А. Г.,

старший преподаватель кафедры уголовного права
Военного университета, кандидат юридических наук

Аннотация. В статье рассматриваются особенности исполнения уголовных наказаний, связанных с лишением свободы, в военном исправительном учреждении Вооруженных сил Канады.

Ключевые слова: военная тюрьма и дисциплинарные казармы, дисциплинарно арестованные военнослужащие, военнослужащие, осужденные к лишению свободы на срок менее двух лет, военнослужащие, осужденные к лишению свободы на срок от двух и более лет, цели назначения наказаний.

Рецензент — В. Д. Меркурьев, доктор юридических наук, профессор.

Так же, как и в Вооруженных силах США, Австралии и Израиля, в Вооруженных силах Канады (*Canadian Forces, CF*¹) для исполнения в отношении осужденных военнослужащих наказаний, связанных с лишением свободы, созданы и функционируют собственные военные исправительные учреждения.

Единственное постоянное место заключения, действующее на территории Канады, объединяет военную тюрьму и Дисциплинарные Казармы Вооруженных сил Канады (*Canadian Forces Service Prison and Detention Barracks, CFSPDB*) и предназначается для содержания военнослужащих всех видов Вооруженных сил: Армии Канады, Королевских канадских военно-воздушных сил (*RCAF*) и Королевских канадских военно-морских сил (*RCN*).

Это учреждение расположено на базе Армии Канады в Эдмонтоне, Альберта, в связи с чем и получило неофициальное на-

именование — «Клуб Эд». Срок заключения в *CFSPDB* составляет от 15 дней до 2 лет.

Структурно *CFSPDB* находится в ведении военной полиции (*Canadian Forces Military Police Group*), которая является полноценным правоохранительным органом (причем, одним из самых многочисленных)², обеспечивающим законность в *CF*, как на территории Канады, так и за ее пределами, а также осуществляющим контроль за всеми лицами, содержащимися в заключении (в том числе военнослужащими, военнопленными и интернированными). Следует также уточнить, что *CFSPDB* непосредственно входит не в состав военной полиции Армии, военной полиции *RCAF* или *RCN*, а относится к специальным службам органов военной полиции (*Military Police Services Group*)³.

Основная роль *CFSPDB* заключается в том, чтобы обеспечить содержание находящихся под стражей и уже осужденных военнослужащих; адаптировать их к воинской дисциплине и подготовить к возобновлению эффективной службы в *CF*, или, в соответствующих случаях, возвратить задержанных

¹ Население 33,88 млн чел. Военный бюджет 18,1 млрд долл. (оценка 2011 г.). Регулярные ВС — 65,73 тыс. чел. Резерв 33,86 тыс. чел., в том числе СВ — 33,16 тыс. чел., ВВС — 2,34 тыс. чел., ВМС — 4,18 тыс. чел. Моб. ресурсы — 8,4 млн чел., в том числе годных к военной службе — 7,3 млн чел. Комплектование на добровольной основе. (См.: Вооруженные силы зарубежных стран: справочные данные // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 7. С. 81).

² URL: http://www.forces.ca/en/job/militarypolice-75?olvPlayer=0s&module=cue_75_1.

³ URL: <http://www.forces.gc.ca/en/caf-community-support-services-military-police/index.page>.

и заключенных военнослужащих к гражданской жизни со скорректированным отношением и мотивацией. Функциональными задачами исправительного учреждения также является разработка документов и директив по обеспечению дисциплинарных программ CF и проведение операций в отношении военнопленных или интернированных¹.

Иные военные исправительные учреждения существуют на непостоянной основе и, как правило, за пределами Канады.

Правовая регламентация исполнения лишения свободы в CFSPDB учитывает особенности построения системы уголовной юстиции Канады.

В общем порядке исполнение наказаний в Канаде разделено между федеральным правительством и правительствами отдельных провинций. Все наказания, связанные с лишением свободы на срок свыше двух лет, исполняются в исправительных учреждениях (*penitentiary*) Исправительной службой Канады (*Correctional Service of Canada*) — федеральным агентством, подведомственным Министерству общественной безопасности Канады. Осужденные на срок менее двух лет за преступления, не представляющие большой общественной опасности, отбывают лишение свободы в тюрьмах (*civil prison*), управление и правовая регламентация деятельности которых осуществляется уполномоченными министерствами провинций².

Однако Конституция Канады, учитывая необходимость поддержания воинской дисциплины, боеспособности и боевого духа в CF, а также для удовлетворения конкретных дисциплинарных потребностей войск, предусматривает существование отдельной системы военной юстиции³. В рамках этой

системы и функционируют военные суды, органы военной полиции и военные исправительные учреждения, которые, как и тюрьмы провинций, могут исполнять лишение свободы на срок до двух лет.

Правовой основой деятельности военных исправительных учреждений помимо Конституции Канады является Закон о Национальной обороне 1985 г. (*National Defence Act, NDA*)⁴, а также ряд других нормативных правовых актов различной юридической силы.

Закон о Национальной обороне, как комплексный нормативный правовой акт, в своей третьей части — Дисциплинарном кодексе (*Code of Service Discipline*) регламентирует вопросы ответственности военнослужащих, преступности и наказуемости деяний, в том числе определяет понятие исправительного учреждения, виды уголовных наказаний, назначаемых осужденным военнослужащим, вопросы определения места отбывания наказания и особенности их исполнения в исправительных учреждениях, основания для условно-досрочного освобождения, устанавливает цели и задачи наказания.

В соответствии со ст. 139 NDA за совершение воинских преступлений могут быть назначены следующие связанные с лишением свободы наказания:

- (a) пожизненное лишение свободы (*imprisonment for life*);
- (b) лишение свободы на два года и более (*imprisonment for two years or more*);
- (d) лишение свободы на срок менее двух лет (*imprisonment for less than two years*);
- (f) арест (*detention*).

По своему содержанию лишение свободы является наиболее строгим видом наказания и состоит в принудительной изоляции осужденных от общества на определенный, а в случае пожизненного заключения — на неопределенный срок с помещением осужденных в соответствующие исправительные учреждения.

¹ URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-cfpm-annual-reports/2010-cfpm-annual-report.page#canadian>.

² Об исправительной системе Канады см. подробнее: Ескатова Г. К. Исправительная система англоязычных стран // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 1 С. 45—48; Кунаш К. А., Обернихина О. В. Пенитенциарная система Канады // Вестник Кузбасского института. 2013. № 2 (15). С. 49—57.

³ URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-military-law/military-justice-overview.page>.

⁴ URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/N-5/page-1.html>.

В случае назначения военнослужащему офицерского или сержантского состава пожизненного лишения свободы или лишения свободы на срок два года и более такому военнослужащему может быть дополнительно назначено наказание в виде увольнения с позором, т.е. с лишением прав и привилегий, или в виде простого увольнения со службы Ее Величества.

Наказание в виде ареста не применяется к лицам офицерского состава и не может превышать 90 дней, даже в случае осуждения по нескольким приговорам. Срок наказания в виде ареста устанавливается в днях. Осужденный к аресту военнослужащий в звании выше рядового на период наказания понижается в звании до рядового. Военнослужащие отбывают арест в Дисциплинарных казармах или на гауптвахтах, если гауптвахта соответствует условиям содержания осужденных к аресту, а срок наказания не превышает 30 дней. По отбытии ареста осужденный обычно возвращается в свое подразделение без каких-либо последствий для него или его карьеры.

При назначении указанных уголовных наказаний суд должен руководствоваться необходимостью достижения таких целей как общественное порицание, специальное или общее предупреждение¹, а также реабилитация (*rehabilitation*) осужденного, состоящая в том, чтобы восстановить их в ценных членах *CF*².

Несмотря на отсутствие прямого указания на реабилитацию как цель уголовного наказания в *NDA*, эта цель не может считаться менее значимой, чем иные названные цели, так как предполагается, что в большинстве случаев военнослужащий, отбывающий достаточно длительное лишение свободы, не будет годен к дальнейшей военной службе. Поэтому такие военнослужащие не нуждаются в тех же мерах исправления и тому же режиму подготовки, которые применяются к осужденным к аресту (*service detainee*) или к лишению свобо-

ды на срок до двух лет (*service prisoner*) в воинских исправительных учреждениях. Для осужденных на длительные сроки требуются углубленные программы переобучения и подготовки к возвращению уже не в *CF*, а в гражданское общество. Гражданские тюрьмы и исправительные учреждения специально оборудованы для предоставления таких возможностей. В связи с этим, чтобы облегчить реинтеграцию в общество, военнослужащие, осужденные к лишению свободы на срок более двух лет (*service convict*), подлежат увольнению из *CF* и передаются для отбывания наказания в гражданскую тюрьму или исправительное учреждение³.

Вместе с тем в целях общего предупреждения преступлений, такие военнослужащие до передачи в гражданскую исправительную систему часть наказания, не превышающую двух лет, также могут отбыть в военной тюрьме или Дисциплинарных казармах.

Отдельно цели назначения наказания сформулированы для упрощенного судопроизводства⁴ и ареста. Фундаментальной целью назначения наказания при упрощенной процедуре является защита общества и повышение уважения к закону через справедливые наказания. Есть четыре основных задачи назначения наказания: 1) общее предупреждение; 2) специальное предупреждение; 3) реабилитация и исправление; 4) возмездие.

Общее предупреждение основано на концепции, что применение санкции закона против преступника отвратит от совершения преступлений других потенциальных преступников. Общему предупреждению придается особое значение, когда преступления связаны с насилием, или, когда есть распространенность определенного преступления в обществе. У специального предупреждения

³ Статья 220 *NDA*.

⁴ Упрощенное судопроизводство применяется при совершении незначительных преступлений по сокращенной процедуре с максимально возможным наказанием не строже ареста. См.: *Military Justice at the Summary Trial* // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-military-law-summary-trial-level/index.page>

¹ Статья 226.2 (5) *NDA*.

² URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-military-law-annual-2010-11/ch-4-military-justice-year-in-review.page>

есть задача разубедить преступника в совершении им нового преступления. Реабилитация предназначена для преступника, который продемонстрировал достаточную вероятность, что может стать законопослушным членом общества. Возмездие указывает на демонстрацию отвращения общества к нравственно предосудительному поведению. Но, ни одну из этих целей приговора нельзя рассматривать как самостоятельную¹.

Применительно же к аресту, в качестве основной четко формулируется цель реабилитации осужденных военнослужащих и повторное привитие им привычки к повиновению в соответствии с установленным воинским порядком путем применения системы подготовки, в которой особое значение придается основным ценностям и навыкам, которые отличают члена *CF* от других членов общества².

Помимо целей наказания в *NDA* (в преамбуле и ст. 205 (1)) дается определение военных тюрем и дисциплинарных казарм (*detention barrack, fr. — caserne disciplinaire*). Под ними понимается специально определенное министром национальной обороны³ место для военнослужащих, содержащихся под стражей в качестве меры пресечения (*service custody*), а также осужденных к лишению свободы в тюрьме или к аресту. Как часть исправительного учреждения рассматривается также госпиталь или иное место для приема больных в случае нахождения там кого-либо из перечисленных лиц.

Исполнение наказаний в виде лишения свободы или ареста должно начаться в день, в который военный суд провозглашает при-

говор виновному лицу. В срок указанных наказаний включается время содержания виновного лица в гражданском или военном заключении до вынесения соответствующего приговора. Если исполнение лишения свободы или ареста не может быть исполнено по причине нахождения корабля с осужденным в море или в порту, в котором нет никакого подходящего места для лишения свободы, то осужденный, как только это будет возможно, должен быть направлен в то место, где наказание может быть исполнено в соответствии с законом. Промежуток времени до даты прибытия осужденного в такое место не засчитывается в срок наказания.

До прибытия к месту отбывания наказания или при переводе от одного до другого такого места осужденные военнослужащие могут содержаться в любом военном или гражданском учреждении и могут перемещаться на новое место под конвоем любым способом перевозки с теми ограничениями свободы, которые необходимы для сохранения установленного порядка содержания таких военнослужащих.

Военным законодательством предусматривается возможность по распоряжению военного суда (ст. 215—216 (2) *NDA*) или приказу специально уполномоченных воинских должностных лиц *CF* (*suspending authority*) временного приостановления исполнения назначенного наказания в виде лишения свободы или ареста, т.е. признавать наказание условным.

При условном осуждении находящегося под стражей и еще не переданного для отбывания наказания военнослужащего, он подлежит освобождению из заключения и срок наказания не исчисляется ему до тех пор, пока в отношении него не будет вынесен приказ об исполнении назначенного наказания.

Если же наказание признается условным уже после перевода осужденного к месту его отбывания, то такой осужденный также должен быть освобожден, а исчисление срока наказания не производится со следующего после освобождения дня и до тех пор, пока в отношении преступника

¹ URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-military-law-summary-trial-level/ch-14-sentencing-punishment.page>

² Статья 104.9 Queen's Regulations and Orders for the Canadian Forces (QR&Os). Подробнее о QR&Os см. далее.

³ О структуре и полномочиях органов управления *CF* см., напр.: Семенов С. Вооруженные силы Канады // Зарубежное военное обозрение. 1985. № 11; Володин Д. А. Трансформация Канадских Вооруженных сил // URL: <http://www.rusus.ru/print.php?id=188>; Григорьев Д. Сухопутные войска Канады // Зарубежное военное обозрение. 2016. № 9.

снова не поступит приказ о переводе для исполнения наказания.

После истечения со дня вынесения приказа об условном осуждении срока, равному сроку, назначенному в приговоре военного суда, это наказание считается полностью отбытым. Назначенный условно арест, считается полностью отбытым по истечении одного года со дня принятия такого решения, за исключением случаев, когда исполнение наказания было начато до истечения этого периода.

В любое время уполномоченные должностные лица могут рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего применения условного осуждения. При положительном поведении осужденный может быть окончательно освобожден военным судом от наказания или, в противном случае, может быть передан для дальнейшего исполнения наказания. В таком случае, срок наказания исчисляется со дня, в который это наказание начало исполняться, за вычетом из срока любого периода, в течение которого преступник отбывал лишение свободы в соответствии с вынесенным приговором.

Также военное законодательство Канады предусматривает возможность условно-досрочного освобождения осужденного, отбывающего наказание в гражданском исправительном учреждении или гражданской тюрьме, по соответствующему решению Комиссии по условно-досрочному освобождению Канады.

Дальнейшее правовое регулирование военно-пенитенциарных отношений осуществляется в Инструкциях и приказах Ее Величества (*Queen's Regulations and Orders for the Canadian Forces, QR&Os*)¹ и Инструкции для военных тюрем и Дисциплинарных казарм от 6.09.1967 (*Regulations for Service*

Prisons and Detention Barracks, approved by P.C. 1967—1703 of 6 September, 1967).²

QR&Os представляют собой собранные в один многотомный нормативно-правовой сборник постатейные примечания к NDA. В частности, во втором томе QR&Os, посвященном дисциплинарным вопросам, в ряде глав уточняются и детализируются вопросы исполнения назначенных наказаний.

Однако, наиболее подробная регламентация исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, осуществляется в Инструкции 1967 г. (далее — Инструкция), действие которой распространяется на военные тюрьмы, Дисциплинарные казармы, гауптвахты, госпитали и другие места для размещения заболевших заключенных военно-служащих.

В Инструкции определяются полномочия, права и обязанности должностных лиц военных тюрем и Дисциплинарных казарм, а также ряда вышестоящих воинских должностных лиц и самих заключенных, устанавливаются режимные требования, характер и порядок применения исправительного воздействия, меры поощрения и взыскания, основания и условия освобождения и т.п.

Вся полнота ответственности перед вышестоящим командованием за управление военной тюрьмой и Дисциплинарными казармами возлагается на их командира. Командир учреждения должен:

- каждый день проверять военную тюрьму и Дисциплинарные казармы,
- проводить собеседование с заключенным вскоре после его приема, как только это будет возможно, и обеспечить доведение до него положений инструкций в отношении его прав и обязанностей;
- видеть каждого заключенного один раз в день при выполнении распорядка дня, и один раз в неделю между 23.00 часами и подъемом;
- обеспечить посещение каждого заключенного, подвергнутого исправительным мерам в виде карцера или диеты, не менее, чем один раз в три часа сотрудника-

¹ URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-policies-standards-queens-regulations-orders/index.page>. О правовой природе Regulations и их юридической силе см. подроб.: Попова М. А. Виды актов делегированного законодательства в Великобритании // Российское правосудие. 2014. № 6.

² URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-policies-standards-queens-regulations-orders-vol-04/appx-01-04.page>

ми охраны с внесением записей о каждом из таких посещений в Журнал контроля исправительных мер;

- обеспечить уведомление медицинского работника обо всех случаях заболевания или травмирования заключенного;
- по рекомендации медицинского работника прекращать или изменять установленный распорядок и программу обучения заключенного, в случае его неспособности к участию в них;
- ежедневно проверять Книгу записи больных и обеспечить выполнение назначенного врачом лечения; и
- сотрудничать с капелланами в надлежащем исполнении их обязанностей в военной тюрьме или Дисциплинарных казармах.

Сотрудниками исправительного учреждения, чьи обязанности устанавливаются Инструкцией, являются также старший сержантского состава и начальник медицинской службы. Еще дополнительно регламентируются обязанности тюремного священника.

В любое время командир или любой сотрудник исправительного учреждения также могут обыскать заключенного для реализации запрета иметь предметы, с которыми он может ранить себя или других, произвести побег или повредить имущество.

Отдельной категорией воинских должностных лиц, обязанности которых подробно регламентируются Инструкцией, выступают проверяющие офицеры, назначаемые для периодического инспектирования военных тюрем и Дисциплинарных казарм. Начальник Штаба национальной обороны назначает такого офицера для всех военных тюрем или Дисциплинарных казарм, а соответствующее командование, в подчинении которого находится военная тюрьма или Дисциплинарные казармы, должно назначить для каждого исправительного учреждения своего проверяющего офицера в звании не ниже майора на срок не менее одной недели, командидуемого для исполнения обязанностей по списку на сменной основе.

Во время каждого посещения проверяющий офицер осматривает военную

тюрьму или Дисциплинарные казармы, чтобы установить, соблюдаются ли в них инструкции и приказы. Непременным также является проведение опроса каждого заключенного о наличии у него каких-либо жалоб, в том числе в конфиденциальной форме по его просьбе. При отсутствии командира проверяющий офицер принимает меры в случае недобросовестного поведения заключенных и подписывает документы, их касающиеся. Обо всех своих посещениях исправительных учреждений проверяющий офицер составляет отчет вышестоящему командованию.

Предусматривается также возможность назначения вышестоящим командованием старшего проверяющего офицера в звании не ниже подполковника при обращении командира исправительного учреждения по поводу предполагаемого недобросовестного поведения заключенного, для наказания за которое командиру недостаточно полномочий. Разбирательство в этом случае проводит старший проверяющий офицер.

Прием осужденных в исправительные учреждения осуществляется в любой день, кроме воскресенья. При себе осужденный должен иметь приказ о заключении (*committal order*) и другие документы, предписанные начальником Штаба национальной обороны. Если осужденный является лицом сержантского состава, то он должен быть надлежащим образом одет и иметь при себе необходимые предметы обмундирования, моющие средства, личные туалетные принадлежности и деньги из расчета минимум двадцать пять центов на каждый день исполнения наказания, превышающего шестьдесят дней.

После поступления заключенный обыскивается, осматривается начальником медицинской службы, взвешивается и, в случае необходимости, фотографируется и дактилоскопируется.

Командованием при этом обеспечивается ознакомление заключенного с инструкциями, регламентирующими поведение, режим и обучение в военной тюрьме или Дисциплинарных казармах.

При приеме в учреждение у заключенных изымаются деньги, личная собствен-

ность, бритвы и сигареты. Ценная личная собственность должна быть вложена в конверт, а затем размещена в запертом хранилище, сейфе или несгораемом шкафу. Деньги заключенного помещаются в отдельный денежный ящик, который также хранится в запираемом хранилище, сейфе или несгораемом шкафу. Предметы обмундирования и личная собственность небольшой стоимости складываются в рюкзак, в отдельный ящик или складываются в специальном месте для хранения, которое маркируется именем заключенного. Вся собственность заключенного регистрируется в специальной книге. Бритва выдается каждый день только для утреннего умывания, а сигареты предоставляются заключенному только для курения в установленных случаях. Все изъятое возвращается заключенному при освобождении.

Заключенные отбывают наказание в своей военной униформе. При привлечении к работам ими носят рабочие комбинезоны. Униформа и другая одежда должны содержаться в чистоте, опрятности и исправном состоянии. Каждый заключенный должен поддерживать высокий стандарт личной гигиены. Стрижка заключенного должна соответствовать нормальному военному стандарту.

Заключенный помещается в камере, соответствующей санитарно-гигиеническим требованиям по освещению, отоплению, вентиляции и т.п. Заключенному должна быть предоставлена возможность вызова охраны в любое время. Два заключенных не могут содержаться в одной камере, кроме как по специальному приказу командира учреждения. При этом насколько это возможно, отдельно должны содержаться военнослужащие, находящиеся под стражей и уже осужденные к лишению свободы. Камеры с заключенными и некоторые другие помещения должны запираются. Заключенные не должны иметь возможность распоряжаться ключами от запертых помещений.

Права осужденных. Заключенный имеет право участвовать в богослужениях и общаться со священниками на территории военной тюрьмы или Дисциплинарных казарм.

При хорошем поведении заключенного, командир может разрешить заключенному в установленное время и в отведенном месте в присутствии и в зоне слышимости охраны принять посетителей. Перед предоставлением свидания посетители могут быть обысканы. Посетители женского пола обыскиваются женщинами, а обыск посетителя мужского пола должен проводиться конфиденциально одним охранником в присутствии другого охранника. Посетитель может быть не допущен или удален из военной тюрьмы или Дисциплинарных казарм по усмотрению командира.

Вместе с тем командир обязан разрешить свидание между заключенным и его военным защитником или адвокатом в любое соответствующее время. Это свидание должно проводиться в пределах видимости, но не слышимости сотрудников охраны. Командир также может разрешить свидание с официальными лицами — офицерами и сержантами СФ, сотрудниками федеральной, провинциальной или муниципальной полиции, а также профессиональными юристами.

Заключенному разрешается посылать и получать почту, т.е. письма, телеграммы, посылки и другие отправления. Командир имеет право тщательно проверить всю почту и отказать в получении любого отправления, который он считает вредным для морального состояния заключенного, установленного порядка или безопасности деятельности военной тюрьмы или Дисциплинарных казарм.

При получении заключенным посылки, она должна быть открыта в его присутствии. Содержимое посылки проверяется и, при наличии к тому оснований, в ее получении может быть отказано. В таком случае запрещенные предметы передаются на хранение с другим имуществом заключенного, а ему выдается квитанция с описью изъятого.

Отдельно следует упомянуть о том, что осужденные на срок не более 2 лет и отбывающие наказание в гражданском исправительном учреждении, Дисциплинарных Казармах или военной тюрьме не лишаются права голосовать в федеральной избирательной компании. Такого права лишены только военнослужащие, осужденные на

срок более двух лет. Наличие такого права представляет определенный интерес в свете постановления Европейского суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против России» от 4 июля 2013 г., признавшего нарушением действующий в Российской Федерации запрет избирать лицам, находящимся в местах лишения свободы¹.

Установленный режим и обучение требует от заключенного максимум усилий и самой строгой дисциплины. При этом никакой заключенный не должен подвергаться каким-либо режимным ограничениям или учебным мероприятиям, которые были бы вредны для его физического или психического здоровья. Без ущерба для процесса обучения заключенный может быть задействован на уборке, техническом обслуживании зданий учреждения или противопожарных работах. Особо отмечается в нормативных документах нежелательность какого-либо задействования заключенных в пределах видимости посторонних людей, находящихся возле военной тюрьмы или Дисциплинарных казарм.

Распорядок дня в исправительном учреждении подразделяется на обычный и воскресный. Обычный распорядок предусматривает время для трехразового приема пищи, периодов учебной подготовки, чистки вооружения, выполнения общих задач, внеплановых построений и написания писем. Воскресный распорядок дня должен применяться во все воскресенья, Рождество, Страстную Пятницу и другие дни, определяемые начальником Штаба национальной обороны. По своему содержанию он значительно отличается от обычного более поздним временем подъема, сокращением времени обучения и наличием времени для привилегий.

Обучение заключенных в военных исправительных учреждениях разделяется на две стадии. Первая стадия должна начинаться в день вынесения приговора и продолжаться пока заключенный не заслужит продвижения на вторую стадию, но не ранее чем через четырнадцать дней.

Во время первой стадии заключенный не имеет право на общение с другими заключенными, курение, пользование библиотекой и встречи с посетителями за исключением посещения официальными лицами.

Когда заключенный продвигается до второй стадии, то он получает право на указанные привилегии, а также возможность освобождения от дальнейшего отбывания наказания.

Для продвижения заключенного на следующую стадию, а также для определения той части наказания, от дальнейшего отбывания которой он может быть освобожден, применяется система марок. Эта система заключается в том, что заключенному за каждый день при условии его хорошего поведения, проявления трудолюбия и прилежания во время обучения, а также осознания смысла воинской дисциплины и соблюдении формы одежды начисляется определенное количество марок.

Когда заключенный заработает достаточное число марок, то число дней оставшегося наказания подлежит уменьшению, а заключенный — досрочному освобождению².

Нарушение заключенным установленного порядка и дисциплины является актом недостойного поведения и влечет применение соответствующих исправительных мер.

К акту недостойного поведения в обязательном порядке относится:

- непочтительность к любому сотруднику исправительного учреждения, посетителю или другому лицу;
- безделье, небрежность, халатность или отказ работать;
- непочтительное поведение на богослужении;
- использование богохульного или другого неподходящего выражения;
- непристойность в языке, акте или жесте;
- общение или попытки общения с другим заключенным или иным лицом без разрешения;

¹ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 2.

² Порядок расчета см. в ст. 5.08 Regulations for Service Prisons and Detention Barracks.

- пение, свист, или любой ненужный шум;
- оставление места службы или любого помещения без разрешения;
- преднамеренное повреждение или попытки повреждения любой части военной тюрьмы или Дисциплинарных казарм, или любых предметов, к которым у заключенного есть доступ;
- причинение ущерба или попытка причинения ущерба;
- владение любым предметом без разрешения;
- перевозка, прием, попытка передать или получить от какого-либо человека любой предмет без разрешения;
- невнимание при выполнении любой обязанности или в процессе обучения.

Применяемые исправительные меры четко регламентированы и включают в себя: одиночное заключение; диету № 1; диету № 2; потерю привилегий; конфискацию марок, заработанных для освобождения. Не могут использоваться в качестве исправительных мер порка розгами, избиение палкой, любое из наказаний, назначаемое за совершение воинских преступлений, а также какое-либо ограничение, увеличивающее срок отбываемого лишения свободы.

Одиночное заключение состоит в помещении заключенного с согласия медицинского работника в комнату или камеру, специально обособленную для этой цели. Два раза в день ему предоставляется возможность для физических упражнений в течение тридцати минут. При этом заключенному не начисляются марки, и он лишается всех привилегий.

При применении диеты № 1 и диеты № 2 заключенный ограничивается в пище и лишается привилегий. Назначение диет не может осуществляться без согласия начальника медицинской службы исправительного учреждения. Исправительная мера лишения привилегий заключается в реализации запретов заключенному общаться с другими осужденными; курить и встречаться с посетителями.

При конфискации марок их общее количество, зафиксированное у заключенного

Журнале учета марок, уменьшается на соответствующее число.

Право наложения исправительных мер предоставлено командиру и проверяющим офицерам, и осуществляется ими в следующем порядке. При обнаружении недостойного поведения заключенного или при наличии подозрения в недостойном поведении составляется Отчет о недостойном поведении, и заключенный согласно установленному порядку должен предстать перед командиром, старшим проверяющим офицером или проверяющим офицером. Данные должностные лица должны установить детали предполагаемого недостойного поведения и получить по этому поводу объяснение заключенного. Если командир, старший проверяющий офицер или проверяющий офицер убедятся в том, что заключенный неправильно себя вел, они могут принять такие меры, какие, по их мнению, будут обоснованными и справедливыми. При применении исправительной меры офицер, ее наложивший, должен полностью разъяснить заключенному ее цели и содержание.

Когда заключенный утерял или повредил имущество военной тюрьмы или Дисциплинарных казарм, командир в дополнение к любой назначенной исправительной мере может подать рапорт с полными подробными сведениями о потерях или повреждениях командиру этого заключенного для решения вопроса о возмещении причиненного ущерба.

Помимо исправительных мер командованию военной тюрьмы и Дисциплинарных казарм предоставлено право применять к заключенным физические ограничения в виде смиренной рубашки или наручников, которые по своей сути к исправительным мерам не относятся.

Заключенный подлежит ограничению только в случаях крайней необходимости предотвращения нанесения раны себе или другим, или причинения имущественного ущерба. Срок ограничения не может превышать двадцати четырех часов. Для большего периода ограничения должен быть получен письменный приказ вышестоящего командования.

Освобождение от отбывания наказания в воинских исправительных учреждениях осуществляется только при истечении срока наказания или его приостановления в установленном порядке.

Срок наказания считается законченным, когда сумма фактически отбывших дней наказания и число дней, на которые по накопленным маркам срок наказания подлежит сокращению, равняется сроку лишения свободы или ареста, к которым был приговорен заключенный. В последний день наказания он может быть задержан до 23:59 часов. Если наказание заключенного заканчивается в воскресенье, то в соответствии с установленным порядком освобождения от наказания, считается, что наказание было закончено в предыдущий учебный день.

Когда заключенный освобождается из военной тюрьмы или Дисциплинарных казарм, командиру подразделения, в которое заключенный направляется должно быть отправлено Свидетельство об освобождении, форма которого утверждена в Инструкции. Также в случае необходимости командир исправительного учреждения должен уведомить командира заключенного об ожидаемой дате его освобождения за достаточное количество времени, чтобы командир мог предпринять любые необходимые приготовления для возвращения заключенного.

Что же касается практических результатов работы *CFSPDB*, то информацию о них можно получить в ежегодно публикуемом отчете начальника военной полиции *CF* (*Canadian Forces Provost Marshal Annual Report*).

В частности, в 2010 г. в *CFSPDB* 25 военнослужащих отбывали арест за совершение дисциплинарных проступков, а 5 человек лишение свободы (1 рецидивист) за сексуальные домогательства, небрежное исполнение обязанностей по военной службе, незаконный оборот наркотиков и хищение вверенного по службе имущества. Один осужденный военнослужащий был передан в гражданское исправительное учреждение в соответствии со ст. 220 Закона о Национальной обороне, т.е. в связи с превышением 2-х летнего срока содержания в *CFSPDB*.

В дальнейшие годы количество осужденных к лишению свободы снижалось и в 2013—2014 гг. в *CFSPDB* содержались только приговоренные к аресту за употребление спиртного или наркотиков.

Так же *CFSPDB*, как центр передового опыта *CF* по обучению содержанию задержанных военнослужащих и интернированных лиц, активно проводит обучающие программы для военнослужащих *CF* по их подготовке к выполнению обязанностей по охране интернированных или отбывающих заключение военнослужащих, как на территории Канады, так и на территориях иностранных государств при участии в международных операциях¹.

В рамках взаимодействия с аналогичными службами в 2012—2014 гг. сотрудники *CFSPDB* в составе группы военных полицейских *CF* принимали участие в нескольких совместных с американскими военными полицейскими учениях «*EXERCISE GUARDIAN JUSTICE*», проходивших в Форте Блисс, Техас².

Подводя краткие итоги, следует отметить, что правовая регламентация лишения свободы в *CF* имеет много общего с аналогичными институтами в Вооруженных силах США, Австралии и Великобритании. Вместе с тем, отличительными особенностями Канады является законодательное закрепление собственной системы военной юстиции, а также наличие целей назначения наказания и значительные полномочия органов военного управления по определению места отбывания наказания осужденными военнослужащими.

Библиография

1. An Overview of Canada's Military Justice System // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-military-law/military-justice-overview.page>.

¹ URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-cfpm-annual-reports/2010-cfpm-annual-report.page#canadian>. URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-cfpm-annual-reports/2013-2014-fiscal-cfpm-annual-report.page#services>

² Bell M. Canadian Forces PMO visits Guardian Justice / URL: www.army.mil/article/88432/Canadian_Forces_PMO_visits_Guardian_Justice/

2. Bell, M. Canadian Forces PMO visits Guardian Justice // www.army.mil/article/88432/Canadian_Forces_PMO_visits_Guardian_Justice/.

3. Canadian Forces Provost Marshal Annual Report — 2010 // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-cfpm-annual-reports/2010-cfpm-annual-report.page#canadian>.

4. Canadian Forces Provost Marshal Report — Fiscal Year 2013—2014 // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-cfpm-annual-reports/2013-2014-fiscal-cfpm-annual-report.page#services>.

5. Judge Advocate General Annual Report 2010—11 // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-military-law-annual-2010-11/index.page>.

6. Military Justice at the Summary Trial // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-military-law-summary-trial-level/index.page>.

7. Military law // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-military-law/fed-prov-terr-electoral-events.page>.

8. Military Police // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/caf-community-support-services-military-police/index.page>.

9. Military Police // URL: http://www.forces.gc.ca/en/job/militarypolice-75?olPlayer=0s&module=cue_75_1.

10. Queen's Regulations and Orders for the Canadian Forces // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-policies-standards-queens-regulations-orders/index.page>.

11. Regulations for service prisons and detention barracks // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-policies-standards-queens-regulations-orders-vol-04/appx-01-04.page>.

12. Володин, Д. А. Трансформация Канадских Вооруженных сил // URL: <http://www.rusus.ru/print.php?id=188>.

13. Вооруженные силы зарубежных стран: справочные данные // Зарубежное военное обозрение. — 2011. — № 7. — С. 66—105.

14. Григорьев, Д. Сухопутные войска Канады / Д. Григорьев // Зарубежное военное обозрение. — 2016. — № 9. — С. 41 — 45.

15. Ескатова, Г. К. Исправительная система англоязычных стран / Г. К. Ескатова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2009. — № 1. — С. 45—48.

16. Закон о Национальной обороне 1985 года // URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/N-5/page-1.html>.

17. Кунаш, К. А. Пенитенциарная система Канады / К. А. Кунаш, О. В. Обернихина // Вестник Кузбасского института. — 2013. — № 2 (15). — С. 49 — 57.

18. Попова, М. А. Виды актов делегированного законодательства в Великобритании / М. А. Попова // Российское правосудие. — 2014. — № 6. — С. 33—40.

19. Семенов, С. Вооруженные силы Канады / С. Семенов // Зарубежное военное обозрение. — 1985. — № 11.

Club Ed or Canadian Forces correctional facility

© Vorobyev A. G.,

senior lecturer, Department of Criminal Law, Military University of Defense Ministry,
the PhD in Law, godo.07@mail.ru

Abstract. The article examines the specifics of the execution of criminal penalties related to imprisonment in the military correctional facility of the Canadian Forces.

Keywords: service prison and detention barracks, service detainee, service prisoner, service convict, purpose and goals of sentencing.

Bibliography

1. An Overview of Canada's Military Justice System // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-military-law/military-justice-overview.page>.

2. Bell, M. Canadian Forces PMO visits Guardian Justice // www.army.mil/article/88432/Canadian_Forces_PMO_visits_Guardian_Justice/

3. Canadian Forces Provost Marshal Annual Report — 2010 // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-cfpm-annual-reports/2010-cfpm-annual-report.page#canadian>.

4. Canadian Forces Provost Marshal Report — Fiscal Year 2013—2014 // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-cfpm-annual-reports/2013-2014-fiscal-cfpm-annual-report.page#services>.

5. Judge Advocate General Annual Report 2010—11 // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-military-law-annual-2010-11/index.page>.
 6. Military Justice at the Summary Trial // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-military-law-summary-trial-level/index.page>.
 7. Military law // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-reports-pubs-military-law/fed-prov-terr-electoral-events.page>.
 8. Military Police // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/caf-community-support-services-military-police/index.page>.
 9. Military Police // URL: http://www.forces.ca/en/job/militarypolice-75?olvPlayer=0s&module=cue_75_1.
 10. Queen's Regulations and Orders for the Canadian Forces // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-policies-standards-queens-regulations-orders/index.page>.
 11. Regulations for service prisons and detention barracks // URL: <http://www.forces.gc.ca/en/about-policies-standards-queens-regulations-orders-vol-04/appx-01-04.page>.
 12. Volodin, D.A. Transformation of Canadian Forces // URL: <http://www.rusus.ru/print.php?id=188>.
 13. The overseas Armed forces: reference data [Text] // Foreign military review. — 2011. — № 7. — P. 66—105.
 14. Grigor'ev, D. Canadian Army / D. Grigor'ev // Foreign military review. — 2016. — № 9. — P. 41—45.
 15. Eskatova, G. K. Penal system of the English-speaking countries / G. K. Eskatova // Uголовno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie. — 2009. — № 1. — P. 45—48.
 16. National Defence Act, R.S.C., 1985, c. N-5 // URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/N-5/page-1.html>.
 17. Kunash, K. A. Penal system of Canada / K. A. Kunash, O. V. Obernihina // Bulletin of the Kuzbass Institute. — 2013. — № 2 (15). — P. 49—57.
 18. Popova, M. A. Types of Statutory Instruments in the Great Britain / M. A. Popova // Russian Justice Journal. — 2014. — № 6. — P. 33—40.
 19. Judgment of the European Court of Human Rights in the case of Anchugov and Gladkov vs. Russia [Text] // Information Notes on the Court's Case-Law. Russian publication. — 2014. — № 2.
 20. Semenov, S. Canadian Forces / S. Semenov // Foreign military review. — 1985. — № 11.
-

Уровни правового регулирования международного сотрудничества органов федеральной службы безопасности в сфере подготовки кадров

© Кулык С. Ф.,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук, сотрудник ООО «Центр экспертизы и правовой защиты»

Аннотация: в статье выделены уровни правового регулирования международного сотрудничества органов федеральной службы безопасности в сфере подготовки кадров: международный и государственный (внутригосударственный) уровни.

Ключевые слова: правовое регулирование, уровень правового регулирования, международное сотрудничество, органы безопасности, подготовка кадров, международный уровень, государственный уровень.

Рецензент — Е. Н. Холопова, доктор юридических наук, профессор.

Характер использования Российской Федерацией политических, дипломатических, правовых, военных и других инструментов защиты своих национальных интересов, обеспечение безопасности России и ее союзников напрямую связаны с политическими процессами, происходящими в мире, и положением нашей страны на мировой арене. Международное сотрудничество органов федеральной службы безопасности, в том числе и в сфере подготовки кадров, вносит весомый вклад в формирование стабильной внешнеполитической ситуации вокруг Российской Федерации. Более того, в современном обществе от уровня и качества развития международного сотрудничества органов безопасности в сфере образования также зависят и государственная социальная политика, и стратегия экономического и политического развития страны.

Очевидно, что общественные отношения, складывающиеся в ходе международного сотрудничества органов безопасности в сфере подготовки кадров, требуют адекватного правового регулирования, которое в свою очередь необходимо разделять на определенные уровни¹.

При рассмотрении уровней правового регулирования международного сотрудничества органов безопасности в сфере подготовки кадров, прежде всего, необходимо ознакомиться с основными теоретическими подходами, на которых базируется понятие «правовое регулирование» в целом.

Так, по мнению В. С. Нерсисянца, «правовое регулирование» представляет собой соответствующую требованиям принципа формального равенства форму упорядочения общественных отношений путем официально-властного установления различных общеобязательных правил (норм) поведения людей и их взаимоотношений².

В свою очередь В. А. Козбаненко³ определяет правовое регулирование как юридическую функцию, реализуемую в процессе воздействия государства на общественные отношения с помощью юридических норм (норм права, правовых норм), легитимность и обязательность исполнения которых поддерживаются обществом и обеспечиваются возможностями применения средств государственного принуждения.

² Лапаева В. В. Правовой принцип формального равенства // Журнал российского права. 2008. № 2 (134). С. 68.

³ Козбаненко В. А. Правовое регулирование и правовое обеспечение государственного управления: сущность и содержание : учебно-метод. пособие. М. : ИПК Госслужбы, 2002. С. 5—8.

¹ Фаткуллин Ф. Ф. Теория государства и права : учебник / под ред. Ф. К. Зиннурова. Казань : КЮИ МВД России, 2009.

А. В. Малько и С. С. Алексеев считают, что правовое регулирование представляет собой властное воздействие государства на общественные отношения посредством применения правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.)¹. Необходимо отметить, что подобной точки зрения придерживается большинство ученых-правоведов.

Правовое регулирование общественных отношений в международном праве принято называть международно-правовым регулированием. Оно является видом общего правового регулирования и представляет собой согласованную волю сотрудничающих сторон, целью которых является упорядочение международных общественных отношений².

Некоторые исследователи считают, что международно-правовое регулирование выражается в разработке международных стандартов в определенной области правоотношений, гармонизации и координации национальных законодательств. Это регулирование следует рассматривать как добровольно-обязательное и дополнительное к национальному законодательству. Оно основывается на ратификации международных договоров и иных актов международных организаций и их органов, участником которых является Россия. Кроме того, это достигается путем заключения двух- и многосторонних правовых договоров с другими государствами либо включения международных норм в текст российских законов³.

Результаты анализа и систематизации многочисленных источников, связанных с правовым регулированием международного сотрудничества органов государственной власти, в том числе и органов безопасности в сфере подготовки кадров, позволили

обосновать понятия «правовое регулирование международного сотрудничества» и «правовое регулирование международного сотрудничества органов безопасности». Под правовым регулированием международного сотрудничества понимается осуществляемое при помощи правовых средств нормативно-организационное воздействие двух или нескольких государств на общественные отношения, определяющее порядок этих отношений в определенной сфере⁴.

Под правовым регулированием международного сотрудничества органов безопасности в сфере подготовки кадров следует понимать целенаправленное организационно-правовое воздействие двух или нескольких сотрудничающих государств на общественные отношения, складывающиеся между специальными службами органами государственной безопасности, правоохранительными и иными компетентными органами, а также международными организациями по вопросам подготовки специалистов сторон.

С понятием «правовое регулирование» неразрывно связан термин «уровень правового регулирования». Посредством разделения правового регулирования на уровни происходит его классификация. Выбор основания для проведения классификации и выделения тех или иных уровней правового регулирования зависит от характера общественных отношений, требующих урегулирования. Анализ этих уровней, расположенных в разных плоскостях, имеет существенное научное и практическое значение.

Существует общий подход к определению уровней правового регулирования. Так, например, Ф. Н. Фаткуллин и Ф. Ф. Фаткуллин считают, что правовое регулирование в обществе относится к разряду многоуровневых явлений, и разные уровни общего пра-

¹ Малько А. В. Механизм правового регулирования // Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2001. С. 672; Алексеев С. С. Общая теория права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. С. 137.

² Дубинкина С. Н. Международно-правовое регулирование международной торговли услугами : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2007.

³ Мачульская Е. Е., Добромыслов К. В. Право социального обеспечения : учеб. пособие и практикум. М. : Книжный мир, 2010.

⁴ Кондратюк А. В. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств в сфере образования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2007; Василевич Т. А. Международно-правовые проблемы сотрудничества в сфере обеспечения энергетической безопасности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2008; Саматов О. Ж. Международно-правовое регулирование межгосударственных отношений в Содружестве Независимых Государств : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10. М., 2006 и др.

вового регулирования выделяются, прежде всего, при изучении его в срезе, отражающем характер и степень общности тех общественных отношений, на которые оказывается властное юридическое воздействие. Поэтому авторы выделяют базовый, средний (развивающий) и детализирующий уровни правового регулирования¹.

К базовому уровню правового регулирования относятся исходные, наиболее крупномасштабные общественные отношения, составляющие остов во всех основных сферах жизнедеятельности людей.

Второй, средний (развивающий) уровень затрагивает общественные отношения, которые, будучи наиболее характерными проявлениями отдельных сторон базовых отношений, могут моделироваться в нормативно-правовых предписаниях таким образом, что эти предписания вовсе не нуждаются в дальнейшей конкретизации посредством дополнительных нормативных актов, либо прямо отсылают или предполагают издание таких актов.

Детализирующий уровень правового регулирования присущ ведомственным инструкциям и другим нормативно-правовым актам местного или локального значения.

Существенное научное и практическое значение имеет исследование уровней общего правового регулирования в плоскости, отражающей пространственные пределы действия принимаемых нормативных актов. В этом срезе следует различать общегосударственный (федеральный), региональный, местный, локальный и международный уровни общего правового регулирования общественных отношений. Первый из них рассчитан на властное упорядочение соответствующих отношений на всей территории данного государства, второй — на территориях регионов (субъектов федерации), третий — на территориях городов, районов и отдельных населенных пунктов, четвертый — в пределах той или иной организации (предприятия, учреждения, товарищества, общества и т.п.). Международный уро-

вень регулирования практикуется при организации жизненных отношений, связанных с сотрудничеством между странами. В различных конвенциях, соглашениях, единообразных законах, декларациях и т.п. международным сообществом устанавливаются правила поведения государств и их представителей, имеющие юридическое значение².

В правовом регулировании общественных отношений в оперативно-разыскной деятельности (ОРД) также различают уровни правового регулирования в зависимости от юридической силы нормативных правовых актов, составляющих правовую основу ОРД. Выделяют следующие уровни правового регулирования: международный (международно-правовой), конституционный, законодательный, подзаконный³.

Ю. Л. Смирникова, изучая проблемы финансового права, выделяет уровни правового регулирования финансовых отношений — международно-правовой, федеральный, региональный, муниципальный. В каждом из них проявляются особенности реализации регулятивной функции финансового права, а между уровнями существуют системообразующие связи (субординации и координации), обеспечивающие единство отрасли финансового права⁴.

Критериями выделения названных уровней выступают пространственная ограниченность юридической силы финансовых нормативных правовых актов и объекты финансово-правового регулирования. При этом базовым уровнем правового регулирования является конституционно-правовой.

Результаты анализа научных работ, посвященных проблематике выделения уров-

¹ Фаткуллин Ф. Н., Фаткуллин Ф. Ф. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Казань : КЮИ МВД России, 2003.

² Фаткуллин, Ф. Н. Проблемы теории государства и права : курс лекций / под науч. ред. Марченко М. Н. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1987.

³ Теория оперативно-розыскной деятельности : учеб. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М. : ИНФРА-М, 2006; Теория оперативно-розыскной деятельности : учеб. / под ред. К. К. Горяинова и др. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2012; Теория оперативно-розыскной деятельности : учеб. / под ред. К. К. Горяинова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2016.

⁴ Смирникова Ю. Л. Регулятивная функция финансового права: системный подход и реализация : дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14. М., 2012.

ней правового регулирования, свидетельствуют, что данная классификация необходима для упорядочения общественных отношений, требующих правового регулирования. В качестве основных критериев выделения уровней правового регулирования общественных отношений используется общий подход через юридическую силу нормативных правовых актов, с помощью которых и осуществляется правовое регулирование.

В случае выделения уровней правового регулирования международного сотрудничества органов безопасности в сфере подготовки кадров, следует использовать критерий классификации, основанный на юридической силе нормативных правовых актов. Предлагается выделить международный уровень правового регулирования и государственный (внутригосударственный) уровень.

Рассмотрим характеристику каждого уровня и выделим особенности.

Международный уровень правового регулирования международного сотрудничества органов безопасности в сфере подготовки кадров представлен целым рядом межгосударственных, межправительственных и межведомственных договоров, соглашений, конвенций, решений.

Особенностью данного уровня является необходимость разделения всех нормативных правовых актов (договоров), относящиеся к международному уровню правового регулирования на: универсальные международные договоры, международные договоры регионального и локального (партикулярного) характера. Данная классификация проведена в соответствии с подходом, разработанным А. Ю. Иванченко¹, изучавшим международно-правовое положение воинских формирований и военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, находящихся на территории государств — участников СНГ.

¹ Иванченко А. Ю. Международно-правовое положение воинских формирований и военнослужащих вооруженных сил Российской Федерации, находящихся на территории государств — участников СНГ : дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03. М., 2000.

Международный уровень правового регулирования практикуется при организации общественных отношений, связанных с сотрудничеством между странами. В различных конвенциях, соглашениях, единообразных законах, декларациях и т.п. международным сообществом устанавливаются правила поведения государств и их представителей, имеющие юридическое значение. Таких правил немало в области внешних сношений, внешнеэкономических связей, перевозок, расчетов и разрешения различных споров, они подробно изучаются в международном публичном и международном частном праве. Россия активно участвует в их разработке, конституционно закрепила положение о том, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» (ст. 15 Конституции Российской Федерации). Поэтому данный уровень общего правового регулирования имеет важнейшее значение².

На данном уровне общественные отношения регулируются посредством норм международного права (договоров), которые можно разделить на: универсальные международные договоры, международные договоры регионального и локального (партикулярного) характера.

К международным договорам универсального характера относятся договоры, признаками которых являются глобальность действия и всеобщая обязательная сила, созданные международным сообществом в целом³. Одной из характерных черт таких договоров является наличие в них комплекса императивных норм (*juscogens*), обладающих особой юридической силой, заключающейся в недопустимости отклонения от таких норм во взаимоотношениях отдельных государств даже путем их соглашения.

² Фаткулин Ф. Н., Фаткулин Ф. Ф. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие. Казань : КЮИ МВД России, 2003.

³ Талалаев А. Н. Право международных договоров. Т. 1. Общие вопросы / отв. ред. Л. Н. Шестаков. М. : Зерцало, 2011.

Противоречащий им договор будет ничтожным¹.

В качестве примеров международных договоров универсального характера можно привести: Устав Организации Объединенных Наций, Устав Содружества Независимых Государств, Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Венскую конвенцию о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.

Ко второй группе международных договоров, регламентирующих вопросы международного сотрудничества органов безопасности в сфере подготовки кадров, относятся международные договоры регионального характера, заключенные в соответствии с положениями ст. 52 Устава ООН².

В теории международного права к таким договорам относятся международные правовые акты государств определенного географического района. Следует согласиться с В. М. Шуршаловым³, который определяет международные договоры регионального характера как соглашения, охватывающие государства, расположенные в непосредственной близости друг к другу, относящиеся к конкретному географическому региону.

К указанной группе договоров следует относить международные договоры, заключенные в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также между

отдельными государствами дальнего зарубежья.

Наиболее важное место в группе международных договоров регионального характера занимает Устав Содружества Независимых Государств, Модельный закон «Об образовании», Соглашение о сотрудничестве в области образования, Соглашение о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства Содружества Независимых Государств, Договор о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом от 4 июля 1999 г.

Среди иных международных договоров регионального характера важное место также занимают Хартия Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 7 июня 2002 г.) и Концепция сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

К третьей группе автор относит международные договоры локального (партикулярного) характера, то есть договоры, которые в рамках международного права регулируют конкретные отношения двух или более государств, не носящие характера всеобщности. В большинстве случаев это двусторонние договоры.

Государственный уровень правового регулирования международного сотрудничества органов безопасности в сфере подготовки кадров или как его еще называют внутригосударственный уровень⁴. Данный уровень представлен всей совокупностью нормативных правовых актов Российской Федерации в строгой иерархии в зависимости от юридической силы.

К нормативным правовым актам государственного уровня правового регулирования относятся Конституция Российской Федерации, федеральные законы «О международных договорах Российской Федерации», «О безопасности», «О противодействии терроризму», «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с ино-

¹ Венская конвенция о праве международных договоров : заключ. в г. Вене 23 мая 1969 г. : ст. 53 // Международное публичное право : сб. документов. Т. 1. М. : БЕК, 1996. С. 67—87.

² Устав ООН ни в коей мере не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения таких вопросов, относящихся к поддержанию международного мира и безопасности, которые являются подходящими для региональных действий, при условии, что такие соглашения или органы и их деятельность совместимы с Целями и Принципами ООН // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14—47.

³ Талалаев А. Н., Шуршалов В. М. Основные вопросы теории международного договора // Советский ежегодник международного права. М. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 432—434.

⁴ Березовская Е. В. Международное и внутригосударственное правовое регулирование. Проблемы соотношения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 2 (8). С. 76—79.

странными государствами», «Об образовании в Российской Федерации», «Об утверждении Федеральной программы развития образования», которые, в том числе, регулируют и отношения по подготовке кадров зарубежных партнеров.

В указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» и от 14 сентября 1995 г. № 940 «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами — участниками Содружества Независимых Государств» приоритетным является развитие разнопланового сотрудничества с государствами — участниками Содружества Независимых Государств.

Особый интерес представляют Концепция внешней политики Российской Федерации», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 ноября 2016 г. № 640, и Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию», утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259. Указанные нормативные правовые акты представляют систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации, в числе которых является усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве, содействие международному развитию.

Наиболее важными и актуальными на сегодняшний день являются нормативные правовые акты, касающиеся стратегических вопросов развития государства. К ним относятся Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, и Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 30 декабря 2014 г. № Пр-2976.

Следующими в иерархии нормативных правовых актов являются постановления Правительства Российской Федерации. Так, например, постановление Правительства Российской Федерации от 27 ноября 1995 г. № 1174 «О межправительственных согла-

шениях о развитии сотрудничества в области подготовки военных кадров и об организации связей взаимодействия в интересах управления вооруженными силами государств — участников Содружества Независимых Государств» содержит проект соглашения о развитии сотрудничества в области подготовки военных кадров одобренный всеми государствами — участниками СНГ.

В особую группу следует отнести ведомственные нормативные правовые акты, представленные приказами, распоряжениями, инструкциями и т.д. Безусловно, данные документы не могут быть рассмотрены ввиду ограниченности доступа к ним.

Таким образом, следует выделять международный и государственный (внутригосударственный) уровни правового регулирования международного сотрудничества органов безопасности в сфере подготовки кадров. Международный уровень правового регулирования представлен конвенциями, декларациями, соглашениями, договорами и т.д., которые в свою очередь подразделяются на универсальные международные договоры, международные договоры регионального и локального (партикулярного) характера. Государственный (внутригосударственный) уровень правового регулирования представлен всей совокупностью нормативных правовых актов Российской Федерации в строгой иерархии в зависимости от юридической силы.

Библиография

1. Алексеев, С. С. Общая теория права : учебник / С. С. Алексеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2009.
2. Березовская, Е. В. Международное и внутригосударственное правовое регулирование. Проблемы соотношения / Е. В. Березовская // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2012. — № 2 (8). — С. 76—79.
3. Василевич, Т. А. Международно-правовые проблемы сотрудничества в сфере обеспечения энергетической безопасности : дис. ... канд. юрид. наук / Т. А. Василевич. — М., 2008. — 164 с.
4. Дубинкина, С. Н. Международно-правовое регулирование международной торговли услугами : дис. ... канд. юрид. наук / С. Н. Дубинкина. — М., 2007. — 201 с.
5. Иванченко, А. Ю. Международно-правовое положение воинских формирований и военнотруж-

щих вооруженных сил Российской Федерации, находящихся на территории государств — участников СНГ : дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Иванченко. — М., 2000. — 323 с.

6. Козбаненко, В. А. Правовое регулирование и правовое обеспечение государственного управления: сущность и содержание : учебно-методич. пособие / В. А. Козбаненко. — М. : ИПК Госслужбы, 2002.

7. Кондратюк, А. В. Международно-правовое регулирование сотрудничества государств в сфере образования : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Кондратюк. — М., 2007. — 195 с.

8. Лапаева, В. В. Правовой принцип формального равенства / В. В. Лапаева // Журнал российского права. — 2008. — № 2 (134).

9. Мачульская, Е. Е. Право социального обеспечения : учеб. пособие и практикум / Е. Е. Мачульская, К. В. Добромислов. — М. : Книжный мир, 2010. — 416 с.

10. Саматов О. Ж. Международно-правовое регулирование межгосударственных отношений в Содружестве Независимых Государств : дис. ... д-ра юрид. наук / О. Ж. Саматов. — М., 2006. — 407 с.

11. Смирникова, Ю. Л. Регулятивная функция финансового права: системный подход и реализация: дис. ... д-ра юрид. наук / Ю. Л. Смирникова. — М., 2012. — 387 с.

12. Талалаев, А. Н. Основные вопросы теории международного договора / А. Н. Талалаев,

В. М. Шуршалов // Советский ежегодник международного права. — М. : Изд-во АН СССР, 1961.

13. Талалаев, А. Н. Право международных договоров : Том 1 : Общие вопросы / отв. ред. Л. Н. Шестаков / А. Н. Талалаев. — М. : Зерцало, 2011.

14. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юристъ, 2001.

15. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяйнова, В. С. Овчинского, Г. К. Сенилова. — М. : ИНФРА-М, 2006. — 832 с.

16. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяйнова [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2012. — 690 с.

17. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяйнова [и др.]. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2016. — 712 с.

18. Фаткуллин, Ф. Н. Проблемы теории государства и права : курс лекций; науч. ред. М. Н. Марченко / Ф. Н. Фаткуллин. — Казань : Изд-во Казан, ун-та, 1987. — 336 с.

19. Фаткуллин, Ф. Н. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / Ф. Н. Фаткуллин, Ф. Ф. Фаткуллин. — Казань : КЮИ МВД России, 2003. — 351 с.

20. Фаткуллин, Ф. Ф. Теория государства и права : учеб; под ред. Ф. К. Зиннурова / Ф. Ф. Фаткуллин. — Казань : КЮИ МВД России, 2009. — 351 с.

Levels of legal regulation of international cooperation of the federal security services in the field of training

© Kulyk S. F.,

the applicant the degree of candidate of legal Sciences, specialist of the LLC «Center for Expertise and Legal Protection»

Abstract. The article highlights the levels of legal regulation of international cooperation of the federal security services in the field of personnel training: international and state (domestic) levels.

Keywords: legal regulation, level of legal regulation, international cooperation, security bodies, training, international level, state level.

Bibliography

1. Alekseev, S. S. General theory of law : textbook / S. S. Alekseev. — 2 nd ed., recycled and additional. — М. : Prospect, 2009.

2. Berezovskaya, E. V. International and domestic legal regulation. Problems of correlation / E.V. Berezovskaya // Bulletin of the Kazan legal institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. — 2012. — № 2 (8).

3. Vasilevich, T. A. International legal problems of cooperation in the field of Ensuring energy security : dis. ... cand. jur. sciences / T. A. Vasilevich. — М., 2008. — 164 p.

4. Dubinkina, S. N. International legal regulation of international trade in services : dis. ... cand. jur. sciences / S. N. Dubinkin. — М., 2007. — 201 p.

5. Ivanchenko, A. Y. International legal status of military formations and servicemen of the armed forces of the Russian Federation located on the territory of the CIS member states : dis. ... cand. jur. sciences / A. Y. Ivanchenko. — M., 2000. — 323 p.
 6. Kozbanenko, V. A. Legal regulation and legal support of state management: the essence and content: manual / B. A. Kozbanenko. — M. : VTI State Service, 2002.
 7. Kondratyuk, A. V. International legal regulation of cooperation between states in the sphere of education : dis. ... cand. jur. sciences / A. V. Kondratyuk. — M., 2007. — 195 p.
 8. Lapaeva, V. V. Legal principle of formal equality / V. V. Lapaeva // Journal of Russian Law. — 2008. № 2 (134).
 9. Theory of state and law : course of lectures / ed. by N. I. Matuzova, A. V. Malko. — 2 nd ed., recycled and additional. — M. : Lawyer, 2001.
 10. Machulskaya, E. E. The right of social security : training manual and workshop / E. E. Machulskaya, K. V. Dobromyslov. — M. : The Book World, 2010. — 416 p.
 11. Samatov, O. Z. International legal regulation of interstate relations in the Commonwealth of Independent States : dis. ... dr. jur. sciences / O. Z. Samatov. — M, 2006. — 407 p.
 12. Smirnikova, Y. L. Regulatory function of financial law: a system approach and implementation: dis. ... dr. jur. sciences / Y. L. Smirnikova. — M., 2012. — 387 p.
 13. Talalayev, A. N. The main issues of the theory of an international treaty / A. N. Talalayev, V. M. Shurshalov // Soviet yearbook of International Law. — M. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1961.
 14. Talalaev, A. N. The law of international treaties : v. 1: General questions; Executive. ed. L. N. Shestakov / A. N. Talalaev — M. : Zertsalo, 2011.
 15. Theory of operational-search activity : textbook / ed. by K. K. Goryaryanov, B. C. Ovchinsky, G. K. Sinilova. — M. : INFRA-M, 2006. — 832 p.
 16. Theory of operational-search activity : textbook / ed. by K.K. Goryarynov [and others]. — 2 nd ed., recycled and additional. — M.: INFRA-M, 2012. — 690 p.
 17. Theory of operational-search activity : textbook / ed. by K. K. Goryarynov [and others]. — 3rd ed., recycled and additional. — M. : INFRA-M, 2016. — 712 p.
 18. Fatkullin, F. N. Problems of the theory of state and law : course of lectures, scientific / F. N. Fatkullin ; ed. by M. N. Marchenko. — Kazan : Kazan Publishing House, University, 1987. — 336 p.
 19. Fatkullin, F. N. Problems of the theory of state and law : Proc. Allowance / F. N. Fatkullin, F. F. Fatkullin. — Kazan : KLI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2003. — 351 p.
 20. Fatkullin, F. F. Theory of State and Law : textbook / F. F. Fatkullin; ed. by F.K. Zinnurov. — Kazan : KLI of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. — 351 p.
-

Сравнительно-правовой анализ условий материальной ответственности военнослужащих Российской Федерации и Кыргызской Республики

© Кыдыралиев К. Э.,

майор юстиции, офицер Вооруженных Сил
Кыргызской Республики, адъюнкт ФГКОУ ВО
«Военный университет

Аннотация. В статье проводится анализ условий наступления материальной ответственности военнослужащих, показаны пути развития законодательства.

Ключевые слова: материальная ответственность; условия материальной ответственности; реальный ущерб; закон; кодекс

Рецензент — В. М. Корякин, доктор юридических наук, доцент.

Нормами законов Кыргызской Республики и Российской Федерации, регламентирующих вопросы материальной ответственности военнослужащих¹, практически одинаково очерчен круг условий данного вида юридической ответственности:

- наличие вины военнослужащего, причинившего реальный ущерб;
- причинение ущерба при исполнении обязанностей военной службы;
- привлечение военнослужащих к материальной ответственности в течение 3-х лет с даты обнаружения ущерба².

Вместе с тем, анализ содержания указанных нормативных правовых актов, а также результатов научной и правоприменительной практики показывает, что законодатели обозначенных государств в соответствующих статьях предусмотрели не только условия наступления материальной ответственности военнослужащих, но и так называемые обстоятельства и юридические факты (события и действия)³, именуемые основаниями, ответственности.

В научной литературе нередко условия и основания понимаются как синонимы⁴. Так, авторы комментария к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих» (Н. Ч. Гусейнова, А. В. Титов, А. И. Тюрин) не разграничивают данные термины и выделяют только необходимые и достаточные условия материальной ответственности военнослужащих:

- нарушение военнослужащим нормы права (правонарушение);
- наличие реального ущерба имуществу воинской части;
- наличие причинно-следственной связи между совершенным военнослужащим правонарушением и наступившим реальным ущербом;
- нахождение военнослужащего в момент причинения ущерба имуществу воинской части при исполнении служебных обязанностей (общих, должностных, специальных);
- вина военнослужащего⁵.

¹ Федеральный закон от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих»; Закон Кыргызской Республики «О материальной ответственности военнослужащих»

² Отражены соответственно в ст. 3 Федерального закона и ст. 3 Закона Кыргызской Республики «О материальной ответственности военнослужащих».

³ Кот П. А. О некоторых проблемах законодательного регулирования материальной ответственности

военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 3.

⁴ См., например: Воробьев, Е. Г. О соотношении материальной и дисциплинарной ответственности военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2009. № 9; Ивагин, А. А., Цуканов О. В. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих». М.: За права военнослужащих, 2003.

⁵ Гусейнова Н. Ч., Титов А. В., Тюрин А. И. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности

При этом, указанные авторы, считают, что требование необходимости означает то, что только при одновременном наличии указанных условий может наступить материальная ответственность, а требование достаточности — то, что иные обстоятельства совершения военнослужащим правонарушения на саму возможность ее наступления не влияют¹.

К. С. Лиховидов² в своем диссертационном исследовании «Материальная ответственность военнослужащих» так же уделяет основное внимание основаниям, а не условиям материальной ответственности, тем самым фактически отождествляя данные категории.

С позиции рассмотрения условий возложения (или привлечения) на военнослужащих материальной ответственности как обстоятельств (признаков) правонарушения (реального ущерба, противоправности их поведения, причинной связи между действием (бездействием) и ущербом, вины в причинении ущерба) рассматривают данное явление авторы учебника «Военно-административное право»³.

Несколько иного мнения придерживается П. А. Кот, который указывает, что понятия «условия» и «основания», исходя из этимологического смысла этих терминов, смешивать нельзя⁴. Как указывает данный автор, согласно словарям русского языка термин «условие» представляет собой обстоятельство, от которого что-нибудь зависит; обстановку, в которой происходит что-нибудь; то, что делает возможным что-нибудь другое, от чего зависит что-нибудь другое, что определяет собою что-нибудь другое⁵. В представленной трактовке поня-

тие «условие» наиболее близко к термину «предпосылка», т.е. предварительное условие чего-нибудь⁶. Вместе с тем термин «основание» означает причину, достаточный повод, оправдывающие что-нибудь; существенную часть, отношение или условие, порождающее какое-нибудь явление; разумную причину, повод, то, что оправдывает, делает понятным какое-нибудь явление, действие, суждение⁷. Исходя из указанного, П. А. Кот под условиями материальной ответственности военнослужащих предлагает понимать совокупность объективных обстоятельств, создающих потенциальную возможность привлечения военнослужащих к данному виду юридической ответственности.

Кроме того, данный автор всю совокупность общих условий (или предпосылок) материальной ответственности военнослужащих предлагает разделить на две группы:

а) положительные условия (предпосылки) — это такие факторы и обстоятельства, которые должны реально существовать для того, чтобы имелась возможность наступления материальной ответственности;

б) отрицательные условия (предпосылки), которые заключаются в необходимости отсутствия ряда факторов и обстоятельств, препятствующих возможности возникновения материальной ответственности⁸.

Принимая во внимание вышеизложенные подходы в определении условий материальной ответственности, а также руководствуясь не утратившими своей актуальности общетеоретическими принципами теории государства и права, предлагается указанные условия разделить на:

— действующие по кругу лиц:

1) наличие у субъекта статуса военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы;

2) наличие у органов и должностных лиц, участвующих в административно-процессуальном механизме возмещения причиненного материального ущерба, сово-

ветственности военнослужащих». М. : За права военнослужащих, 2010. С. 11.

¹ Там же. С. 12.

² Лиховидов К. С. Материальная ответственность военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук. М. : ВУ, 1997.

³ Корякин В. М., Кудашкин А. В., Фатеев К. В. Военно-административное право (военная администрация) : учебник. М. : За права военнослужащих, 2008. С. 496.

⁴ Кот П. А. Указ. соч.

⁵ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз, 1987. С. 729; Ушаков Д. Н. Толковый словарь рус-

ского языка // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov>.

⁶ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 502.

⁷ Там же. С. 397.

⁸ Кот П. А. Указ. соч.

купности соответствующих полномочий (компетенции);

— действующие во времени:

3) возможность совершения правонарушения в период прохождения военной службы;

4) нахождение военнослужащего в момент причинения ущерба при исполнении обязанностей военной службы;

5) неистечение установленного законом срока привлечения военнослужащего к материальной ответственности;

— действующие в пространстве: нахождение военнослужащего, в момент причинения материального ущерба, на территории распространения юридического действия законодательства о материальной ответственности военнослужащих.

Рассмотрим перечисленные условия материальной ответственности военнослужащих подробнее.

1) отнесение субъектов материальной ответственности к определенным категориям граждан.

Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих» (ст. 1) и одноименный Закон Кыргызской Республики (преамбула и ст.1) вполне однозначно и четко определяют круг лиц, которые могут быть привлечены к материальной ответственности: в Российской Федерации — военнослужащие, проходящие военную службу по призыву и по контракту в Вооруженных Силах, других войсках, воинских формированиях и органах, и граждане, призванные на военные сборы; в Кыргызской Республике — аналогичные категории лиц (кроме лиц, проходящих службу в «других войсках»). Кроме того, отсутствует понятие и «военнослужащий по призыву» — в Кыргызской Республике данный вид военной службы именуется срочной военной службой¹.

Необходимо отметить, что термины «Вооруженные Силы», «другие воинские формирования», «органы» в Российской

Федерации и Кыргызской Республике определяются по-разному. Так, анализ законодательства Российской Федерации в области обороны и военной службы и публикаций в области военного права показывает, что в настоящее время содержание данных понятий не отражено в едином нормативном правовом акте, его образуют иные многочисленные законодательные акты². При этом, исходя из действующей структуры государственных органов, под «Вооруженными Силами» понимается буквально то, чем управляет Министерство обороны, под «другими войсками» — созданные войска национальной гвардии Федеральная служба войск национальной гвардии, под «воинскими формированиями» — спасательные воинские формирования МЧС России, органами — СВР России, ФСО России, ФСБ России, Генеральная прокуратура России, Следственный комитет России³.

В свою очередь, в законодательстве Кыргызской Республики вопросы содержания, состава и структуры Вооруженных Сил, воинских формирований и органов, в которых законодательством предусмотрена военная служба, урегулированы более системно. Согласно законам Кыргызской Республики от 24 июля 2009 г. № 242 «Об обороне и Вооруженных Силах Кыргызской Республики» и от 9 февраля 2009 г. № 43 «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики, о военной и альтернативной службах» в Вооруженные Силы входят Генеральный штаб Вооруженных Сил КР (как государственный орган и орган управления), Государственный комитет по делам обороны КР (бывшее Министерство обороны), Национальная гвардия КР, Пограничная служба КР. При этом, Генеральный штаб Вооруженных Сил КР является центральным органом военного управления и главным органом оперативного управления Вооруженными Силами и другими воинскими формированиями Кыргызской Рес-

¹ Статья 1 Закона Кыргызской Республики от 9 февраля 2009 г. № 43 «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики, о военной и альтернативной службах».

² Корякин В. М. Военная организация государства: эволюция структуры // Военный академический журнал, 2016. № 2(10).

³ Там же.

публики, осуществляющим руководство их подготовкой и применением¹.

Воинские формирования или другие воинские формирования образуют подразделения уполномоченных государственных органов, ведающих вопросами национальной безопасности (Государственный комитет национальной безопасности КР), предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (МЧС КР). В свою очередь, государственными органами, в которых предусмотрена военная служба, являются Военный суд, Военная прокуратура, подразделения уполномоченного государственного органа, ведающего вопросами уголовно-исполнительной системы (Государственная служба исполнения наказаний КР)².

Следует отметить, что в Кыргызской Республики действие отдельных правовых актов Государственного комитета по делам обороны КР и Генерального штаба Вооруженных Сил КР, в том числе, и по вопросам материальной ответственности военнослужащих, осуществляется только по отношению к военнослужащим данных органов. Объясняется это тем, что в соответствии с Законом Кыргызской Республики от 20 июля 2009 г. № 241 «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» данные государственные органы не являются органами, имеющими право законодательной инициативы и могущими издавать нормативные правовые акты. Как следствие, многие правовые акты, издаваемые указанными органами, не зарегистрированы в установленном порядке в уполномоченном государственном органе юстиции и применяются только в рамках деятельности Генерального штаба Вооруженных Сил КР и Государственного комитета по делам обороны КР.

Говоря о гражданах, призванных на военные сборы или о так называемых резервистах, прежде всего, следует отметить, что нормативно-правовая база государств в це-

лом, практически одинаково регулирует круг отношений по поводу видов (учебные и проверочные), организации (военными органами), системы (постоянные), порядка проведения, сроков и определения военных сборов, для чего имеются схожие по содержанию нормативные основы³, органы, осуществляющие проведение военных сборов, а также взгляды ведущих ученых-правоведов на данную проблему. Тем не менее в Кыргызской Республике имеются некоторые специфические различия, связанные с наличием некоторых институтов военной службы в данной стране. К примеру, в вопросах определения видов прохождения военной службы военнообязанными лицами были разработаны и испробованы на практике различные институты, такие как прохождение военной службы в призывном мобилизационном резерве согласно Положению о порядке призыва и прохождения военной службы в призывном мобилизационном резерве гражданами КР, утвержденному постановлением Правительства Кыргызской Республики от 13 апреля 2009 г. № 227⁴.

Служба в призывном мобилизационном резерве считалась особым видом военной службы, на которую призывались граждане Кыргызской Республики призывного возраста взамен срочной военной службы в целях реализации конституционного долга и обязанности по защите Отечества. При этом данный вид службы предусматривал внесение призывниками денежных взносов на специальный счет Министерства обороны в

¹ Указ Президента Кыргызской Республики от 12 марта 2014 г. УП № 55 «О некоторых вопросах Генерального штаба Вооруженных Сил Кыргызской Республики».

² Статья 1 Закона Кыргызской Республики «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики, о военной и альтернативной службах».

³ В Российской Федерации — постановление Правительства Российской Федерации от 3 сентября 2015 г. № 933 «Об утверждении Положения о порядке пребывания граждан Российской Федерации в мобилизационном людском резерве». В Кыргызской Республике — постановление Правительства Кыргызской Республики от 24 июля 2000 г. № 444 «Об утверждении Положения о порядке проведения учебных и специальных сборов военнообязанных, состоящих в запасе Вооруженных Сил Кыргызской Республики».

⁴ Утратило силу в соответствии с постановлением Правительства КР от 6 февраля 2013 г. № 52 «О внесении изменений и дополнений в некоторые решения Правительства Кыргызской Республики».

размере 120 расчетных показателей¹ с учетом налогов;

Кроме того, предусмотрено прохождение гражданами первичных военных сборов в соответствии с Положением о порядке прохождения первичных военных сборов гражданами Кыргызской Республики². Данный вид военной службы, по своему правовому статусу относится к военной службе по призыву, подразумевает обязанность его прохождения гражданами в возрасте от 25 лет и старше, не имеющими права на отсрочку или освобождение от призыва (предусматривает внесение призывниками денежных взносов на специальный счет в размере 250 расчетных показателей с учетом налогов).

Предусмотрено и прохождение гражданами сборов мобилизационного резерва. Данный вид реализации долга и обязанности по защите Отечества, установленный для граждан, достигших 25-летнего возраста сравнительно недавно³, предполагает тридцатидневную продолжительность и внесение ими денежного взноса в сумме 500 расчетных показателей на специальный счет уполномоченного государственного органа, ведающего вопросами обороны.

Вместе с тем, рассмотрение данных правовых предписаний через призму материальной ответственности вызывает некоторые сложности и преграды. Оперирование понятием «сборы», на наш взгляд, вызывает у практических работников некоторые сложности, которые могут появиться при разграничении и определении субъектов материальной ответственности, т.к. это поня-

тие в большей степени подразумевает не вид военной службы, а все-таки подготовку граждан к военной службе. Кроме того, представляется, что возможности привлечения граждан к материальной ответственности в ходе прохождения военной службы в короткие сроки (в зависимости от вида сборов) будут ограничены в связи:

— с отсутствием детализирующих правовых основ установленных сборов мобилизационного резерва (не разработаны нормы в развитие Закона КР от 30 июля 2016 г. № 158, которые бы регулировали отношения по поводу начала, окончания данного вида службы и т.д.);

— коллизией правовых норм Закона КР «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики, о военной и альтернативной службах», устанавливающих, с одной стороны, предел призывного возраста для мужчин на срочную военную службу (25 лет) и виды военной службы по призыву (взамен или имеющие такой статус) для 25 летних граждан (первичные военные сборы и сборы мобилизационного резерва) с другой стороны;

— собственно короткой длительностью сборов (и последующим увольнением, что сказывается на надлежащем возмещении ущерба);

— соответственно отсутствием в Законе КР «О материальной ответственности военнослужащих» норм, уточняющих категории лиц, к которым возможно применение его норм.

В этой связи, целесообразно внесение соответствующих изменений и дополнений в законодательство о военной службе и материальной ответственности военнослужащих Кыргызской Республики.

В свою очередь, в Российской Федерации также имеются проблемы в рассматриваемой области общественных отношений. До настоящего времени остается нерешенным вопрос о материальной ответственности граждан, находящихся в мобилизационном людском резерве, установленном Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 288-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания мобилизаци-

¹ В соответствии со ст. 1 Закона Кыргызской Республики от 27 января 2006 г. № 13 «О расчетном показателе» расчетный показатель — нормативный денежный показатель для определения размера социальных выплат, компенсаций, экономических санкций, административных взысканий и штрафов, других экономических показателей не связанных с оплатой труда.

² Утверждено постановлением Правительства Кыргызской Республики от 11 декабря 2012 г. № 825.

³ Закон Кыргызской Республики от 30 июля 2016 г. № 158 «О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики, о военной и альтернативной службах».

онного людского резерва». Граждане — резервисты, исполняющие обязанности по соответствующей воинской должности, в случае их неисполнения в соответствии с п. 3 ст. 57.7 указанного Федерального закона привлекаются лишь к дисциплинарной, административной или уголовной ответственности. То есть налицо законодательное упущение — отсутствие предписаний о привлечении резервистов к материальной ответственности. Данное обстоятельство обуславливает необходимость внесения соответствующего дополнения в рассматриваемую норму Федерального закона «О воинской обязанности и о военной службе». Кроме того, требуется внесение в п. 1 ст. 1 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» дополнения, устанавливающего в качестве субъекта материальной ответственности наряду с военнослужащими и гражданами, призванными на военные сборы, также и граждан, находящихся в мобилизационном людском резерве.

Проблемным также является вопрос о привлечении к материальной ответственности военнослужащих, не достигших совершеннолетия. Дело в том, что в соответствии с п. 1 ст. 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» и ч. 1 ст. 25 Закона КР «О всеобщей воинской обязанности граждан Кыргызской Республики» в военные профессиональные образовательные организации и военные образовательные организации высшего образования имеют право поступать граждане, не проходившие военную службу, в возрасте от 16 до 22 лет (от 17 лет — в Кыргызской Республике). Граждане, зачисленные в указанные образовательные организации, в установленном порядке назначаются на воинские должности курсантов и приобретают статус военнослужащих, однако статус тех из них, кто не достиг совершеннолетия, имеет некоторые особенности (данный вопрос довольно подробно проанализирован в публикациях Е. А. Глухова и Р. А. Шахбазова, а также П. А. Кота¹).

¹ Глухов Е. А. Шахбазов Р. А. Частично дееспособные военнослужащие // Право в Вооруженных Силах. 2013. № 5; Кот П. А. Указ. соч.

Общеизвестно, что категория граждан, не достигших 18-летнего возраста, является ограниченно дееспособной, что влечет соответствующие ограничения в правах, обязанностях и ответственности данных лиц. Вместе с тем, как показывает практика, в основном проблем с привлечением к материальной ответственности несовершеннолетних курсантов, как правило, не возникает. В большинстве случаев курсант продолжает проходить военную службу и возмещает материальный ущерб в общем порядке — путем удержания части его денежного довольствия. В то же время имеет место проблемная ситуация, когда такой курсант отчисляется из образовательной организации и увольняется с военной службы.

Здесь следует обозначить, что в настоящее время на территории Российской Федерации действует Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, нормами которого осуществлена «переориентация» правовой природы дел о материальной ответственности из гражданско-процессуальной в административно-процессуальную². Теперь, рассматриваемые прежде в гражданско-процессуальном порядке иски о возмещении материального ущерба, подлежат рассмотрению в порядке административного судопроизводства, что в свою очередь предполагает более повышенные требования к сторонам процесса³, а также к определению природы правоотношений (в связи с которыми и вытекают соответствующие иски). Исходя из чего, возникают вопросы:

— о возможности признания такого лица участником административного судопроизводства;

— о признании иска о возмещении материального ущерба военнослужащими несовершеннолетнего возраста административным в силу наличия у такого выра-

² Кыдыралиев К. Э. Еще раз о правовой природе дел о материальной ответственности военнослужащих в Российской Федерации // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 11.

³ Корякин В. М. Административный иск как средство защиты нарушенных прав и законных интересов военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. 2015. № 5.

женной гражданско-правовой природы (необходимости в соответствии с ст. 1074 ГК РФ возместить ущерб родителями такого гражданина в случае, когда у него нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда).

Ввиду обозначенного, судебные дела о возмещении материального ущерба данной категорией лиц будут вероятнее всего рассматриваться в гражданско-процессуальном порядке, и военнослужащий, не достигший 18-летнего возраста, будет привлекаться к гражданско-правовой ответственности по правилам гражданского законодательства. Между тем, как отмечает П. А. Кот, такой судебный порядок привлечения к материальной ответственности несовершеннолетних курсантов имеет свои особенности¹. Как указывает данный автор, в силу ч. 3 ст. 37 ГПК РФ права, свободы и законные интересы несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет защищают в процессе их законные представители. При этом суд обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних, а также граждан, ограниченных в дееспособности. Следовательно, при рассмотрении исков командования о взыскании с виновных военнослужащих, не достигших возраста 18 лет, сумм причиненного материального ущерба, суды не вправе проводить судебные разбирательства без участия законных представителей таких военнослужащих².

Наряду с этим также обращает на себя внимание отсутствие в вышеобозначенных

статьях законодательства о материальной ответственности военнослужащих Российской Федерации и Кыргызской Республики, регулирующих вопросы распространения закона на соответствующие категории лиц — граждан, уволенных с военной службы. Необходимость отражения данной категории налицо, поскольку и Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих» и Закон Кыргызской Республики «О материальной ответственности военнослужащих» регламентируют также вопросы возмещения ущерба в случае увольнения военнослужащего с военной службы или перевода его к новому месту службы.

Еще одно условие — наличие соответствующих органов и должностных лиц, участвующих в административно-процессуальном механизме возмещения причиненного материального ущерба. В большинстве случаев органами, участвующими в административно-процессуальном механизме возмещения причиненного материального ущерба, кроме субъекта правонарушения, являются:

- воинские части;
- командир воинской части или его заместитель;
- должностные лица соответствующих служб, отделов и подразделений воинской части, на балансе которых находится имущество, которому причинен ущерб;
- прокурор;
- суд;
- орган, осуществляющий исполнительное производство;
- нотариальные органы.

В большинстве случаев органами, участвующими в административно-процессуальном механизме возмещения причиненного материального ущерба, кроме субъекта правонарушения, являются:

- воинские части. В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» к таким относятся органы военного управления, объединения, соединения, воинские части, корабли, организации, военные профессиональные образовательные организации и военные образовательные организации

¹ Кот П. А. Указ. соч.

² Показательный пример на этот счет приводится в публикации Е. А. Глухова и Р. А. Шахбазова. 27 января 2010 г. из военного института по нежеланию учиться был отчислен курсант первого курса П., срок обучения которого составил шесть месяцев. Красноярский гарнизонный военный суд, рассматривая дело о взыскании затраченных на подготовку П. денежных средств, исковые требования удовлетворил в полном объеме, однако на основании заявления законного представителя несовершеннолетнего П. было принято решение о предоставлении отсрочки исполнения судебного решения до 3 июля 2010 г., т.е. до достижения П. возраста 18 лет. При этом суд руководствовался тем, что П. в настоящее время постоянного дохода не имеет, поэтому удержания по иску могут производиться только с заработка его родителей.

высшего образования, в которых в соответствии с законодательством Российской Федерации военнослужащие проходят военную службу. В Законе Кыргызской Республики содержится практически аналогичное положение, однако в силу географических обстоятельств (отсутствие морских границ и выходов к ним) и организационно-штатной структуры Вооруженных Сил отсутствуют такие понятия как «объединения» и «корабли»;

— командир воинской части или его заместитель. Одновременно являясь и должностным лицом, и органом военного управления, командир воинской части принимает важнейшее участие в процессе привлечения провинившегося военнослужащего к материальной ответственности. Принятые им решения, являясь правовой формой реализации государственно-властных полномочий, призванных осуществлять военное управление, служат средством обеспечения воинского правопорядка и поддержания воинской дисциплины¹. К числу наиболее юридически значимых действий командира части относятся:

а) назначение расследования в целях установления причин, лиц, размера материального ущерба (в Кыргызской Республике — служебного расследования в соответствии с приказом Министра обороны КР, в Российской Федерации — административного в соответствии с Наставлением по правовой работе);

б) издание приказа о привлечении военнослужащего к материальной ответственности или направления материалов расследования в компетентные органы по правилам делопроизводства (в КР — в соответствии с Инструкцией по делопроизводству, введенной в действие приказом начальника Генерального штаба Вооруженных Сил КР от 1 сентября 2014 г. № 200, в России — согласно Инструкции по делопроизводству в Вооруженных Силах Российской Федерации, утвержденной приказом Министра обороны

Российской Федерации от 4 апреля 2017 г. № 170);

в) выдача и удостоверение доверенностей на право осуществления представительства воинской части в судебных и иных органах;

г) командир воинской части законодательством государств о материальной ответственности военнослужащих специально выделяется в качестве лица, несущего ограниченную материальную ответственность за свои юридически значимые действия.

— должностные лица соответствующих служб, отделов и подразделений воинской части, на балансе которых находится имущество, которому причинен ущерб. В большинстве случаев материальный ущерб причиняется имуществу служб и подразделений части, в которых оно закрепляется за соответствующими лицами, которые, в административном порядке «по команде» докладывают об обнаруженных недостатках и утратах;

— прокурор. Следует иметь в виду, что в законодательстве указанных государств о материальной ответственности не содержатся нормы об участии и компетенции прокурора в процессе возмещения материального ущерба. Тем не менее, частью 3 ст. 44 и ч. 6 ст. 246 УПК РФ прокурору предоставлено право предъявления и поддержания гражданского иска в уголовном судопроизводстве наряду с потерпевшим. При этом условием предъявления прокурором иска в уголовном процессе является причинение материального ущерба государственной собственности, что как раз и является определяющим условием привлечения военнослужащих к материальной ответственности. Кроме того, прокуроры вправе проводить в порядке общего надзора проверки деятельности воинских частей и учреждений по вопросам соблюдения ими законодательства, в ходе которых дается соответствующая правовая оценка осуществляемой деятельности;

— суд. В России постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», (п. 1) определено, что

¹ Овчаров О. А. Правовая работа в Вооруженных Силах Российской Федерации : учебник / под ред. В. М. Корякина. М.: Военный университет, 2014. С. 88.

дела по искам к военнослужащим, лицам, уволенным с военной службы, о возмещении ущерба, причиненного ими при исполнении обязанностей военной службы по основаниям, установленным ст. 8, 9 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих», подсудны военным судам. При этом необходимо отметить, что до принятия обозначенного Постановления Пленума Верховного Суда вопрос определения подсудности решался в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2000 г. № 9 «О некоторых вопросах применения законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих», при применении которого нередко возникали проблемы¹, в т.ч. при привлечении к материальной ответственности лиц, уволенных с военной службы (нередко иск о возмещении вреда в рамках материальной ответственности рассматривался в гражданских судах).

В Кыргызской Республике правовой основой института подсудности является ГПК КР, нормами которого достаточно детализировано регулируются вопросы подсудности дел военным судам. Так, ст. 26 данного нормативного правового акта установлено, что военным судом гарнизона рассматриваются гражданские дела по защите нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов лиц, имеющих в соответствии с законодательством Кыргызской Республики статус военнослужащих, а также военнообязанных во время прохождения ими сборов от действий (бездействия) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений. Данная формулировка свидетельствует о том, что все категории гражданских дел, в т.ч. о материальной ответственности (выше было отмечено, что дела о материальной ответственности военнослужащих рассматриваются в гражданско-процессуальном порядке) рассматриваются военными судами Кыргызской Республики

при соблюдении главного условия — наличия статуса военнослужащего, т.е. наличие прямое нормативно-правовое разграничение подсудности, и как следствие — рассмотрение данной категории дел в отношении лиц, не имеющих статуса военнослужащих (уволенных), в общем порядке, судами общей юрисдикции² т.е. гражданскими судами.

В приказе Министра обороны Кыргызской Республики от 17 августа 2009 г. № 288 «О введении в действие Инструкции о порядке применения Закона Кыргызской Республики «О материальной ответственности военнослужащих» в соединениях, воинских частях и учреждениях Министерства обороны» содержится норма о нотариальной конторе, как органе, осуществляющем функцию по предоставлению исполнительной надписи, необходимой для дальнейшего взыскания ущерба.

Следующим условием материальной ответственности является совершение правонарушения в период прохождения военной службы (временного промежутка между днем начала военной службы и днем ее окончания).

В научной литературе под прохождением военной службы понимается регулируемый федеральными законами и иными нормативными правовыми актами процесс изменения правового положения граждан в связи с наступлением определенных юридических фактов при исполнении особого вида федеральной государственной службы с момента поступления их на военную службу и до ее окончания³.

Военное законодательство наших государств практически одинаково регулирует вопросы прохождения военной службы, по сути, определяя, что прохождение военной службы — это временной промежуток меж-

¹ Кот П. А. Неопределенность в подсудности дел о материальной ответственности военнослужащих устранена // Право в Вооруженных Силах. 2014. № 8.

² Кыдыралиев К.Э. О подсудности дел о материальной ответственности военнослужащих (сравнительно-правовой анализ законодательств Российской Федерации и Кыргызской Республики) // Сборник «Итоговая военно-научная конференция прокурорско-следственного и юридического факультетов на тему: 150 лет судебной реформы в Российском государстве: декларации, нормы, жизнь» М. : ВУ, 2015, С.48.

³ Корякин В. М., Кудашкин А. В., Фатеев К. В. Указ. соч. С. 230.

ду днем начала военной службы и днем ее окончания¹. При этом военнослужащий несет материальную ответственность, если правонарушение, причинившее ущерб, совершено им в данный промежуток времени. Законами государств допускается привлечение к материальной ответственности граждан, уволенных с военной службы, но только в том случае, если ущерб причинен ими в период прохождения военной службы (ст. 9 Федерального закона России и Закона Кыргызстана «О материальной ответственности военнослужащих»).

Рассмотрим далее такое условие ответственности, как причинение ущерба при нахождении виновного военнослужащего в момент причинения ущерба при исполнении обязанностей военной службы.

В Кыргызской Республике и Российской Федерации закреплён общий подход, в соответствии с которым наступление юридических фактов при исполнении обязанностей военной службы влечёт несколько иные правовые последствия, чем их наступление в период прохождения военной службы. Связано это, прежде всего, с внутренним содержанием понятия «исполнение обязанностей военной службы», подразумевающим более конкретные факты, определяющие предоставление военнослужащим особых полномочий, льготный порядок социального обеспечения военнослужащих и членов их семей, более широкие пределы юридической ответственности военнослужащих.

¹ В соответствии с п. 10 ст. 38 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» началом военной службы считается: для граждан, не пребывающих в запасе, призванных на военную службу, — день присвоения воинского звания рядового; для граждан (иностранцев), поступивших на военную службу по контракту, — день вступления в силу контракта о прохождении военной службы; для граждан, не проходивших военной службы или прошедших военную службу ранее и поступивших в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования, — дата зачисления в указанные образовательные организации. Днём окончания военной службы является день исключения военнослужащего из списков личного состава воинской части в связи с увольнением с военной службы.

С позиции материальной ответственности военнослужащих исполнение обязанной военной службы:

— выступает одним из главных условий привлечения военнослужащих к данному виду ответственности;

— разграничивает случаи применения видов юридической ответственности (в случае совершения имущественного правонарушения не при исполнении обязанностей военной службы военнослужащие привлекаются к гражданско-правовой ответственности)²;

— в военно-правовом поле является предметом развернувшейся в наши дни научной дискуссии относительно содержания исполнения обязанностей военной службы и наступления соответствующих юридических последствий.

Авторы комментария к Федеральному закону «О материальной ответственности»³ полагают, что в случае привлечения военнослужащих к материальной ответственности следует иметь в виду исполнение военнослужащими общих, должностных и специальных обязанностей, понятие которых раскрыто в ст. 26—27 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

Другие авторы (А. В. Кудашкин, К. В. Фатеев)⁴ утверждают, что под исполнением служебных обязанностей следует понимать исполнение военнослужащим только должностных и специальных обязанностей;

В свою очередь, А. А. Ивашин, В. М. Корякин, О. В. Цуканов⁵ считают, что при решении вопроса о привлечении военно-

² Пункт 2 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» (в данной статье допущена терминологическая ошибка, поскольку гражданское законодательство предусматривает гражданско-правовую (или имущественную), а не материальную ответственность).

³ Гусейнова Н. Ч., Титов А. В., Тюрин А. И. Указ. соч. С. 12—14.

⁴ Корякин В. М., А. В. Кудашкин, Фатеев К. В. Комментарий законодательства о дисциплинарной ответственности военнослужащих. М. : За права военнослужащих, 2007. С. 19.

⁵ Ивашин А. А., Цуканов О. В. Указ. соч. С. 10; Корякин В. М. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих». М. : За права военнослужащих, 2000. С. 5—6.

служащего к материальной ответственности следует руководствоваться п. 1 ст. 37 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», где приводится исчерпывающий перечень случаев, когда военнослужащие считаются исполняющими обязанности военной службы.

О необходимости и целесообразности внесения поправок в законодательство о материальной ответственности военнослужащих, закрепляющих специальный перечень случаев, когда военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы, говорит в своем исследовании П. А. Кот¹. В данный перечень указанный автор предлагает включить:

а) исполнение должностных обязанностей;

б) исполнение специальных обязанностей (несение боевого дежурства, боевой службы, службы в гарнизонном и суточном наряде, участие в ликвидации последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных обстоятельств);

в) выполнение приказа или распоряжения, отданных командиром (начальником);

г) нахождение на территории воинской части в течение установленного распорядком дня служебного времени или в другое время, если это вызвано служебной необходимостью;

д) нахождение на лечении в военно-медицинских учреждениях.

В обоснование своих предложений П. А. Кот приводит анализ вышеуказанных подходов в определении содержания исполнения обязанностей военной службы, в котором отмечает, что ни один из них не может быть в полной мере применим к вопросам материальной ответственности военнослужащих².

По справедливому мнению данного ученого, вряд ли можно считать достаточным основанием для привлечения военнослужащего к материальной ответственности неисполнение им общих обязанностей, ус-

тановленных ст. 26 Федерального закона «О статусе военнослужащих» (быть верными Военной присяге, беззаветно служить народу Российской Федерации, мужественно и умело защищать Российскую Федерацию; строго соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы Российской Федерации, требования общевоинских уставов, беспрекословно выполнять приказы командиров; дорожить воинской честью, боевой славой и войсковым товариществом и др.). Эти обязанности носят действительно общий, в значительной мере неконкретный характер и распространяются как на служебное, так и на внеслужебное время военнослужащих.

Если при решении вопросов о привлечении военнослужащих к материальной ответственности иметь в виду нахождение их при исполнении только должностных и специальных обязанностей, то это не может охватить всех случаев возможных случаев причинения материального ущерба имуществу воинской части. Так, например, военнослужащий, находящийся на излечении в военно-медицинском учреждении, не исполняет ни должностных, ни специальных обязанностей. Однако в случае повреждения по его вине имущества, принадлежащего данному учреждению, необходимость и возможность его привлечения к материальной ответственности именно по нормам Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» является очевидной³.

Между тем дополнение законодательства о материальной ответственности военнослужащих специальным перечнем случаев, когда военнослужащий считается исполняющим обязанности военной службы:

— ограничит случаи и сферу действия законодательства о материальной ответственности;

— вызовет противоречие между нормами законодательства о материальной ответственности и военной службе;

— в конечном итоге не будет способствовать единообразному и объективному пониманию положений военного законода-

¹ Кот П. А. О некоторых проблемах законодательного регулирования материальной ответственности военнослужащих.

² Там же.

³ Там же.

тельства, повлечет необходимость пересмотра судебной практики;

— в целом в значительной степени усложнит восприятие правовых норм о военной службе.

На наш взгляд, наиболее приемлемой в данной ситуации является позиция авторов, предлагающих в ходе привлечения военнослужащих к материальной ответственности руководствоваться перечнем случаев исполнения обязанностей военной службы, указанным в Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе», поскольку данный перечень:

— учитывает большинство случаев исполнения обязанностей военной службы;

— представляет собой совокупность правовых норм, имеющих определенную юридическую силу и не являющихся результатом научных исследований и споров;

— выступает базисной нормой, к которой отсылают значительное количество бланкетных и отсылочных норм военного законодательства, в т.ч. о материальной ответственности военнослужащих;

— не вступает в противоречие с судебной практикой по данному вопросу (в частности с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» (п. 34)).

Тем не менее, все же видится целесообразным осуществить внесение точечных дополнений в законодательство о материальной ответственности военнослужащих, в части отражения передового опыта Вооруженных Сил Франции, где военнослужащие привлекаются к материальной ответственности при причинении ущерба вне службы, если ущерб причинен имуществу, выданному им в личное пользование¹, ввиду того, что на практике нередко встречаются случаи, когда военнослужащий причиняет ущерб имуществу воинской части, не нахо-

дясь при исполнении обязанностей военной службы².

Важным условием является также истечение срока привлечения к материальной ответственности.

В соответствии с п. 4 ст. 3 Федерального закона «О материальной ответственности военнослужащих» и аналогичной нормой Закона Кыргызской Республики военнослужащие могут быть привлечены к материальной ответственности в течение 3 лет со дня обнаружения ущерба. Истечение указанного срока исключает привлечение военнослужащего к материальной ответственности вне зависимости от причин его пропуска.

По своей продолжительности (три года) указанный срок совпадает с общим сроком исковой давности, предусмотренными нормами гражданского законодательства стран³. Однако только этим сходство указанных сроков и ограничивается. Основные различия между сроком исковой давности по гражданскому праву и сроком привлечения военнослужащего к материальной ответственности состоят в следующем (на примере ГК РФ):

— во-первых, срок исковой давности, установленный п. 1 ст. 192 ГК РФ, отведен для предъявления иска в суд, т.е. время рассмотрения дела в суде в него не включается. Это следует из п. 1 ст. 204 ГК РФ, где сказано, что срок исковой давности не течет со дня обращения в суд в установленном порядке за защитой нарушенного права на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права. Срок же, предусмотренный п. 4 ст. 3 законов «О материальной ответственности военнослужащих», ограничивает тремя годами весь процесс привлечения военнослужащего к материальной ответственности, начиная с

¹ Лиховидов К. С. Указ. соч. С. 219.

² Например, военнослужащий, проходящий военную службу по призыву, при нахождении в увольнении утрачивает какие-либо предметы выданного ему вещевого имущества личного пользования или военнослужащий во внеслужебное время утрачивает выданные ему в пользование предметы инвентарного имущества.

³ П. 1 ст. 192 ГК РФ и ст. 212 ГК КР.

момента обнаружения ущерба и до издания акта о взыскании ущерба с виновного лица;

— во-вторых, срок исковой давности по гражданскому праву может быть приостановлен или прерван (ст. 202, 203 ГК РФ), а также восстановлен в случае его пропуска (ст. 205 ГК РФ). Применительно же к сроку привлечения военнослужащего к материальной ответственности приостановление, перерыв и восстановление не предусмотрены. В научной литературе по данному поводу делается вывод о том, что по истечении трехлетнего срока «привлечение военнослужащего к материальной ответственности оказывается невозможным вне зависимости от того, по какой причине этот срок был пропущен»¹.

Принимая во внимание, что наличие такого срока создает легальные предпосылки для ухода в отдельных случаях виновных лиц от обязанности возместить причиненный материальный ущерб², в целях предупреждения подобных ситуаций и реализации принципа неотвратимости наказания представляется целесообразным, дополнить ст. ст. 3 законов «О материальной ответственности военнослужащих» оговоркой о том, что течение срока привлечения к материальной ответственности прекращается со дня подачи командиром (начальником) заявления в суд о взыскании с виновного лица сумм причиненного ущерба. Трехлетний срок привлечения военнослужащего к материальной ответственности следует оставить только для случаев, когда сумма ущерба взыскивается с виновного лица на основании приказа командира (начальника).

Для привлечения к материальной ответственности необходимо нахождение военнослужащего в момент причинения материального ущерба на территории распростра-

нения юридического действия законодательства о материальной ответственности.

По общему правилу, имеющему распространение в государствах, действие закона в пространстве основывается на двух основных принципах: территориальном и гражданства.

Первый принцип означает, что все правонарушения и преступления, совершенные на территориях Российской Федерации и Кыргызской Республики, подпадают под действие российских и кыргызстанских законов соответственно. Этот принцип вытекает из незыблемости суверенитетов данных стран. Понятию «территория государства» в законодательствах Кыргызской Республики и Российской Федерации уделяется огромное внимание, и оно регулируется на самом высоком законодательном уровне. Данное понятие отражено в ст. 8 Конституции Кыргызстана и ст. 67 Конституции России. Необходимо отметить, что анализ содержания данных норм, а также научно-правовой литературы на этот счет показывает, что на сегодняшний день понятие «территория» в Российской Федерации по своему внутреннему содержанию значительно отличается от такого понятия в Кыргызской Республике. Обусловлено это совокупностью обстоятельств:

— географических (наличие территориальных морских вод, континентального шельфа, исключительной экономической зоны);

— как было отмечено выше, организационной структурой Вооруженных Сил (отсутствие в Киргизии понятие «военные корабли», в отличие от России, где на кораблях также действует законодательство Российской Федерации).

По нашему мнению, территориальный принцип, имеющий более существенное значение в рамках уголовного законодательства, в области привлечения военнослужащих к материальной ответственности имеет меньшую «популярность», поскольку обозначенное выше условие «наличие субъектов совершения правонарушения» исходя из смысла и природы материальной ответственности обладает характером достаточности (в основе принятия решений о при-

¹ Гусейнова Н. Ч., Титов А. В., Тюрин А. И. Указ. соч. С. 33.

² Например, если материальный вред имуществу воинской части причинен преступлением, нередко случаи, когда к моменту вынесения приговора судом трехлетний срок с момента обнаружения ущерба истекает, в связи с чем возможность привлечения данного правонарушителя к материальной ответственности в порядке, предусмотренном законами «О материальной ответственности военнослужащих», исчезает.

влечении военнослужащего к материальной ответственности лежит правовое отношение лица, причинившего материальный ущерб, к военной службе — наличие у него статуса военнослужащего).

В области действия второго принципа (гражданства) имеется также ряд особенностей. В Российской Федерации согласно ст. ст. 1, 33, 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», а также Указу Президента Российской Федерации от 2 января 2015 г. № 3 «О внесении изменений в Положение о порядке прохождения военной службы, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 г. № 1237», действует институт прохождения военной службы иностранными гражданами. Принимая во внимание, что иностранные граждане, проходящие военную службу в Российской Федерации, признаются военнослужащими, следует отметить, что законодательство о материальной ответственности будет распространяться на данных лиц в общем порядке. При этом на практике могут возникнуть ситуации, когда иностранный гражданин, являющийся военнослужащим Российской Федерации, причинив ущерб имуществу, находящемуся в федеральной собственности и имеющему значительную стоимость, порядок регистрации и отражение в сведениях, ограниченного доступа, не сможет в рамках судебного или административного механизмов привлечения к материальной ответственности в полной мере иметь доступ к такого рода информации и как следствие не смогут представить соответствующие доказательства причастности или непричастности к совершенному правонарушению. В отличие от Российской Федерации, нормативные правовые акты Кыргызской Республики не предусматривают прохождение военной службы иностранными гражданами.

Выводы:

1. Под условиями материальной ответственности следует понимать базовые необходимые предпосылки наступления данного вида ответственности, содержащими факты, без которых невозможно привлечение военнослужащих к материальной ответственности вообще.

2. Рассмотренные в настоящей статье условия материальной ответственности учитываются в правоприменительной деятельности не обособленно друг от друга, а в совокупности: юридическое значение для решения вопроса о привлечении военнослужащего к материальной ответственности они будут только в том случае, если будут иметь место одновременно все условия.

3. В целях непротиворечивого правового регулирования условий привлечения военнослужащих к материальной ответственности предлагается в законодательство государств о материальной ответственности военнослужащих внести следующие изменения и дополнения:

а) о распространении его действия на граждан, находящихся в мобилизационном людском резерве в Российской Федерации;

б) об уточнении срока давности привлечения военнослужащих к материальной ответственности;

в) определяющие сущность института материальной ответственности в рамках судебного порядка возмещения причиненного ущерба ввиду действия Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

4. Законодательство Кыргызской Республики о военной службе является весьма динамично изменяющимся, поправки в него вносятся практически постоянно. Связано это, прежде всего, с проводимой в Вооруженных Силах реформой в соответствии с Национальной стратегией устойчивого развития КР на 2013—2017 гг.¹, гибкостью, мобильностью инициаторов проектов законов в подходах к решению задач обеспечения обороноспособности, повышению роли и значения военной службы в республике, а также поиском наиболее эффективных институтов военной службы.

5. Законодательство Кыргызской Республики также нуждается во внесении поправок, которыми следует уточнить:

— размеры, виды, содержание материальной ответственности лиц, которые будут проходить так называемые сборы мобили-

¹ Утверждена Указом Президента Кыргызской Республики от 21 января 2013 г. УП №11.

зационного резерва и первичные военные сборы;

— вопросы порядка прохождения военных сборов (в целом).

Библиография

1. Воробьев, Е. Г. О соотношении материальной и дисциплинарной ответственности военнослужащих / Е. Г. Воробьев // Военно-юридический журнал. — 2009. — № 9.
2. Глухов Е. А. Шахбазов Р. А. Частично дееспособные военнослужащие / Е. А. Глухов, Р. А. Шахбазов // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2013. — № 5
3. Гусейнова, Н. Ч. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих» / Н. Ч. Гусейнова, А. В. Титов, А. И. Тюрин. — М. : За права военнослужащих, 2010.
4. Ивашин, А. А. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военнослужащих» / А. А. Ивашин, О. В. Цуканов. — М. : За права военнослужащих, 2003. — 192 с.
5. Корякин, В. М. Административный иск как средство защиты нарушенных прав и законных интересов военнослужащих / В. М. Корякин // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2015. — № 5.
6. Корякин, В. М. Военно-административное право (военная администрация) : учебник / В. М. Корякин, А. В. Кудашкин, К. В. Фатеев. — М. : За права военнослужащих, 2008.
7. Корякин, В. М. Военная организация государства: эволюция структуры / В. М. Корякин // Военный академический журнал. — 2016. — № 2 (10).
8. Корякин, В. М. Комментарий законодательства о дисциплинарной ответственности военнослужащих / В. М. Корякин, А. В. Кудашкин, К. В. Фатеев. — М. : За права военнослужащих, 2007.
9. Корякин, В. М. Комментарий к Федеральному закону «О материальной ответственности военно-

служащих» / В. М. Корякин. — М. : За права военнослужащих, 2000.

10. Кот, П. А. Неопределенность в подсудности дел о материальной ответственности военнослужащих устранена / П. А. Кот // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2014. — № 8.

11. Кот, П. А. О некоторых проблемах законодательного регулирования материальной ответственности военнослужащих / П. А. Кот // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2014. — № 3.

12. Кыдыралиев, К. Э. О подсудности дел о материальной ответственности военнослужащих (сравнительно-правовой анализ законодательств Российской Федерации и Кыргызской Республики) // Сборник «Итоговая военно-научная конференция прокурорско-следственного и юридического факультетов на тему: 150 лет судебной реформы в Российском государстве: декларации, нормы, жизнь». — М. : ВУ, 2015.

13. Кыдыралиев К. Э. Еще раз о правовой природе дел о материальной ответственности военнослужащих в Российской Федерации / К. Э. Кыдыралиев // Право в Вооруженных Силах — военное правовое обозрение. — 2015. — № 11.

14. Лиховидов, К. С. Материальная ответственность военнослужащих : дис. ... канд. юрид. наук / Лиховидов Константин Станиславович; 20.02.03. — М.: ВУ, 1997. — 235 с.

15. Овчаров, О. А. Правовая работа в Вооруженных Силах Российской Федерации : учебник / О. А. Овчаров; под ред. В. М. Корякина. — М. : Военный университет, 2014.

16. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. — М. : Рус. яз., 1987.

17. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov>.

General conditions of material responsibility of military of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic

© Kydyraliev K. E.,

justice major, officer of the Armed Forces of the Kyrgyz Republic, adjunct FGKOU IN "Military University

Abstract. The article analyzes the conditions for material liability of servicemen, shows the ways of development of legislation.

Keywords: material responsibility; conditions of liability; actual damage; law; code.

Bibliography

1. Vorobyov, E. G. the relationship between material and disciplinary liability of servicemen / E. Vorobiev // Military law journal. — 2009. — № 9.
2. Glukhov, E. A. Shahbazov R. A. Partially capable soldiers / E. A. Glukhov, R. A. Shahbazov // Law in the Armed Forces — military legal review. — 2013. — № 5
3. Huseynov, N. H commentary to the Federal law «About a liability of military personnel» / N. H. Guseynov, A. V. Titov, A. I. Tyurin. — M. : For the rights of military personnel, 2010.
4. Ivashin, A. A. Commentary to the Federal law «About a liability of military personnel» / A. A. Ivashin, A. V. Tsukanov. — M. : For the rights of servicemen, 2003. — 192 p.
5. Koryakin, V. M. Administrative action as a means of protection of infringed rights and legitimate interests of servicemen / V. M. Koryakin // Law in the Armed Forces — military legal review. — 2015. — № 5.
6. Koryakin, V. M. Military administrative law (military administration) : textbook / V. M. Koryakin, V. A. Kudashkin, K. V. Fateev. — M : For the rights of military personnel, 2008.
7. Koryakin, V. M. the Military organization of the state: evolution of the structure / V. M. Koryakin // Military-academic journal. — 2016. — № 2 (10).
8. Koryakin, V. M. Review of legislation on disciplinary responsibility of servicemen / V. M. Koryakin, V. A. Kudashkin, K. V. Fateev. — M. : For the rights of military personnel, 2007.
9. Koryakin, V. M. Commentary to the Federal law «About a liability of military personnel» / V. M. Koryakin. — M : For the rights of military personnel, 2000.
10. Kot, P. A. Uncertainty in the jurisdiction of cases on material liability of military fixed / P. A. // Law in the Armed Forces — military legal review. — 2014. — № 8.
11. Kot, P. A. About some problems of legislative regulation of the material liability of servicemen / P. A. // Law in the Armed Forces — military legal review. — 2014. — № 3.
12. Kydyraliev, K. E. On the jurisdiction of cases concerning the liability of the military (rather-legal analysis of legislations of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic) // Collection of «Total military-scientific conference of procuratorial and investigative and law faculties on the topic: 150 years of judicial reform in Russia: declarations, norms, life». — M. : WU, 2015.
13. Kydyraliev, C. E. once again about the legal nature of the Affairs of the material responsibility of servicemen in the Russian Federation / E. K. Kydyraliev // Law in the Armed Forces — military legal review. — 2015. — № 11.
14. Likhovidov, K. S. Material responsibility of military personnel : dis. kand. the faculty of law. sciences / Likhovidov Konstantin Stanislavovich; 20.02.03. — M. : WU, 1997. — 235 p.
15. Ovcharov, A. O. Legal work in the Armed Forces of the Russian Federation : textbook / O. A. Ovcharov; edited by V. M. Koryakina. — M. : Military University, 2014.
16. Ozhegov, S. I. dictionary of the Russian language. — M. : Rus. lang., 1987.
17. Ushakov, D. N. Explanatory dictionary of Russian language / D. N. Ushakov // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov>.

Международно-правовая ответственность в контексте правовой регламентации военного использования беспилотных летательных аппаратов

© Холиков И. В.,

доктор юридических наук, профессор

© Сазонова К. Л.,

кандидат юридических наук, кандидат

политических наук

Аннотация. Вопросы применения беспилотных летательных аппаратов в военно-силовых операциях западных стран нуждаются в тщательном анализе с позиций норм действующего международного права и военного права. Фактическая безнаказанность государств, совершивших воздушные атаки, приведшие к многочисленным жертвам среди гражданского населения, ставит вопрос о формах и способах призвания их к международно-правовой ответственности.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат; дрон; военные операции; международная ответственность; международное право; военное право.

Рецензент — О. В. Дамаскин, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Использование беспилотных летательных аппаратов¹ (БПЛА) в последние годы является важной составляющей военно-силовых операций, проводимых рядом государств. В гражданских целях подобные аппараты уже использует более восьмидесяти стран: дроны активно применяются в системах связи, аэро съемке, для мониторинга экосистем, в аэрокосмической деятельности, для предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, в том числе лесных пожаров, при диагностировании трубопроводов и железнодорожных путей, а также для осуществления дистанционного зондирования Земли.

Совершенно очевидно, что «практически любой разведывательный БПЛА можно доработать в ударный вариант»². Именно тот факт, что практически все беспилотники, создаваемые за рубежом, имеют двойное

назначение³, существенно осложняет правовую регламентацию их использования, поскольку применение беспилотных аппаратов для невоенных целей будет лишь интенсифицироваться, а разделить военные и невоенные действия будет все сложнее. С учетом того, что большинство современных армий в ближайшем будущем начнут активно внедрять робототехнику, в том числе связанную с солдатами-роботами, которыми активно занимается подразделение армии США, занимающееся изучением применения роботов в боевой обстановке (*Robotic Collaborative Technology Alliance*), необходимо определить юридические основания для подобного применения, а также основания для возможной ответственности государств в случаях злоупотреблении силой при осуществлении данных операций.

Целью настоящей публикации является анализ юридических последствий использования беспилотников в военных целях в процессе осуществления государствами различных боевых операций. В настоящее вре-

¹ В отечественной доктрине чаще всего используется термин «беспилотные летательные аппараты», «беспилотники» — сокращенно БПЛА или БЛА. В последнее время также употребим термин «дроны». В английском языке используется термин *Unmanned Aerial Vehicles (UAVs)*, однако чаще используется термин *drone*, в том числе в научной литературе.

² Бужинский Е. П. Приоритеты развития беспилотников: от военного дела к экономике // Индекс безопасности. 2014. № 3 (106). С.124.

³ Алешин Б. С., Суханов В. Л., Шибаев В. М., Шнырев А. Г. Состояние дел и перспективы развития комплексов с беспилотными летательными аппаратами в России // Межотраслевой альманах. 2014. № 3(46). С. 32.

мя военное использование дронов наиболее активно осуществляют США, Великобритания и Израиль. Беспилотные летательные аппараты незаменимы при бомбометании с малых высот, а также при нанесении ударов по труднодоступным целям (например, пещерам в горах). Они могут работать в условиях, не пригодных для человека, например, в случаях применения противником оружия массового поражения¹. Большинство исследователей сходятся во мнении, что использование дронов будет лишь увеличиваться. Основанием для этих прогнозов является слишком большая цена возможных потерь пилотируемых самолетов и летного состава².

Впервые боевое использование беспилотных летательных аппаратов состоялось в период Второй мировой войны, когда Германия опробовала беспилотный аппарат FX-1400 или «Фриц». США стали эпизодически использовать дроны Fireflies для разведывательных операций в период войны во Вьетнаме. Военное использование беспилотников позволяет решать многие разведывательные задачи (в том числе ведение оптико-электронной, радиотехнической, радиолокационной и комплексной разведки)³, а также обнаруживать мины и обеспечивать лазерную подсветку систем наведения. Кроме того, отсутствие инверсионного следа делает многие малые БПЛА незаменимыми для разведывательных целей. Беспилотники используются для выявления фактов перемещения противника, для закладки взрывных устройств, а также для организации непрерывного воздушного наблюдения в заданном районе. В ходе отдельных операций США на территории Ирака более половины всей информации о противнике собиралось именно с помощью беспилотных летательных аппаратов⁴. Сегодня «дроны стоят на вооружении диверсионно-разведывательных формирований сил специальных операций США, которые в угро-

жаемый период могут забрасываться в глубокий тыл вероятного противника»⁵.

США, начиная с 1987 г., начали активную разработку не только разведывательного, но и военного применения дронов. При решении ударных задач данные БПЛА способны наносить точечные удары по надводным и наземным объектам⁶. Кроме того, они могут использоваться для усложнения воздушной обстановки (путем использования БЛА в качестве ложных воздушных целей)⁷. Впервые американский военный БПЛА Predator, оснащенный ракетами *Hellfire*, был опробован в феврале 2001 г. В течение последних десяти лет США применяли бомбометание с беспилотных летательных аппаратов при проведении военных операций на территории Пакистана, Афганистана, Йемена, Сомали, Ливии и других стран.

В настоящее время среди всего многообразия беспилотных летательных аппаратов в военных операциях США наиболее активно используются модели *Predator*, *Sky Warrior* и *Reaper*. Современные БПЛА, состоящие на вооружении армии США, могут запускаться различными способами. Различают аппараты наземного базирования, которые выполняют взлет по-самолетному, по-вертолетному или с помощью катапультирования, аппараты корабельного базирования, запускаемые с авианосцев, аппараты воздушного базирования, осуществляющие старт с самолетов-носителей, а также модели, например XFC, которые могут запускаться с подводных лодок, находящихся в погруженном состоянии⁸.

Израиль впервые использовал БПЛА Pioneer в 1982 г. в военной операции против Ливана и впоследствии неоднократно применял беспилотники при проведении военных операций на территории Египта, Суда-

¹ Малый А., Левагин Н. Разработка беспилотных летательных аппаратов для ВМС США // Морской сборник. 2015. № 4. С. 64.

² Бужинский Е. П. Указ. соч. С. 123.

³ Там же. С. 125.

⁴ Малый А., Левагин Н. Указ. соч. С. 64.

⁵ Павлушенко М., Евстафьев Г., Макаренко И. Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития // Научные записки ПИР-Центра. 2004. № 2 (26). С. 453.

⁶ Малый А., Левагин Н. Указ. соч. С. 65.

⁷ Там же.

⁸ Информационное сообщение исследовательской лаборатории ВМС США. [URL:www.nrl.navy.mil/media/news-releases/2013](http://www.nrl.navy.mil/media/news-releases/2013)

на, в Секторе Газа. Именно дроны оптимально подходят для выполнения боевых задач, требующих максимальной точности наведения, что делает их незаменимыми во время проведения спецопераций, исключая массированное военное воздействие.

Великобритания производит дроны Watchkeeper, схожие по техническим характеристикам с израильскими *Hermes 450*, а также активно закупает беспилотники *Reaper* у США. Великобритания использовала БПЛА на территории Пакистана, Афганистана, Ливии, Ирака, Мали.

В марте 2015 г. Пакистан заявил об успешных испытаниях военного беспилотника *Burraq*, способного летать в любых погодных условиях и наносить удары высокой точности.

Тем не менее, эксперты отмечают, что в будущем использование БПЛА не вытеснит полностью боевые самолеты и вертолеты армейской авиации, поскольку они лишь дополняют пилотируемые аппараты¹. Е. П. Бужинский отмечает, что «пилот самолета сам может реагировать на угрозы и уклоняться от них», соответственно, «БПЛА более уязвимы в зонах активного применения средств ПВО»².

Кроме того, современные передатчики радиоэлектронных помех, в том числе российского производства, способны серьезно осложнить и даже нарушить работу беспилотных летательных аппаратов и той военной техники, чье функционирование зависит от системы *GPS*: «Оказалось, что высокоточное оружие (крылатые ракеты, управляемые бомбы с системой *JDAM* и т.д.) США и других стран НАТО в условиях воздействия помех перестает быть высокоточным»³. Беспилотники малого размера, летающие на низких высотах, также уязвимы для передатчиков радиоэлектронных помех.

Эффективность работы подобных устройств зависит от направленной мощности радиоэлектронных магнитных излучателей. Шифрование данных беспилотников также серьезно осложняется возможностью их взлома, в связи с чем армии США приходится тратить значительные суммы на все более сложные криптоалгоритмы.

Беспилотники также весьма несовершенны в обнаружении статичных целей в лесистых областях. Данная особенность объясняет активное использование беспилотных летательных аппаратов именно в горных и пустынных районах Пакистана, Афганистана, Ирака и Йемена, где местность идеальна для работы дронов. Несмотря на то, что камера БПЛА *Predator*, состоящего на вооружении армии США, может подавать весьма четкую картинку, «для оператора беспилотника весьма затруднительно точно идентифицировать на видео конкретного человека»⁴. Указанный факт во многом объясняет значительное количество жертв среди мирного населения при атаках, осуществляемых с беспилотных летательных аппаратов.

В данном контексте возник феномен так называемых «целевых убийств», то есть запланированных убийств граждан одного государства, подозреваемых в причастности к террористической деятельности, осуществляемых спецслужбами или армией другого государства. Военное использование дронов обычно осуществляется США именно для «целевых убийств» в Пакистане, Афганистане и Йемене.

Ф. Алстон, эксперт ООН, занимавшийся проблематикой «целевых убийств» с помощью дронов, отмечал, что отсутствие визуального контакта между оператором беспилотника и целью, в целом делает убийство менее эмоциональным и, соответственно, более легко осуществимым, поскольку цель видится оператором лишь как обезличенные пиксели на экране монитора⁵. То, что про-

¹ Хамзатов М. Мода на беспилотники над полем боя — на свои и чужие // Независимое военное обозрение. 2012. URL: http://nvo.ng.ru/armament/2012-03-02/1_bespilotniki.html.

² Бужинский Е. П. Указ. соч. С. 123.

³ Потапов В. И, Нагорский А. А. Беспилотные летательные аппараты: за и против // Вестник академии военных наук. 2010. № 2 (35). С. 141.

⁴ Callam A. Drone Wars: Armed Unmanned Aerial Vehicles // International Affairs Review. Vol. XVIII, No. 3. 2010. URL: <http://www.iar-gwu.org/node/144>

⁵ Alston P., Shamsi N. A Killer above the law // The Guardian, 2 August 2010. URL:

исходит на экране, воспринимается, по замечанию Ф. Алстона, «как обычная видео-игра»¹.

Даже западные юристы признают, что «международное право не поддерживает нападения на людей или группы людей в государствах, на территории которых произошли террористические акты. Кроме того, даже по отношению к государству, ответственному за вооруженное нападение, должен применяться принцип пропорциональности»². Таким образом, «международное право не признает правомерности «целевых убийств» даже в отношении членов Аль-Каиды, даже в ответ на события 11 сентября, даже при наличии мандата на применение силы от Совета Безопасности, даже при наличии разрешения конгресса США»³.

Согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. «Защита прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом» любые меры, связанные с борьбой с терроризмом, в том числе, связанные с использованием беспилотных летательных аппаратов, должны проводиться в соответствии с международным правом, международным гуманитарным правом и международным правом прав человека»⁴. Государства в случаях, когда были совершены авиаудары с использованием беспилотных летательных аппаратов, обязаны провести тщательное расследование произошедшего и предоставить детальное публичное объяснение собственных действий.

<http://www.theguardian.com/commentisfree/2010/feb/08/afghanistan-drones-defence-killing>.

¹ Alston P., Shamsi N. A Killer above the law//The Guardian, 2 August 2010. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2010/feb/08/afghanistan-drones-defence-killing>.

² O'Connell M.E. Drones under International Law. Washington University Law. Whitney R. Harris World Law Institute. 8 October 2010. URL: <http://law.wustl.edu/harris/documents/OConnellFullRemarksNov23.pdf>

³ Anderson K. Targeted Killing in U.S. Counterterrorism Strategy and Law 16. 11 May 2009. URL: <http://ssrn.com/abstract=1415070>.

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 68/178 от 18 декабря 2013 г. [по докладу Третьего комитета(A/68/456/Add.2)].

Тематику «целевых убийств» с помощью беспилотных летательных аппаратов можно проиллюстрировать на примере десятилетнего активного использования дронов в Пакистане. Именно на территории Пакистана был убит «враг США № 1» Усама бен Ладен. Нижеприведенная таблица, основанная на данных неправительственной американской организации *New America*, свидетельствует о том, что «целевые убийства», направленные на точечное уничтожение террористов, в действительности представляют собой полноценные бомбежки, сопровождающиеся колоссальным количеством жертв среди мирного населения.

Таблица 1

Статистика количества погибших в результате ударов, совершенных на территории Пакистана беспилотными летательными аппаратами США (2004 г. — 2014 гг.)⁵

Год	Количество ударов БЛА	Общее количество погибших	Количество погибших представителей гражданского населения
2004 — 2007	9	154 — 201	95 — 107
2008	36	219 — 347	20 — 34
2009	54	352 — 723	64 — 74
2010	100	512 — 826	14 — 17
2011	73	328 — 470	57 — 65
2012	48	222 — 361	5
2013	26	127 — 157	3-5
2014	22	126 — 155	0
ИТО-ГО	368 ударов	2040 — 3240 человек	258-307 человек

Британское Бюро журналистских исследований обнародовало несколько иную, однако не менее впечатляющую статистику по Пакистану за период с 2004 по 2015 г.: 2,471 — 3,983 убитых в результате 420 атак с беспилотных летательных аппаратов, из них 423 — 965 мирных жителей и 172 — 207 детей⁶. Бюро приводит впечатляющую про-

⁵ По данным неправительственной американской организации *New America* <http://securitydata.newamerica.net/drones/pakistan-analysis.html>

⁶ The Bureau of Investigative Journalism. Drone strikes in Pakistan. URL: <https://www.thebureauinvestigates.com/category/projects/drones/>

порцию, иллюстрирующую «эффективность» атак с беспилотников в контексте борьбы с терроризмом: из 2379 убитых лишь 84 человека были членами Аль-Каиды, что составило лишь 3,5% от общего числа погибших. В 2013 г. Бюро начало проект «Называя убитых»/Naming the Dead, целью которого является составление списков имен и кратких биографий людей, погибших в результате атак беспилотников в Пакистане¹.

Можно констатировать, что вопросы обращения к правосудию пострадавших в результате атак весьма ограничены. В январе 2014 г. британский суд отклонил иск пакистанца Нура Хана, чей отец Малик Дауд Хан был убит вместе с сорока другими жителями во время атаки беспилотного аппарата США в марте 2011 г.² Суд заявил, что истец просит вынести приговор в отношении США, а подобной юрисдикцией британский суд не обладает.

Правозащитная британская организация Reprieve периодически направляет запросы в Совет по правам человека ООН, основанные на жалобах тех людей, которые потеряли членов семей, в том числе детей, в результате атак беспилотников, с требованием признать подобные атаки грубейшим нарушением прав человека³. После многочисленных резолюций ООН, осуждающих убийство мирных жителей во время атак с помощью БПЛА в Пакистане, ЦРУ, начиная с 2010 г., начало работу по оснащению беспилотных летательных аппаратов новыми ракетами меньшего размера Small Smart Weapon/ Scorpion весом до 16 кг, однако очевидно, что это лишь полумеры. Важно отметить, что никакой ответственности за атаки беспилотников в Пакистане ни США,

ни Великобритания не понесли. Единственным действием, в котором можно усмотреть признаки сатисфакции, как формы международно-правовой ответственности, являются извинения руководства стран НАТО, эпизодически приносимые пострадавшему мирному населению. Например, 23 апреля 2015 г. президент США Б. Обама извинился за атаку, совершенную американским беспилотником в январе 2015 г. в Пакистане, которая унесла жизни нескольких десятков человек.

Для того чтобы решить вопрос о международно-правовой ответственности государств за подобные действия, необходимо разрешить большое число юридических проблем. Прежде всего, необходимо отметить, что само по себе использование беспилотных летательных аппаратов в военных целях, в принципе, не противоречит нормам действующего международного права. Прямого запрета на военное применение беспилотных летательных аппаратов не существует. Фактически, атака с беспилотника ничем принципиально не отличается от военной операции, осуществляемой с пилотируемого аппарата. Тем не менее, все большее число экспертов утверждает, что «проводимая армией стран-членов НАТО кампания по использованию беспилотников на территории Афганистана, Ливана, Пакистана, Йемена, Сирии, Ливии противоречит нормам современного международного права»⁴. Можно констатировать, что подобные заявления связаны не с самим фактом использования беспилотников, а с юридическими основаниями данных военных кампаний, а также с многочисленными случаями силовых злоупотреблений при проведении подобных операций.

Удар, осуществленный с помощью беспилотного летательного аппарата, без согласия государства, на территории которого осуществляются данный удар, является интервенцией, то есть неправомерным применением силы, нарушающим параграф 4 ст. 2

¹ The Bureau of Investigative Journalism. Naming the Dead.

URL: <https://www.thebureauinvestigates.com/namingthe-dead/?lang=en>

² Noor Khan v Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs. Respondent Royal Courts of Justice Strand, London, WC2A 2LL. 20 January 2014. URL: <https://www.justsecurity.org/wp-content/uploads/2014/01/Noor-Khan-v.-State-UK-Court-of-Appeal-2014.pdf>

³ Reprieve. America's deadly drones programme. URL: <http://www.reprieve.org.uk/case-study/drone-strikes/>

⁴ Давыдов М. В. проблемы применения беспилотных летательных аппаратов в международном праве // Алтайский юридический вестник. 2014. № 3 (7). С. 37.

Устава ООН 1945 г. Циркуляр ИКАО № 328 относит беспилотные летательные аппараты к воздушным судам, находящимся под юрисдикцией конкретного государства. Согласно поправке № 43 2012 г., внесенной в Приложение 2 Конвенции о международной гражданской авиации 1944 г., дистанционно пилотируемые авиационные системы должны сертифицироваться и обслуживаться в соответствии с национальным законодательством. Таким образом, действия беспилотного аппарата могут расцениваться как действия конкретного государства. При этом в данном контексте, отсутствует принципиальная разница между «ситуацией, когда беспилотный аппарат управляется из Лэнгли, Вирджиния, за 11 тыс. км от Афганистана, и тем, когда пилотируемый аппарат сбрасывает ракету с высоты в пять километров от цели»¹, поскольку самого факта физического присутствия беспилотника над территорией другого государства вполне достаточно, чтобы считать это интервенцией. Таким образом, наиболее принципиальным юридическим аспектом является вопрос о том, на каком основании данный беспилотный аппарат оказался в воздушном пространстве того или иного государства.

Согласно Проекту статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятому Комиссией международного права ООН в 2001 г., к обстоятельствам, исключающие противоправность деяния государства, можно отнести согласие, самооборону и контрмеры.

«Согласие» как обстоятельство, исключающее противоправность, предполагает ситуации, которые, по всем признакам, выглядят как международные правонарушения, однако в действительности, таковыми не являются, поскольку происходят по взаимному соглашению государств. Например, в 1987 г. Индия ввела свои войска на территорию Шри-Ланки для совместной борьбы с вооруженной группировкой «Тигры освобождения Тамил Илама». Ввод иностранных войск на территорию государства — харак-

терный признак преступления агрессии, однако, в данном случае, это не является агрессией, соответственно и международная ответственность исключается. Как отмечают эксперты, нет никаких свидетельств того, что правительство тех стран, в которых применялись беспилотные летательные аппараты, просило США помощи, требующей проведения военных операций с использованием дронов². Кроме того, как отметил Специальный докладчик Совета по правам человека ООН по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, К. Хейнс, «государства не могут давать согласие на нарушение своих обязательств по международному гуманитарному праву или международному праву прав человека. Государство, которое соглашается на деятельность другого государства на своей территории, по-прежнему несет ответственность за выполнение своих обязательств в области прав человека»³.

Поскольку начало фазы активного военного использования БПЛА совпало с террористическими атаками 11 сентября 2001 г., наиболее часто декларируемым основанием для военных кампаний США и НАТО в Ираке, Афганистане, Пакистане, Йемене, Ливии и Сирии является ссылка на принцип индивидуальной и коллективной самообороны. Именно самооборона в ответ на террористические акты, совершенные террористической организацией Аль-Каида, и являются основанием для военного присутствия США и их союзников на территории любых стран, где отмечено наличие террористических формирований, связанных с Аль-Каидой. После 11 сентября 2011 г. США заявили о своем праве применять вооруженную силу как против самих террористов, так и против правительств, которые их поддер-

¹ Ochmannova P. Unmanned Aerial Vehicles and law of Armed Conflict Implications // Czech Yearbook of Public & Private International Law. 2011. P. 147.

² O'Connell M.E. Drones under International Law. Washington University Law. Whitney R. Harris World Law Institute. 8 October 2010 // URL: <http://law.wustl.edu/harris/documents/OConnellFullRemarksNov23.pdf>

³ Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях. UN Doc. A/68/382. 13 сентября 2013.

живают. В октябре 2001 г. американское правительство сообщило Совету Безопасности, что начинает военные действия против Аль-Каиды и правительства Талибана в Афганистане. В качестве обоснования была использована ссылка на ст. 51 Устава ООН, которая предоставляет государствам право использовать вооруженную силу в порядке самообороны в случае вооруженного нападения¹. Именно на этом основании некоторые исследователи говорят о праве на «упреждающую» самооборону². Однако при этом многие юристы, в том числе американские, отмечают, что, хотя «Совет Безопасности ООН в резолюции 1368 (2001) ссылался на ст. 51 и право США на самооборону в ответ на атаки 11 сентября, тем не менее, СБ ООН не санкционировал применение силы в этой резолюции, поэтому, хоть операция и проводилась в соответствии с правом на самооборону, сама резолюция не является правовой базой для подобного применения»³.

При этом необходимо отметить, что действующее международное право признает возможность конфликта между государствами и негосударственными образованиями лишь в случае с внутренними конфликтами. Именно поэтому «вопрос о том, насколько правомерно объявлять состояние войны в борьбе с терроризмом — причем именно в правовом смысле — это весьма спорный вопрос»⁴. Террористические акты классифицируются как уголовные деяния, а не как боевые действия, дающие право на

самооборону⁵. Именно поэтому «террористические акты не влекут ответственности государства, на территории которого они произошли», а влекут ответственность отдельных лиц⁶.

Помимо США, на принцип самообороны при борьбе с терроризмом нередко ссылается Израиль. Верховный суд Израиля постановил в 2006 г., что Израиль «находится в состоянии вооруженного конфликта с различными террористическими организациями из-за постоянных и продолжающихся террористических атак»⁷. Суд указал, что данные атаки выходят за пределы уголовной юрисдикции, и являются основанием для активации права на самооборону по смыслу Устава ООН⁸.

В любом случае, даже если признать официальной войной действия, предпринимаемые США и Израиля против международного терроризма, эта война должна вестись в соответствии с нормами международного гуманитарного права. Поскольку юридически удар с беспилотника и удар с пилотируемого аппарата ничем не отличаются друг от друга, некоторые авторы, приходят к выводу, что «никакого специального права, регулирующего использование дронов, не требуется»⁹. Однако необходимости соблюдения действующих международно-правовых норм это не отменяет, и, прежде всего, нормы Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., согласно которой «запрещается применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания».

¹ Letter dated 7 October 2001 from the Permanent Representative of the United States of America to the United Nations addressed to the President of the Security Council, U. N. Doc. S/2001/946, available at <http://www.un.int/usa/s-2001-946.htm>.

² O'Brien W. O. Just War Doctrine's Complementary Role in the International Law of War// International Law Studies. No. 67. 1995. P.183.

³ O'Connell M. E. Preserving the Peace: The Continuing Ban on War Between States// Californian Western International Law Journal. Vol. 38. № 1. 2007. P. 47.

⁴ Weiner A. Law, Just War, and the International Fight Against: Is It War?//Working Papers of Center on Democracy, Development, and the Rule of Law, № 47. Stanford Institute on International Studies, 2005. P. 9.

⁵ O'Connell M. E. Drones under International Law. Washington University Law. Whitney R. Harris World Law Institute. 8 October 2010. URL: <http://law.wustl.edu/harris/documents/OConnellFullRemarksNov23.pdf>

⁶ Ibid.

⁷ Judgments of the Israel Supreme Court: Fighting Terrorism within the Law. Vol. 3. 2006—2009. P. 148.

⁸ Ibid.

⁹ Gill T. D. Unmanned Aerial Vehicles & International Law: If, How, When and Where UAV Strikes May Be Conducted. University of Amsterdam & Netherlands Defense Academy. 2013. P. 12.

В соответствии с теорией «глобализации войны», разрабатываемой директором канадского Центра исследований глобализации М. Хоссудовски, «борьба с терроризмом» с активным использованием беспилотных летательных аппаратов, которую США ведут по всему миру, представляет собой фактический «государственный терроризм»¹. О. В. Дамаскин отмечает, что «борьба с терроризмом оказалась удобным информационным прикрытием для проведения геополитических операций, которые в прошлом столетии означали объявление войны мирового значения»².

Любая деятельность, связанная с военным использованием беспилотных летательных аппаратов, должна проводиться в соответствии с нормами международного гуманитарного права, а также права прав человека³. В этом аспекте Президент Российской Федерации В. В. Путин заявил: «Сомневаюсь, что беспилотники можно запретить, но поставить их под контроль, подчинить определенным правилам, конечно, нужно»⁴. Вопросы международно-правовой ответственности государств за военное применение беспилотных летательных аппаратов не имеют однозначной оценки, как в отечественной, так и в зарубежной доктрине. Очевидно, что многое в данном вопросе зависит от юридического толкования и интерпретации таких важнейших международно-правовых категорий, как «самооборона», «интервенция», «применение силы» и других. Важно отметить, что дальнейшая разработка данной проблематики напрямую связана с развитием международной ответ-

ственности в целом, как особой отрасли военного права.

Библиография

1. Алешин, Б. С. Состояние дел и перспективы развития комплексов с беспилотными летательными аппаратами в России / Б. С. Алешин, В. Л. Суханов, В. М. Шибаев, А. Г. Шнырев // Межотраслевой альманах. — 2014. — № 3(46).
2. Бужинский, Е. П. Приоритеты развития беспилотников: от военного дела к экономике / Е. П. Бужинский // Индекс безопасности. — 2014. — № 3 (106).
3. Давыдов, М. В. проблемы применения беспилотных летательных аппаратов в международном праве / М. В. Давыдов // Алтайский юридический вестник. 2014. № 3 (7).
4. Дамаскин, О. В. Актуальные военные проблемы международного права и международной уголовной юрисдикции / О. В. Дамаскин // Право в Вооруженных Силах — военно-правовое обозрение. — 2011. — № 1.
5. Малый, А. Разработка беспилотных летательных аппаратов для ВМС США / А. Малый, Н. Левагин // Морской сборник. — 2015. — № 4.
6. Потапов, В. И. Беспилотные летательные аппараты: за и против / В. И. Потапов, А. А. Нагорский // Вестник академии военных наук. — 2010. — № 2 (35).
7. Павлушенко, М. Беспилотные летательные аппараты: история, применение, угроза распространения и перспективы развития / М. Павлушенко, Г. Евстафьев, И. Макаренко // Научные записки ПИР-Центра. — 2004. — № 2 (26).
8. Хамзатов, М. Мода на беспилотники над полем боя — на свои и чужие / М. Хамзатов // Независимое военное обозрение. — 2012. URL: http://nvo.ng.ru/armament/2012-03-02/1_bespilotniki.html
9. Anderson K. Targeted Killing in U.S. Counterterrorism Strategy and Law 16. 11 May 2009. URL: <http://ssrn.com/abstract=1415070>.
10. Callam A. Drone Wars: Armed Unmanned Aerial Vehicles//International Affairs Review.Vol. XVIII. № 3. 2010. URL: <http://www.iar-gwu.org/node/144>
11. Gill T.D. Unmanned Aerial Vehicles & International Law: If , How, When and Where UAV Strikes May Be Conducted. University of Amsterdam & Netherlands Defense Academy. 2013.
12. Ochmannova P. Unmanned Aerial Vehicles and law of Armed Conflict Implications//Czech Yearbook of Public & Private International Law, 2011.
13. Chossudovsky M. The Globalization of War. America's «Long War» against Humanity. Global Research, Montreal. 2015.
14. O'Brien W. O. Just War Doctrine's Complementary Role in the International Law of War// International Law Studies. № 67. 1995.
15. O'Connell M. E. Preserving the Peace: The Continuing Ban on War Between States//Californian Western International Law Journal. Vol. 38. № 1. 2007.

¹ Chossudovsky M. The Globalization of War. America's «Long War» against Humanity. Global Research, Montreal. 2015, P. 213.

² Дамаскин О. В. Актуальные военные проблемы международного права и международной уголовной юрисдикции // Право в Вооруженных Силах. № 1. 2011.

³ International Law and the Use of Drones. Summary of the International Law Discussion Group meeting held at Chatham House on 21 October 2010 / URL:http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/il211010drones.pdf

⁴ Владимир Путин: Мировое сообщество должно стремиться к контролю за высокоточными беспилотниками // URL: <http://itar-tass.com/politika/608044>.

16. O'Connell M.E. Drones under International Law. Washington University Law. Whitney R. Harris World Law Institute. 8 October 2010. URL: <http://law.wustl.edu/harris/documents/OConnellFullRemarksNov23.pdf>

17. Weiner A. Law, Just War, and the International Fight Against: Is It War? // Working Papers of Center on Democracy, Development, and the Rule of Law, № 47. Stanford Institute on International Studies, 2005.

International legal responsibility in the context of the legal regulation of the military use of unmanned aerial vehicles

© Holikov I. V.,
doctor of legal Sciences, Professor

© Sazonova K. L.,
candidate of legal Sciences, candidate of political Sciences

Abstract. Questions of application of unmanned aerial vehicles in military operations, Western countries need careful analysis from the standpoint of applicable international law and military law. The actual impunity of States, committed air attacks leading to numerous civilian casualties, raises the question of the forms and ways of calling them to international legal responsibility.

Keywords: unmanned aerial vehicle; drone; military operations; international responsibility; international law; military law.

Bibliography

1. Aleshin, B. S. Status and prospects for the development of complexes with unmanned aerial vehicles in Russia / B. S. Alyoshin // Inter-industry almanac. — 2014. — № 3(46).
2. Buzhinsky, E. P. development Priorities drones: from military Affairs to economy / E. P. Buzhinsky // security Index. — 2014. — № 3 (106).
3. Davydov, M. V. problems of application of drones in international law / M. V. Davydov // Altai legal Gazette. — 2014. — № 3 (7).
4. Damaskin, O. V. Actual problems of international military law and international criminal law / O. V. Damaskin // Law in the Armed Forces — military legal review. — 2011. — № 1.
5. Small, As Well. The development of unmanned aerial vehicles for the US Navy / As Well. Small, N. Levain // Sea collection. — 2015. — № 4.
6. Potapov, V. I. drones: pros and cons / V. I. Potapov, As Well. Well. Nagorskaya // Bulletin of the Academy of military Sciences. — 2010. — № 2 (35).
7. Pavluchenko, M. Unmanned aerial vehicles: history, application, threat of proliferation and prospects of development / M. Pavlushenko, I. Evstafiev // Scientific notes of the PIR Center. — 2004. — № 2 (26).
8. Gamzatov, M. Fashion on drones over the battlefield on their own and others / M. Gamzatov // Independent military Review. — 2012 // URL: http://nvo.ng.ru/armament/2012-03-02/1_bespilotniki.html
9. Anderson K. Targeted Killing in U.S. Counterterrorism Strategy and Law 16. 11 May 2009 // URL: <http://ssrn.com/abstract=1415070>.
10. Callam A. Drone Wars: Armed Unmanned Aerial Vehicles//International Affairs Review.Vol. XVIII, № 3. 2010 // URL: <http://www.iar-gwu.org/node/144>
11. Gill T.D. Unmanned Aerial Vehicles & International Law: If , How, When and Where UAV Strikes May Be Conducted. University of Amsterdam & Netherlands Defense Academy. 2013.
12. Ochmannova, P. Unmanned Aerial Vehicles and law of Armed Conflict Implications // Czech Yearbook of Public & Private International Law, 2011.
13. Chossudovsky M. The Globalization of War. America's «Long War» against Humanity. — Global Research, Montreal. 2015.
14. O'Brien, W. O. Just War Doctrine's Complementary Role in the International Law of War // International Law Studies. — 1995. — № 67.

15. O'Connell, M. E. Preserving the Peace: The Continuing Ban on War Between States // Californian Western International Law Journal. — Vol. 38. — 2007. — № 1.

16. O'Connell, M. E. Drones under International Law. Washington University Law. Whitney R. Harris World Law Institute. 8 October 2010 // URL: <http://law.wustl.edu/harris/documents/OConnellFullRemarksNov23.pdf>

18. Weiner, A. Law, Just War, and the International Fight Against: Is It War? // Working Papers of Center on Democracy, Development, and the Rule of Law, № 47. Stanford Institute on International Studies, 2005.

Рецензии на военно-правовые издания

Новая книга о жилищном обеспечении военнослужащих

© Шурыгина Ю. А.,

кандидат юридических наук, подполковник

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу «Жилищная энциклопедия военнослужащих» (авторы — В. М. Корякин и А. В. Кудашкин). В статье раскрывается основное содержание книги, даются рекомендации для ее использования в системе социальной защиты военнослужащих и в учебном процессе в военных образовательных организациях.

Ключевые слова: право на жилище; жилищное обеспечение военнослужащих.

Проблема жилищного обеспечения военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей не снижала своей остроты во все годы развития постсоветской России. Весьма актуальной она остается и сегодня, хотя, безусловно, руководством государства, Вооруженных Сил и иных государственных органов, в которых законом предусмотрена военная служба, в последние годы проделана значительная ра-

бота по снижению остроты жилищной проблемы.

Законодательство о жилищном обеспечении весьма обширно, включает в себя довольно большое число правовых актов как законодательного, так и подзаконного уровня. Значительным является число ведомственных нормативных актов по данному вопросу. Все это обуславливает необходимость издания справочно-консультационной литературы, в которой бы в доступной форме излагались основные положения жилищного законодательства, которая бы оказывала реальную помощь военнослужащим, стремящимся самостоятельно разобраться в непростых вопросах жилищного права.

Этим целям и служит новая книга о жилищном обеспечении военнослужащих, авторами которой являются известные специалисты в области военного права, профессора Военного университета доктор юридических наук, доцент Корякин Виктор Михайлович и доктор юридических наук, профессор Кудашкин Александр Васильевич¹.

В книге разъясняются основные положения законодательства о жилищном обеспечении военнослужащих, раскрываются формы жилищного обеспечения, приводятся образцы документов, связанных с реализа-

¹ Корякин В. М., Кудашкин А. В. Жилищная энциклопедия военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей. М. : Военный университет. Центр правовых коммуникаций, 2017.

цией жилищных прав военнослужащих, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. Издание носит действительно энциклопедический характер, поскольку охватывает весь спектр данной проблемы, все формы жилищного обеспечения, а также содержит значительный объем справочной информации по данному вопросу, включая судебную практику.

Структурно книга состоит из введения, 5 глав, объединяющих 20 параграфов, а также приложений.

Первая глава носит общетеоретический, обзорный характер. Здесь раскрываются понятия жилища и права на жилище, показано содержание права военнослужащих на жилище и формы его реализации. Отдельно проанализированы гарантии реализации права военнослужащих на жилище, а также функции и полномочия органов жилищного обеспечения военнослужащих.

Вторая глава рецензируемого издания посвящена рассмотрению порядка предоставления военнослужащим и гражданам, уволенным с военной службы, жилых помещений по договору социального найма и в собственность бесплатно.

В данной главе раскрываются основания признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма и в собственность бесплатно, детально описывается порядок признания военнослужащих нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых на данных условиях. Специальному анализу подвергнут институт нормы предоставления военнослужащим жилых помещений по договору социального найма и в собственность бесплатно. Здесь же раскрывается порядок предоставления военнослужащим жилых помещений по договору социального найма и в собственность бесплатно.

Одной из важнейших форм жилищного обеспечения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, является предоставление им жилых помещений специализированного жилищного фонда. Об этом идет речь в **третьей главе** энциклопедии, где подробно описывается порядок предоставления военнослужащим служеб-

ных жилых помещений и жилых помещений в общежитиях. В данной главе также рассматриваются вопросы членства военнослужащих в жилищно-строительных кооперативах.

Основным содержанием военной жилищной политики последних лет является постепенный переход от предоставления жилых помещений «в натуре» к денежным формам решения данной проблемы. В связи с этим большой интерес представляет **четвертая глава** книги, в которой идет речь о реализации жилищных прав военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, путем предоставления им денежных средств на эти цели. Разновидностями денежных форм жилищного обеспечения военнослужащих и членов их семей являются:

а) предоставление социальной выплаты на приобретение жилья, удостоверяемой государственным жилищным сертификатом;

б) предоставление единовременной денежной выплаты на приобретение или строительство жилых помещений;

в) предоставление жилищной субсидии на строительство или приобретение жилых помещений;

г) выплата денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений.

Каждой из этих форм посвящен отдельный параграф рецензируемого издания.

К числу денежных форм относится и накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих, которая действует в нашей стране с 2005 г. По мере увольнения с военной службы граждан, поступивших на военную службу до введения данной системы и имеющих право на получение жилых помещений «в натуре», накопительно-ипотечная система постепенно выходит на первый план и в относительно недалекой перспективе (примерно, к 2030 г.) станет единственной формой жилищного обеспечения военнослужащих для постоянного проживания после увольнения с военной службы. Учитывая данное обстоятельство, представляется вполне обоснованным, что авторы рецензируемого издания вопросам накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих посвятили отдельную — **пятую** — главу.

В данной главе рассматриваются организационно-правовые основы функционирования накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения, анализируются организационные основы участия военнослужащих в данной системе. Подробно описывается порядок использования накоплений для жилищного обеспечения военнослужащих-участников накопительно-ипотечной системы, а также предоставления военнослужащим целевых жилищных займов.

Авторам рецензируемой книги удалось добиться органичного сочетания теоретической проработки проблемы жилищного обеспечения военнослужащих с явно выраженной практической направленностью издания. Каждая глава книги сопровождается приведением образцов и шаблонов различного рода документов, связанных с реализацией права на жилищное обеспечение (все-го, по нашим подсчетам, в книге имеется не менее 38 таких образцов).

Большой информационной насыщенностью обладает приведенная в энциклопедии судебная практика по жилищным спорам. Авторы вполне обоснованно включили в книгу Обзор практики рассмотрения военными судами дел о реализации прав на участие накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих и членов их семей (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 января 2016 г.) и Обзор практики рассмотрения военными судами дел, связанных с обеспечением военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, жилыми помещениями по избранному месту жительст-

ва (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 февраля 2017 г.).

Подводя итог, можно вполне обоснованно утверждать, что книга «Жилищная энциклопедия военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей» является вполне своевременным изданием, призванным внести вклад в повышение правовой грамотности военнослужащих и их семей. Она может быть полезной для командиров (начальников), органов военного управления, на которых возложено решение жилищных проблем военнослужащих, для работников социальных служб, а также для всех, кто интересуется военными проблемами жилищного права. Книга может быть использована в качестве учебного пособия в системе военно-юридического образования, общественно-гуманитарной и командирской подготовки военнослужащих.

В качестве замечания следует отметить то обстоятельство, что издание рассчитано, главным образом, на военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и не учитывает определенной специфики жилищного обеспечения военнослужащих других войск, воинских формирований и органов. Однако данное замечание отнюдь не снижает общей высокой оценки рецензируемой книги.

Библиография

Корякин, В. М. Жилищная энциклопедия военнослужащих, лиц, уволенных с военной службы, и членов их семей / В. М. Корякин, А. В. Кудашкин. — М. : Военный университет. Центр правовых коммуникаций, 2017. — 240 с.

A new book about the housing support of servicemen

© Shurygina, Yu. A.,
PhD in law, Lieutenant Colonel

Abstract. The article is a review of the book "encyclopedia of Housing troops" (authors — V. M. Koryakin and A. V. Kudashkin). The article reveals the main content of the book, and gives recommendations for its use in the system of social protection of servicemen and educational process in military educational organizations.

Keywords: right to housing; the housing support of servicemen.

Bibliography

Koryakin, V. M. encyclopedia of Housing of servicemen, persons dismissed from military service and members of their families / V. M. Koryakin, V. A. Kudashkin. — M. : Military University. Center for legal communications, 2017. — 240 p.

Судебная практика

Судебная практика Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

ПЕРВАЯ ИНСТАНЦИЯ

Пункт 13 Правил организации в органах Федеральной службы безопасности работы по обеспечению жилыми помещениями, утверждённых приказом Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 24 октября 2011 года № 590, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26 декабря 2016 года № ВКАПИ16-57, вступившее в законную силу (извлечение)

Согласно пункту 13 Правил организации в органах федеральной службы безопасности работы по обеспечению жилыми помещениями, утверждённых приказом Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 24 октября 2011 года № 590 (далее — Правила), не подлежат принятию на учёт в качестве нуждающихся в служебных жилых помещениях военнослужащие и члены их семей, обеспеченные жилыми помещениями для постоянного проживания в населённом пункте по месту расположения органа безопасности (структурного подразделения органа безопасности), в котором военнослужащие проходят военную службу, или в близлежащих (находящихся в непосредственной близости) населённых пунктах (независимо от общей площади жилого помещения, приходящейся на каждого проживающего).

М. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском о признании недействующим пункта 13 Правил ввиду противоречия его пункту 2 части 1 статьи 51

ЖК РФ, а также пункту 5 статьи 2 и абзацу второго пункта 1 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

В обоснование заявления он указал, что решением жилищной комиссии члены его семьи, как обеспеченные жильём в г. Петропавловске-Камчатском, сняты с учёта нуждающихся в получении служебного жилого помещения по месту прохождения им военной службы. Это решение жилищного органа было основано на положениях оспариваемого пункта Правил в той части, в которой данная норма допускает возможность при решении вопроса об обеспечении военнослужащего служебным жильём не учитывать фактическую обеспеченность членов его семьи жилым помещением в конкретном регионе и установленную учётную норму.

Верховный Суд Российской Федерации отказал М. в удовлетворении искового заявления, указав в обоснование следующее.

В соответствии с пунктом 2 части 2 статьи 19 ЖК РФ в зависимости от формы собственности жилищный фонд подразделяется также на специализированный жилищный фонд, т.е. совокупность предназначенных для проживания отдельных категорий граждан и предоставляемых по правилам раздела IV названного кодекса помещений.

Согласно пункту 1 части 1 статьи 92 ЖК РФ к жилым помещениям специализированного жилищного фонда относятся служебные жилые помещения.

Как предусмотрено статьёй 93 ЖК РФ, служебные жилые помещения предназначены для проживания граждан в связи с характером их трудовых отноше-

ний, в том числе с органом государственной власти и в связи с прохождением службы.

С учётом особого характера правоотношений, связанных с прохождением военной службы и её спецификой, нормы, регламентирующие вопросы обеспечения жильём военнослужащих, в частности служебными жилыми помещениями, содержатся и в Федеральном законе «О статусе военнослужащих», которому оспариваемые положения пункта 13 Правил, вопреки заявлениям в административном иске, не противоречат.

Так, согласно абзацу второму пункта 1 статьи 15 названного федерального закона военнослужащим — гражданам, проходящим военную службу по контракту, и совместно проживающим с ними членам их семей предоставляются не позднее трёхмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Служебные жилые помещения предоставляются в населённых пунктах, в которых располагаются воинские части, а при отсутствии возможности предоставить служебные жилые помещения в указанных населённых пунктах — в других близлежащих населённых пунктах. При этом военнослужащим — гражданам, имеющим трёх и более детей, служебные жилые помещения предоставляются во внеочередном порядке.

Пунктом 3 статьи 15 этого же федерального закона предусмотрено, что военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и членам их семей, прибывшим на новое место военной службы, до получения жилых помещений по нормам, установленным федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, предоставляются служебные жилые помещения, пригодные для временного проживания, жилые помещения манёвренного фонда или общежития.

Таким образом, условием предоставления военнослужащим по контракту и

членам их семей служебного жилья является необеспеченность жилым помещением по месту военной службы, что служит дополнительной гарантией социальной защиты при переводе военнослужащего к новому месту военной службы и носит временный характер, обусловленный периодом исполнения обязанностей военной службы.

Вопреки мнению административного истца названные нормы Жилищного кодекса Российской Федерации и Федерального закона «О статусе военнослужащих» не устанавливают минимального размера общей площади жилого помещения, приходящейся на военнослужащего и членов его семьи в соответствующем населённом пункте, с учётом которого военнослужащему предоставлялось бы право на получение служебного жилья.

Поэтому военнослужащий вправе претендовать на улучшение своих жилищных условий с учётом состава его семьи с использованием иных, установленных статьёй 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» механизмов и форм реализации жилищных прав, в том числе путём обеспечения жильём по договору социального найма.

Предназначение служебных жилых помещений, указанное в статье 93 ЖК РФ, имеет специальный режим правового регулирования и по своей правовой природе призвано решать задачи проживания граждан в связи с характером их трудовых отношений с определёнными органами, предприятиями и учреждениями. Разрешение же вопросов, связанных с улучшением жилищных условий, при наличии для этого законных оснований осуществляется не путём предоставления жилых помещений специализированного жилищного фонда, а в ином, предусмотренном жилищным законодательством порядке.

Содержащееся в оспариваемом пункте положение о том, что на учёт нуждающихся в служебном жильё не подлежат принятию военнослужащие и члены их семей, обеспеченные жилым помещением по месту военной службы, вне зависимости от размера общей площади тако-

го помещения, приходящейся на каждого проживающего, непосредственно вытекает из действующего законодательства, не противоречит ему и не содержит неопределённости в толковании.

Исходя из изложенного отсутствуют основания полагать, что оспариваемым нормативным правовым актом нарушены права, свободы и законные интересы административного истца.

Абзац второй пункта 8 Порядка организации деятельности по представлению военнослужащим — гражданам Российской Федерации жилых помещений в собственность бесплатно, утверждённого приказом Министра обороны Российской Федерации от 25 января 2016 года № 20, признан не противоречащим федеральному законодательству

Решение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2016 года № ВКАПИ16-51 (извлечение)

Ш. обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным иском заявлением, в котором просил признать недействующим абзац второй пункта 8 Порядка организации деятельности по представлению военнослужащим — гражданам Российской Федерации жилых помещений в собственность бесплатно, утверждённого приказом Министра обороны Российской Федерации от 25 января 2016 года № 20, зарегистрированным в Министерстве юстиции Российской Федерации 14 апреля 2016 года, регистрационный номер 41810 (далее — Порядок), которым предусмотрено, что при получении выписки из решения о предоставлении жилого помещения в собственность бесплатно военнослужащие (граждане, уволенные с военной службы) или их представители представляют в уполномоченный орган (специализированную организацию) документы о сдаче жилого помещения.

Верховный Суд Российской Федерации в удовлетворении административно-

го искового заявления отказал, приведя в обоснование следующие доводы.

Оспариваемый административным истцом абзац второй пункта 8 Порядка содержит указание о том, что при получении выписки из решения военнослужащие (граждане, уволенные с военной службы) или их представители представляют документы о сдаче жилого помеще-

Вместе с тем согласно примечанию к данному абзацу указанными документами являются документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба), обязанность по представлению которых предусмотрена пунктом 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

В соответствии с указанной нормой Федерального закона обеспечение жилым помещением военнослужащих — граждан, имеющих общую продолжительность военной службы 10 лет и более, при увольнении с военной службы по достижении ими предельного возраста пребывания на военной службе, состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями и членов их семей при перемене места жительства осуществляется федеральными органами исполнительной власти, в которых предусмотрена военная служба, за счёт средств федерального бюджета на строительство и приобретение жилого помещения, в том числе путём выдачи государственных жилищных сертификатов. Право на обеспечение жилым помещением на данных условиях предоставляется указанным гражданам один раз. Документы о сдаче жилых помещений Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) и снятии с регистрационного учёта по прежнему месту жительства представляются указанными гражданами и совместно проживающими с ними членами их

семей при получении жилого помещения по избранному месту жительства.

Таким образом, оспариваемое положение нормативного правового акта издано в целях определения порядка исполнения установленной пунктом 14 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обязанности указанных в нём граждан сдать Министерству обороны Российской Федерации (иному федеральному органу исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба) имеющееся в их пользовании жилое помещение взамен жилья, предоставляемого от государства по избранному ими месту жительства после увольнения с военной службы, и полностью соответствует указанной норме закона. Соответственно, оно не распространяется на лиц, признанных нуждающимися в жилом помещении, которые в период военной службы не были обеспечены жильём Министерством обороны Российской Федерации (иным федеральным органом исполнительной власти, в котором федеральным законом предусмотрена военная служба).

Положений, предусматривающих обязанность военнослужащих (граждан, уволенных с военной службы) предъявлять при получении выписки из решения в уполномоченный орган (специализированную организацию) иные документы, помимо указанных в оспариваемой норме, в том числе «справку о необеспеченности жилым помещением», в абзаце втором пункта 8 Порядка не содержится.

Оспариваемая административным истцом норма правового акта соответствует принципу правовой определённости, поскольку её содержание не допускает двойственного толкования и возложения на лиц, не обеспеченных в период военной службы жилым помещением от государства, обязанности предъявлять документы, которые ею не предусмотрены.

КАССАЦИОННАЯ ИНСТАНЦИЯ

Оставление судом без внимания положений закона, согласно которому присвоение первого воинского звания по окончании обучения является неотъемлемой частью единого процесса обучения военнослужащего в образовательном учреждении, повлекло отмену судебного акта

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2017 года № 211-КГ16-33 по заявлению Е. (извлечение)

Решением Фокинского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 26 апреля 2016 года, удовлетворено административное исковое заявление Е. в той части, в которой он просил возложить на начальника Пограничного управления ФСБ России по Приморскому краю (далее — Пограничное управление) обязанность по представлению административного истца к присвоению воинского звания «лейтенант», а также направлению необходимых документов для его назначения в Пограничном управлении на соответствующую его военно-учётной специальности воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание офицера.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущены существенные нарушения норм материального права, что выразилось в следующем.

По делу установлено, что Е., проходивший обучение в Хабаровском Пограничном институте ФСБ России и заключивший контракт о прохождении военной службы на период его обучения и последующие 5 лет после окончания, отчислен за неуспеваемость с освобождением его от воинской должности курсанта, после чего он был переведён к новому месту

военной службы в Пограничное управление, где заключил новый контракт о прохождении военной службы и назначен на воинскую должность, для которой штатом предусмотрено воинское звание «старший сержант».

В мае 2014 года Е. был командирован для сдачи итоговых экзаменов и приказом начальника Пограничного института допущен к пересдаче государственного междисциплинарного экзамена. По результатам итоговой аттестации ему выдан диплом специалиста — выпускника Пограничного института.

В ноябре 2015 года начальником Пограничного управления со ссылкой на разъяснения начальника Пограничного института в удовлетворении рапорта Е. о его представлении к присвоению первого воинского звания офицера «лейтенант» отказано.

Удовлетворяя частично административное исковое заявление и признавая данный отказ должностного лица незаконным, гарнизонный военный суд, с выводами которого согласился флотский военный суд, исходил из того, что Е., не имевший воинского звания офицера, продолжив службу в органах ФСБ России и успешно окончив высшее военное учебное заведение с получением соответствующего диплома, приобрёл право на присвоение воинского звания «лейтенант» и замещение вакантной офицерской должности в Пограничном управлении, соответствующей его военно-учётной специальности.

Эти выводы судов основаны на неправильном толковании и применении норм материального права.

В подпункте «а» пункта 2 статьи 21 Положения о порядке прохождения военной службы определено, что воинское звание лейтенанта присваивается военнослужащему, не имеющему воинского звания офицера, либо военнослужащему, имеющему воинское звание младшего лейтенанта, независимо от срока военной службы в этом воинском звании, окончившему высшее или среднее военное учебное заведение, — по окончании указанного учебного заведения.

Согласно пункту 17 главы 2 Инструкции об организации работы по подготовке, оформлению и представлению документов к присвоению воинских званий военнослужащим органов федеральной службы безопасности, утверждённой приказом ФСБ России от 26 января 2013 года № 36/ДСП, представление к присвоению первого воинского звания курсанту (слушателю) и выпускнику образовательного учреждения ФСБ России подписывается начальником этого образовательного учреждения.

Анализ приведённых норм позволяет сделать вывод, что присвоение первого воинского звания по окончании обучения является неотъемлемой частью единого процесса обучения военнослужащего в образовательном учреждении.

Как усматривается из материалов дела, Е., будучи отчисленным из Пограничного института, впоследствии был допущен лишь к пересдаче одного из итоговых государственных экзаменов, однако в институте установленным порядком он не восстанавливался, курсантом данного образовательного учреждения не являлся, соответствующий контракт о прохождении военной службы утратил силу, а его аттестация на предмет присвоения первого звания офицера не проводилась.

Таким образом, истец требованиям законодательства, предъявляемым к кандидатам на присвоение по окончании учебной организации первого звания офицера, на момент его обращения с соответствующим рапортом не отвечал, а начальник Пограничного управления не являлся компетентным лицом в решении этого вопроса.

Кроме того, Е. в Пограничном управлении проходил военную службу на воинской должности, для которой штатом предусмотрено звание «старший сержант».

Следовательно, у начальника этого управления, исходя из содержания пункта 2 статьи 21 Положения о порядке прохождения военной службы, не имелось оснований ходатайствовать перед вышестоящим командованием о присвоении Е. первого офицерского звания, что допус-

кается лишь при замещении воинской должности офицера военнослужащим, не имеющим соответствующего воинского звания.

С учётом изложенного выводы судов о возникшем у Е. праве на присвоение воинского звания «лейтенант» являются ошибочными.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение Фокинского гарнизонного военного суда от 16 февраля 2016 года и апелляционное определение Тихоокеанского флотского военного суда от 26 апреля 2016 года по административному исковому заявлению Е. в части удовлетворения требований об оспаривании действий начальника Пограничного управления и приняла по делу в этой части новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления.

Назначение военнослужащих на воинские должности должно обеспечивать их использование по основной или однопрофильной военно-учётной специальности и с учётом имеющегося опыта служебной деятельности

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 года № 204-КГ16-6 по заявлению М. (извлечение)

Решением Екатеринбургского гарнизонного военного суда от 2 декабря 2015 года М. отказано в удовлетворении административного искового заявления об оспаривании действий командира и аттестационной комиссии воинской части, а также командующего войсками военного округа, связанных с порядком увольнения с военной службы и исключения из списков личного состава воинской части.

Апелляционным определением Уральского окружного военного суда от 1 марта 2016 года решение суда первой инстанции отменено. По делу принято новое решение, которым требования М. удовлетворены: признано незаконными

заключение аттестационной комиссии воинской части от 6 октября 2015 года в части ходатайства об увольнении административного истца с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и приказ командующего войсками военного округа от 19 октября 2015 года в части, касающейся досрочного увольнения М. с военной службы по названному основанию.

Рассмотрев материалы административного дела по кассационной жалобе представителя административных ответчиков, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение окружного военного суда по административному исковому заявлению М. и оставила в силе решение Екатеринбургского гарнизонного военного суда от 2 декабря 2015 года по данному делу, указав в обоснование следующее.

Из материалов дела следует, что с августа 1992 года М. проходит военную службу в Вооружённых Силах Российской Федерации.

В соответствии с указаниями начальника Генерального Штаба Вооружённых Сил Российской Федерации от 6 апреля 2009 года должность, которую занимал М., сокращена, в связи с чем он был зачислен в распоряжение командира.

11 июля 2014 года М. заключил контракт о прохождении военной службы сроком на пять лет, а 13 мая 2015 года в ходе беседы с должностным лицом выразил желание продолжить военную службу по контракту, в связи с чем командиром воинской части в управление кадров военного округа было направлено ходатайство о рассмотрении вопроса о возможности назначения административного истца на воинскую должность, которое далее было адресовано в Главное управление кадров Министерства обороны Российской Федерации.

В соответствии с сообщением Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации от 19 июня 2015 года кандидатура М. положительно рассмотрена к назначению на воинскую должность заместителя командира батальона по тылу автомобильного

батальона воинской части, которая на тот момент не являлась вакантной.

Согласившись с предложенной должностью, М. дополнительно указал, что у него по этой должности не соответствует военно-учётная специальность, образование, нет стажа работы, в связи с чем он просил назначить его на другую должность в Управление эксплуатационного содержания и обеспечения коммунальными услугами воинских частей и организаций.

На указанную должность административный истец не был назначен ввиду того, что она не была освобождена на момент решения вопроса о его увольнении.

Согласно сообщению Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации от 1 сентября 2015 года возможности размещения на воинских должностях М. по основной или однопрофильной военно-учётной специальности не имеется.

14 сентября 2015 года в ходе беседы с должностным лицом административный истец выразил желание продолжить военную службу в любом регионе Российской Федерации и за её пределами.

6 октября 2015 года аттестационная комиссия воинской части ходатайствовала об увольнении М. с военной службы в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями в связи с отсутствием возможности назначения его на соответствующую вакантную воинскую должность.

Приказом командующего войсками военного округа от 19 октября 2015 года М. уволен с военной службы в запас в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Отказывая в удовлетворении требований М., суд первой инстанции исходил из того, что у командования не имелось возможности назначить административного истца как на равную, так и на высшую или низшую воинские должности. Кроме того, суд исходил из того, что командованием предпринимались все меры для назначения истца на воинские должности, в том числе ему предлагалась должность заместителя командира ба-

тальона по тылу автомобильного батальона воинской части, от которой он отказался.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя административное исковое заявление, окружной военный суд указал, что сообщением Главного управления кадров Министерства обороны Российской Федерации от 1 сентября 2015 года подтверждена невозможность размещения М. на воинских должностях только по его основной или однопрофильной военно-учётной специальности. При этом согласно подпункту «а» пункта 4 статьи 34 Положения предусмотрено, что М. должны были предлагаться все равные воинские должности и лишь в случае их отсутствия он подлежал увольнению в связи с организационно-штатными мероприятиями.

На момент принятия решения об увольнении М. с военной службы, как посчитал окружной военный суд, в Вооружённых Силах Российской Федерации имелись вакантные воинские должности, равные ранее занимаемой воинской должности М., для которой штатом предусмотрено воинское звание «майор», 18 тарифный разряд, однако административному истцу они не предлагались.

Кроме того, окружной военный суд указал, что должность заместителя командира батальона по тылу автомобильного батальона воинской части, от которой фактически отказался административный истец, является низшей, а согласия на назначение на такую воинскую должность М. не давал.

Указанные выводы суда апелляционной инстанции основаны на неправильном толковании закона.

В соответствии с подпунктом «а» пункта 2 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть уволен с военной службы досрочно в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Порядок реализации увольнения военнослужащего по данному основанию

установлен статьёй 34 Положения о порядке прохождения военной службы.

Согласно подпункту «а» пункта 4 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями при отсутствии других оснований для увольнения, при сокращении занимаемой им воинской должности, невозможности назначения на равную воинскую должность и отсутствии его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность.

Вместе с тем порядок назначения военнослужащих на воинские должности определён статьёй 11 Положения о порядке прохождения военной службы.

В силу пункта 6 статьи 11 Положения о порядке прохождения военной службы назначение военнослужащих на воинские должности должно обеспечивать их использование по основной или однопрофильной военно-учётной специальности и с учётом имеющегося опыта служебной деятельности.

Таким образом, при разрешении вопросов, касающихся возможности дальнейшего прохождения военнослужащими военной службы после сокращения занимаемых ими должностей в связи с организационно-штатными мероприятиями, подлежат применению не только специальные нормы статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы, но и взаимосвязанные с ними общие требования, предусмотренные статьёй 11 названного положения.

Принимая во внимание изложенное, а также учитывая, что на момент принятия решения об увольнении с военной службы М. воинских должностей, соответствующих его военно-учётной специальности в масштабе Вооружённых Сил Российской Федерации не имелось, Судебная коллегия пришла к выводу о законности и обоснованности решения суда первой инстанции.

Обстоятельства, связанные с рассмотрением возможности назначения М.

на должность заместителя командира батальона по тылу автомобильного батальона воинской части, не влияют на правильность выводов суда первой инстанции, поскольку на данную должность он не был назначен до принятия решения об увольнении ввиду того, что она вакантной на тот момент не являлась.

Военнослужащий может быть уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями в случае невозможности назначения на равную воинскую должность (должность) и при отсутствии других оснований для увольнения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 февраля 2017 года № 205-КГ17-1 по заявлению С. (извлечение)

Решением Севастопольского гарнизонного военного суда от 17 декабря 2015 года административное исковое заявление С. удовлетворено частично.

Суд признал незаконными приказы командующего Черноморским флотом и командира воинской части об увольнении административного истца с военной службы по истечении срока контракта и исключении её из списков части. В удовлетворении требований о возложении на названных должностных лиц обязанности по увольнению С. с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями после обеспечения жильём судом отказано.

Апелляционным определением Северо-Кавказского окружного военного суда от 20 апреля 2016 года решение гарнизонного военного суда в части удовлетворения административного искового заявления отменено и по делу принято новое решение об отказе С. в удовлетворении её требований.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих не нашла оснований для удовлетворения жалобы.

В соответствии со статьёй 328 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются такие существенные нарушения норм материального или процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Таких нарушений судом апелляционной инстанции не допущено.

Из материалов дела следует, что С., общая продолжительность военной службы которой составляла более 20 лет, 21 марта 2014 года заключила новый контракт о прохождении военной службы сроком на один год, т.е. по 20 марта 2015 года. В связи с сокращением должности истец с 29 августа 2014 года зачислена в распоряжение командира.

30 октября 2014 года она обратилась по команде с рапортом об увольнении с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями с одновременным обеспечением её до увольнения жильём.

До окончания срока контракта С. с рапортом по команде о заключении с ней нового контракта не обращалась, а 25 мая, 1 июня и 21 сентября 2015 года, настаивая на увольнении в связи с организационно-штатными мероприятиями, отказалась от заключения нового контракта о прохождении военной службы и от назначения на воинские должности.

Приказом командующего Черноморским флотом от 16 октября 2015 года С. уволена с военной с военной службы в запас по истечении срока контракта о прохождении военной службы и приказом командира воинской части от 24 октября 2015 года исключена в связи с этим из списков части.

Удовлетворяя требования С. о восстановлении её на военной службе и в списках части, гарнизонный военный суд исходил из того, что после истечения шестимесячного срока нахождения истца

в распоряжении командира в связи с организационно-штатными мероприятиями она приобрела право на увольнение по названному основанию с предварительным обеспечением жильём.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение об отказе в удовлетворении заявления, суд апелляционной инстанции посчитал, что увольнение военнослужащего в связи с организационно-штатными мероприятиями является прерогативой командования, а поскольку до истечения срока контракта С. не просила заключить с ней новый контракт и отказалась от предложенных должностей, она подлежала увольнению по истечении срока контракта. Кроме того, окружной военный суд указал, что права С. на обеспечение жильём не нарушены, поскольку она оставлена в списках нуждающихся в жилых помещениях.

Такой вывод суда апелляционной инстанции основан на правильном толковании закона.

В суде установлено, что в период нахождения С. в распоряжении командира имелась возможность назначить её на равную воинскую должность, о чём в том числе дал показания в судебном заседании представитель командующего Черноморским флотом, пояснив при этом, что таких должностей только на Черноморском флоте было более ста, а назначение истца на должность не состоялось в связи с отсутствием у неё желания продолжать военную службу после истечения 20 марта 2015 года заключенного с ней контракта.

Эти обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Согласно пункту 4 статьи 42 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями.

Увольнение по названному основанию в соответствии с подпунктом «а» пункта 4 статьи 34 Положения о порядке

прохождения военной службы, утверждённого Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 года № 1237 (далее — Положение о порядке прохождения военной службы), допускается при отсутствии других оснований для увольнения: при сокращении занимаемой им воинской должности (должности), невозможности назначения на равную воинскую должность (должность) и отсутствии его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность (должность); по истечении сроков нахождения в распоряжении командира (начальника), установленных пунктом 4 статьи 42 Федерального закона и названным положением, при невозможности назначения на равную воинскую должность (должность) и отсутствии его согласия с назначением на высшую или низшую воинскую должность (должность).

Содержание названных правовых норм указывает на то, что военнослужащий может быть уволен с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями в случае невозможности назначения на равную воинскую должность (должность) и при отсутствии других оснований для увольнения.

Кроме того, согласно пункту 9 статьи 9 Положения о порядке прохождения военной службы (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) для заключения нового контракта военнослужащий, у которого заканчивается срок действующего контракта, подаёт по команде рапорт должностному лицу, которое вправе заключать с ним новый контракт, до окончания срока предыдущего контракта.

Из изложенного следует, что своё желание продолжить военную службу военнослужащий должен подтвердить до окончания срока предыдущего контракта посредством обращения по команде с соответствующим рапортом.

Однако этого истцом сделано не было как в период нахождения её в распоряжении командира, так и после окончания этого периода, но до истечения срока предыдущего контракта.

При таких данных, поскольку в период нахождения в распоряжении командира имелась возможность назначения С. на равную воинскую должность, однако она отказалась от заключения нового контракта до истечения действия предыдущего, а другие основания для её увольнения отсутствовали, отказ командования уволить истца с военной службы в связи с организационно-штатными мероприятиями и увольнение её по истечении срока контракта основаны на законе.

Согласно пункту 13 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» граждане, уволенные с военной службы, общая продолжительность военной службы которых составляет 20 лет и более, не обеспеченные на момент увольнения с военной службы жилищной субсидией или жилыми помещениями, не могут быть без их согласия сняты с учёта в качестве нуждающихся в жилых помещениях по последнему перед увольнением месту военной службы.

Как усматривается из материалов дела, С. признана нуждающейся в жилом помещении по месту военной службы и после увольнения в запас с жилищного учёта не снята. Денежным и другим довольствием истец на момент исключения из списков части обеспечена.

Следовательно, права истца при её увольнении с военной службы и исключении из списков части не нарушены.

Установив названные обстоятельства, суд апелляционной инстанции обоснованно признал законными оспариваемые приказы об увольнении С. с военной службы в запас по истечении срока контракта и исключении её из списков части, в связи с чем правомерно отказал в удовлетворении административного искового заявления, отменив в указанной части решение гарнизонного военного суда.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих оставила без изменения апелляционное определение Северо-Кавказского окружного военного суда от 20 апреля 2016 года по административному исковому заявлению С., а её кассационную жалобу — без удовлетворения.

Неоднократные нарушения военнотружующим воинской дисциплины могут явиться основанием для его увольнения в связи с несоблюдением условий контракта о прохождении военной службы

Определение Судебной коллегии по делам военнотружующих Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2017 года № 204-КГ16-7 по заявлению А. (извлечение)

Решением Челябинского гарнизонного военного суда от 3 ноября 2015 года отказано в удовлетворении административного искового заявления А., в котором она просила признать незаконными заключение аттестационной комиссии воинской части от 8 июня 2015 года о целесообразности увольнения её с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и приказ командира воинской части от 16 июня 2016 года о её увольнении по указанному основанию и исключении в связи с этим из списков части.

Апелляционным определением Уральского окружного военного суда от 17 марта 2016 года решение суда первой инстанции отменено. По делу принято новое решение, которым требования А. удовлетворены.

Рассмотрев материалы административного дела по кассационной жалобе административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнотружующих нашла апелляционное определение окружного военного суда подлежащим отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что А. проходила военную службу по контракту в пограничных органах ФСБ России на воинской должности контроллера контрольно-пропускного пункта отдела (пограничной комендатуры).

В период с декабря 2014 года по апрель 2015 года А. трижды привлекалась к дисциплинарной ответственности: 15 января 2015 года ей объявлен выговор за наличие при несении службы в наряде сотового телефона; 3 февраля 2015 года — выговор за отсутствие 31 декабря 2014 года доклада о прибытии с лечения, грубое и некорректное обращение с на-

чальником подразделения; 10 апреля 2015 года — строгий выговор за наличие при несении службы в наряде сотового телефона.

Неоднократные нарушения воинской дисциплины, а также то, что принимаемые командованием в отношении административного истца меры дисциплинарного воздействия воспитательного эффекта не имели, послужило основанием для оценки её служебной деятельности аттестационной комиссией, которая пришла к выводу, что А. перестала удовлетворять требованиям законодательства о воинской обязанности и военной службе, предъявляемым к военнотружующим, проходящим военную службу по контракту, в связи с чем ходатайствовала об увольнении её с военной службы в связи с невыполнением условий контракта.

Приказом командира воинской части от 16 июня 2015 года А. уволена с военной службы в связи с невыполнением ею условий контракта и исключена из списков личного состава воинской части.

Отказывая в удовлетворении требований А., суд первой инстанции исходил из того, что процедура увольнения административного истца с военной службы командованием соблюдена, а неоднократное её привлечение в период прохождения военной службы к дисциплинарной ответственности свидетельствует о систематических нарушениях с её стороны условий контракта.

Отменяя решение суда первой инстанции и удовлетворяя административное исковое заявление, окружной военный суд в том числе указал, что совершенные А. дисциплинарные проступки грубыми не являются, данных о совершении ею уголовного или административного проступков в материалах дела не имеется.

Такой вывод суда апелляционной инстанции основан на неправильном толковании закона.

В соответствии с частью 3 статьи 32 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» (далее — Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе») условия контракта о прохождении военной службы включают

обязанность военнослужащего добросовестно исполнять все общие, должностные и специальные обязанности, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Согласно подпункту «в» пункта 2 статьи 51 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» военнослужащий, проходящий военную службу по контракту, может быть досрочно уволен с военной службы в связи с невыполнением им условий контракта.

Аналогичные положения закреплены в подпункте «в» пункта 4 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы.

Досрочное увольнение А. с военной службы было произведено вследствие невыполнения ею условий контракта, выразившегося в недобросовестном отношении к служебным обязанностям, в том числе в совершении ряда дисциплинарных проступков при наличии неснятых дисциплинарных взысканий, а также подтвержденного неудовлетворительными оценками по предметам оперативно-боевой подготовки, отрицательной характеристикой по службе. Приведённые обстоятельства обоснованно послужили поводом для постановки вопроса о её соответствии требованиям, предъявляемым к лицам, проходящим военную службу по контракту.

Вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии негативных последствий проступков А. и об их незначительности для военной службы не может быть признан правомерным, поскольку решение этих вопросов относится к дискреционным полномочиям воинских должностных лиц.

Согласно статье 81 Дисциплинарного устава Вооружённых Сил Российской Федерации, утверждённого Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 года № 1495 (далее — Дисциплинарный устав), определение вины и степени тяжести совершённого военнослужащим дисциплинарного проступка находится в компетенции должностных лиц, уполномоченных проводить разбирательство и привлекать виновного военнослужащего к дисциплинарной ответственности.

Решение по вопросу досрочного увольнения А. с военной службы было принято в пределах полномочий воинских должностных лиц и с соблюдением процедуры аттестации, как это установлено пунктом 1 статьи 26 Положения о порядке прохождения военной службы.

Оснований для сомнений в правильности действий административных ответчиков в процессе проведения аттестации А. не имеется.

Приведённые выше обстоятельства свидетельствуют о том, что заключение аттестационной комиссии о несоответствии А. занимаемой должности и целесообразности в связи с этим её досрочного увольнения с военной службы, а также приказ командира воинской части в части досрочного увольнения административного истца с военной службы в связи с невыполнением условий контракта и исключения из списков части являются законными.

Допущенные нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможны защита охраняемых законом публичных интересов, в связи с чем апелляционное определение окружного военного суда Судебной коллегией по делам военнослужащих было отменено и оставлено в силе решение гарнизонного военного суда.

Поскольку истец по истечении пятилетнего срока после окончания военного учебного заведения в квартиру, принадлежащую родителям на праве собственности, обратно не вселился, а продолжил проходить военную службу в других населённых пунктах, законных оснований для продолжения отнесения истца к членам семьи собственников жилого помещения не имелось

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2017 года № 201-КГ17-16 по заявлению Е. (извлечение)

Решением Наро-Фоминского гарнизонного военного суда от 27 апреля 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением Московского ок-

ружного военного суда от 21 июля 2016 года, Е. отказано в удовлетворении заявления, в котором он просил признать незаконным сообщение врио руководителя Федерального государственного казенного учреждения «Восточное региональное управление жилищного обеспечения» Минобороны России (далее — ФГКУ «Востокрегионжильё») от 29 февраля 2016 года об отсутствии оснований для выплаты ему денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, как участнику накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, а также возложить на руководителя ФГКУ «Востокрегионжильё» обязанность по повторному рассмотрению его заявления с принятием решения о выплате указанных денежных средств.

Рассмотрев дело по кассационной жалобе Е., Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла, что при рассмотрении дела судами была допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что Е. в ноябре 2000 года был вселён в качестве члена семьи в квартиру, принадлежащую на праве собственности его родителям и находящуюся в г. Наро-Фоминске Московской области.

После поступления в августе 2004 года в военно-учебное заведение, дислоцированное в г. Смоленске, Е. выселился из указанной квартиры, а после окончания военно-учебного заведения он проходил военную службу в воинских частях, дислоцированных в г. Коврове Владимирской области, г. Ельне Смоленской области и с. Домна Забайкальского края.

В июне 2013 года истец приобрел в собственность в г. Наро-Фоминске Московской области квартиру как участник накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения военнослужащих, а в декабре 2015 года обратился в ФГКУ «Востокрегионжильё» с заявлением о выплате ему денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, указав, что он не является нанимателем или членом семьи нанима-

теля жилого помещения по договору социального найма, собственником либо членом семьи собственника жилого помещения.

Приказами воинских должностных лиц от 24 декабря 2015 года и от 26 декабря 2015 года Е. уволен в отставку по состоянию здоровья — в связи с признанием его военно-врачебной комиссией негодным к военной службе — и исключен из списков части.

1 февраля 2016 года истец снялся с регистрационного учёта из квартиры родителей и зарегистрировался по адресу квартиры, принадлежащей ему на праве собственности.

Сообщением врио руководителя ФГКУ «Востокрегионжильё» от 29 февраля 2016 года заявление Е. о выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, было оставлено без удовлетворения ввиду того, истец в 2000 году вселён в жилое помещение, расположенное в г. Наро-Фоминске Московской области, как член семьи основного квартиросъёмщика (собственника) жилого помещения, право пользования которым им не утрачено.

Признавая отказ законным, суд первой инстанции исходил из того, что наличие у Е. права пользования жилым помещением, принадлежащим его отцу, является прямым основанием для отказа в выплате денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения.

Соглашаясь с решением суда первой инстанции, окружной военный суд дополнительно указал, что непроживание Е. в квартире родителей не свидетельствует о том, что он не является членом их семьи, поскольку истец дал родителям согласие на приватизацию и до момента снятия с регистрационного учёта за ним сохранялось право пользования этим жилым помещением.

Такой вывод судов основан на неправильном толковании закона.

Согласно пунктам 1 и 15 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» обеспечение военнослужащих, проходящих военную службу по

контракту, жилыми помещениями может быть реализовано в форме предоставления им денежных средств в рамках накопительно-ипотечной системы, условия и порядок участия в которой установлены Федеральным законом от 20 августа 2004 года № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» (далее — Закон о накопительно-ипотечной системе).

В соответствии с частью 1 статьи 4 Закона о накопительно-ипотечной системе реализация права на жилище участниками накопительно-ипотечной системы осуществляется посредством формирования накоплений для жилищного обеспечения на именных накопительных счетах участников и последующего использования этих накоплений, предоставления целевого жилищного займа и выплаты денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, учтенные на именном накопительном счете участника, до расчетного размера денежных средств, которые мог бы накопить участник накопительно-ипотечной системы в период от даты предоставления таких средств до даты, когда общая продолжительность его военной службы могла бы составить двадцать лет.

Выплата денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, в силу части 2 статьи 4 Закона о накопительно-ипотечной системе, производится военнослужащим, участвовавшим в накопительно-ипотечной системе, или членам их семей, не являющимся нанимателями жилых помещений по договору социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений или членами семьи собственника жилого помещения, за исключением жилых помещений, приобретенных с использованием целевых жилищных займов в соответствии с Законом о накопительно-ипотечной системе.

Из изложенного следует, что установление принадлежности истца к членам семьи собственников жилого помещения имеет существенное значение для

дела, на что правильно указано в судебных актах.

Вместе с тем, признавая Е. членом семьи собственников жилого помещения — своих родителей, суды оставили без внимания, что истец после поступления в августе 2004 года в военно-учебное заведение выселился из этого жилого помещения и никогда туда больше не вселялся, а после окончания военной службы поселился и зарегистрировался в квартире, приобретенной в собственность за счёт участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих.

Это обстоятельство является юридически значимым.

В соответствии с абзацем одиннадцатым пункта 1 статьи 15 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» за военнослужащими, обеспечиваемыми служебными жилыми помещениями, на первые пять лет военной службы по контракту (не считая времени обучения в военных профессиональных образовательных организациях или военных образовательных организациях высшего образования) сохраняется право на жилые помещения, занимаемые ими до поступления на военную службу.

Содержание названной нормы закона указывает на то, что за такими военнослужащими сохраняются жилые помещения, в которых они проживали до поступления на военную службу по контракту либо до поступления в военно-учебные заведения, лишь на первые пять лет военной службы.

О сохранении за ними права на жилые помещения, занимаемые до поступления на военную службу, на более длительный срок законодательство о воинской обязанности и военной службе указаний не содержит, а по общему правилу, в силу части 1 статьи 31 ЖК РФ обязательным условием отнесения супруга собственника жилого помещения, а также его детей и родителей к членам семьи собственника жилого помещения является их совместное проживание.

Поскольку по истечении пятилетнего срока после окончания военно-учебного заведения Е. в квартиру, принадлежащую родителям на праве собственности, обратно не вселился, а продолжил проходить военную службу в других населенных пунктах, законных оснований для продолжения отнесения истца к членам семьи собственников жилого помещения не имелось.

Сохранение истцом в период военной службы регистрации в квартире, принадлежащей на праве собственности его родителям, — с учётом фактического выселения из этой квартиры в 2004 году, отсутствия ведения с этого времени общего хозяйства с ними и приобретения в собственность отдельного жилья — не может свидетельствовать о продолжении отнесения его к членам семьи собственников жилого помещения.

Что касается дачи Е. согласия на приватизацию квартиры своим родителям, то данное обстоятельство могло иметь юридическое значение в случае его фактического проживания в жилом помещении после дачи такого согласия, поскольку согласно частям 2 и 4 статьи 69 ЖК РФ (до 1 марта 2005 года — статьи 53 ЖК РСФСР) равные права с нанимателем жилого помещения по договору социального найма в государственном и муниципальном жилищном фонде, в том числе право пользования этим помещением, имеют члены семьи нанимателя и бывшие члены семьи нанимателя, продолжающие проживать в занимаемом жилом помещении.

Не усматривается в действиях истца, связанных с выселением из жилого помещения, принадлежащего на праве собственности его родителям, признаков злоупотребления правом.

При таких данных распространение на Е. ограничений для получения денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, установленных частью 2 статьи 4 Закона о накопительно-ипотечной системе, а именно отнесение его к членам семьи собственника жилого помещения, нарушает его права.

С учётом изложенного сообщение врио руководителя ФГКУ «Востокрегионжилъё» об отсутствии оснований для выплаты истцу денежных средств, дополняющих накопления для жилищного обеспечения, и выводы судов о правомерности такого сообщения на законе не основаны.

Допущенные судами нарушения повлияли на исход дела и без их устранения невозможна защита нарушенных жилищных прав истца, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Это обстоятельство явилось основанием для отмены в кассационном порядке состоявшихся по делу судебных актов и принятия по делу нового решения об удовлетворении заявления.

Согласие истца с получением жилого помещения и последующие его действия, связанные с оплатой площади этого жилого помещения, превышающей норму предоставления, с достаточной очевидностью свидетельствуют об окончательном избрании им местом постоянного жительства после увольнения с военной службы соответствующего населённого пункта, в котором расположено жильё

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2017 года № 201-КГ17-1 по заявлению Ж. (извлечение)

Апелляционным определением Московского окружного военного суда от 16 июня 2016 года отменено решение Одинцовского гарнизонного военного суда от 14 марта 2016 года об отказе в удовлетворении заявления Ж., в котором он просил признать незаконными утверждённые командиром воинской части решения жилищной комиссии воинской части от 30 ноября 2015 года и от 8 декабря 2015 года о признании истца в качестве нуждающегося в жилом помещении по избранному постоянному месту жительства в г. Москве с 18 ноября 2015 года и учёте его как подлежащего обеспечению жилым помеще-

нием в форме субсидии для приобретения или строительства жилого помещения (далее — жилищная субсидия) соответственно.

Суд апелляционной инстанции заявление удовлетворил, признал незаконным решение жилищной комиссии от 8 декабря 2015 года полностью, а решение от 30 ноября 2015 года — в части даты признания Ж. нуждающимся в жилом помещении по избранному месту жительства в г. Москве, возложив на жилищную комиссию обязанность указать такой датой 11 августа 2005 года.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя командира воинской части, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла, что судами при рассмотрении дела допущено существенное нарушение норм материального права, выразившееся в следующем.

Из материалов дела следует, что Ж., признанному решением жилищной комиссии от 31 января 2005 года нуждающимся в жилом помещении на основании его рапорта от 27 января 2005 года и зачисленному с сентября 2005 года в распоряжение командира в связи с проведением организационно-штатных мероприятий, решением жилищной комиссии от 17 декабря 2014 года в связи с увольнением в запас предложена для получения квартира в г. Люберцы Московской области, находившаяся с 25 июля 2014 года в оперативном управлении федерального органа исполнительной власти, в котором предусмотрена военная служба.

После письменного согласия Ж. с получением указанной квартиры решением жилищной комиссии от 25 марта 2015 года она была распределена ему в собственность. Площадь жилого помещения, превышающая норму предоставления, истец оплатил за счёт собственных средств.

Однако впоследствии Ж. от получения квартиры отказался, сославшись на недостатки произведённых в жилом помещении отделочных и монтажных работ, и 18 ноября 2015 года обратился с рапортом, в котором указал, что в соот-

ветствии с ранее поданным им по команде 11 августа 2005 года рапортом просит считать избранным постоянным местом жительства после окончания военной службы г. Москву.

Решением жилищной комиссии от 30 ноября 2015 года Ж. признан в качестве нуждающегося в жилом помещении по избранному постоянному месту жительства в г. Москве с 18 ноября 2015 года и решением жилищной комиссии от 5 декабря 2015 года он учтён как подлежащий обеспечению жилым помещением в форме жилищной субсидии.

Отменяя решение гарнизонного военного суда о признании законными названных решений жилищной комиссии, суд апелляционной инстанции в обоснование указал, что при решении вопроса о жилищном обеспечении Ж. подлежал разрешению его рапорт не от 27 января 2005 года о признании нуждающимся в жилом помещении по месту военной службы, а от 11 августа 2005 года о признании нуждающимся в жилом помещении в г. Москве или в г. Голицыно Московской области, тогда как предоставленное ему жилое помещение в г. Люберцы Московской области не находилось ни по месту его службы, ни по избранному месту жительства, а также превышало норму предоставления. С учётом изложенного факт отказа истца от указанного жилого помещения учёту не подлежал.

Между тем окружным военным судом оставлено без внимания, что согласие Ж. с получением квартиры в г. Люберцы Московской области и последующие его действия, связанные с оплатой площади жилого помещения, превышающей норму предоставления, с достаточной очевидностью свидетельствуют об окончательном избрании им местом постоянного жительства после увольнения с военной службы названного населённого пункта. Тем более что в судебном заседании Ж. пояснил, что для него не имело принципиального значения место обеспечения жильём именно в г. Москве или в г. Голицыно Московской области, поэтому в зависимости от место-

расположения населенного пункта он не возражал против обеспечения его жилым помещением в г. Люберцы Московской области.

В связи с изложенным ссылка суда апелляционной инстанции на рапорт истца от 11 августа 2005 года о признании его нуждающимся в жилом помещении в г. Москве или в г. Голицыно Московской области является беспредметной. Необходимость учёта такого рапорта командованием отпала с момента согласия истца с предоставленной ему квартирой в г. Люберцы Московской области.

Данное обстоятельство указывает на законность принятого жилищной комиссией решения от 30 ноября 2015 года о признании истца в качестве нуждающегося в жилом помещении по избранному постоянному месту жительства в г. Москве именно с 18 ноября 2015 года, т.е. с момента повторного обращения в жилищную комиссию.

Основано на законе и решение жилищной комиссии от 5 декабря 2015 года об учёте Ж. как подлежащего обеспечению жилым помещением в форме жилищной субсидии, поскольку согласно пункту 19 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, признанным нуждающимися в жилых помещениях, отказавшимся от предложенного жилого помещения, расположенного по месту военной службы или по избранному месту жительства, которое соответствует требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, а также изъявившим желание изменить ранее избранное место жительства, предоставляется жилищная субсидия.

Что касается мотивов отказа от получения предоставленной Ж. квартиры, то вступившим в законную силу решением Одинцовского гарнизонного военного суда от 5 февраля 2016 года такой отказ был признан необоснованным ввиду соотнесения жилого помещения предъявляемым к нему требованиям и отсутствия заключения межведомственной комиссии

о признании его непригодным для проживания.

Следовательно, факт отказа истца от предоставленного жилого помещения, вопреки выводу окружного суда, подлежал учёту при решении вопроса о предоставлении ему жилищной субсидии.

На основании изложенного Судебная коллегия нашла, что решение гарнизонного военного суда о необоснованности требований Ж. является законным, а вывод суда апелляционной инстанции об обратном основан на неправильном применении норм материального права.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила апелляционное определение Московского окружного военного суда от 16 июня 2016 года по административному исковому заявлению Ж. и оставила в силе решение Одинцовского гарнизонного военного суда от 14 марта 2016 года по административному исковому заявлению Ж.

Учитывая, что гражданину на праве собственности могут принадлежать несколько жилых помещений и проживать он может в любом из них, вселение им в качестве членов семьи других лиц в одно из жилых помещений, в котором он не проживает, свидетельствует об отнесении этих лиц к членам семьи собственника жилого помещения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2017 года № 210-КГ16-26 по заявлению Л. (извлечение)

Решением Североморского гарнизонного военного суда от 17 марта 2016 года Л. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконными действия начальников федерального государственного казённого учреждения «Северное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее — Управление) и филиала № 1 федерального казённого учреждения «Управ-

ление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Мурманской области», связанные с отказом в принятии на жилищный учёт члена его семьи — супруги.

Апелляционным определением Северного флотского военного суда от 6 мая 2016 года решение суда первой инстанции отменено и по делу принято новое решение, которым на начальника Управления возложена обязанность поставить жену административного истца на жилищный учёт в составе его семьи. Основанием для такого решения послужил вывод о том, что Лобанова Е.С. применительно к статье 31 ЖК РФ членом семьи собственника жилого помещения не является, так как совместно с ним не проживает.

В кассационной жалобе начальник Управления просил отменить принятое по делу апелляционное определение и оставить в силе решение суда первой инстанции ввиду того, что жена административного истца обеспечена жильём свыше учётной нормы в качестве члена семьи собственника жилого помещения, поскольку зарегистрирована и вселена в соответствующем статусе в жилое помещение, принадлежащее её матери.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению.

Из материалов дела следует, что Л., проходящий военную службу по контракту с декабря 1994 года, 31 мая 2006 года признан нуждающимся в жилом помещении. 20 июня 2009 года административный истец заключил брак с гражданкой М., которой была присвоена фамилия Л-а.

В мае 1999 года мать супруги административного истца М.Я. приобрела в собственность трёхкомнатную квартиру общей площадью 60,9 кв.м, в которую 15 июля 1999 года вселила свою дочь М. (Л-ву) в качестве члена семьи с регистрацией по указанному адресу.

После заключения административным истцом брака с Л-вой они проживали в указанной квартире, а после приобретения М.Я. в июле 2011 года в собственность ещё одной квартиры, пересели-

лись в неё с заключением между М.Я. и Л. договора найма.

Решением начальника отдела № 3 федерального государственного казённого учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации от 24 ноября 2015 года отказано во включении жены административного истца в Единый реестр военнослужащих, принятых на учёт нуждающихся в жилых помещениях. Основанием для такого решения послужило сохранение супругой административного истца прав члена семьи собственника жилого помещения — трёхкомнатной квартиры общей площадью 60,9 кв. м, — принадлежащего её матери.

Удовлетворяя требования административного истца, суд апелляционной инстанции исходил из того, что применительно к положениям статьи 31 ЖК РФ Л-ва не является членом семьи собственника жилого помещения (матери), поскольку с 2011 года проживает совместно с мужем на основании договора найма жилого помещения в иной (второй) квартире, также принадлежащей её матери квартире.

При этом судом оставлено без внимания, что Л-ва вселена в первую квартиру в качестве члена семьи своей матери.

Кроме того, из договора найма, заключённым между М.Я. и Л., не следует, что Л-ва вселяется в квартиру не как член семьи собственника жилого помещения, а в ином качестве и ей каким-либо образом ограничивалось право пользования этим жильём.

Эти обстоятельства имеют существенное значение для дела.

Согласно части 1 статьи 31 ЖК РФ к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника.

Следовательно, Л-ва с июля 1999 года является членом семьи собственника жилого помещения.

Что касается вселения Л-вой в другую (вторую) квартиру, принадлежащую её матери на праве собственности, то ка-

кого-либо соглашения с собственником, определяющего её права иначе, чем это предусмотрено ЖК РФ, в материалах не имеется, что с учётом положений части 1 статьи 31 ЖК РФ свидетельствует о том, что как член семьи собственника жилого помещения она вселена и в принадлежащую М.Я. квартиру и как член её семьи согласно части 2 статьи 31 ЖК РФ имеет право пользования данным жилым помещением наравне с собственником.

Ссылка суда апелляционной инстанции на то, что собственник квартиры М.Я. проживает отдельно от своей дочери, не опровергает факт вселения собственником М.Я. в жилое помещение в качестве члена семьи своей дочери с учётом того, что гражданину на праве собственности могут принадлежать несколько жилых помещений и проживать он может в любом из них, а не только в том жилом помещении, в котором проживают вселённые им в качестве членов семьи другие лица.

Тем более что проживание Л-вой в первой квартире с учётом установленных данных не свидетельствует об утрате ею прав члена семьи собственника жилого помещения по месту регистрации.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение Северного флотского военного суда от 6 мая 2016 года и оставила в силе решение Североморского гарнизонного военного суда от 17 марта 2016 года по административному исковому заявлению Л.

Оставление судом без внимания, что обеспеченность военнослужащего жильём в соответствующем близлежащем к месту прохождения военной службы населённом пункте не порождает у него права на получение служебного жилого помещения, повлекло отмену судебного акта

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 24 января 2017 года № 202-КГ16-16 по заявлению А. (извлечение)

Решением Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 24 декабря 2015 года А. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконным решение федерального государственного казённого учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее — ФГКУ «Западрегионжилъ») об исключении из списка на предоставление служебного жилого помещения.

Апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 21 апреля 2016 года решение суда отменено и по делу принято новое решение, которым административный иск удовлетворён.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя ФГКУ «Западрегионжилъ», Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила в связи с существенным нарушением норм материального права апелляционное определение Ленинградского окружного военного суда от 21 апреля 2016 года и оставила в силе решение Санкт-Петербургского гарнизонного военного суда от 24 декабря 2015 года об отказе в удовлетворении административного искового заявления А., приведя в обоснование следующие доводы.

Из материалов дела усматривается, что А., включённый в состав семьи из трёх человек в списки на предоставление служебного жилого помещения, прибыв в июле 2015 года к новому месту военной службы, продолжил её прохождение в воинской части, дислоцированной в поселке Горелово г. Санкт-Петербурга.

При этом в апреле 2015 года А. с использованием денежных средств, полученных им в рамках участия в накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих, приобрёл в собственность двухкомнатную квартиру, расположенную в г. Всеволожске Ленинградской области.

Решением исполняющего обязанности заместителя начальника ФГКУ «Западрегионжилъ», оформленным уведом-

лением от 20 октября 2015 года, А. с членами семьи исключён из списка на предоставление служебного жилья.

Поводом для исключения А. из указанного списка явилось наличие у него в собственности жилого помещения в сопределном с местом прохождения военной службы населённом пункте — г. Всеволожске Ленинградской области.

Административный истец, полагая, что его проживание в г. Всеволожске создает значительные затруднения в повседневном исполнении им обязанностей военной службы и препятствует своевременному прибытию к месту службы, оспорил решение жилищного органа в судебном порядке.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда и удовлетворяя заявленные иски, исходил из того, что проживание А. в имеющемся у него в собственности жилом помещении в г. Всеволожске не исключало возможности претендовать на получение служебного жилья в г. Санкт-Петербурге с учётом затрачиваемого им времени и других обстоятельств, затрудняющих его своевременное прибытие к месту службы.

Такой вывод окружного военного суда основан на неправильном толковании закона.

В суде установлено, что А. обеспечен по установленным нормам жильём в г. Всеволожске Всеволожского района Ленинградской области в непосредственной близости от административной границы г. Санкт-Петербурга. При этом возможность регулярного перемещения из г. Всеволожска в г. Санкт-Петербург и обратно обеспечивается разветвлённой транспортной инфраструктурой, позволяющей выбрать различные способы и маршруты движения.

В соответствии с частью 2 статьи 99 ЖК РФ специализированные жилые помещения предоставляются по установленным названным кодексом основаниям гражданам, не обеспеченным жилыми помещениями в соответствующем населённом пункте.

Согласно абзацу второму пункта 1 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, и проживающим совместно с ними членам их семей предоставляются не позднее трёхмесячного срока со дня прибытия на новое место военной службы служебные жилые помещения по нормам и в порядке, которые предусмотрены федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации. Служебные жилые помещения предоставляются в населённых пунктах, в которых располагаются воинские части, а при отсутствии возможности предоставить служебные жилые помещения в указанных населённых пунктах — в других близлежащих населённых пунктах.

Исходя из системного толкования приведённых положений законодательства обеспеченность военнослужащего жильём в соответствующем близлежащем к месту прохождения военной службы населённом пункте не порождает у него права на получение служебного жилого помещения, а поэтому обстоятельства, на которые имеется ссылка в апелляционном определении, юридически значимыми для данного дела не являются.

При таких обстоятельствах дела оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось, поскольку решением жилищного органа об исключении А. из списка на предоставление служебного жилого помещения права и законные интересы последнего, которые подлежали бы восстановлению, не нарушены.

Лица, вселённые военнослужащим в качестве членов семьи в нанимаемое им жилое помещение при невозможности представления им служебного жилого помещения, приобретают права, равные с нанимателем данного жилого помещения

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2017

года № 201-КГ16-53 по заявлению Л. (извлечение)

Апелляционным определением Московского окружного военного суда от 9 июня 2016 года отменено решение Смоленского гарнизонного военного суда от 25 марта 2016 года об удовлетворении административного искового заявления Л., в котором он просил признать незаконным решение начальника отделения (территориальное, г. Смоленск) федерального государственного казённого учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее — территориальное отделение) от 15 января 2016 года о снятии сына его супруги от первого брака К. с учёта нуждающихся в служебном жилом помещении в связи с непредоставлением справки о составе семьи, подтверждающей факт включения К. в личное дело административного истца в качестве члена семьи.

По делу принято новое решение об отказе Л. в удовлетворении административного искового заявления.

Рассмотрев материалы дела по доводам кассационной жалобы Л., Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла апелляционное определение подлежащим отмене по следующим основаниям.

Из материалов дела следует, что Л., заключивший первый контракт после 1 января 1998 года, проходит военную службу в воинской части, дислоцированной в г. Смоленске.

Решением начальника территориального отделения от 16 августа 2013 года Л. признан нуждающимся в получении служебного жилого помещения на состав семьи из 4 человек (административный истец, супруга, его сын и сын супруги от первого брака К.).

Уведомлением начальника территориального отделения от 15 января 2016 года Л. сообщено об исключении сына его супруги от первого брака из списка нуждающихся в обеспечении служебным

жилиём в связи с непредоставлением справки о составе семьи, подтверждающей факт включения К. в личное дело административного истца как члена семьи военнослужащего.

Данное решение должностного лица Л. оспорил в судебном порядке.

Удовлетворяя административное исковое заявление, суд первой инстанции исходил из того, что при решении вопроса о том, кого следует относить к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение служебным жилым помещением от Министерства обороны Российской Федерации, необходимо руководствоваться положениями ЖК РФ.

Отменяя решение гарнизонного военного суда и принимая новое об отказе в удовлетворении административного искового заявления, окружной военный суд указал, что при решении вопроса о том, кого следует относить к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение служебным жилым помещением, необходимо руководствоваться пунктом 5 статьи 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих», который содержит перечень лиц, относящихся к членам семьи военнослужащего. Поскольку между Л. и К. отсутствует кровное родство, каких-либо данных о том, что последний находится на иждивении административного истца, не имеется, суд апелляционной инстанции пришёл к выводу об отсутствии оснований для удовлетворении заявленных требований.

Однако такой вывод окружного военного суда основан на неправильном применении норм материального права.

Из пункта 1 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» следует, что военнослужащие, поступившие на военную службу после 1 января 1998 года, и совместно проживающие с ним члены их семей на весь срок военной службы обеспечиваются служебными жилыми помещениями в соответствии с нормами, установленными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Порядок обеспечения военнослужащих служебными жилыми помещениями регулируется Инструкцией о предоставлении военнослужащим — гражданам Российской Федерации, проходящим военную службу по контракту в Вооружённых Силах Российской Федерации, служебных жилых помещений, утверждённой приказом Министра обороны Российской Федерации от 30 сентября 2010 года № 1280 (далее — Инструкция).

Пунктом 2 Инструкции установлено, что для получения служебного жилого помещения военнослужащему следует подать заявление в структурное подразделение уполномоченного органа, к которому приложить необходимые документы, в том числе справку о составе семьи.

Из материалов дела следует, что в 2013 году в установленном порядке Л. обратился с соответствующим заявлением в территориальное отделение, приложив справку от 22 мая 2013 года, подписанную командиром воинской части, о том, что в состав его семьи входит К., 1996 года рождения. Т.е. на момент принятия на учёт нуждающихся в обеспечении служебными жилыми помещениями необходимые документы Л. были представлены.

Вывод суда апелляционной инстанции о том, что К. утратил право претендовать на обеспечение служебным жилым помещением в качестве члена семьи военнослужащего Л., является необоснованным по следующим причинам.

При решении вопроса о том, кого следует относить к членам семьи военнослужащего, имеющим право на обеспечение жильём, следует руководствоваться нормами ЖК РФ, по смыслу которых, к членам семьи военнослужащего могут относиться не только родственники, но и иные совместно проживающие с ним лица.

Так, согласно части 5 статьи 100 ЖК РФ к пользованию специализированными жилыми помещениями применяются правила, предусмотренные статьёй 65, частями 3 и 4 статьи 67 и статьёй 69 ЖК РФ.

Из содержания названных норм следует, что члены семьи нанимателя специализированного жилого помещения имеют равные с нанимателем права и обязанности.

Часть 1 статьи 70 ЖК РФ устанавливает, что на вселение к родителям их несовершеннолетних детей не требуется согласие остальных членов семьи нанимателя и согласие наймодателя.

Из материалов дела усматривается, что в марте 2000 года Л. заключил брак с Л-вой, совместно с которой проживал её несовершеннолетний сын — К.

Таким образом, с 2000 года, в том числе на момент постановки на учёт нуждающихся в обеспечении служебным жилым помещением в 2013 году, К., реализуя предусмотренное частью 2 статьи 54 СК РФ право ребёнка жить и воспитываться в семье, совместно проживал со своей матерью и Л., что подтверждается их совместной регистрацией по адресу воинской части, договорами найма жилого помещения от 1 января 2015 года и 1 января 2016 года, из которых следует, что К. вселён в арендуемое Л. жилое помещение в качестве члена семьи, а также свидетельства о регистрации по месту пребывания и копией домовой книги.

Вопреки выводам суда апелляционной инстанции, по смыслу взаимосвязанных положений пунктов 1 и 3 статьи 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих», части 5 статьи 100, статьи 65, частей 3 и 4 статьи 67 и статьи 69 ЖК РФ лица, вселённые военнослужащим в качестве членов его семьи в такое жилое помещение при невозможности предоставления им служебного жилого помещения приобретают права, равные с нанимателем данного жилого помещения.

При этом, по смыслу пункта 3 статьи 15 указанного закона, проживание военнослужащих с членами семьи в жилых помещениях на условиях найма (поднайма) при отсутствии возможности предоставления им служебных жилых помещений с выплатой ежемесячной компенсации является одной из форм реализации жилищных прав военнослужащих, влекущей те же правовые последствия, что и

совместное пользование этими лицами служебным жильём, в том числе право на улучшение жилищных условий.

На момент снятия К. с учёта нуждающихся в обеспечении служебными жилыми помещениями сложившиеся ранее условия совместного проживания в составе семьи названных выше лиц не изменились.

Следовательно, вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии оснований для признания права Л. на обеспечение служебным жилым помещением с учётом К. является ошибочным.

По тем же основаниям является несостоятельным утверждение о том, что правом на обеспечение жилым помещением обладают лишь члены семьи военнослужащего, указанные в пункте 5 статьи 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих».

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила апелляционное определение Московского окружного военного суда от 9 июня 2016 года и оставила в силе решение Смоленского гарнизонного военного суда от 25 марта 2016 года по административному исковому заявлению Л.

Не считаются командировками поездки военнослужащих на учебные сборы по подготовке к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 года № 208-КГ16-42 по заявлению З. (извлечение)

Решением Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением Дальневосточного окружного военного суда от 12 апреля 2016 года, удовлетворено административное исковое заявление З., в котором он просил признать незаконным отказ руко-

дителя федерального казённого учреждения «Управление финансового обеспечения Министерства обороны Российской Федерации по Амурской области и Республике Саха (Якутия)» (далее — ФКУ УФО) в производстве выплаты командировочных расходов для прохождения предварительного и профессионального отборов приёмной комиссией для зачисления в военную образовательную организацию высшего образования в качестве слушателя.

В кассационной жалобе руководитель ФКУ УФО, указав на то, что поездки истца для предварительного и профессионального отборов не являлись служебными командировками и были обусловлены поступлением в военное учебное заведение, просил судебные акты отменить и принять по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований.

Рассмотрев материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по делам военнослужащих нашла жалобу подлежащей удовлетворению по следующим основаниям.

Судами при рассмотрении дела допущена ошибка в применении норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела усматривается, что подполковник З. был направлен в период с 4 по 14 февраля 2015 года для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 года для прохождения профессионального отбора приёмной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж, после чего обратился за компенсацией командировочных расходов. Получив отказ в их компенсации, З. обратился в суд.

Удовлетворяя административное исковое заявление, суды исходили из того, что направление З. для прохождения предварительного и профессионального отборов осуществлялось в соответствии с приказами командира воинской части, изданными на основании поступивших от вышестоящих воинских должностных лиц указаний и плана служебных ко-

мандировок Военно-воздушных сил на 2015 год, с выдачей последнему командировочного удостоверения. В связи с этим суды, руководствуясь пунктами 20 и 36 приказа Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 185, пришли к выводу о том, что положения подпунктов «г» и «д» пункта 125 Порядка, утверждённого приказом № 2700 (в редакции, действовавшей на момент спорных отношений), не распространяют своё действие на военнослужащих, поступающих в качестве слушателей в вузы по очной форме обучения, а поэтому З. в феврале и мае 2015 года пребывал в служебной командировке и вправе претендовать на возмещение командировочных расходов.

Между тем такой вывод основан на неправильном применении норм материального права.

В соответствии с частью 1 статьи 19 Федерального закона от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие-граждане имеют право на обучение в военных профессиональных образовательных организациях, военных образовательных организациях высшего образования, иных организациях, находящихся в ведении федеральных органов исполнительной власти, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, и реализующих программы дополнительного профессионального образования и (или) программы профессионального обучения.

Порядок и условия приёма в образовательные организации высшего образования, находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации, утверждены приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 185 (далее — Порядок).

Согласно пунктам 8, 20, 30 Порядка приём на обучение в вузы включает комплекс мероприятий по отбору кандидатов на обучение слушателями и курсантами, соответствующих требованиям, установленным законодательством Российской Федерации, и условиям, предусмотренных Порядком (далее — предварительный отбор), а также определению их спо-

собности осваивать образовательные программы соответствующего уровня и направленности (далее — профессиональный отбор). Предварительный отбор кандидатов из числа офицеров, поступающих в вузы на обучение слушателями, в соответствии с частными планами предварительного отбора организуется командирами воинских частей и осуществляется в целях направления в вуз для прохождения профессионального отбора наиболее подготовленных офицеров. Профессиональный отбор кандидатов из числа офицеров проводится ежегодно с 15 по 30 мая года приёма в вуз приёмными комиссиями высших военно-учебных заведений, в целях определения способности поступающих осваивать образовательные программы соответствующего уровня.

Исходя из изложенного предварительный и профессиональный отборы являются неотъемлемой частью единого процесса приёма в образовательные организации высшего образования.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку в соответствии с пунктом 125 приказа Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 года № 2700 «Об утверждении порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооружённых Сил Российской Федерации» (в редакции, действовавшей на момент спорных правоотношений) не считаются командировками поездки военнослужащих при выездах, связанных с поступлением на обучение и обучением в заочных федеральных государственных профессиональных образовательных организациях, федеральных государственных образовательных организациях высшего образования, заочной адъюнктуры, а также при выездах на учебные сборы по подготовке военнослужащих к вступительным экзаменам в военные профессиональные образовательные организации или военные образовательные организации высшего образования.

Эти положения, вопреки выводу судов, распространяют своё действие также на военнослужащих, поступающих в ка-

честве слушателей в вузы по очной форме обучения.

Для подготовки и сдачи вступительных экзаменов в военно-учебные заведения военнослужащим предоставляются учебные отпуска по основаниям и в порядке, предусмотренном пунктом 31 Положения о порядке прохождения военной службы.

Кроме того, в соответствии с абзацем четвертым пункта 2 Инструкции о планировании служебных командировок, наградного фонда и фонда единовременных денежных пособий, утвержденной приказом Министра обороны Российской Федерации от 2 мая 2012 года № 1055, при разрешении вопроса о том, находился ли военнослужащий в служебной командировке, юридически значимыми являются обстоятельства, связанные с направлением военнослужащего по распоряжению командира (начальника), на определенный срок, в другую местность и для выполнения конкретного служебного задания вне пункта постоянной дислокации или временного расквартирования воинской части (подразделения), в которой военнослужащий проходит военную службу.

Только при наличии всех перечисленных условий можно сделать вывод о нахождении военнослужащего в служебной командировке.

Из материалов же дела не усматривается, что направление 3. в период с 4 по 14 февраля 2015 года для прохождения предварительного отбора в г. Рязань, а затем с 13 по 26 мая 2015 года для прохождения профессионального отбора приёмной комиссией для зачисления в ВУНЦ ВВС в качестве слушателя в г. Воронеж было обусловлено выполнением служебного задания.

При таких данных прохождение 3. предварительного и профессионального отборов в период с 4 по 14 февраля и с 13 по 26 мая 2015 года является неотъемлемой частью единого процесса поступления в вуз и не было обусловлено выполнением им служебного задания, в связи с чем не может быть признано служебной командировкой.

С учётом этого оснований для компенсации 3. командировочных расходов не имелось, а действия руководителя ФКУ УФО являются законными и обоснованными.

Применение судами пунктов 20 и 36 приказа Министра обороны Российской Федерации от 7 апреля 2015 года № 185 к вопросу оплаты командировочных расходов является ошибочным, поскольку данные правоотношения регламентируются иными нормами материального права — приказами Министра обороны Российской Федерации от 30 декабря 2011 года № 2700, а также от 2 мая 2012 года № 1055 «О планировании служебных командировок, наградного фонда и фонда единовременных денежных пособий».

Приведя указанные доводы, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила решение Белогорского гарнизонного военного суда от 26 января 2016 года и апелляционное определение судебной коллегии Дальневосточного окружного военного суда от 12 апреля 2016 года по заявлению 3. и приняла по делу новое решение, которым отказала в удовлетворении его требований.

Акт проверки отдельных вопросов финансово-экономической и хозяйственной деятельности воинской части может быть оспорен в порядке административного судопроизводства должностными лицами, на которых возложены обязанности по устранению установленных нарушений

Определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 года № 211-КГ17-5 по заявлению А. (извлечение)

Определением 35 гарнизонного военного суда от 25 марта 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением Тихоокеанского флотского военного суда от 17 мая 2016 года, прекращено производство по административному исковому заявлению начальника федерального государственного казенного учреждения Министерства обороны

Российской Федерации (далее — ОМИС) о признании незаконными сведений, изложенных в ряде пунктов акта проверки Межрегионального управления Контрольно-финансовой инспекции Министерства обороны Российской Федерации (по Восточному военному округу) (далее — КФИ) от 24 ноября 2015 года, о встречной проверке отдельных вопросов финансово-экономической и хозяйственной деятельности ОМИС.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе начальника ОМИС, Судебная коллегия по делам военнослужащих отменила обжалуемые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в 35 гарнизонный военный суд в ином составе суда, указав в обоснование следующее.

Как следует из материалов дела, на основании приказа начальника Межрегионального управления Контрольно-финансовой инспекции Министерства обороны Российской Федерации (по Восточному военному округу) ревизионной группой проверены отдельные вопросы финансово-экономической и хозяйственной деятельности ОМИС и по результатам составлен акт от 24 ноября 2015 года, в котором отмечены допущенные нарушения, определён размер причинённого материального ущерба, высказаны предложения об устранении нарушений и возмещении ущерба.

Административный истец, посчитав, что изложенные в акте требования по устранению выявленных в результате проверки нарушений возложены на него как на руководителя организации незаконно и необоснованно, обратился в гарнизонный военный суд с иском, в котором выражал несогласие с изложенными в акте сведениями о непринятии в ОМИС решений по дебиторской задолженности, незаконной выплате заработной платы двум лицам гражданского персонала, неудовлетворительной работе по актуализации арендных ставок по договорам аренды зданий и помещений военного ведомства, о наличии утрат и недостатках материальных ценностей, непринятии мер по пресечению бездоговорного безвозмездного использования коммерче-

скими предприятиями федерального имущества, а также с выводами ревизоров о размере ущерба и предложениями начальнику ОМИС по принятию мер для устранения нарушений.

Принимая решение о прекращении производства по делу на основании пункта 1 части 1 статьи 194 и части 2 статьи 225 КАС РФ, гарнизонный военный суд исходил из того, что содержащаяся в акте информация права, свободы и законные интересы административного истца не затрагивает, поскольку к какой-либо ответственности за нарушения, отражённые в акте, он не привлекался, и акт не содержит властного волеизъявления, порождающего для административного истца правовые последствия.

Такой вывод основан на неправильном применении норм процессуального права.

Согласно пункту 1 части 1 статьи 218 КАС РФ гражданин, организация, иные лица могут обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделённых отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностного лица, государственного или муниципального служащего, если полагают, что нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности.

Судом установлено, что требования об устранении выявленных в ходе проверки нарушений, содержащиеся в оспариваемом акте, обращены к начальнику ОМИС как к руководителю данной организации, ответственному за контроль финансово-экономической и хозяйственной деятельности вверенного ему подразделения.

При этом оспоренные истцом сведения акта констатируют определённые нарушения, допущенные в финансово-экономической и хозяйственной деятельности ОМИС, содержат требования и предложения, обращённые к руководите-

лю названной организации, об устранении нарушений и возмещении ущерба.

Согласно разделу 4 приказа Министра обороны Российской Федерации от 3 июня 2014 года № 333 «Об утверждении Руководства по войсковому (корабельному) хозяйству в Вооружённых Силах Российской Федерации» исполнение акта проверки финансово-экономической и хозяйственной деятельности части (подразделения) для соответствующего командира войсковой части (руководителя подразделения) является обязательным.

Таким образом, содержание оспариваемого акта свидетельствует о том, что он непосредственно затрагивает права и возлагает определённые обязанности на начальника ОМИС по устранению нарушений, установленных ревизией, а поэтому подлежит обжалованию в порядке административного судопроизводства, предусмотренном главой 22 КАС РФ.

Непривлечение начальника ОМИС к какой-либо ответственности по результатам проверки возглавляемой им организации, вопреки ссылке гарнизонного военного суда, не является препятствием для его обращения в суд с иском об обжаловании акта проверки.

Несмотря на указанные обстоятельства, доводы начальника ОМИС, приведённые в обоснование незаконности оспоренного акта, остались без правовой оценки суда.

С учётом изложенного применение судом в качестве основания прекращения производства по делу пункта 1 части 1 статьи 194 КАС РФ, определяющего прекращение производства в случае, если административное дело не подлежит рассмотрению и разрешению в суде в порядке административного производства, является ошибочным.

Кроме того, неправильным является и применение судом в качестве основания прекращения производства по делу части 2 статьи 225 КАС РФ, поскольку в материалах дела отсутствуют сведения о том, что оспариваемый акт отменён, пересмотрен либо перестал затрагивать права, свободы и законные интересы административного истца.

При таких данных суду надлежало по существу дать оценку доводам административного истца с точки зрения соблюдения его прав и законных интересов при вынесении оспоренного акта проверки, чего сделано не было.

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Признавая лицо виновным в участии в период с 6 ноября 2011 года по 4 февраля 2015 года в деятельности террористической организации, т.е. в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 205⁵ УК РФ, суд не учёл, что самостоятельная уголовная ответственность за совершение этого преступления установлена Федеральным законом от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ лишь с 14 ноября 2013 года, с момента вступления в силу названного закона

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 9 марта 2017 года № 203-АПУ17-4 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Приволжского гарнизонного военного суда от 22 декабря 2016 года М. осуждён за совершение преступления, предусмотренного частью 2 статьи 205⁵ УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ) к лишению свободы сроком на 4 года 6 месяцев. На основании статьи 73 УК РФ назначенное наказание постановлено считать условным с испытательным сроком 3 года и с возложением обязанностей, указанных в приговоре.

Рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила по следующим основаниям.

Признавая М. виновным в участии в период с 6 ноября 2011 года по 4 февраля 2015 года в деятельности террористической организации, т.е. в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьи 205⁵ УК РФ, суд не учёл, что самостоятельная уголовная ответственность за совершение этого преступления установлена Федеральным законом от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ лишь с 14 ноября 2013 года, с момента вступления в силу названного закона.

Следовательно, исходя из положений статей 9 и 10 УК РФ, согласно которым преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния, а уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет, действия М., связанные с участием в деятельности террористической организации до 14 ноября 2013 года, не могли быть квалифицированы по части 2 статьи 205⁵ УК РФ.

Указанные действия М. подлежали квалификации по части 2 статьи 282² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ) как участие в деятельности экстремистской организации, поскольку в соответствии со статьёй 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистская деятельность (экстремизм) включает в том числе публичное оправдание терроризма и иную террористическую деятельность.

Поскольку названные действия фактически вменялись осуждённому в вину, не содержат признаков более тяжкого преступления и существенно не отличаются по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому дело принято к производству суда, а изменение обвинения не ухудшает его положения и не нарушает права на защиту, Судебная коллегия нашла необходимым изменить М. обвинение и квалифицировать его действия за период до 14 ноября 2013 года по части 2 статьи 282² УК РФ (в редакции Фе-

дерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ).

В связи с тем, что со дня совершения преступления, предусмотренного частью 2 статьи 282² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), являвшегося преступлением небольшой тяжести, прошло более двух лет и при отсутствии в материалах дела данных об уклонении осуждённого от следствия, Судебная коллегия на основании пункта «а» ч. 1 статьи 78 УК РФ посчитала М. подлежащим освобождению от отбывания наказания, назначенного за данное преступление, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Что касается квалификации действий М., выразившихся в участии в период с 14 ноября 2013 года по 4 февраля 2015 года в деятельности террористической организации, по части 2 статьи 205⁵ УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ), то она является правильной.

Кроме того, обосновывая необходимость назначения осуждённому лишения свободы условно, суд первой инстанции в приговоре признал обстоятельствами, смягчающими его наказание, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, наличие малолетнего ребёнка и указал, что М. ранее к уголовной ответственности не привлекался, по месту работы и жительства характеризуется положительно, чистосердечно раскаялся в содеянном, вину признал полностью, длительное время содержался под стражей, а также принял во внимание, что дело рассматривается в особом порядке при заключённом досудебном соглашении о сотрудничестве.

При этом суд оставил без внимания, что в соответствии с частью 3 статьи 60 УК РФ при назначении наказания помимо личности виновного учёту подлежит характер и степень общественной опасности совершённого преступления.

Из материалов дела следует, что М. в течение длительного времени являлся членом террористической организации, давшим клятву верности, т.е. «хизбием», и помимо выполнения общих обязанно-

стей он обучал идеологии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» других членов террористической организации, а также работал в аналитическом центре террористической организации в г. Уфе, где готовил письменные материалы, которые использовались в качестве прокламаций.

Кроме того, судом без должного внимания оставлено то обстоятельство, что преступная деятельность М. была пресечена его задержанием 4 февраля 2015 года, длительное время он вину не признавал, а признательные показания дал только 28 октября 2015 года, после изобличения его органами следствия собранными по делу доказательствами.

При таких данных роль и длительность участия М. в террористической организации, характер выполняемых в ней функций и его личность указывают на повышенную общественную опасность совершенного им преступления и, вопреки выводу суда, не свидетельствуют о том, что цели наказания осуждённого могут быть достигнуты без его изоляции от общества.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила:

признала М. виновным в совершении в период с 6 ноября 2011 года по 13 ноября 2013 года преступления, предусмотренного частью 2 статьи 282² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), на основании которой назначила ему наказание в виде штрафа в размере 100 000 руб.;

освободила М. от наказания, назначенного по части 2 статьи 282² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), на основании пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ в связи с истечением срока давности уголовного преследования;

его же признала виновным в совершении в период с 14 ноября 2013 года по 4 февраля 2015 года преступления, предусмотренного частью 2 статьи 205⁵ УК РФ (в редакции Федерального закона от 2 ноября 2013 года № 302-ФЗ), на основании которой назначила ему наказание в виде лишения свободы на срок 4 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

По аналогичным основаниям апелляционным определением Судебной коллегии по делам военнослужащих от 9 марта 2017 года № 203-АП/17-5 изменён приговор Приволжского окружного военного суда от 28 декабря 2016 года в отношении Г.

Отменяя приговор в части назначения Г. условного осуждения и назначая ему наказание в виде лишения свободы на срок 4 года с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, Судебная коллегия помимо прочего указала, что осуждённый в течение длительного времени являлся членом террористической организации, давшим клятву верности, т.е. «хизбием», и помимо общих обязанностей выполнял обязанности помощника руководителя группы («масуля») террористической организации, занимался подготовкой преподавателей и просвещением участников этой организации.

Лицо, указавшее в ходе следствия место хранения им оружия, боеприпасов и взрывного устройства, подлежало освобождению от уголовной ответственности по статьям 222 и 222¹ УК РФ, поскольку до сообщения о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осуждённый мог продолжать их хранение

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2017 года № 205-АП/17-7 по уголовному делу в отношении Т. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 25 ноября 2016 года Т. признан виновным в том числе в незаконных хранении и ношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывного устройства, совершённых организованной группой, и осуждён за совершение преступлений, предусмотренных частью 3 статьи 222 УК РФ и частью 3 статьи 222¹ УК РФ.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе защитника осуждённого, Судебная коллегия по делам военнослужащих при-

говор изменила: на основании примечания к статье 222¹ УК РФ в части осуждения Т. по части 3 статьи 222¹ УК РФ приговор отменила и уголовное дело прекратила; на основании примечания к статье 222 УК РФ исключила из обвинения Т. по части 3 статьи 222 УК РФ указание о признании его виновным в ношении и хранении автомата АК-74, 26 патронов к нему, ручной гранаты Ф-1, изъятых при проверке его показаний; смягчила Т. наказание по части 3 статьи 222 УК РФ и по совокупности других преступлений.

В обоснование Судебная коллегия по делам военнослужащих привела следующие доводы.

Из материалов дела следует, что Т. 12 апреля 2015 года получил от руководителя незаконного вооружённого формирования автомат АК-74, боеприпасы — пять магазинов, снаряжённых 150 патронами, ручную гранату Ф-1 и взрывное устройство УЗРГМ-2. Автомат и патроны Т. незаконно хранил и носил при себе до октября 2015 года, после чего дополнительно получил у другого участника банды автомат АК-74 и 31 патрон к нему, которые незаконно хранил и носил при себе до 16 октября 2015 года.

Один автомат АК-74, 26 патронов к нему, 5 гильз, ручную гранату Ф-1 и запал к ней УЗРГМ-2 были изъят 16 июня 2016 года в ходе проверки показаний Т.

Таким образом, один автомат АК-74 и боеприпасы — пять магазинов, снаряжённых 150 патронами, полученные Т. от руководителя незаконного вооружённого формирования 12 апреля 2015 года, с обвинением в ношении и хранении которых в составе организованной группы он согласился, им добровольно не сданы, что не оспаривается в апелляционной жалобе. В связи с этим оснований для освобождения Т. от уголовной ответственности по всему объёму обвинения по части 3 статьи 222 УК РФ не имеется.

Вместе с тем доводы апелляционной жалобы о необходимости исключения из осуждения Т. на основании примечаний к статьям 222 и 222¹ УК РФ обвинения в ношении и хранения предметов, изъятых органами предварительного следствия 16 июня 2016 года в месте, указанном Т. в ходе допроса в качестве обвиняемого (оружия и боеприпасов — одного авто-

мата АК-74, 26 патронов к нему, гранаты Ф-1 и взрывного устройства — запала УЗРГМ-2), являются обоснованными.

Судом установлено, что до сообщения Т. о месте хранения указанных предметов органы предварительного следствия не обладали информацией об этом, а сам осуждённый мог продолжать их хранение.

При таких данных оснований для непризнания указанного сообщения добровольной сдачей этих предметов и для отказа в исключении из приговора указания об осуждении Т. за их ношение и хранение не имеется.

Тот факт, что названные предметы были изъят в ходе проверки показаний Т., не исключает возможности применения примечаний к статьям 222 и 222¹ УК РФ, поскольку производство данного следственного действия стало возможным лишь в результате сообщения осуждённого о месте их хранения, т.е. после совершения действий по добровольной выдаче.

Также не препятствует применению примечания к статьям 222 и 222¹ УК РФ то обстоятельство, что данную информацию Т. довёл до органов предварительного следствия после заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, так как действующее законодательство не содержит указаний о недопустимости освобождения лица от уголовной ответственности по данному основанию после удовлетворения ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении соглашения.

Если в результате принятых мер установить место нахождения свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным, решение об оглашении его показаний может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 года № 205-АПУ17-4 по уголовному делу в отношении К. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 31 августа 2016 года К. признан виновным и осуждён за склонение двух граждан к совершению преступления, предусмотренного статьёй 208 УК РФ, и за покушение на участие на территории иностранного государства в вооружённом формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осуждённого и его защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, исключила из описательно-мотивировочной части приговора ссылку на показания свидетеля У., данные им в ходе предварительного расследования.

Как усматривается из протокола судебного заседания, показания свидетеля У., несмотря на возражения стороны защиты, были оглашены по ходатайству государственного обвинителя по причине заболевания свидетеля и нахождения его на больничном. В дальнейшем сторона защиты неоднократно ходатайствовала о вызове и непосредственном допросе У. в судебном заседании, однако в удовлетворении этого ходатайства было отказано.

Между тем в соответствии с пунктом 2 части 2 статьи 281 УПК РФ оглашение показаний свидетеля допускается в случае тяжелой болезни, препятствующей явке в суд, а нахождение свидетеля У. на больничном к такому случаю не относится.

Кроме того, согласно части 2¹ статьи 281 УПК РФ решение об оглашении показаний свидетеля и о воспроизведении видеозаписи или киносъемки следственных действий, производимых с его участием, может быть принято судом при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами.

Поскольку К. в предыдущих стадиях производства по делу не была предоставлена такая возможность, то предусмотренных законом оснований для оглаше-

ния показаний свидетеля У. в судебном заседании не имелось, а поэтому они подлежат исключению из приговора.

Вместе с тем Судебная коллегия указала в апелляционном определении, что исключение названных показаний не свидетельствует о незаконности и необоснованности приговора в целом, постановленного на достаточной совокупности иных исследованных в судебном заседании доказательствах, отвечающих требованиям закона.

При назначении наказания по статьям уголовного закона, предусматривающим возможность применения дополнительных наказаний по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания их применения с приведением соответствующих мотивов. В срок содержания подозреваемого, обвиняемого под стражей засчитывается время принудительного нахождения в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2017 года № 201-АПУ17-3сс по уголовному делу в отношении Г. и др. (извлечение)

По приговору Московского окружного военного суда от 3 ноября 2016 года, Г. и С. осуждены по части 3 статьи 30, части 4 статьи 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ), а Г-в и Ф. — по части 5 статьи 33, части 3 статьи 30, части 4 статьи 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ), все к лишению свободы со штрафом.

Рассмотрев дело по апелляционному представлению государственного обвинителя и апелляционным жалобам осуждённых и их защитников, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор изменила, исключила из приговора указание о назначении осуждённым дополнительного наказания в виде штрафа, указав следующее.

Дополнительное наказание в виде штрафа согласно санкции части 4 статьи 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ) не является обязательным, при этом необходимость его назначения осуждённым в приговоре не мотивирована.

Это не соответствует положениям пункта 4 статьи 307 УПК РФ, а также разъяснениям, данным в пункте 59 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 59 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», о том, что при назначении наказания по статьям уголовного закона, предусматривающим возможность применения дополнительных наказаний по усмотрению суда, в приговоре следует указать основания их применения с приведением соответствующих мотивов.

Также Судебная коллегия изменила приговор в отношении Ф. и по другим основаниям.

В силу пункта 3 части 10 статьи 109, пункта 9 части 1 статьи 308 УПК РФ в срок содержания подозреваемого, обвиняемого под стражей засчитывается время принудительного нахождения в медицинской организации, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях; решение о зачёте времени предварительного содержания под стражей суд должен принимать с учётом времени фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, применения к нему соответствующей меры пресечения или времени, когда лицо помещалось в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Из материалов дела усматривается, что на основании постановления судьи районного суда г. Москвы обвиняемая Ф. была в порядке части 2 статьи 203 УПК РФ помещена в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую по-

мощь в стационарных условиях, для производства судебно-медицинской экспертизы. Срок помещения Ф. в медицинскую организацию исчислен с момента вынесения постановления. Как следует из заключения судебно-медицинских экспертов от 29 июля 2010 года экспертиза в отношении Ф. производилась по 29 июля 2010 года.

Принимая решение о зачёте времени предварительного содержания Ф. под стражей суду следовало учесть период её помещения в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, с 23 июня по 29 июля 2010 года, что не сделано.

При таких обстоятельствах в срок содержания Ф. под стражей необходимо включить период с 23 июня по 29 июля 2010 года.

Судебная коллегия также нашла необходимым изменить приговор в отношении Ф. в части основного наказания, о чём поставлен вопрос в апелляционном представлении государственного обвинителя.

Из положений статей 6, 43 и части 1 статьи 60 УК РФ следует, что назначенное наказание должно быть справедливым, оно применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осуждённого и предупреждения совершения новых преступлений. При этом необходимо учитывать, как будет влиять наказание на условия жизни семьи осуждённого.

Указанные требования уголовного закона по настоящему уголовному делу судом первой инстанции соблюдены не в полной мере.

Суд в должной степени не принял во внимание наличие у Ф. двух малолетних детей, один из которых является инвалидом с детства, страдает тяжёлым заболеванием. Сама Ф. страдает рядом заболеваний, подтверждённых имеющимися в деле медицинскими документами, к уголовной ответственности привлекается впервые, ранее ни в чём предосудительном замечена не была, характеризуется только с положительной стороны. Недостаточно учтена судом роль Ф. в преступ-

лении, с момента совершения которого прошло значительное время.

При таких обстоятельствах назначение судом Ф. реального лишения свободы ввиду тяжести не соответствует характеру и степени общественной опасности преступления, личности виновной и целям наказания, определённым в статье 43 УК РФ.

В связи с изложенным, учитывая совокупность приведённых смягчающих наказание обстоятельств и отсутствие обстоятельств, отягчающих наказание, Судебная коллегия определила: на основании статьи 73 УК РФ считать назначенное Ф. наказание условным.

При признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 года № 205-АПУ16-30 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Северо-Кавказского окружного военного суда от 24 октября 2016 года, М. признан виновным и осуждён за публичное оправдание терроризма и за действия, направленные на возбуждение вражды по признаку отношения к религии, а также принадлежности к социальной группе (представителей власти и сотрудников правоохранительных органов), совершённые публично.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по апелляционным жалобам защитников осуждённого, приговор изменила: исключила из приговора указания о судимости М. по приговору Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 16 марта 2015 года; о признании в его действиях отягчающего наказание обстоятельства — рецидива преступлений и назначении наказания с применением статьи 68 УК РФ; смягчила наказание, назначенное М. по части 1 статьи 282 УК РФ (в редакции Федеральных законов от 28 июня 2014

года № 179-ФЗ, от 3 февраля 2014 года № 5-ФЗ), по части 1 статьи 205² УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ) и по совокупности преступлений.

В обоснование принятого решения Судебная коллегия по делам военнослужащих указала следующее.

Согласно пункту «а» части 4 статьи 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести.

Суд признал обстоятельством, отягчающим наказание М., его судимость по приговору Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 16 марта 2015 года, на основании которого он был осуждён по части 1 статьи 282 УК РФ к штрафу в размере 150 000 руб.

Как указано в приговоре, преступление М. совершил примерно в июле 2012 года, выступив на пятничной проповеди в мечети с призывами, направленными на возбуждение вражды, а также унижение достоинства человека и группы лиц по признакам отношения к религии.

По действовавшему в то время уголовному закону это деяние относилось к категории преступлений небольшой тяжести, в связи с чем, а также в силу требований части 1 статьи 9, части 1 статьи 10 УК РФ судимость за его совершение не образует рецидив преступлений по настоящему уголовному делу.

Принятие решения о взыскании процессуальных издержек возможно только в судебном заседании, при этом осуждённому должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию относительно суммы взыскиваемых издержек и своего имущественного положения

Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2017 года № 201-АПУ17-1 по уголовному делу в отношении М. (извлечение)

По приговору Московского гарнизонного военного суда от 26 октября 2016 года осуждён за совершение преступления, предусмотренного частью 1 статьи 205² УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ), к лишению свободы сроком на три года с отбыванием наказания в колонии-поселении.

Рассмотрев дело по апелляционной жалобе осуждённого и его защитника, Судебная коллегия по делам военнослужащих приговор в части решения о взыскании с осуждённого процессуальных издержек в сумме 158 000 руб. за производство судебных экспертиз отменила ввиду существенного нарушения уголовно-процессуального закона и направила дело в этой части на новое рассмотрение в тот же суд, указав в обоснование следующее.

В соответствии с пунктом 13 части 1 статьи 299 УПК РФ при постановлении приговора суд помимо вопросов, указанных в данной статье, разрешает вопрос, на кого и в каком размере должны быть возложены процессуальные издержки. При этом согласно требованиям части 6 статьи 132 УПК РФ при взыскании процессуальных издержек с осуждённого суд должен учитывать его имущественное положение.

Принятие решения о взыскании процессуальных издержек возможно только в судебном заседании, при этом осуждённому должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию относительно суммы взы-

скиваемых издержек и своего имущественного положения.

Однако данные требования закона судом не выполнены.

Как следует из материалов дела, вопрос о взыскании процессуальных издержек с М. в судебном заседании на обсуждение сторон не выносился, какие-либо доказательства, подтверждающие рассмотрение вопроса о взыскании расходов на производство судебных экспертиз, в судебном заседании не исследовались. Данных о том, что судом осуждённому разъяснялись положения статей 131, 132 УПК РФ, не имеется, в связи с чем он был лишён возможности по вопросу о взыскании процессуальных издержек довести до сведения суда свою позицию относительно размера взыскиваемых процессуальных издержек с учётом своего материального положения.

В приговоре отсутствуют мотивы в обоснование решения о взыскании с осуждённого расходов на производство судебных экспертиз, а также оценка оснований их производства вне служебного задания.

Судебная коллегия по делам военнослужащих указала, что при новом рассмотрении вопроса о взыскании процессуальных издержек с осуждённого суду необходимо учесть изложенные выше обстоятельства, проверить основания производства экспертиз вне служебного задания и постановить законное и обоснованное решение.